ГОЛОС МИНУВШАГО НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ

Журнал исторіи и исторіи литуратуры

Свѣтлой памяти
В. И. СЕМЕВСКАГО

под редакціей
С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. А. МЯКОТИНА и Т. И. ПОЛНЕРА

Изданіе
Т-ва «Н. П. КАРБАСНИКОВ»
Париж

№ 2/XV

1926
(год изданія 13-й)

Printed in Switzerland

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДНЕВНИКИ Л. Н. ТОЛСТОГО ЗА 1853—1854.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ НА КАВКАЗѢ.

(Біографическая справка.)

20 апрѣля 1851 года граф Лев Николаевич Толстой неожиданно уѣхал на Кавказ. Перед этим он вел в Москвѣ чрезвычайно разсѣянную свѣтскую жизнь, временами предаваясь городским излишествам. Его біографы до сих пор спорят о причинах отъѣзда Толстого на Кавказ. Между тѣм Лев Николаевич в своем дневникѣ, еще 7 іюля 1854 г., ясно отвѣтил на этот вопрос: он «изгнал себя на Кавказ, чтобы бѣжать от долгов, а главное — от привычек». Лев Николаевич воспользовался для этого подходящим случаем: его любимый брат Николай служил офицером в кавказской арміи, был весною 1851 года в отпуску в Москвѣ и 20 апрѣля возвращался к мѣсту службы. С ним и уѣхал Лев Николаевич.

Сначала Кавказ не очень поразил его. Он попал в одну из казачьих станиц, расположенных по берегу Терека («Старогладовскую»). Станица эта находилась в низинѣ, далеко от мѣст Кавказа, прославленных своей дикой красотою. Но очень скоро брат его получил назначеніе в «Старый Юрт», в отряд, охранявшій горячіе лечебные источники. Лев Николаевич поѣхал с братом и здѣсь в первый раз увидѣл красоты кавказских гор.

В концѣ іюня он волонтером участвовал в экспедиціи против горцев, которую позднѣе (в 1852 г.) описал в разсказѣ «Набѣг».

25-го октября он переѣхал в Тифлис, гдѣ пробыл до половины января 1852 г. Одним родственником гр. Толстой был представлен главнокомандующему князю Барятинскому, который уже замѣтил его во время набѣга, хвалил за «бодрый вид» и совѣтовал поступить в военную службу. 31-го декабря Толстой подал оффиціальное прошеніе о зачисленіи на службу, 3-го января (1852 г.) выдержал экзамен на юнкера, а 14-го января вернулся в Старогладовскую фактически уже военным (оффиціальный приказ о зачисленіи его фейерверкером в артиллерію состоялся нѣсколько позже).

В Тифлисѣ Толстой жил сначала очень скромно, в окрестностях города, у нѣмецких колонистов, среди фруктовых садов. Он с гордостью писал теткѣ, что нашел квартиру в двѣ комнаты, за которую платит 4 р. в мѣсяц; а в самом городѣ ему пришлось бы платить за то же 40 рублей. Хорошія намѣренія экономить

для уплаты долгов — не были, однако, проведены в жизнь послѣдовательно: Толстой вдруг пристрастился к билліарду и поставил себѣ задачей превзойти в игрѣ знаменитаго мѣстнаго маркера. Он сыграл с ним болѣе 1000 партій и чуть не лишился всего своего состоянія.

В Тифлисѣ Толстой усиленно работал над разсказом, начатым еще в Москвѣ. Пробовать свои силы на литературном поприщѣ он пытался, по совѣту своей тетушки (Т. А. Ергольской), еще ранѣе, но первыя произведенія его (напр., «Исторія вчерашняго дня») не были окончены. Перед отъѣздом на Кавказ он начал роман «Четыре эпохи развитія», первая часть котораго («Дѣтство») была им закончена и четыре раза собственноручно переписана (каждый раз с существенными измѣненіями и поправками) — уже на Кавказѣ (в Тифлисѣ, Пятигорскѣ и Старогладовской). 3-го іюля 1852 г. рукопись отослана была в самый видный журнал того времени («Современник»), напечатана (в сентябрѣ) и создала сразу литературную извѣстность автору. В том же году написан разсказ «Набѣг» (напечатан в «Современникѣ» за 1853 г.) и начало «Романа русскаго помѣщика» (часть этого разсказа появилась позднѣе (в 1856 г.) под названіем «Утро помѣщика»). Под вліяніем литературнаго успѣха Толстой пробовал писать и стихи, но неудачно.

5 февраля 1852 г. Лев Николаевич выступил из Старогладовской фейерверкером артиллеріи в поход против горцев. Военныя схватки с непріятелем произошли 17 и 18 февраля. В началѣ марта граф вернулся на постоянную квартиру в Старогладовскую. Почти три мѣсяца 1852-го года (с 13 мая по 6 августа) Толстой провел в отпуску, лечась на водах Пятигорска и Желѣзноводска от частых недомоганій, преслѣдовавших его на Кавказѣ (главным образом — от ревматизмов).

1853-ій год начался с похода, длившагося три мѣсяца (с перваго января по первое апрѣля). Жизнь Толстого подвергалась серьезной опасности. На одном из горных перевалов, во время артиллерійской схватки, непріятельскій снаряд разбил лафет орудія, которое наводил Лев Николаевич, и разорвался у его ног. Эпизоды этого похода дали матеріал для разсказа «Рубка лѣса». И в этом году Толстой провел около трех мѣсяцев на минеральных водах (с 10 іюля до 11 октября). В Пятигорскѣ он застал сестру свою — графиню Марію Николаевну Толстую и мужа ея — Валеріана Петровича. Кромѣ этих поѣздок для леченія, Толстой находил и другіе поводы для отлучек с мѣста службы. В одну из таких поѣздок он пробирался в крѣпость Грозную «с оказіей», то есть с отрядом солдат, конвоировавших от нападенія горцев путешественников, грузы и почту. Медленное движеніе отряда надоѣло нѣскольким офицерам; они поскакали вперед и попали в засаду горцев. В этой компаніи был и Толстой, который еле-еле ушел от плѣна со всѣми его тягостными послѣдствіями.

Окрыленный первым литературным успѣхом, Толстой много писал в 1853 году. Он набросал разсказ «Святочною ночью» (или «Как гибнет любовь»), который, впрочем, оставил без обычной, тщательной отдѣлки. Разсказ этот найден недавно в его бумагах и лишь теперь (в 1926 г.) напечатан в томѣ неизданных произведеній Толстого. В этом же году Толстой упорно работает над разсказами «Отрочество», «Рубка лѣса», «Встрѣча в отрядѣ с московским знакомым». В это же время написан разсказ «Записки маркера»; матеріалом для него послужили собственныя похожденія Толстого в Тифлисѣ. Кромѣ того, в это время им начат разсказ «Казаки» («Бѣглец», «Бѣглый казак»), который он закончил только в 1863 г. Это — одно из самых зрѣлых и великолѣпных твореній Толстого. В разсказѣ много автобіографических черт: в нем как-бы подведены итоги жизни и наблюденій Льва Николаевича на Кавказѣ. Но, как всегда у Толстого, автор отнюдь не сливается полностью с своим героем, и было бы ошибкою заимствовать из всѣх похожденій Дмитрія Оленина данныя для біографіи Толстого.

В старости Толстой с удовольствіем вспоминал свою жизнь на Кавказѣ; но в то время, о котором я говорю, эти три года казались ему тяжелым испытаніем. Большею частью он жил в станицѣ Старогладовской без всяких удобств, в плохом помѣщеніи. Примитивный быт казаков великолѣпно, хотя с нѣкоторой идеализаціей, воспроизведен в его разсказѣ. Вся эта жизнь — простая и грубая — была интересна на первых порах, но очень скоро пріѣлась. Общество кавказских офицеров Толстой выносил с трудом. Конечно, и по своему развитію, и по своим душевным запросам — он был несравненно выше товарищей. Но кромѣ того, в нем самом в тѣ времена были черты характера, мѣшавшія сближенію. Он не мог забыть о своем графском титулѣ, о свѣтских привычках; он не мог отказаться от преклоненія перед тѣм, что называл «comme il faut» и чего, разумѣется, не находил на Кавказѣ. Не удивительно поэтому, что его считали «гордецом и чудаком», а он сам не раз суммарно характеризовал эту среду так: «глупые офицеры, глупые разговоры». Отношенія складывались главным образом на почвѣ частых выпивок и картежной игры. От этих именно «привычек» бѣжал он из Москвы. Но и на Кавказѣ от них невозможно было избавиться. Страсть к картам, с которой он упорно боролся, все-таки прорывалась частенько, и не раз он оказывался на краю гибели.

Поступая на службу, он питал нѣкоторыя честолюбивыя надежды, которым однако не суждено было осуществиться: прохожденіе им службы оказалось не особенно счастливым. Дѣло в том, что, уѣзжая на Кавказ, он не захватил своих бумаг, находившихся частью в Петербургѣ, частью в Тулѣ. Это отсутствіе оффиціальных документов оказалось роковым для его службы, несмотря даже на протекцію, которою он пользовался: он не получил георгіевскаго креста, к которому не раз представлен

был за храбрость, и цѣлых два года оставался юнкером: только 9 января 1854 г. произведен он в офицеры «за отличіе в дѣлах против горцев».

В своих ранних дневниках Толстой не раз останавливается на «чувственности», которая сильно мучила его в то время. В станицѣ, среди казачек находились женщины разных типов: нѣкоторых можно было имѣть просто за деньги, другія требовали ухаживаній, третьи, наконец, отличались недоступностью. Всѣм этим разрядам отдал свою дань Толстой. Судя по разсказам современников, происходили и эпизоды, подобные роману Оленина с Маріанной, хотя болѣе поверхностнаго свойства (внѣшняя фабула романа взята из дѣйствительной жизни, но относится не к Толстому).

Не чувствуя исправляющаго вліянія Кавказа, Толстой скоро начал тяготиться и службою, и окружающею обстановкою. К 1853 году он твердо рѣшил выйти в отставку. Прошеніе об этом подано им в концѣ мая. Но отсутствіе бумаг помѣшало ему и в этом случаѣ. Он должен был удовольствоваться отпуском. 13-го января 1854 г. он сдал офицерскій экзамен и 19-го уѣхал домой. 2-го февраля он прибыл в Ясную Поляну, испытав по дорогѣ сильную метель, которую описал впослѣдствіи. На Кавказ Толстой уже не вернулся.

Дневники Толстого за 1851 и 1852 года были изданы ранѣе. Дневники за 1853 — 1854 года появляются в свѣт впервые.*)

Тихон Полнер.

---

*) Они печатаются по копіям изд. «Задруга» и с той семейной «цензурой», которая произведена С. Л. Толстым. Примѣчанія к дневникам составлены *А. М. Хирьяковым*.

ДНЕВНИК Л. Н. ТОЛСТОГО.

1853 г.

1 Генваря.

1. Выступил с дивизіоном [1]); весел и здоров.

2,3,4. Пил в Червленной, дошел до Грозной, и нынче брат [2]) страшно напился в Грозной. Весел и здоров. 5-го. Опять цѣлый день ничего не дѣлал и не думал. Непріятно, как всегда, в Грозной. Хочется поскорѣе быть в дѣлѣ. 6-го. Был дурацкій народ. Всѣ — особенно брат — пьют, и мнѣ это очень непріятно. Война такое несправедливое и дурное дѣло, что тѣ, которые воюют, стараются заглушить в себѣ голос совѣсти. Хорошо ли я дѣлаю? Боже, настави меня и прости, ежели я дѣлаю дурно. 7-го. Утро безалаберное, вечером пришел Кноринг пьяный с Бескетом и принес портер. Я напился. Очутились как-то Тенгинскіе офицеры и б..... Я напился. Янович был пьян и стал ломать мнѣ палец и сказал, что я глуплю. Физическая боль и вино сдѣлали то, что я взбѣсился, назвал его дураком и мальчишкой. Он со слезами в голосѣ и с дѣтской (обидчивостью) стал говорить мнѣ грубыя слова. Я сказал, что не хочу браниться, как солдаты, и что это так кончиться не должно. 8-го. Нынче утром я сказал ему, что я был пьян и извиняюсь в том, что сказал ему; но он так смѣшон, что отвѣчал: «Я вас извиняю, вы сами виноваты.» Завтра еще раз утром, как только помолюсь Богу, кто бы тут ни был, попрошу его еще раз извиниться, и ежели нѣт, то предложу ему стрѣляться. Его первый выстрѣл, а я стрѣлять не стану. Я поступил глупо и дурно. Янович добрый мальчик, и я этой исторіей могу сдѣлать ему много вреда. Николенька уѣхал, но ему тяжело и грустно было видѣть эту исторію и не знать, как она кончится. Он эгоист; но все-таки я его люблю, и меня мучает, что я огорчил его. Нѣсколько раз в эти два дня мнѣ приходила мысль бросить службу; но, обдумав хорошенько, я вижу, что не должно оставлять раз составленнаго плана: сходить нынѣшній год в послѣднюю экспе-

дицію, в которой, мнѣ кажется, я буду убит или ранен. Да будет воля Бога. Господи, не остави меня. Научи меня, дай мнѣ силы, рѣшимости, ума.

9. Исполнил свое намѣреніе. Янович охотно извинился. Но ежели бы кто мог знать, какого мнѣ стоило труда еще раз обратиться к нему. *Спажки* дуется, на что я обращаю очень мало вниманія. Я охотно писал бы, но безалаберная жизнь мѣшает мнѣ взяться за что-нибудь.

10. Ѣздил за дровами. Погода гадкая, простудился. Вечером писал порядочно. Голова болит. Очень хотѣлось дѣла.

11. Ничего не дѣлал. Болтал с Янушкевичем и сказал ему о своем намѣреніи уступить ему производство, ежели оно будет. Надо писать. Грустно.

12. Офицеры понемногу перестают дуться. Имѣл глупость проиграть шесть рублей в преферанс и хотѣлось играть в банк. Нѣт ни гроша. Задумал очерк. «Бал и б.......» Горло болит, но в духѣ.

13,14,15,16. Болѣло горло, но 14-го напился с Ариневским. Ни весело, ни скучно. Нынче играли по малости, но игорная шишка развивается. Глупая жизнь. Мнѣ гадал Янушкевич, и ясно вышло *перемѣна жизни*, и дѣйствительно это одно из лучших выраженій моего желанія. Дѣйствительно, мое счастье состоит в том, чтобы жить хорошо.

17. С утра ходил. Был Буемскій, который перестает мнѣ нравиться. Кунаки надоѣдают. Балту [3]) изгоняю. Писал немного. Странно, что, задумав вещь, я долго не могу писать. Или это так случается? Играл в преферанс, и картежная страсть сильно шевелится.

18,19,20. Безалаберная жизнь в высшей степени, так что я не узнаю сам себя, и мнѣ совѣстно так жить. Играл в карты, проиграл сорок рублей и буду еще играть. Оголин начинает мнѣ очень нравиться.

21. Писал немного, но так неаккуратно, неосновательно и мало, что ни на что не похоже. Умственныя способности до того притупляются от этой безцѣльной и безпорядочной жизни и общества людей, которые не хотят и не могут понимать ничего немного серьезнаго или благороднаго. Я без гроша денег, и это положеніе заставляет меня бояться, чтобы не подумали обо мнѣ дурно, что и доказывает, что я мог бы сдѣлать дурное. В карты не хочу больше играть. Не знаю, как поможет Бог. Какую же

хваленую пользу дѣлает мнѣ Кавказ, когда я веду здѣсь такую жизнь? Пріѣхав в Тулу, я невольно вступлю опять в колею Куликовских, Ганс и Лютиковых. Нѣт, баста.

22, 23. Немного попорядочнѣе провел вчера; однако, ходил с Балтой к Захару. Оголин проигрался, и мнѣ теперь совѣстно перед ним. Штегельман уѣзжает, и меня назначили командовать на его мѣсто. Я рѣшительно дрянной мальчик.

С 24 по 10. Самая безалаберная жизнь, однако, ни в чем весьма неприятном себя упрекнуть не могу. Хотя и не был в опасности, но чувствую, что буду переносить лучше опасность, чѣм прошлаго года. Получил деньги — двѣсти от брата, из коих осталось девяносто четыре и восемьдесять в долгу, но и сам должен. Проигрывал больше, чѣм есть в карманѣ. Проиграл Балтѣ ружье. Брат пьет, что меня огорчает. Играть послѣ завтрашняго дня кончаю. И послѣ похода — служить.

20 Февраля. Выступили из Грозной в Куринское без дѣла. Стояли там недѣли двѣ, потом стали лагерем на Кочколыковском хребтѣ. Было 16 числа артиллерійское дѣло ночью и 17 днем [4]). Я вел себя хорошо. Был во все это время в выигрышѣ, но теперь без гроша, хотя мнѣ и должны. Нынче Оголин сказал мнѣ, что я получу крест. Дай Бог, и только для Тулы.

10 Марта. Креста не получил [5]), а на пикетѣ сидѣл по милости Олифера. Слѣдовательно, кавказская служба ничего не принесла мнѣ, кромѣ трудов, праздности, дурных знакомств. Надо скорѣе кончить. Проиграл все, что было, и остался должен восемьдесять Оголину, шесть Яновичу, пятьдесят Соковнину и семьдесят восемь Константинову, итого двѣсти четырнадцать должен, двѣсти тридцать прожил. Плохо. То, что я не получил креста, очень огорчило меня. Я даже жалѣю, что не отказался от офицерства. Предстоит еще недѣли три стоять на канавѣ. Скука и праздность, от которой по привычкѣ и потому что слишком много знакомых отстать нѣт возможности.

16 Апрѣля. Давно не писал. Пріѣхав около 1-го апрѣля в Старогладовскую, я продолжал жить так же, как жил в походѣ, как игрок, который боится счесть то, что за ним записано. Проиграл шутя Сулимовскому сто рублей серебром. Ѣздил безуспѣшно в Червленную для полученія свидѣтельства о болѣзни. Хотѣл выходить в отставку, но ложный стыд вернуться юнкером в Россію рѣшительно удерживает меня. Подожду производства, которое едва ли будет — я уже привык ко всевозможным неуда-

чам. В Новогладовской ежели не согрѣшил в Страстной вторник, так только потому, что Господь спас меня. Хочется взойдти в старую колею уединенія, порядка, добрых и хороших мыслей и занятій. Помоги мнѣ, Боже! Я теперь испытываю в первый раз чувство чрезвычайно грустное и тяжелое — сожалѣніе о пропащей без пользы и наслажденія молодости. А чувствую, что молодость прошла. Пора с нею проститься.

17 Апрѣля. Встал рано, хотѣл писать, но полѣнился, да и начатый разсказ не увлекает меня. В нем нѣт лица благороднаго, которое бы я любил. Однако, мыслей больше. Перечитывал свое *Дѣтство*. Пришел Сулимовскій, был груб, а я слишком снисходителен. Обѣдал, играл в пикет, гадал, читал, когда бы мог заниматься. Написал письма: Сережѣ и Бриммеру. Мой дурной почерк — бѣда. Не мог написать прямо : *Его Превосходительству Эдуарду Владимировичу Бриммеру. В г. Тифлис.*

18 Апрѣля. Встал рано, читал вещь Авдѣева «Летучій змѣй» [6]), писал не дурно. План разсказа только теперь начинает обозначаться с ясностью. Кажется, что разсказ может быть хорош, ежели сумѣю искусно обойти грубую сторону его [7]). Все-таки провел много празднаго времени от непривычки работать. Сейчас имѣл с братом денежное — как и всегда — непріятное об'ясненіе. Послѣ обѣда был у Епишки [8]) и говорил с Соломонидой... Каждая женская голая нога, мнѣ кажется, принадлежит красавицѣ.

19 Апрѣля (день Пасхи). Не был в церкви и ѣл освященный кулич, разговѣвшись. Ничего не дѣлал цѣлый день. Играл в бары с мальчишками и офицерами... Не был пьян и брат тоже, что мнѣ очень пріятно. Алексѣев был особенно добренькій.

21, 22, 23, 24, 25. Провел всѣ эти дни почти так же, как и первый: играл в бары, любовался на дѣвок и один раз был пьян у Жукевича. Окончил начерно *Святочную ночь* и примусь за коректуру. Нынче был день весьма непріятный... Из Кизляра ничего не привезли, потому что украли лошадь. Мои теперешнія желанія: *получить солдатскій крест, чин на мѣстѣ, и чтобы оба разсказа мои удались.*

Третьяго дня как то с Николенькой выпил довольно много и болтал вдвоем часа два очень хорошо. Очень отвык от работы.. 26 апрѣля почти цѣлый день, исключая игры в бары, провел над бумагой; но ничего почти не написал и что написал, то дурно... Послѣдній день праздников.

27 Апрѣля. Встал рано, писал мало и дурно спал послѣ обѣда. Кунаки помѣшали писать послѣ обѣда. Вечером писал немного. Разсказ будет плох.

28 Апрѣля. Встал рано, ничего не мог написать, цѣлый день нездоровилось. Кунаки и команда моя надоѣдали играть с ними. Получил книгу с своим разсказом, приведенным в самое жалкое положеніе [9]). Это разстроило меня. Брат, Жукевич и Янушкевич уѣхали. Получил отпуск, которым не намѣрен воспользоваться.

29 Апрѣля. Написал очень мало, а был в духѣ. Нѣт привычки работать. Николенька ѣдет завтра и был особенно мил.

30 Апрѣля. Ходил на охоту, которая была неудачна. Ничего не писал. Сулимовскій при мнѣ сказал Оксанѣ, что я ее люблю; я убѣжал и совсѣм потерялся. Надо подумать о своих долгах. Написать К. Завтра напишу. Меня сильно безпокоит то, что Буемскій узнает себя в разсказѣ *Набѣг*.

1 Мая. Встал рано, писал немного. Пишу только с тѣм, чтобы кончить начатое. День прошел в бездѣльѣ. Громан дурак. Спал послѣ обѣда. Писал вечером...

2, 3. Не писал; особеннаго ничего не случилось. Играл, купался. Был почти пьян. Ходил на охоту.

4, 5, 6, 7. Ничего особеннаго. Деньги — сорок рублей за разсказ получены по почтѣ. Нынче писал довольно много; измѣнил, сократил кое-что и придал окончательную форму разсказу. Мнѣ необходимо имѣть женщину. Сладострастіе не дает мнѣ минуты покоя.

8,9,10,11,12,13,14,15 Мая. В эти семь дней ничего не сдѣлал. Был у касатки, пил, несмотря на то, что нѣсколько раз хотѣл перестать. Брат нынче уѣхал.

Получил письма от Николеньки, Сережи [10]) и Маши [11]) — все о моем литераторствѣ, льстящее самолюбію. Разсказ *Святочная ночь* совершенно обдуман. Хочу приняться и вступить опять в колею порядочной жизни: чтеніе, писаніе, и порядок и воздержаніе. Из-за дѣвок, которых не имѣю, и креста, котораго не получу, живу здѣсь и убиваю лучшіе годы своей жизни. Глупо. Господи, дай мнѣ счастья.

15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22 Мая... Дурно. Я очень опустился. Бросил разсказ и пишу *Отрочество* с такой же охотой, как писал *Дѣтство*. Надѣюсь, что будет так-же хорошо. Долги мои всѣ уплачены. Литературное поприще открыто мнѣ блестящее.

Чин должен получить, молод и умен. Чего кажется желать? Надо трудиться и воздерживаться, и я могу еще быть счастлив.

22, 23, 24, 25, 26, 27. Ровно ничего особеннаго. Писал мало, зато окончательно обдумал *Отрочество, юность, молодость*, которыя надѣюсь кончить. Нынче прислал мнѣ Алексѣев бумагу, по которой Бриммер обѣщает уволить меня в отставку с штатским чином. Как вспомню о своей службѣ, то невольно выхожу из себя. Я еще не рѣшился, хотя по теперешнему моему взгляду на жизнь, удержавшемуся от того, который я составил себѣ в Пятигорскѣ, мнѣ не слѣдует задумываться. Подумаю хорошенько. Все не могу привыкнуть к пунктуальности и порядку, хотя стараюсь.

Я ошибся: вчера было 28, нынче 29. Писал и обдумывал свое сочиненіе, которое начинает и ясно и хорошо складываться в моем воображеніи. Рѣшился, просмотрѣв 56 статью, выходить в отставку и просил об этом Алексѣева [12])...

30. Писал довольно много и легко. Мнѣ пришла мысль о моих оставшихся долгах и сильно безпокоила меня. Надо будет копить деньги, чтобы всѣ заплатить их. Это необходимо для моего моральнаго спокойствія.

31 Мая. Ничего не писал цѣлый день. Исторія Карла Ивановича затрудняет меня [13]). Играл с мальчишками, которые становятся дерзки — я слишком избаловал их. Ужинал у Барятинскаго и в этом ложном положеніи вел себя хорошо.

25 Іюня. Почти мѣсяц не писал ничего, в это время ѣздил с кунаками в Воздвиженскую. Играл в карты и проиграл Султана. Едва не попался в плѣн [14]), но в этом случаѣ вел себя хорошо, хотя и слишком чувствительно. Пріѣхав домой, рѣшился пробыть здѣсь мѣсяц, чтобы докончить *Отрочество*; но вел себя цѣлую недѣлю так безалаберно, что мнѣ стало очень тяжело и грустно, как всегда бывает, когда недоволен собой. Вчера Гришка разсказывал, что я был блѣден послѣ того, как меня ловили чеченцы, и что я не смѣю бить казака, который ударил бабу, что он мнѣ сдачи даст. Все это так меня разстроило, что я весьма живо видѣл очень тяжелый сон и, поздно проснувшись, читал о том, как Обри перенес свое несчастье и как Шекспир говорит, что человѣк познается в несчастьѣ. Мнѣ вдруг непонятно стало, как мог я все это время так дурно вести себя. Ежели я буду ожидать обстоятельств, в которых я легко буду добродѣтелен и счастлив, я никогда не дождусь. В этом я убѣжден. Д.... сбили

меня с толку. Постараюсь дѣлать добро, сколько могу, быть дѣятельным и уж навѣрно не поступать легкомысленно и не дѣлать зла. Благодарю Бога за такое настроеніе и прошу: Творец, поддержи его. Я много дѣлал дурного за это время:... тратил деньги на пустяки, и время, которое бы мог употребить с пользой, тщеславился, спорил, сердился.

25 Іюня. Нынче получил от Сережи письмо, в котором он пишет мнѣ, что князь Горчаков [15]) хотѣл писать обо мнѣ Воронцову [16]) и бумагу об отставкѣ. Не знаю, чѣм все это кончится; но я намѣрен на-днях ѣхать в Пятигорск. Ни в чем у меня нѣт послѣдовательности и постоянства. От этого-то в это послѣднее время, что я стал обращать вниманіе на самого себя, я стал сам себѣ невыносимо гадок. Будь у меня послѣдовательность в тщеславном направленіи, с которым я пріѣхал сюда, я бы успѣл в службѣ и имѣл повод быть довольным собой; будь я послѣдователен в добродѣтельном направленіи, в котором я находился в Тифлисѣ, я бы мог презирать свои неудачи, и опять бы был доволен собой. С малаго и до большого этот недостаток разрушает счастье моей жизни. Будь я послѣдователен в своей страстности к женщинам, я бы имѣл успѣх и воспоминанія; будь я послѣдователен в своем воздержаніи, я бы был гордо спокоен. Этот проклятый отряд совершенно сбил меня с настоящей колеи добра, в которую я так хорошо вошел-было и в которую опять желаю войдти, несмотря ни на что: потому что она лучшая. Господи, научи, настави меня. Не могу писать. Я пишу слишком вяло и дурно. А что мнѣ дѣлать, кромѣ писанія? Сейчас обдумывал свое положеніе. В головѣ вертѣлась такая куча разнородных мыслей, что я долго не мог понять ничего, кромѣ того, что я дурен и несчастен. Послѣ этого времени тяжелаго раздумья в головѣ моей образовались слѣдующія мысли: цѣль моей жизни извѣстна — добро, которым я обязан своим подданным и своим соотечественникам; первым — я обязан тѣм, что владѣю ими, вторым — тѣм, что владѣю умом и талантом. Послѣднюю обязанность я в состояніи исполнить теперь, а чтобы исполнять первую, я должен употребить всѣ зависящія от меня средства. Первою мыслью моею было составить для себя правила в жизни, и теперь я невольно возвращаюсь к ней. Но сколько времени я потерял даром. Может быть, Бог устроил жизнь мою так с цѣлью дать мнѣ больше опыта. Едва ли бы я так хорошо понял свою цѣль, ежели бы я был счастлив в удовлетвореніи своих страстей. Вперед

определять свои дѣйствія и провѣрять исполненіе их, было благою мыслью, и я возвращаюсь к ней. С нынѣшняго вечера, в каких бы я ни был обстоятельствах, я даю себѣ слово, каждый вечер исполнять это. Часто препятствовал мнѣ в этом ложный стыд. Даю себѣ слово, сколько возможно, преодолѣвать его. *Будь прям, хотя и рѣзок, но откровенен со всѣми, но не дѣтски откровенен без необходимости. Воздерживайся от вина и женщин.* Наслажденіе так мало, неясно, а раскаяніе так велико. *Каждому дѣлу, которое дѣлаешь, предавайся вполнѣ. При каждом сильном ощущеніи воздерживайся от движеній и, обдумав раз, хотя бы и ошибочно, дѣйствуй рѣшительно.* Нынѣшній день я не кончил молитвы от совѣстливости перед Алексѣевым. Писал необдуманно и мало. Ѣл слишком много, заснул от лѣности. Бросил писать по случаю пріѣзда Арслан Хана. Тщеславился своей связью с Горчаковым. Без видимой причины оскорблял Янушкевича. Хотѣл имѣть женщин. Тщеславился очень перед Громаном, которому читал Исторію Карла Ивановича.

Завтра встать рано, писать *Отрочество* до обѣда — послѣ обѣда пойти к Хохлам и поискать случая сдѣлать доброе дѣло, потом писать *Дневник кавказскаго офицера* или *Бѣглец* — до чаю. Писать *Отрочество* или *Правила в жизни.*

26 Іюня. Встал поздно, хотя и просыпался рано. Арслан Хан мѣшал мнѣ. Начал писать; но все выходит так жидко, безсвязно, — должно быть оттого, что необдуманно, что написал мало. Большую часть утра провел в опытах над вертящимися вещами и при этом был ребенком[17]). Послѣ обѣда ходил к Хохлам; но не нашел случая сдѣлать доброе дѣло. (Покривил совѣстью).... Это насильственное воздержаніе, мнѣ кажется, не дает мнѣ покоя и мѣшает занятіям, а грѣха мало, ибо он извиняется неестественным положеніем, в которое меня поставила судьба. У Алексѣева не спросил денег.

Послѣ обѣда лѣнился; мог бы, ежели не писать, то обдумать. Дѣвки мѣшают. Завтра утром обдумаю *Отрочество* и буду писать его до обѣда. Ежели не будет мыслей, то буду писать *Правила.* Послѣ обѣда искать доброе дѣло и писать. *Бѣглец* до чаю, послѣ чаю *Дневник кавказскаго офицера.* Просить у Алексѣева денег...

27 Іюня. Встал поздно, писал утром довольно хорошо *Отрочество.* У Алексѣева не спросил денег. Послѣ обѣда до самаго вечера читал и обдумывал *Записки кавказскаго офицера.* Был легкомыслен с ребятишками... Завтра. Встать рано и писать *Отро-*

чество, как можно тише и *старательнѣе. За обѣдом* спросить денег... Вечером писать *Записки кавказскаго офицера* или, ежели будет мало мыслей, то продолжать *Отрочество.*

28. Утром писал хорошо. Мальчишки помѣшали перед обѣдом. Спросил денег. Не нашел. Епишки нѣт. Послѣ обѣда ничего не дѣлал. Утром неосновательно сказал Барашкину, что пойду на охоту, и вечером из ложнаго стыда не отказался и потерял дорогое время и хорошее расположеніе послѣ ужина у Алексѣева. Писал немного *Дневник кавказскаго офицера* и *Рубку лѣса* и обдумал. Когда во время писанья придут так много неясных мыслей, что захочется встать, не позволять себѣ этого. Завтра с утра писать *Отрочество* до обѣда. Послѣ обѣда писать до вечера *Дневник.*

29. Утро вел себя хорошо, но послѣ обѣда ничего не дѣлал. Так хорошо обдуманный план *Записок кавказскаго офицера* показался мнѣ нехорошим, и я провел все послѣ обѣда с мальчишками и Епишкой. Бросил Гришу и Ваську в воду. Нехорошо. *Хорошо ли или дурно, всегда надо писать.* Ежели пишешь, то привыкаешь к труду и образовываешь слог, хотя бы и без прямой пользы. Ежели же не пишешь, увлекаешься и дѣлаешь глупости. *Натощак пишется лучше...* Завтра писать от утра до вечера...

30 Іюня. Встал рано, писал мало. Опять сомнѣнія и лѣнь. Голова болѣла. Спал, играл в бары. Стыдился перед Ф. и Ф. Пил с Б. и Ф. М. и немного пьян... Писать, как обыкновенно, назначаю до обѣда *Отрочество* и послѣ обѣда *Кавказскаго офицера.*

I Іюля. Начал было писать — помѣшал И. В. и сманил меня на сѣнокосы. Цѣлый день провел в движеніи, работал. Это было бы очень хорошо, ежели бы не пил много, не лгал бы вечером и провел бы остальное время в занятіях. Нынче писать *Отрочество* до обѣда и послѣ обѣда.

2 Іюля. Встал поздно, писал утро хорошо. Послѣ обѣда ничего не мог дѣлать. Хотѣл было ѣхать в набѣг, был у Аверьянова, спал и читал во снѣ удивительную книгу. Проснулся очень весел и употребил это хорошее расположеніе на разговоры с И. В. и Громаном... Написал письмо Николенькѣ... Писать *Отрочество* утро и вечер.

3 Іюля. Встал поздно. Писал хорошо, помѣшал Барашкин. Послѣ обѣда продолжал писать. Ходил на охоту, убил шесть фазанов. Получил письмо от Николеньки и управляющаго, зо-

вут в Пятигорск. Кажется, поѣду... Завтра писать, писать и писать *Отрочество*, которое начинает складываться хорошо.

4 Іюля. Вчера была лихорадка. Алексѣев пришел и заговорил о моей службѣ, это так взволновало меня, что я цѣлый день писал письмо к Бриммеру и, кажется, написал хорошо. Завтра писать *Отрочество*. Арслан Хан пріѣхал, и мы ѣдем, кажется, на днях...

5 Іюля Встал поздно. Писал хорошо, но мало. Все послѣ обѣда провел с мальчишками. Слишком я откровенен: сейчас болтал о религіи с Гришей. Завтра писать *Отрочество*...

6 Іюля. С утра пошел охотой в Курдюки; но из ложнаго стыда не сдѣлал того, что хотѣл. Пил и лгал. Опять ужинали много до самаго вечера. Пріѣхал Штегельман и безсознательно пріятно льстил мнѣ. Завтра писать *Отрочество*...

7 Іюля. Утром писал, но дурно и невнимательно, и мыслей было много, но пустыя. Все-таки понемногу подвигался. Послѣ обѣда ходил на охоту и пил очень много, но держал себя хорошо, хотя и бѣгал до 4-х пѣтухов с мальчишками. Громан злит меня. Завтра писать... Я не ѣду в Пятигорск с Арслан Ханом.

8 Іюля. Встал поздно. Начал было писать, но не идет: я слишком недоволен своей безцѣльной, безпорядочной жизнью. Читал Profession de foi d'un Vicaire Savoyard и, как всегда при этом чтеніи, во мнѣ родилось пропасть дѣльных и благородных мыслей. Да, главное мое несчастье — большой ум. Спал послѣ обѣда, играл немного с мальчишками и сдѣлал очень дурно, что не только не остановил, но подал повод срамить Епишку.

Не могу доказать себѣ существованія Бога, не нахожу ни одного дѣльнаго доказательства и нахожу, что понятіе не необходимо. Легче и проще понять вѣчное существованіе всего міра с его непостижимо прекрасным порядком, чѣм существо, сотворившее его. Влеченіе плоти и духа человѣка к счастью есть единственный путь к понятію тайн жизни. Когда влеченіе души приходит в столкновеніе с влеченіем плоти, то первое должно брать верх, ибо душа безсмертна, так же, как и счастье, которое она пріобрѣтает. Достиженіе счастья есть ход развитія ея. Пороки души — суть испорченныя благородныя стремленія. Тщеславіе — желаніе быть довольным собой. Корыстолюбіе — желаніе дѣлать болѣе добра. Не понимаю необходимости существованія Бога, а вѣрю в Него и прошу помочь мнѣ понять Его.

9,10,11,12,13,14,15 Іюля. Уѣхал из Старогладовской без ма-

лѣйшаго сожалѣнія. Дорогой Ар-Хан опротивѣл мнѣ до смерти. Пріѣхав в Пятигорск, нашел Машу, пустившуюся в здѣшній свѣт. Мнѣ было больно видѣть это — не думаю, чтобы от зависти, но непріятно было разставаться с убѣжденіем, что она исключительно мать семейства. Впрочем, она так наивно мила, что в скверном здѣшнем обществѣ остается благородной. Послал письмо Барятинскому *хорошее*, *Бриммеру порядочное* и Мооро *скверное*. Валеріан благоразумен и честен, но нѣт в нем того тонкаго чувства благородства, которое для меня необходимо, чтобы сойтись с человѣком. Барон хорошій человѣк. Как не достает у Валеріана и Николеньки такта, чтобы не смѣяться над наружностью и манерами людей, когда сами они так плохи в этих отношеніях. Вообще мнѣ было тяжело и грустно. Этого чувства я не испытаю, я увѣрен, свидѣвшись с Сережей, а еще болѣе с Татьяной Александровной.*) Вчера соблазнился на красавицу цыганку, но Бог спас меня. Перешел на старую квартиру и рѣшился жить здѣсь и дожидаться, пока мнѣ или придет отставка или отпуск, и уѣхать только в случаѣ, ежели меня прогонят, или уѣдут родные.

До обѣда писать *Отрочество*. Обѣдать у Маши, до бульвара продолжать *Отрочество*. Остерегаться тщеславія. Отчего я холодно кланялся Барятинскому? Денег остается 28 рублей. Шесть за сапоги, четыре за пальто — останется восемнадцать. Надо экономить.

16 Іюля. Вчера писал утром, обѣдал у Маши, послѣ обѣда пришел домой и проспал до утра. Пять часов писал. Уже вижу конец *Отрочества*. Пріятно. Даже нынче могу кончить. Поэтому буду писать цѣлый день. Писал до обѣда и послѣ обѣда от пяти до шести. Конец близко. Пошел на бульвар, к Машѣ и оттуда в трактир. Там пил и издержал 62 коп. Кромѣ того, Алешка издержал 75 коп. на сапоги и 12 за сѣрныя спички, на свѣчи, 50 за щетку, остается 25 — 65 коп. Должен В. 90 коп. и 5 рублей за шампанское. Завтра постараться кончить *Отрочество* начерно. Я хорошо отстаивал Теодорину, благородно. Я пьян.

17. Встал поздно, думал прекрасно, писал хорошо, но мало. Пришел Николенька. Я читал ему написанное. И, кажется, хорошо. Обѣдал у Маши, спал там, ходил гулять и ужинать к

*) Т. А. Ергольская, отдаленная родственница Толстых и их воспитательница.

Найтаки. Провел время без пользы и скучно. Холодность ко мнѣ моих родных мучает меня. Проѣл 1.30 и должен их Николенькѣ. Баста роскошничать. Завтра встать рано и писать, писать до вечера, чтобы кончить *Отрочество*.

18. Встал поздно. Николенька помѣшал. Только начал писать, как пошел к Машѣ и пробыл цѣлый день. Был в концертѣ Христiани. Плохо. Отчего никто не любит меня? Я не дурак, не урод, не дурной человѣк, не невѣжда. Непостижимо. Или я не для этого круга? Маша так мила, что невольно жалѣешь, что некому понять ея прелести. Дрянь, как Кампiони, нравится ей. Жалко. Завтра обѣдать в Бештау и писать, писать.

19. Ничего не писал утром, а вечер провел у Маши безалаберно. Только вечером прiятно поболтал с Б. о интересующем меня хозяйствѣ. Теперь 11 часов. Буду писать, только вечерком пойду к Машѣ.

20. Провел день хорошо: спал, читал глупый роман. «Précaution» и хорошiй роман: Pigault Lebrun «Les barons de Pelsheim». Не писал ничего, вечером купался и был у Маши. Завтра обѣдать дома, встать рано и писать.

21. Встал в 11 часов, обѣдал дома, писал довольно много· так что кончил *Отрочество*, но еще слишком небрежно. Ночевал у Маши. Теперь 4 часа, я встал и пришел домой. Ѣду в Ессентуки, хотя вовсе не нужно.

22. Валерiан в Ессентуках. Маша рѣшительно кокетничает. Ничего не дѣлал. Болит голова, ложусь спать.

23 Iюля. Переписал первую главу порядочно. Был у Маши недолго. Труд, труд. Как чувствую я себя счастливым, когда тружусь.

24 Iюля. Встал в восемь, переправил первую главу и ничего не писал цѣлый день, читал Claude Genoux. Ходил к Машѣ, у которой очень скучно. Булька пропал. Получил письмо от Моора: Бриммер задержал мою отставку. Встать рано и писать, не останавливаясь на том, что кажется слабо — только чтобы было дѣльно и гладко. Поправить можно, а потерянное без пользы время не воротишь.

25 Iюля. Исключая часов трех, проведенных на бульварѣ, занимался цѣлый день; но переписал только полторы главы. *Новый взгляд* натянуто, но *Гроза* превосходна. Болтал с Теодориной. Улыбка у меня иногда не тверда, это иногда смущает

меня. Завтра утро писать, взять с собой тетради, обѣдать у Маши и опять писать.

26. Утром переписал мало, пришел к Машѣ, ея не было. Обѣдал у Найтаки, гдѣ мнѣ вѣрят. Пришел домой и докончил главу — *Грозу*. Мог бы написать лучше.

27. Ничего не дѣлал. Хорошенькія женщины слишком дѣйствуют на меня, и бульвар, Найтаки притягивают и поддерживают праздность. Вчера Теодорина, чудо как мило, разсказывала про институтскую жизнь.

Телескоп не покупают, а я начинаю дѣлать долги; деньги же, Бог знает, когда пришлют, и на Валеріана надѣяться нечего. Надо принять мѣры. Читал «Записки Охотника» Тургенева, и как-то трудно писать послѣ него. Цѣлый день писать.

28 Іюля. Без мѣсяца 25 лѣт и еще ничего. Ничего не писал. Утро читал глупый роман. Послѣ обѣда болтали все без удовольствія. Завтра в галлерею. Познакомиться с Иловайской, придти домой и писать до бульвара.

29 Іюля. Ничего не дѣлаю, а читаю глупый роман. Был утром на галлереѣ. Два раза купался у Мермета.

30 Іюля. Утром Валеріан привез мнѣ 200 рублей серебром. Послал 50 Алексѣеву, 50 дал взаймы Валеріану, отдал 8 за квартиру, 1.50 проѣл, 2.50 Найтаки, 3 Николенькѣ, 40 за пересылку, остается 85 рублей. Маша уѣхала. Цѣлый день ничего не дѣлал. Завтра утро писать, купить *дешевую* лошадь и ѣхать в Желѣзноводск.

31 Іюля. Ничего не дѣлал. Был на ярмаркѣ, купил лошадь за 24 ц. с ссадном, спал, опять был на ярмаркѣ, ходил по бульвару . . . . Похоже на то, что заболѣю. Завтра промѣнять лошадь и ѣхать в Желѣзноводск. 25 ц. — за лошадь. . . . . 1 — извощики. 70 — мелочь, остается — 58.

1, 2, 3, 4 Августа. Пріѣхал в Желѣзноводск, промѣнял лошадь. Первый день пил с Фелькнером и Валеріаном. Теодорина влюблена в меня. Мнѣ не скучно. Принимаю ванны. Валеріан отдал 50 рублей. Но у меня осталось всего 82 рубля и должен рубля три. Отдал за перчатки 1, за стрѣльбу 1.50, остается 78.50. Вчера простудился, ѣздивши в колонію. Не брал нынче ванны. Хочется писать. Читал и болтал. Как много значат общество и книги. С хорошими и дурными я совсѣм другой человѣк. Завтра писать.

6 Августа. Цѣлый день ничего не дѣлал, но завтра буду

писать. Теодорина очень влюблена в меня. Надо рѣшиться на что-нибудь. Признаюсь, меня утѣшает это. Завтра утром писать *Отрочество*, послѣ обѣда *Записки кавказскаго офицера*.

7 Августа. Утром писал немного *Отрочество*, но с леченьем рѣшительно некогда. Да и лѣнюсь. Теодорина все хуже и хуже. Завтра хочу объясниться с ней.

8 Августа. Ничего не дѣлал. С Теодориной не объяснился. Вечером пришли всѣ дурныя воспоминанія моей жизни. Гельке, Барятинскій, Левин, долги и все гадкое. Лѣность, апатія — вот моя бѣда. Завтра поѣду в Кисловодск и там буду писать.

9 Августа. Поѣхал в Кисловодск, выкупался в Нарзанѣ, обѣдал, спал и гулял до вечера. На другой день, десятаго, купался два раза и вечером играл в преферанс. Мнѣ слишком большое удовольствіе доставило выиграть восемь рублей серебром. Это нехорошо.

Сегодня 11 Августа. Выѣхал в восемь, пріѣхал в одиннадцать, принял ванну, обѣдал и спал до семи часов. Я дотрогивался нѣсколько раз до Теодорины вечером, и она сильно возбуждает меня. Горло болит. Но завтра буду писать. . . . .

12. Цѣлый день под предлогом болѣзни ничего не дѣлал. У меня дѣйствительно горло хуже, и цѣлый день жар, так что и голова отказывается работать.

13. Цѣлый день болѐн, читал Madeleine, пускал кровь.

Нынче 14. Лучше. Я выхожу. Денег остается 70 рублей. Болѣзнь стала рублей 8.

15. Все нездоровится по вечерам. Ничего не дѣлаю. Ѣздил в аул нынче. Нерѣшительность, лѣнь.

16. Здоровье немного лучше. Ничего особеннаго. То же. Завтра рано встать, пить воду, послѣ воды писать *Отрочество* до обѣда. Послѣ обѣда до бульвара *Кавказскіе разсказы*, а вечером роман.

17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26. Ничего не дѣлал. Рѣшился бросить *Отрочество*, а продолжать роман и писать *разсказы Кавказскіе*. Причина моей лѣни та, что я не могу писать с увлеченіем. Я ожидаю какого-то счастья в этом мѣсяцѣ и вообще с двадцать шестого года моего возраста. Хочу принудить себя быть таким, каким по моим понятіям должен быть человѣк. Молодость прошла. Теперь время труда. Денег, исключая того что мнѣ должны — около 20 рублей, остается 21 р. 50 к. (Захару дан 1 рубль серебром.) До обѣда — разсказ. Послѣ обѣда —

роман. Жалко бросать *Отрочество*, но что дѣлать? Лучше не докончить дѣло, чѣм продолжать дѣлать дурно.

26. Ничего не дѣлал, хочу, однако, продолжать *Отрочество*. Видѣл мѣсяц прямо. Захару дан 1 рубль, на булки 10 коп., за арбуз 5 коп., в остаткѣ 20 руб. 35 коп. В тир должен 50 коп.

27. Захару дан 1 руб. 50 коп., овса 20, вина 50, итого 2.20, остаток 18.15. Ничего не дѣлал, кромѣ пасьянса. . . . . Отвратительно. Надѣюсь с завтрашняго дня начать новую жизнь.

28. 3 руб. извощику, 50 коп. вино, 30 коп. водка, 15 коп. сѣно, 1.50 ц. Никитѣ, итого 5.45, остаток — 12.70.

Утром начал казачью повѣсть, потом для пріѣзда Николеньки и отъѣзда Теодорины и своего рожденія ходил в тир, ѣздил в колонію и водил Машу на бульвар. Весело не было. Труд только может доставить мнѣ удовольствіе и пользу. Ложусь спать, буду читать.

29. 50 коп. за вино, Никитѣ 20, сѣна 15, итого 85 коп., дано 3.50, 1.35. Писал *Бѣглец* утром, послѣ обѣда проспал, буду писать вечером. Денег остается 10 руб.

30 Августа. Овса 20 коп., сѣна 15 коп., водки 30 коп., арбуз 3 с половиной, хозяйкѣ 15, свѣчку 3 с половиной, за дыню 2, Захару 1 — итого 1.59, остаток 8.41. От Валеріана получил 24.80, итого 33.21. Занимался цѣлый день. Но все не остается времени для романа. По субботам буду поправлять писанное в недѣлѣ. Николенька ѣдет завтра, а я все не знаю своей судьбы.

31 Августа. Поѣхал в Пятигорск и не писал почти ничего. *Встрѣча* не идет как-то, а на *Отрочество* не осталось времени.

1 Сентября. Проводил Николеньку и Д-ова и опять ничего не дѣлал и хотѣл . . . . и играть.

2 Сентября. Ровно ничего не дѣлал и нездоровится. Завтра ѣду в Кисловодск.

Оголину 5. За телескоп 3, прачкѣ 3, Захару 2, в гостиницѣ 1.50, на мелочи 4, итого . . . . Остается 14 руб. 60 коп. Нынче писал домой, чтобы прислали денег.

3, 4 Сентября. Был в Кисловодскѣ. Теодорина слишком проста. Мнѣ жалко ее. Ничего не дѣлал оба дня и нынче все утро читал. Вчера получил извѣстье о том, что хлѣб стал дурно. Федуркину нужно еще 300 рублей, и ни отставки, ни отпуска мнѣ нельзя дать. Рѣшил дожидаться здѣсь денег и ѣхать пустынником жить в Старогладовскую до тѣх пор, пока все это разрѣшится чѣм-нибудь.

5, 6, 7, 8, 9. Боролся с лѣнью. Нынче пописал немного. Болтаю по вечерам с Валеріаном. Денег рублей 5. Собою доволен за все, исключая за лѣнь.

10 Сентября. Ничего не дѣлал, болтал с Машей, дѣлал планы о жизни вмѣстѣ в Москвѣ. Лѣнь и сознаніе лѣни страшно мучают меня. Завтра буду работать хоть гадость, но только чтобы быть довольным собой, а то жизнь с постоянным раскаяніем — мука.

11 Сентября. Валеріан и Маша уѣхали. Я писал утром и вечером, но мало. Не могу одолѣть лѣнь. Придумал вприсѣст писать по главѣ и не вставать, не окончив. Спал долго послѣ обѣда. Теперь часа четыре.

12 Сентября. Встал поздно. Окончил *Исторію Карла Иваныча* до обѣда. Послѣ обѣда шлялся, был в церкви, гдѣ испытал весьма тяжелое чувство, потом на бульварѣ ходил с Клунниковым и увел его с собой. Цѣлый вечер проспал. Завтра утром пойду в парк, обдумаю главу *Бѣглеца*, напишу ее до обѣда. Послѣ обѣда полежу и обдумаю главу *Отрочества* непремѣнно.

13 Сентября. Утром тоска была страшная. Послѣ обѣда ходил, был у Буковскаго, у Клунникова. Потом пришла мысль: *Записки маркера* — удивительно хорошо. Писал, ходил смотрѣть Собраніе и опять писал *Записки маркера*. Мнѣ кажется, что теперь только я пишу по вдохновенію. Отэтого хорошо.

14 Сентября. Окончил начерно и вечером написал лист набѣло. Пишу с таким увлеченіем, что мнѣ тяжело даже. Сердце замирает. С трепетом берусь за тетрадь. Завтра пріѣдут Валеріан и Маша. Теодорина будирует меня, и я не пойду больше к ней.

15 Сентября. Утро писал, не обѣдал. Гулял. Маша и Валеріан пріѣхали. Был Смышляев до 8 часов. Ничего не дѣлал. С восьми писал до одиннадцати. Хорошо, но слишком неправильный слог. Больше половины написано.

16 Сентября. Молодец и работал славно. Кончил. Ѣздил верхом с Дроздовым. Смышляев обѣщал денег.

17 Сентября. Ничего не дѣлал цѣлый день. Написал письмо Некрасову [18]). Читал статью Машѣ утром и вечером был у Смышляева.

18, 19. Ничего не дѣлал. Нынче начал-было писать, но лѣнь одолѣла. Вечером был у Смышляева и писал стихи.

Юмор может быть только в том случаѣ, когда человѣк убѣжден, что недосказанныя и странно-сказанныя мысли его — будут

поняты. Он зависит от расположенія и еще болѣе от слушателей или от инстинктивнаго мнѣнія о слушателях.

20, 21, 22, 23. Только два послѣдніе дня писал понемногу *Отрочество*. Коли приняться, то можно кончить его в недѣлю...

24, 25, 26. Ничего не дѣлал, нынче написал только маленькую главу. Шлялся... Глупо!!! Вчера написал отвѣт Либериху и письмо Ферзену.

27, 28. Ничего не дѣлал. Не пишется. Перечитывал свой роман Валеріану. Рѣшительно все надо измѣнить, но самая мысль останется необыкновенною. Вечером вздумал писать стихи и не пишу. Валеріан притворялся, что у него зубы болят, или дурно переносил боль. Начинаю подумывать о Турецком походѣ. Напрасно. Надо быть послѣдовательным, в особенности в том благородном прекрасном намѣреніи, которое я принял — т. е., быть довольным настоящим.

29. Утром написал главу *Отрочества* хорошо. Послѣ обѣда ѣздил верхом с шести до восьми . . . . В смерти бабушки придумал характерную черту — религіозность и вмѣстѣ непрощеніе обид.

30, 1 Октября. Вчера и нынче написал по главѣ; но не тщательно...

2 Октября. Писал главу *Отрочества*. Встал в 5 часов. Все *Отрочество* представляется мнѣ в новом свѣтѣ, и я хочу заново передѣлать его. Валеріан и Маша ѣдут. Хочу писать письмо Князю Михаилу Ивановичу и Сергѣю Дмитріевичу. *)

Нынче 3-е. Ничего не дѣлал. Пріѣхал Арслан Хан.

4, 5, 6. Пришла мысль о переводѣ. Писал письма и докладную записку. Провожал Валеріана и Машу . . . . . . Ужасно грустно. Постараюсь завтра прогнать эту грусть дѣятельностью.

7. Утро. Ходил к принцу, который опять наговорил мнѣ непріятностей, которыя часа на четыре разстроили меня. За обѣдом читал Profession de foi и вспомнил единственное средство быть счастливым. Послѣ обѣда начал-было писать *Дѣвичью*, но так неаккуратно, что бросил — нужно пересматривать сначала. Был у Дроздова, ѣздил с ним верхом и провел вечер.

8. Получил деньги. Хлопотал для отъѣзда. Подарил лошадь казаченку. У Теодорины не взял 3.90, по тому случаю, что она

---

*) Кн. Горчаковы.

мнѣ показалась очень жалка. Выѣхал в два, в шесть пріѣхал в Георгіевскую, здѣсь написал 3—4 листа *Дѣвичьей.*

9. В дорогѣ.

10. В дорогѣ.

11. Пріѣхал. Алексѣев хорошо принял. Зуев, кажется, простой и хорошій малый. Остановился у Епишки.

12. Встал до зари, начал-было писать, но бросил. Играл в карты по ½ к. Был на охотѣ, написал письма Маслову и Барашкину. Убил двух фазанов. Читал нынче литературную характеристику генія, и это сочиненіе разбудило во мнѣ увѣренность в том, что я замѣчательный по способностям человѣк и по рвенію к труду. С нынѣшняго дня примусь. Утро писать *Отрочество,* и *Бѣглеца* послѣ обѣда и вечером. Мысли о счастіи.

Ничего не дѣлал того, что предположил, а лѣнился, читал. Написал 1/4 листа *Дѣвичьей.* Хочу принять за правило, начав одно дѣло, не позволять себѣ заниматься ничѣм другим, а для того, чтобы не пропадали мысли, которыя будут приходить, записывать их аккуратно в книгу, с слѣдующим подраздѣленіем: 1) Правила, 2) Познанія, 3) Наблюденія. Нынче, например. Наблюденіе над пѣніем Епишки. Познанія — о миссіях в Сѣверную Осетинію и Грузію и Правила — не позволять себѣ ничего до окончанія начатаго труда.

15. Утром писал мало, читал Головнина [19]) с удовольствіем. Обѣдал, играл в карты, чѣм потерял часа три времени. Докончил *Дѣвичью.* Ужинал. Написал длинное письмо Николенькѣ и нѣсколько небольших правил и свѣдѣній.

16. Встал рано, читал Головнина. Писал. Обѣдал у Алексѣева, читал Головнина, писал. Ходил по станицѣ. Видѣл Пакуньку и два раза в замѣшательствѣ сказал ей: «табаку не держишь?» Глупо и то, что сказал, и то, что мнѣ совѣстно было это. . . . . . Играл в преферанс послѣ ужина. И слишком торопливо написал наблюденія, свѣдѣнія, мысли и правила.

17 Октября. Встал не рано. Читал, писал очень мало, играл в карты, (это надо бросить, а то много отнимает времени), читал и опять играл в карты и болтал до поздняго вечера. Зуев любит выказать свои знанія и говорит не совсѣм вѣрно и увѣренно.

18 Октября. Встал поздно. Был Аиб, Аверьянов и Епишка. Написал ½ листа. Послѣ обѣда написал еще главу. Вечер весь играл в карты. Это скверная привычка. Какой-то казак в то

время, как я проходил по улицѣ, сказал: «поп! солдат!» И такая глупость, сказанная, может, вовсе не мнѣ, мучила меня.

19. Октября. Написал *Наблюденія, свѣдѣнія, мысли* и *правила.* Ходил с Громаном в сады, убил зайца. Обѣдал один с Громаном. Зуев послѣ обѣда, в то время, как играли в карты, вдруг показался мнѣ чрезвычайно глуп.

Обри, пріѣхавшій к Громану, как кажется, жалкій человѣк. Он, окончив курс в лицеѣ, хотѣл из гражданской службы перейти в военную, против воли отца, и за это, по его разсказам, четыре года прослужил юнкером и теперь, наконец, уволившись от службы, Бог знает зачѣм, живет в Каргалинкѣ. Я при Фетисовѣ слишком зло говорил про казаков. Написал главу *Отрочества.* Ужинал, дописал нынѣшняго дня *Свѣдѣнія, наблюденія, мысли и правила* и ложусь. Благодарю Бога — я доволен собой, но странное я испытываю чувство безпокойства, когда я бываю внѣшне и внутренне спокоен, как-будто кто-то говорит мнѣ: вот ты хорош теперь, а никто, кромѣ тебя, этого не знает.

20 Октября. Арслахан, пріѣхав во время обѣда, остановился у меня и тѣм помѣшал мнѣ заниматься вчера. Послѣ обѣда я имѣл неосторожность сѣсть играть и проиграл два часа, а нынче встал поздно. До обѣда читал превосходный роман Самуеля Варрена. Послѣ обѣда спал и, проснувшись, переправил, и то плохо, одну главу до ужина. Послѣ ужина прочел *Инвалида* и часа два по атласу занимался географіей. Кажется, война будет. Алексѣев сказал мнѣ, что пѣхотных юнкеров уже потребовали к экзамену. Говорят, что у Шамиля [20]) 40.000 в сборѣ, и он сбирается напасть на кн. Воронцова.

22 Октября. Встал поздно, до обѣда писал немного, послѣ обѣда был у Громана, к которому пріѣхал офицер Самурскаго полка и разсказывал много занимательнаго о дѣлѣ в Закаталах [21]). Писал потом, несмотря на присутствіе мальчишек, и послѣ ужина играл в карты. *Отрочество* опротивѣло мнѣ до послѣдней степени. Завтра надѣюсь кончить. Идея писать по разным книгам свои мысли, наблюденія и правила весьма странная.

23 Октября. Проснулся я нынче очень поздно и с недовольным расположеніем духа . . . . Дурное расположеніе духа и безпокойство помѣшали мнѣ заниматься. Я прочел *Наденьку* — повѣсть Жуковой.*) Прежде мнѣ довольно было знать, что автор

*) М. С. Жукова, писательница 1830-1840 гг. Послѣдняя ея повѣсть «Наденька» была напечатана въ «Современникѣ» 1853 г.

повѣсти женщина, чтобы не читать ее. Оттого, что ничего не может быть смѣшнѣе взгляда женщины на жизнь мужчины, которую онѣ часто берутся описывать; напротив же, в сферѣ женской автор-женщина имѣет огромное преимущество перед нами. Наденька очень хорошо обстановлена; но лицо ея самой слишком легко и неопредѣленно набросано, видно, что автора не руководила одна мысль.

Я берусь за свою тетрадь *Отрочества* с каким-то безнадежным отвращеніем, как работник, принужденный трудиться над вещью, которая, по его мнѣнію, безполезна и никуда не годна. Работа идет неаккуратно, вяло и лѣниво.

Докончив послѣднюю главу, нужно будет пересмотрѣть все сначала и сдѣлать отмѣтки и начерно окончательныя перемѣны. Перемѣнять придется много. Характер «я» очень вял, дѣйствіе растянуто и слишком послѣдовательно во времени, а непослѣдовательно в мысли. Напримѣр, пріем в серединѣ дѣйствія описывать для ясности и выпуклости разсказа прошедшія событія — с моим раздѣленіем глав совсѣм упущен. Во все время обѣда и послѣ я не мог да и не находил надобности преодолѣть апатическую тоску, которая овладѣла мною.

Докончив *Наденьку*, я снова сѣл за отвратительное *Отрочество*; но Иліяс помѣшал мнѣ, так что я, не желая прогнать его и терять время даром, пошел на охоту. Опять проработал над *Отрочеством*, кое-как дописал одну главу и пошел ужинать, а послѣ играл в карты. С охоты, подходя к дому с сѣверной стороны, я полюбовался видом сѣрых гор из-за камышевых крыш домов и черной, тесовой, увѣнчанной крестом крыши часовни.

Два рекрута разговаривали на площади, и один из них в то время, как хотѣл слегка засмѣяться шуткѣ своего товарища, издал звук вродѣ кашля или перхоты, что часто бывает с людьми, ведущими неправильный образ жизни.

«*Довольствуйся настоящим!*» Это правило, прочитанное мною нынче, чрезвычайно поразило меня. Я живо припомнил всѣ случаи в моей жизни, в которой я не слѣдовал ему, и очень удивительно показалось, что я не слѣдовал ему, например, в ближайшем ко мнѣ по времени случаѣ в моей службѣ: я хотѣл быть юнкером, графом, богачем, со связями, замѣчательным человѣком, тогда как самое полезное и удобное для меня было бы быть юнкером — солдатом. Как много интереснаго я тогда мог бы узнать в это время, и как много непріятнаго избѣжал.

Но тогда положеніе мое было ближе ко мнѣ, поэтому-то не так ясно видѣл его. Затронутыя страсти (гордость, тщеславіе, лѣнь) давали другой вид положенію и подсказывали уму другія размышленія.

Вѣрь разсудку—только тогда убѣдишься, что никакая страсть не говорит в тебѣ.

В безстрастном состояніи разсудок руководит человѣком, но когда страсти обладают им, онѣ руководят и его разумом, придавая только больше пагубной смѣлости в дурных поступках.

Нездоровье. Авторы-женщины. *Наденька*. Отвращеніе к *Отрочеству*. Недостатки его. Упущеніе одного литературнаго пріема. Тоска. Ильяс. Охота. Писанье. Картины природы. Хрипящая улыбка. Довольствоваться настоящим. Примѣненіе к службѣ. Вліяніе страстей на разсудок.

24 Октября. Встал раньше вчерашняго и сѣл писать послѣднюю главу. Мыслей набралось много; но какое-то непреодолимое отвращеніе помѣшало мнѣ окончить ее. Как во всей жизни, так и в сочиненіи, прошедшее обусловливает будущее, — запущенное сочиненіе трудно продолжать с увлеченіем и, слѣдовательно, хорошо. Обдумывал перемѣны в *Отрочествѣ*, но не сдѣлал никаких. Надо на легкую руку набросать замѣтки и просто начать переписывать снова. До обѣда читал *Критику описанія войны 1799 года Россіи с Франціей* и послѣ обѣда без всякой охоты пошел стрѣлять в цѣль с Громаном. Прекрасная погода соблазнила меня, и я пошел на охоту, на которой убил зайца и пробѣгал за чакалкой до поздней ночи [22]). Послѣ ужина играл в карты до 12 часов. Как легко дѣлаются дурныя привычки. Я уж привык играть послѣ ужина.

Читая сочиненіе, в особенности чисто-литературное, — главный интерес составляет характер автора, выражающійся в сочиненіи. Но бывают и такія сочиненія, в которых автор афектирует свой взгляд, или нѣсколько раз измѣняет его. Самыя пріятныя суть тѣ, в которых автор как-будто старается скрыть свой личный взгляд и вмѣстѣ с тѣм остается постоянно вѣрен ему вездѣ, гдѣ он обнаруживается. Самыя же безцвѣтныя тѣ, в которых взгляд измѣняется так часто, что совершенно теряется.

Книга Милютина очень хорошо составлена, как кажется [23]). Несмотря на часто слышанную мною лесть и пристрастное мнѣніе людей, робко преклоняющихся перед всѣм царским, мнѣ кажется, что дѣйствительно характер, особенно политическій —

Павла I был благородный, рыцарскій характер. Охотнѣе принимаешь клевету за ложь, чѣм лесть за правду.

При отступленіи Суворова из Муттенской долины в 1799 году было знаменательное в его аріергардѣ Муттенское сраженіе: Розенберга и Милорадовича против Массены. Тугут, австрійскій министр при императорѣ Францѣ, был причиною измѣн и низостей Австріи против Россіи.

Дессантом — 20 тысяч англичан и 18 тысяч русских, высаженных в Голландіи, командовал герцог Іоркскій, а русскими войсками генерал Герман; французскими же и батавскими войсками — Брюн. *Амбарго* — морской военный термин, означающій признаніе кораблей непріятельскими. Павел I умер в 1801 году. Кази-мулла появился в 1832, во время Польской кампаніи; ему наслѣдовал Гамзат-Бек.

Прошедшее обусловливает будущее. Занятія дня. Взгляд автора. Выписки из критики книги Милютина. О клеветѣ и лести. Выписки из Аварской экспедиціи.

25 Октября. С утра пересмотрѣл *Отрочество* и рѣшился переписывать его снова и насчет измѣненій, перемѣщеній и прибавленій, которыя нужно в нем сдѣлать. Часов в десять пошел на охоту и проходил до ночи. Читал новый, весьма плохой *Современник*. Ужинал и теперь ложусь спать. Нынче цѣлый день был для меня моральным отдыхом, необходимость котораго так часто безсознательно сознаешь в себѣ.

Алагирскій завод (на Военно-Грузинской дорогѣ в сорока верстах от станціи Ардона) открыт в 1853 году 18 мая. Он может давать 35 тысяч пудов свинцу, выписываемаго прежде из Англіи.

Я начинаю жалѣть, что слишком поспѣшно послал *Записки маркера*. По содержанію едва ли я много бы нашел измѣнить или прибавить в них; но форма не совсѣм тщательно отдѣлана.

Занятія дня, моральный отдых. Алагирскій завод Б. *Записки маркера*.

26 Октября. Встал не рано и с ломотой усталости во всѣх членах. С утра работал порядочно над перепиской и приведеніем в порядок *Отрочества*, но скоро позвали обѣдать, и послѣ обѣда, почитав немного и посидѣв с Алексѣевым, который приходил ко мнѣ, сдѣлал очень мало. Когда и мог бы до ужина, чтобы сдѣлать удовольствіе Громану, вызвавшемуся переписывать мнѣ, диктовал и читал ему.

Болѣзнь моя все усиливается и, как кажется, уже не такого рода, как была прежде. . . . . . .

Отсутствіе тѣла, страстей, чувств, воспоминаній и времени (т. е. вѣчность) не есть ли отсутствіе всякой жизни? В чем же отрада будущей жизни, когда невозможно себѣ представить ее? Описаніе борьбы добра со злом в человѣкѣ, покушающемся или только-что сдѣлавшем дурной поступок, всегда казалось мнѣ неестественным. Зло дѣлается легко и незамѣтно, и только гораздо послѣ человѣк ужасается и удивляется тому, что он сдѣлал.

Простой народ так много выше нас стоит своей исполненной трудов и лишеній жизнью, что как-то нехорошо нашему брату и описывать в нем дурное. Оно есть в нем, но лучше бы говорить про него (как про мертваго) одно хорошее. Это достоинство Тургенева и недостаток Григоровича и его *Рыбаков*. Кого могут занять пороки этого жалкаго и достойного класса? В нем больше добраго, чѣм дурного, поэтому естественнѣе и благороднѣе искать причины перваго, чѣм второго.

В старину я думал, что, взяв себѣ за правило быть основательным и аккуратным в своих занятіях, я могу слѣдовать ему; потом часто повторяемыя и никогда в точности не исполняемыя такія правила начинали убѣждать меня в том, что они безполезны; теперь же я убѣждаюсь, что эти припадки, постоянно ослабѣвающіе и снова возобновляющіеся, составляют нормальное состояніе періодической к самому себѣ внимательности. Надо привыкать всегда и во всем писать четко и ясно, а то часто безсознательно неясность или невѣрность мысли скрадываешь от самого себя неестественными оборотами, помарушками и размахами. Нынче за обѣдом был разговор о Пушкинѣ, и для меня рѣшительно непостижима эта жестокость. Как может человѣк из-за комедіи жертвовать основными человѣческими чувствами. Кипр, лежащій на пути от Смирны к Іерусалиму, — родина Георгія Побѣдоносца.

В кампаніи 1805 года, окончившейся Вѣнским договором, главными сраженіями были Ульм, Ваграм и Аустерлиц.

Разсчетливость отличается от скупости тѣм, что первая, ограничив как бы ни было тѣсно или просторно свои потребности, не стѣсняет их болѣе, между тѣм, как скупость, не опредѣляя своих потребностей, жертвует ими всегда для пріобрѣтенія.

Аввесалом — был сын Давида с филистимлянкой, вооружив-

шійся против него и повисшій на своих волосах. Сегодня видѣл отвратительный сон о Сережѣ: какая-то дуэль и конфеты.

Занятія. Болѣзнь. В будущей жизни. Бореніе при дурном поступкѣ. «Рыбаки.» Взгляд автора на простой народ. Періодическая внимательность. Чистота и ясность письма. О Пушкинѣ. Кипр. Кампанія 1805. Разсчетливость и скупость. Аввесалом. Сон о Сережѣ.

27 Октября. Проснулся чрезвычайно поздно и цѣлый день ничего не дѣлал, потому что застрял на *Новом взглядѣ*, для котораго ничего не идет в голову... Послѣ обѣда у меня сдѣлалось дрожаніе в глазах, так что я не мог читать и заснул с головной болью.

Епишка разсказывал мнѣ, как Греков и Лесеневич призвали в Герзель-аул стариков из Стараго Аксая и Учар Аджи, который был подозрѣваем в продажѣ товаров немирным. Объяснив им, что поступки Учар-Аджи противузаконны и что его должно взять, они старались успокоить других татар, но как только Учар-Аджи, который в воротах, гдѣ отбирали у всѣх оружіе, успѣл скрыть в рукавѣ кинжал, услыхал, в чем дѣло, он бросился на Грекова, заколол его, потом Лесеневича, хотѣл тоже срубить Муллу-Хасаева, но Бегичев ударом шашки успѣл повалить его. Всѣх татар, которые были тут, убили. В том числѣ и Епишкинаго пріятеля, Порабочевскаго охотника, казака Данилу.

Помни, что чѣм труднѣе и тяжелѣе обстоятельства, тѣм необходимѣе твердость, дѣятельность и рѣшимость, и тѣм вреднѣе апатія. Слабыя души дѣлают наоборот.

Занятія дня. Болѣзнь. Убійство Грекова и Лесеневича. Остановка в сочиненіи. Трудныя минуты.

28, 29, 30 и 31 Октября и 1 Ноября. 28 и 29 провел в том сознательном тяжелом бездѣйствіи, которое происходит от постоянно занимающей непріятной мысли... Ходил 29-го цѣлый день на охотѣ, болтал с Епишкой, играл в карты и читал біографію Шиллера, написанную его свояченицей. Чрезвычайно замѣтен в ней поверхностный взгляд на великаго человѣка сантиментальной женщины и лица, слишком близкаго поэту, поэтому находящагося под вліяніем мелочных домашних недостатков, утратившаго должное уваженіе к поэту.

30. Послѣ обѣда выѣхал с Зуевым и Громаном в Хасав-Юрт... Ночевал в Шелковой, гдѣ Зуев своими сужденіями (не подлыми, но не благородными) и болтовней окончательно убѣдил меня в

своей пустотѣ и в огромном разстояніи, нас морально раздѣляющем.

31. Цѣлый день провел в дорогѣ. В Темкичах, дожидаясь оказіи[24]), я слышал, как хозяйка солдатка, прійдя в замѣшательство, потому что отказала повѣрить богатому жиду Табуну сѣмячек на пятак, начала доказывать жиденку, что Табун по-нашему, по-русскому, ей дядя: значит, твой отец был еврей и его брат выходит Табун, так и значит, что он, т. е. Табун, его брат, и т. д. Нищій лѣт семидесяти, татарин, который, шутя, толкал меня и которому я дал хлѣба и водки, так был тронут моей лаской, что все время, которое я там пробыл, смотрѣл на меня с выраженіем самой трогательной благодарности и, как мальчишка, старался угадывать мои желанія и прислуживать мнѣ. Он увѣрял, что ему только сорок лѣт. У татар, как и у всѣх народов в состояніи необразованія и постоянной нужды, старость не есть титул на уваженіе, а только титул на дешевую покупку их услуг. Велико было моральное развитіе Спартанскаго народа.

Подъѣзжая к Хасав-Юрту, показалось на два ружейных выстрѣла человѣк десять татар, и храбрецы Кабардинцы, как и всегда водится, закопошились и перетрусились. Один солдат в авангардѣ сказал: как бы откуда с другой стороны не гикнули. Вот истинный трус. Он выразил свою боязнь так, что она могла сообщиться другим. Вечером, как и всегда уж в Хасан-Юртѣ, говорили при мнѣ офицеры, не зная того, что я был в оказіи, что нынче было нападеніе на оказію. Вчера Зуев выказывал перед Олифером всю свою свѣтскость и утонченность, находил, что дрожички Алексѣева страмныя и т. д. Удивительно, как могут эти люди, выросшіе в грязи и под палкой, не стыдясь перед самими собой, смѣяться над чѣм-нибудь. Еще странно, что эти люди, как Зуев, любящіе цивилизацію, иностранныя слова, литературу, музыку, о которых они имѣют самыя смѣшныя, офицерскія понятія, внушать своими разсказами довѣріе другим и больше, чѣм люди истинно образованные. Впрочем, эта странность происходит от того, что я живу между этими людьми с ограниченными взглядами. Они понимают один другого. Нынче опять бѣгали на тревогу. Я читал *Капитанскую дочку*, и увы, должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара — не слогом, но манерой изложенія. Теперь справедливо в новом направленіи интерес подробностей чувства замѣняет интерес самых событій. Повѣсти Пушкина голы как-то. Вот мысли,

которыя приходили мнѣ в эти четыре дня и которыя я успѣл отмѣтить для памяти в маленькой книжкѣ.

Невозможно слѣдовать опредѣленіям разумной воли только вслѣдствіе ея выраженія. Необходимо употреблять хитрости против самого себя и своих страстей. Добро пріятно дѣлать для каждаго; но страсти часто заставляют нас видѣть его в превратном свѣтѣ. А разсудок, дѣйствуя непосредственно, безсилен против страсти, он должен стараться дѣйствовать одной на другую. В этом заключается мудрость.

Шиллер совершенно справедливо находил, что никакой геній не может развиться в одиночествѣ, что внѣшнія возбужденія — хорошая книга, разговор — подвигают больше в размышленіи, чѣм годы уединеннаго труда. Мысль должна рождаться в обществѣ, и обработка и выраженія ея происходить в уединеніи.

Епишка говорит, что ежели человѣк идет да смотрит на свое платье, он *швинья*. На какой низкой степени тщеславіе! Как наивны его уловки!

В двух верстах от Шелковой во времена Ермолова, или даже прежде, находилась крѣпость Ивановская, которую, как говорит Епишка, разорили за то, что будто было ложно показано, что в ней сорок церквей.

Гуйма — ковровая кибитка, в которой живут ногайскія бабы и дѣвки.

Одна из главных причин ошибок нашего богатаго класса состоит в том, что мы не скоро привыкаем к мысли, что мы большіе. Вся наша жизнь до 25, иногда и больше лѣт, противорѣчит этой мысли; совершенно наоборот того, что бывает в крестьянском классѣ, гдѣ в 15 лѣт малый женится и становится полным хозяином. Меня часто поражала эта самостоятельность и увѣренность крестьянскаго парня, который, будь он умнѣйшим мальчиком в нашем классѣ, был бы нулем.

Странно, что всѣ мы таим, что одна из главных пружин нашей жизни — деньги. Как будто это стыдно. Возьмите романы, біографіи, повѣсти: вездѣ стараются обойти денежные вопросы, тогда как в них главный интерес (ежели не главный, то самый постоянный) жизни и лучше всего выражается характер человѣка.

Есть разряд милых, благородных (хотя большей частью несчастных в жизни и неуважаемых), которые как-будто живут только для того, чтобы выждать случая пожертвовать собой для другого или для чести, и которые живут только с той поры,

с которой начинается это пожертвованіе. Часто случалось мнѣ удивляться и завидовать основательному и точному взгляду людей, читавших мало.

Всякое оконченное начерно сочиненіе пересматривать, вымарывая все лишнее и не прибавляя ничего. Это первый процесс.

Читая разсказ какой-то англійской барыни, меня поразила непринужденность ея пріемов, которой у меня нѣт и для пріобрѣтенія которой мнѣ надо трудиться и замѣчать.

Шамиль в 1846 ходил в Кабарду и имѣл славное для русских дѣло с Левковичем, который с шестью ротами и двумя крѣпостными орудіями наткнулся на него уже по сю сторону Терека, около Змѣйки, и, выдержав его атаки, отступил, потеряв сто двадцать человѣк и не оставив ни одного тѣла.

Самонадѣянность и увѣренность (aplomb) зависят не от блестящаго положенія, а от успѣха на избранном пути, как бы он ни был ничтожен.

Сулейман-Эфенди в 1846 году был послан Шамилем на правый фланг для собранія всадников; в 1847 при постройкѣ Ачхая он вышел к русским. Из Воронежа, куда был послан на жительство, он ѣздил в Мекку и на возвратном пути пристал к Немирным берегам.

Карачай — нейтральный народ, живущій у подошвы Эльбруса, отличается своей вѣрностью, красотой и храбростью.

В 1848 году Карачаевскаго князя, мстившаго врагу своему Кабардинскому князю, приказано было арестовать в Пятигорскѣ; но дикарь не сдался и был убит с четырьмя нукерами цѣлой ротой солдат.

Бывают лица, к числу которых принадлежит и мое и каким я хочу выставить героя романа *Русскаго помѣщика*, которыя чувствуют, что они должны казаться гордыми, и чѣм болѣе стараются выказать на своем лицѣ выраженіе равнодушія, тѣм болѣе кажутся надменными.

Часто в сочиненіи меня останавливают рутинные, не совсѣм правильные, основательные и поэтическіе способы выраженія, но привычка встрѣчать их часто заставляет писать их. Эти-то необдуманные обычные пріемы в авторствѣ, недостаток которых чувствуешь, но прощаешь от частаго употребленія, для потомства будут служить доказательством дурного вкуса. Мириться с этими пріемами значит — идти за вѣком, исправлять их — значит идти вперед его.

Занятія. Біографія Шиллера. Отъѣзд. Зуев. Табун. Старик нищій. Неуваженіе к старикам. Тревога. Трус. Пріѣзд. Свѣтскость Зуева. Слог Пушкина. О управленіи своими страстями. Развитіе мысли. Наивность тщеславія. Ивановская. Гуйма. Причина ошибок людей нашего класса. Денежные интересы. Люди, любящіе самопожертвованіе. Люди, мало читавшіе. Правило для исправленія сочиненія. Непринужденность пріемов. Левкович. Причины aplomb. Сулейман-Эфенди. Карачай. Убійство Карачаевскаго князя. Лица гордыя. Строгость в выраженіях.

2—3 Ноября. Оба дня провел в туманѣ. Безпрестанные посѣтители у Олифера и безпокойство о болѣзни (которая как-то колеблется между лучшим и худшим) не отвлекали меня от наблюденія за самим собой, за другими и от занятій. Рѣшился лѣчиться, несмотря на то, что доктор внушает мнѣ очень мало довѣрія.

Вчера завязался между мной и нѣсколькими офицерами спор о цѣнности жалованных титулов; причем Зуев выказал без всякой послѣдовательности свою зависть к моему титуту. В ту минуту мысль, что он считает меня тщеславным своим титулом, кольнула мое самолюбіе, теперь же я от души радуюсь, что он дал подмѣтить в себѣ эту слабость. Как опасно вѣрить мыслям, являющимся в жару спора.

Всегда жить одному — другое правило, которое я постараюсь соблюдать.

Почти всякій раз при встрѣчѣ с новым человѣком я испытываю тяжелое чувство разочарованія, воображаю себѣ его таким, каков я, и изучаю его, прикидывая на эту мѣрку. Раз навсегда надо привыкнуть к мысли, что я — исключеніе, что или я обогнал свой вѣк, или одна из тѣх несообразных, неуживчивых натур, которыя никогда не бывают довольны. Нужно взять другую мѣрку (ниже моей) и на нее мѣрить людей. Я рѣже буду ошибаться. Долго я обманывал себя, воображая, что у меня есть друзья, люди, которые понимают меня. Вздо́р! Ни одного человѣка еще я не встрѣчал, который бы морально был так хорош, как я, который бы вѣрил тому, что не помню в жизни случая, в котором бы я не увлекся добром, не готов был пожертвовать для него всѣм.

Отэтого я не знаю общества, в котором бы мнѣ было легко. Всегда я чувствую, что выраженіе моих задушевных мыслей примут за ложь и что не могут сочувствовать интересам личным.

Вчера перешел на квартиру. Ежели принужден прожить здѣсь мѣсяц, я увѣрен, что употреблю его с пользой. Уже вчера

вечером я почувствовал то расположеніе к истинѣ, пользѣ, под вліяніем котораго находился в Тифлисѣ, в Пятигорскѣ. Нѣт худа без добра. Вчера при мысли, что у меня может провалиться нос, я вообразил себѣ, какой огромный и благой толчок это дало бы мнѣ на пути нравственнаго развитія. Я так живо представил себѣ, как бы я был благороден, предан благу общему и полезен ему, что мнѣ почти захотѣлось испытать то, что я называл несчастьем, извиняющим самоубійство. Впрочем, эту подлую мысль, т. е., самоубійство от стыда уродливости, которую я слышал от Иславина, сказанную хорошо и выразительно, я повторяю без убѣжденія. Как часто это бывает, что повторяешь вещи, не обдумав их, потому только, что онѣ хорошо сказаны.

Не повторяй ничего слышаннаго, как бы оно ни поразило тебя, не обдумав спокойно его и не согласовав его в спокойном состояніи с собственным направленіем.

Занятія. Спор о титулах. Жить одному. Мѣрка для людей. Неуживчивость. Расположеніе духа. Мысль о уродливости. Повтореніе чужих мыслей.

4 Ноября. Вчера провел весь день, ничего не дѣлая. Болтал с посѣтителями и перечитывал какой-то старый *Современник*...

Не дорожить мнѣніем, котораго ты не уважаешь. Я хотѣл сказать: не дорожить мнѣніем людей, которых не уважаешь; но это было бы неправильно, потому что даже тѣ люди, которых ты презираешь, могут в нѣкоторых случаях быть основательными судьями. Ошибка, которой я хочу избѣгнуть, состоит только в том, чтобы не стараться (как часто это случается с людьми тщеславными) выказывать себя таким, каким бы не уважал другого.

Вчера послѣ пульки Стасюлевич, который, как кажется, человѣк с очень хорошими способностями, разсказывал мнѣ исторію своего несчастья.

В Метеховском замкѣ содержались три линейные солдата за убійство и ограбленіе почты, грузинскіе князья Амелехваров и Эристов с нѣсколькими имеритинами, причастными к их дѣлу. Солдаты, имѣвшіе сообщеніе с Амелехваровым, об'явили ему, что у них спрятаны в городѣ 25.000, которые они берутся достать, ежели бы их выпустили. Амелехваров обратился к караульному офицеру Загобелю, обѣщая с солдатами послать своих имеритин (извѣстных вѣрностью своему слову), чтобы привести солдат обратно живых или мертвых. Загобель согласился, шесть преступников были выпущены ночью, ограбили и убили прохожих

и принесли 5500 руб., которые подѣлили между Амелехваровым и Загобелем, говоря, что не могли взять всѣх спрятанных денег. Загобель пускал их и другой раз, в тот самый день, как в караул заступил Стасюлевич. «Я только что женился, говорит он, и два мѣсяца уже не был в караулѣ. Когда я пришел к Загобелю и попросил его сдать мнѣ караул, (так я всегда был очень аккуратен по службѣ), то меня удивили разстройство и блѣдность, которыя я замѣтил в нем, и которыя он об'яснил мнѣ лихорадкой; тогда, как я узнал впослѣдствіи, причина эта была другая. В пять часов утра, когда я пріѣхал, выпущенные арестанты еще не возвращались и были впущены только в то самое время задними воротами, когда я собирался идти осматривать их.

Обходя арестантов, я нашел двух пьяными и велѣл осмотрѣть их: оказались подпилки, штофы и т. д. Я принял караул. Князь Амелехваров обратился к унтер-офицеру Семенову, прося его выпустить опять на ночь арестантов и идти с ними; но так как я не спал всю ночь и даже в то самое время, когда он уже готов был выводить их задними воротами (от которых ключ был у него), я потребовал его — намѣреніе их не могло быть исполнено в первую ночь. На другую ночь, во время моего сна, арестанты были выпущены, одѣтые в грузинское платье (на одном из них была фуражка солдата и ротный мѣшок с клеймом), и отправились к Карганову с тѣм, чтобы с помощью подкупленнаго его деньщика ограбить жалованье, которое он для раздачи получил наканунѣ. Грабеж их не удался, они были открыты, и второпях побѣга мѣшок и шапка были оставлены на мѣстѣ преступленія.

Я ничего не знал, но, только, сдавая караул, замѣтил, что замѣченные мной третьяго дня арестанты были снова пьяны.

На другой день меня арестовали. По найденному мѣшку навели справку в ротѣ, и оказалось, что мѣшок принадлежал караульному взводу. Допрошенный унтер-офицер Семенов показал, что арестанты были выпущены с моего разрѣшенія. Я два мѣсяца содержался под секретным арестом в квартирѣ коменданта роты.

Меня отдали под суд, но я просил назначить особую комиссію, которая нашла меня виновным в неисполненіи караульных обязанностей, но в выпущеніи арестантов не могла ни оправдать ни обвинить меня, так как арестанты запирались, солдаты показывали, что приказаніе выпуска они получили моим именем через унтер-офицера, а не от меня, а Семенов продолжал обвинять

меня. Я был приговорен к разжалованію в солдаты, без лишенія дворянства, впредь до выслуги и изъявил свое согласіе на этот приговор. Намѣстник нашел, что виновнѣе всѣх Комендант и генерал Вольф, исправляющій за его отсутствіем его должность, за безпорядки,открывшіеся по случаю «этого дѣла», как-то: упущеніе обязанностей ротнаго и дежурнаго по караулам, за котораго мы обыкновенно расписывались сами, — и, утвердив приговор комиссіи, послал на рѣшеніе Государя.

В это время священник, которому, как послѣднее средство, поручено было увѣщевать к истинѣ преступников, открыл, что Загобель еще прежде выпускал их. Загобель тотчас же признался и был арестован; назначено новое слѣдствіе. Я просил отдѣлить мое дѣло от дѣла Загобеля и конфирмовать меня. Намѣстник согласился и отправил меня.

Виновен ли он или нѣт? Бог знает, но когда он разсказывал мнѣ (он то прекрасно говорит) свое горе и его жены, я едва сдерживался от слез. Пріѣхав в полк послѣ набѣга 11 августа, за который Вольф отказал ему в крестѣ, он узнал, что в приказѣ по корпусу он обвинен в выпускѣ арестованных и конфирмован к лишенію дворянства. Между тѣм, как дѣло Загобеля потушено; и он только переведен в линейный батальон.

Приказ, по которому Намѣстник находит виновным генерала Вольфа, исправлявшаго его должность, должен бы был и обвинить самого Намѣстника по дѣлу Загобеля, так как первый выпуск арестантов был сдѣлан еще при самом князѣ. Вот причина потушенія дѣла Загобеля.

Я просил, говорит Стасюлевич, докладной запиской, чтобы дѣло переслѣдовали, так как изъявил согласіе ио тказался подавать прошеніе на Высочайшее имя не на это рѣшеніе. Мнѣ сказали, что я не имѣю права подавать докладной записки, а что мой ротный командир должен написать рапорт с моих слов. Ротный же командир мой, Горяинов, так боится всякаго столкновенія с начальством и такой ограниченный человѣк, что он уж шесть мѣсяцев ничего не пишет.

Бывают физіономіи, особенно тѣ, которыя надѣлены блестящими глазами и широкими потными чертами лица, которыя, когда одушевлены, безпрестанно мѣняют выраженіе до такой степени, что трудно узнать их.

Абхазія лежит по ту сторону гор, почти напротив Эльбруса. Имѣет до 30.000 жителей. Главныя укрѣпленныя мѣста Сухум-

Кале, Бамборы. Резиденція же Абхазскаго владѣтеля Суук-Су. Абхазцы — христіане.

Занятія. Исторія Стасюлевича. Перемѣна физіономій. Абхазія.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Л. Н. Толстой был в это время фейерверкером 4-ой ба-батареи 2-ой артиллерійской бригады. Дивизіон был отправлен в поход против знаменитаго вождя кавказских горцев Шамиля.

2) Старшій брат Л. Н. Толстого Николай или Николенька, как его обыкновенно называли в семьѣ. Своей рѣдкой добротой и умом он в дѣтствѣ имѣл очень большое вліяніе на своего младшаго брата.

3) Балта — мирный горецъ, состоявшій на русской службѣ в качествѣ переводчика. Лихой наѣздник, тайком воровавшій лошадей, он не очень разбирался, какой из враждующих сторон онѣ принадлежали.

4) В этом дѣлѣ Л. Н. Толстой подвергался большой опасности. Когда он наводил орудіе, непріятельская граната разбила орудійное колесо и разорвалась, к счастью, не причинив Льву Николаевичу никакого вреда.

5) Толстому очень хотѣлось получить георгіевскій крест, но всякій раз, когда он должен был его получить, что-нибудь мѣшало осуществленію его желанія. Первый раз он не мог его получить из-за отсутствія каких-то бумаг, второй раз он уступил его добровольно одному старому солдату, а в третій раз, когда он был представлен к георгіевскому кресту своим батарейным командиром, он, из-за какой-то неисправности в караульной службѣ, не только не получил креста, но еще был посажен под арест по приказанію бригаднаго командира.

6) Авдѣев Михаил Васильевич (1821-1876) — один из второстепенных писателей второй половины девятнадцатаго вѣка. Большим успѣхом пользовались двѣ его вещи: «Подводный камень» и «Между двух огней», в которых разбирается очень модный в то время вопрос о женском равноправіи.

7) Рѣчь идет о разсказѣ «Святочная ночь» или «Как гибнет любовь», напечатанном недавно в Парижѣ в сборникѣ «Неизданные разсказы и пьесы» в изданіи Т-ва «Н. П. Карбасниковъ».

8) Епишка — старый казак, ярко описанный в повѣсти Толстого «Казаки» под именем Ерошки. Епишка поразил воображеніе моло-

дого писателя своей стихійной, непосредственно сливающейся с природой натурой. От Епишки Толстой узнал много старинных пѣсен, повѣрій и сказок. Это был проводник, познакомившій Толстого с дикой природой, бытом и нравами Кавказа.

9) Рѣчь идет о разсказѣ «Набѣг», сильно пострадавшем от цензуры. В письмѣ к брату Сергѣю Толстой пишет по этому поводу, «Дѣтство было испорчено, а «Набѣг» так и пропал от цензуры. Все: что было хорошаго, все выкинуто или изуродовано».

10) Сережа — Сергѣй Николаевич Толстой — слѣдующій за Николаем старшій брат Л. Н. Толстого. Очень самолюбивый, способный, гордый человѣк, на котораго Толстой в дѣтствѣ смотрѣл снизу вверх, как на предмет достойный подражанія.

11) Сестра Л. Н. Толстого, замужем за гр. Вал. П. Толстым, впослѣдствіи монахиня.

12) Подполковник Алексѣев, командир батареи, в которой служил Толстой, маленькій бѣлокурый человѣк, немного тщеславный, по описанію Толстого, но очень добрый и религіозный без ханжества.

13) Так называется глава из «Отрочества», в которой под именем Карла Ивановича Мауера описан Федор Иванович Рессель, бывшій первым гувернером Толстого.

14) 10 іюня, находясь в отрядѣ, двигавшемся к крѣпости Грозной, Толстой с тремя молодыми офицерами и татарином Садо отдѣлился от медленно идущей колонны и поскакал вперед, чтобы скорѣе прибыть к мѣсту назначенія. Такое противозаконное нетерпѣніе могло обойтись очень дорого, так как скрывавшіеся в окрестных лѣсах чеченцы всегда подкарауливали одиночных путников, стараясь захватить в плѣн, чтобы потом получить выкуп. И, дѣйствительно, верстах в четырех от крѣпости молодые люди встрѣтили шайку чеченцев. Барон Розен, Щербачев и Полторацкій повернули обратно к своему отряду, а Толстой и его друг Садо поскакали во всю прыть в Грозную. Часть шайки бросилась за тремя офицерами, а семь чеченцев понеслись за Толстым и Садо. У Толстого была очень хорошая лошадь и он мог бы ускакать один, но он не захотѣл оставить Садо одного и потому сдерживал бѣг своей лошади, рискуя быть захваченным вмѣстѣ со своимдругом. К счастью, у Садо было ружье и, хотя оно было незаряжено, он направлял его на преслѣдователей, угрожая выстрѣлить. Когда они приблизились к Грозной, часовой издалека увидал их опасное положеніе и поднял тревогу. Из крѣпости выскочили казаки, и, увидав их, чеченцы обратились в бѣгство.

15) Бабушка Толстого со стороны отца Пелагея Николаевна была урожденная Горчакова, дочь слѣпого князя Николая Ивановича Горчакова. Отсюда родство с Горчаковыми.

16) Намѣстник Кавказскій князь Михаил Семенович Воронцов

(1782—1856), главноначальствующій кавказскими войсками, совмѣстно с князем Барятинским покорившій Кавказ.

17) Толстой в это время очень увлекался спиритизмом, главным образом, опытами с вертящимися столами. Впослѣдствіе он очень разочаровался в этих явленіях, что особенно ясно видно из его пьесы «Плоды Просвѣщенія».

18) Извѣстный поэт Николай Алексѣевич Некрасов (1821-1877) издавал тогда журнал «Современник» — лучшій журнал того времени. В этом журналѣ были помѣщены перыя произведенія Л. Н. Толстого.

19) Головнин Василій Михайлович (1776-1831) выдающійся адмирал, автор чрезвычайно интересных записок о своих путешествіях и в особенности о плѣнѣ у японцев.

20) Шамиль (1797-1871) — духовный и политическій глава кавказских горцев. Десятки лѣт боролся против русских, отстаивая свободу Кавказа. Хитрый, смѣлый и жестокій, он пользовался огромным вліяніем среди своих единоплеменников, но в 1859 году, окруженный на горѣ Гунибѣ войсками кн. Барятинскаго, положил оружіе и был перевезен в Калугу, гдѣ и содержался в качествѣ почетнаго плѣнника.

21) Закаталы — окружной город Закатальскаго округа на Кавказѣ.

22) Чакалкой солдаты называли шакала.

23) Исторія войны 1799 г. — сочиненіе Д. А. Милютина, впослѣдствіе извѣстнаго военнаго министра, возведеннаго императором Александром II в графское достоинство.

24) Оказіей называлось сопровожденіе транспорта усиленным конвоем, для огражденія от нападеній горцев.

ПАМЯТИ ДЕКАБРИСТОВ.*)

Русское поколѣніе декабристов испытало сильнѣйшее вліяніе французских освободительных идей, вліяніе того 18 вѣка, который, по знаменитому изреченію, должен был бы цѣликом найти мѣсто в Пантеонѣ. Здѣсь и надо искать один из главных идеологических источников декабрьской революціи. Это послѣднее слово не должно казаться слишком сильным в примѣненіи к явленію, которое не всегда упоминается в курсах всеобщей исторіи.

Есть два рода революцій. Однѣ развиваются грозно, длятся годами, добиваются того, что считают успѣхом. Другія гибнут в самом началѣ — и, быть может, онѣ-то и есть самыя возвышенныя революціи. Онѣ не знали страшнаго испытанія удачи, и нѣт в их наслѣдіи крови, звѣрств, эшафота... Онѣ остаются незапятнанным выраженіем идеи... К тому же, что такое революція? Проф. Олар, в одной из самых замѣчательных своих работ, дал прекрасное опредѣленіе этого понятія. Он говорит:

«Мнѣ кажется, что факты, собранные в моей книгѣ, освобождают от двусмысленности понятіе французской революціи. Вошло в обычай обозначать одним именем, как принципы, составляющіе французскую революцію, и дѣйствія, согласныя с этими принципами, так и період, в теченіе котораго французская революція совершалась, со всѣми его актами, соотвѣтствующими и несоотвѣтствующими этим принципам. Подобное смѣшеніе понятій было столь же неправильно, сколь выгодно для сторонников реакціи, ибо оно позволяло приписывать революціи (разсматриваемой, как нѣкое историческое лицо) самыя дурныя и даже самыя контр-революціонныя дѣйствія. Что может быть, например, контр-революціоннѣе, чѣм казнь эбертистов и дан-

---

*) Статьи М. А. Алданова, П. Н. Милюкова, С. П. Мельгунова и В. А. Мякотина представляют собой воспроизведеніе рѣчей, произнесенных на торжественном засѣданіи Акад. Союза в Сорбоннѣ 27 декабря 1925 г.

тонистов или чѣм отмѣна всеобщаго избирательнаго права в III году? И тѣм не менѣе часто говорят: «Революція» казнила Эбера и Дантона, Революція уничтожила демократію... Я думаю, что теперь термины выяснены: Революція заключается в Деклараціи прав, составленной в 1789, дополненной в 1793 году, и в попытках ея осуществленія; а контр-революція — это попытки отклонить французов от дѣйствій, сообразных с принципами Деклараціи Прав, т. е. с разумом, просвѣтленным исторіей».*)

Как мы были бы рады, мы, ci-devant'ы 1917 года, еслиб это превосходное опредѣленіе примѣнялось — всѣми — не только к событіям конца 18 вѣка, но и нынѣшним русским событіям. Быть может, удалось бы наглядно установить, что не всѣ дѣйствія совѣтскаго правительства вполнѣ соотвѣтствуют Деклараціи прав человѣка и гражданина. Тогда вопрос о большевистской революціи получил бы, вѣроятно, не то освѣщеніе, которое ему порою дается в нѣкоторых кругах Запада. Может быть, ее даже признали бы тогда самой черной контр-революціей.

Декабрьская революція вполнѣ отвѣчала опредѣленію г. Олара. Ей очень не посчастливилось: темнота народных масс, ошибки вождей, «Его Величество случай», значеніе котораго почти не поддается оцѣнкѣ,—все было против декабристов. Они потерпѣли пораженіе. Что с того? Много ли оставила исторія от дѣл побѣдителей декабристов? Личная судьба людей не имѣет рѣшающаго значенія. Вспомним слова, сказанныя незадолго до смерти Сен-Жюстом: «Презираю прах, из котораго состоит мое тѣло. Меня могут казнить. Но кто отнимет от меня ту свободную жизнь, которую я сам себѣ создал в небесах и в вереницѣ грядущих столѣтій!»

Историческая цѣнность революцій зависит от трех обстоятельств: от того, что онѣ разрушают, от того, что онѣ создают, и от легенды, которую онѣ послѣ себя оставляют. Лѣт пятнадцать тому назад, в этой самой залѣ, на засѣданіи ученаго общества, гдѣ предсѣдательствовал г. Олар, я слышал рѣчь Жореса. Рѣчи этого оратора не забываются. Жорес говорил о легендѣ французской революціи... «Эта легенда наше національное богатство!» — воскликнул он... Декабристы ничего не разрушили и ничего не создали. Цѣнность того, что они сдѣлали, заключается всецѣло в их легендѣ. Но этого достаточно.

---

*) A. Aulard. Histoire politique de la Révolution française (p. 783).

У Мишле есть прекрасная страница о декабристах. Он знал о них очень мало. Декабрьское возстаніе в свое время произвело сильное впечатлѣніе в Европѣ, особенно во Франціи. Я недавно просматривал номера разных газет, Le Constitutionnel, Le Journal des Débats, за 1826 г. Первое извѣстіе о петербургской революціи вызвало в Парижѣ чрезвычайную сенсацію. На биржѣ произошла паника, министерство де-Виллеля пошатнулось. Но газетные разсказы и слухи носили полуфантастическій характер. Точно никто ничего не знал. Мишле о декабрьском дѣлѣ был освѣдомлен немногим лучше, чѣм парижскіе журналисты 1826 года. Тѣм не менѣе он угадал главное. Он нашел удивительныя слова, — этими словами я и кончу. Мишле сказал, что декабристы были повѣшены глубокой ночью. Этот образ его поразил: Россія спала в то время, когда за нее умирали. Ему сказали, что Рылѣев в послѣднюю минуту усомнился в своем дѣлѣ... Позвольте же привести заключительныя слова Мишле:

«Нѣт, не сомнѣвайтесь, великій человѣк! Вы были в тот день совѣстью Россіи, ея пророческой мыслью. То, что Россія будет думать впослѣдствіи, было в геніи Пестеля и в сердцѣ Рылѣева. В вас была душа русскаго народа в его прошлом и особенно в его будущем. Вы имѣли право за нее говорить и дѣйствовать. Почему? Потому что вы и она — одно!...»

М. Алданов.

«ЛЕГЕНДА» О ДЕКАБРИСТАХ.

С чувством глубокаго удовлетворенія получили мы декабрьскую книгу «Monde Slave», в значительной степени посвященную памяти тѣх, кого Герцен назвал «святыми мучениками». Французскій журнал сдѣлал то, чего не сдѣлали многіе органы зарубежной печати. «Возрожденіе», напр., постаралось только о том, чтобы развѣнчать «легенду», творцом которой болѣе всѣх других был Герцен. Чуткій писатель как бы отвѣчал своим преклоненіем перед декабристами («Удивительный кряж людей... что за характеры, что за люди» — писал он в некрологѣ кн. С. Г. Волконскаго) на призыв обращенный к потомству со стороны самих наших «блестящих предков». В только что опубликованной Е. Е. Якушкиным, внуком декабриста, рукописи Н. В. Басаргина («Каторга и ссылка» № 5) имѣются такія слова: «Жестоко, безнадежно было бы нравственное положеніе тѣх, кто, жертвуя собой для общей пользы, потерпит неудачу и, вмѣсто признанія и сожалѣнія, подвергнется несправедливому осужденію современников, если бы для него не существовало исторіи... А как человѣчество... с каждым днем идет вперед... настанет несомнѣнно та минута, когда потомство признает их заслуги и с признательностью станет произносить их имена». «Мы с благочестіем средневѣковых переписчиков апостольских дѣяній и житія святых принимаемся за печатаніе записок декабристов» — дѣйствительно отвѣчал, как бы, Герцен в 1862 г. «Как у молодого поколѣнія — продолжает он через шесть лѣт — не достало ясновидѣнія, такта сердца понять все величіе, всю силу этих блестящих юношей, выходящих из рядов гвардіи, этих баловней знатности, богатства, оставляющих свои гостиныя и свои груды золота для требованія человѣческих прав, для протеста, для заявленія, за которое — и они знали это — их ждали веревка палача и каторжная работа? Это — печальная загадка».

Эти крайности «недоучившихся учеников» Чернышевскаго были мимолетны. Но как тѣ, которые говорят о національной культурѣ, не понимают того, что так ярко охарактеризовал Герцен: не Онѣгин положительный тип умственной жизни 20 гг., а «декабрист»? Это цѣлая эпоха русской *культуры*, а не только неудачный для своего времени политическій акт. Вновь повторим слова Герцена: «Декабристы — наши великіе отцы; Базаровы — наши блѣдныя дѣти».

С. М.

РОЛЬ ДЕКАБРИСТОВ В СВЯЗИ ПОКОЛѢНІЙ.

В минувшем 1925 году русскія колоніи за границей отпраздновали два юбилея: двухсотлѣтіе со смерти Петра Великаго и столѣтіе возстанія декабристов. Между обоими юбилеями, при всей кажущейся противоположности, можно установить глубокую внутреннюю связь. Двѣсти лѣт тому назад в русскую жизнь внесено было новое европейское начало: внесено насильственным и внѣшним образом, — и иначе быть не могло по неподготовленности тогдашней русской жизни к воспріятію реформы. Сто лѣт тому назад поколѣнію тогдашней интеллигенціи показалось, что реформа уже созрѣла — ибо сто лѣт внѣшней европеизаціи Россіи не прошли даром. И это поколѣніе выступило с широким планом политической и соціальной реформы, которая должна была связать европейскія начала с органическим внутренним процессом развитія Россіи. Но власть на этот раз оказалась противницей внутренней европеизаціи Россіи. Послѣдовала первая открытая борьба, в которой власть легко побѣдила. Но план коренной реформы ей удалось только отложить — с громадным риском для его мирнаго проведенія. В наши дни этот план выплыл во всей своей полнотѣ — и проводится в жизнь цѣной величайшей катастрофы, которую когда либо переживала Россія. Такова связь между Петром, декабристами и современной нам русской революціей.

Декабристы в этой связи событій стоят на полдорогѣ между Петром и нашим поколѣніем. От Петра до них и от них до нас тянется одна живая нить, которая нас связывает с этой частью нашего прошлаго единой традиціей. На послѣднем двухсотлѣтнем промежуткѣ русская исторія движется вперед не одними только стихійными безсознательными процессами. Она пріобрѣтает, чѣм далѣе—тѣм больше, характер планомѣрности и сознательности. Большія историческія задачи вообще не осуществляются на пространствѣ одной человѣческой жизни. Чтобы их достигнуть, нужно передавать их от поколѣнія к поколѣнію.

Только политическое воспитаніе поколѣній в стремленіи к одной національной цѣли может обезпечить ея достиженіе. Такое единство в постановкѣ и преслѣдованіи національных задач у нас становится возможно со времени Петра. В этой цѣпи поколѣній, несущих русскую интеллигентскую традицію, декабристы занимают, если положить по четыре поколѣнія на столѣтіе, пятое мѣсто. Они поднимают нить своих непосредственных предшественников, Новикова и Радищева, и передают ее своему непосредственному преемнику, Герцену. Достаточно назвать эти имена, чтобы создать в умах читателей, знакомых с исторіей русской интеллигенціи, достаточно отчетливое представленіе о мѣстѣ декабристов в цѣпи поколѣній русской интеллигенціи.

Моя задача в этом кратком очеркѣ сводится, таким образом, к характеристикѣ трех хронологических моментов. Чѣм связаны декабристы с прошлым? Чѣм они обязаны своей собственной эпохѣ? Что они передали русскому будущему? Я отвѣчу послѣдовательно на всѣ три вопроса.

I.

Говоря о связи с прошлым, естественно, прежде всего, упомянуть о предшественниках декабристов в области тѣх политических идей, которыя они раздѣляли. Это — тѣ идеи, которыя подготовили на Западѣ теорію и практику французской революціи. Поколѣніе, подвергшееся вліянію этих идей, выступило на общественную арену во вторую половину царствованія императрицы Екатерины (1770 — 1780 гг.). Его дѣятельность уже вызвала первую в Россіи политическую реакцію. Жертвами этой реакціи сдѣлались вышеназванные представители поколѣнія: первый популяризатор русской печатной книги в городской средѣ Новиков и первый русскій студент, усвоившій в заграничном университетѣ (Геттингенѣ) идеи «просвѣтительнаго вѣка» Радищев.

Но не только об этого рода связи декабристов с прошлым слѣдует здѣсь упомянуть. Не менѣе глубоко, хотя и гораздо менѣе, отмѣчено то вліяніе прошлаго, которое связывает декабристов с соціальной средой, из которой почти всѣ они вышли. Это была среда тогдашняго правящаго класса. Почти всѣ декабристы принадлежали к дворянству, многіе к высшему слою его; нѣкоторые носили княжескіе титулы. По традиціи

военнаго класса значительное большинство служило в гвардейских полках офицерами. Эти гвардейскіе полки — Преображенскій и Семеновскій, заведенные Петром, — Измайловскій и Конный, присоединенные к ним Анной — сыграли роль преторіанцев петербургскаго періода русской исторіи. Тѣм, кто находил возстаніе декабристов дѣтской и утопической затѣей, заранѣе обреченной на неудачу, — тѣм слѣдует только вспомнить, что попытка 14 декабря, если бы она была проведена по традиціонному образцу, была бы седьмым по счету дворцовым переворотом, устроенным при участіи гвардейскаго дворянства. В 1725 г. гвардейскіе полки помогли войти на престол женѣ Петра Великаго, Екатеринѣ I. В 1730 г., когда аристократія и генералитет захотѣли ограничить самодержавіе Анны Іоанновны, тѣ же гвардейцы своим вмѣшательством спасли самодержавіе, разойдясь с общественными верхами во взглядах на устройство политическаго представительства. В 1740 г. Преображенскій полк свергнул регента Бирона, а через год тот же полк сверг и поставленную им регентшу Анну Леопольдовну, возведя на трон дочь Петра Елизавету. В 1761-ом — это был уже пятый раз — гвардейскіе офицеры возвели на престол иностранку Екатерину II и убили ея мужа Петра III. Наконец, в 1801 г. из тѣх же кругов вышли убійцы Павла I, возведшіе на престол Александра I. Не было, таким образом, рѣшительно ничего новаго и неожиданнаго в том, что по смерти Александра в той же гвардейской средѣ родилась мысль воспользоваться раздвоеніем кандидатур Константина и Николая Павловичей, чтобы поддержать законнаго кандидата под условіем созыва «великаго собора» (т. е. учредительнаго собранія), который должен был установить новую форму правленія. Можно говорить, что руководители заговора в этот, первый и единственный, раз оказались слишком неискусными. Они, дѣйствительно, оказались черезчур интеллигентами для роли военных заговорщиков. Но никак нельзя говорить, что самая идея военнаго пронунціаменто в Россіи была безнадежна. Трон Николая втеченіе нѣскольких часов подвергался сильнѣйшей опасности, и в тот момент всѣ это прекрасно понимали.

Не была нова даже и интеллигентская идея созыва учредительнаго собранія для измѣненія формы правленія. Эта идея была санкціонирована не только французским примѣром 1789 г., напугавшим Екатерину II. Имѣлся и созданный самой Екатериной II русскій прецедент — знаменитая «комиссія для составле-

нія новаго уложенія» 1767 г. Еще в 1773 г. Дидро предлагал охладѣвшей к либеральным экспериментам императрицѣ превратить эту Комиссію в законодательное собраніе и ограничить ею права верховной власти.

Есть и еще одна любопытная психологическая черта, которая роднит декабристов с русским прошлым. Это их близость к двору и к личности государя. Декабристов нерѣдко обвиняли в малодушіи, в виду их быстраго перехода от революціонных планов к раскаянію, когда пришлось перед личностью самого императора давать отчет в том, что сгоряча они наговорили в своих секретных офицерских собраніях. Но это раскаяніе далеко не всегда было искусственной тактикой, с цѣлью смягчить вину и ослабить ожидавшее наказаніе. По большей части это был своего рода атавизм лояльности к особѣ Государя, проявившейся в видѣ реакціи на всѣ эти разговоры о цареубійствѣ, серьезные и несерьезные. Чувство ужаса, которое овладѣвало участниками во время самых этих разговоров об истребленіи царской семьи, их инстинктивное стремленіе отдалить акт покушенія и отвести руку убійцы, уже готоваго пожертвовать собой и занести кинжал — какого нибудь Каховскаго или Якубовича, — то же самое чувство проявилось уже без всяких сдержек, когда пришлось повторять перед судом эти святотатственныя слова. Говорившіе их почти добросовѣстно переставали вѣрить, что когда-либо говорили что либо подобное, и объясняли свои рѣчи состояніем «безпамятства», столько же, как и порывом энтузіазма и гражданскаго чувства.

II.

Но гораздо болѣе, чѣм прошлому, декабристы обязаны, при составленіи своих убѣжденій и практических планов, своей собственной эпохѣ. Им пришлось жить в чрезвычайно богатую событіями и знаменательную эпоху историческаго перелома: в эпоху наполеоновских войн и конгрессов Священнаго Союза. Вмѣстѣ с русскими войсками очень многіе из будущих декабристов побывали за границей; нѣкоторые оставались там по нѣскольку мѣсяцев и больше. Они не остались равнодушными к окружающей их общественной и политической жизни. Многіе привыкли к чтенію политических газет и продолжали слѣдить за политической жизнью Европы и послѣ возвращенія домой. Кое-кто по-

бывал и в засѣданіях европейских представительных собраній, особенно Франціи. Дебаты в палатѣ общин живо интересовали наших молодых политиков. Наиболѣе подготовленные из них слѣдили и за политической литературой. Сочиненія Десттюта де Траси, Бенжамена Констана, Филанджери Биньона упоминаются в показаніях самих декабристов, как оказавшія на них непосредственное вліяніе. Слѣды этих вліяній видны и в конституціонных проектах, составленных видными декабристами. Но особенно сильное впечатлѣніе произвели на гвардейскую молодежь политическія событія в средѣ им близкой: военныя пронунціаменто Кирога и Ріего в южной Испаніи, Вильгельма Пепе в Неаполѣ в 1820 г. с послѣдовавшим созывом представительных собраній, возстановленіем конституціи 1812 г. и либеральными реформами. Непрочность этих побѣд, их усмиреніе войсками Священнаго союза, торжество контр-революціи только убѣдили нашу военную молодежь, что обѣщанія монархов не прочны и что предпочтительнѣе доводить революціи до полнаго низверженія королей и до провозглашенія республик.

Насколько часты и сильны были эти впечатлѣнія? В своем дневникѣ за 1820 г. Николай Тургенев, один из самых интеллигентных и начитанных декабристов, записал: «встрѣчаясь в клубѣ с читателями газет, мы спрашивали друг друга при встрѣчѣ: нѣт ли еще конституціи. А теперь можно еще спрашивать: нѣт ли еще революціи?» «Большая часть молодежи», пишет представитель старшаго поколѣнія кн. Васильчиков, «в восторгѣ от всего, что происходит — и не скрывает своего образа мыслей». И он совѣтовал правительству «пустить в дѣло гвардію, а не держать ее в резервѣ», чтобы «охладить молодыя головы», а затѣм и «уменьшить число гвардіи». Можно себѣ представить волненіе в средѣ этой молодежи, когда узнали, что гвардія в самом дѣлѣ должна отправиться в поход для усмиренія неаполитанскаго возстанія, согласно рѣшенію Лайбахскаго Конгресса.

От сочувствія военным возстаніям до мысли о необходимости составить военный заговор и образовать тайное общество было весьма недалеко. Подготовительной стадіей послужили при этом масонскія ложи, существовавшія в Россіи со времени императрицы Елизаветы, а при Екатеринѣ II получившія, в руках Новикова и молодого энтузіаста Шварца, большое моральное и общевоспитательное значеніе. Хотя политика не допускалась в ложи, но при имп. Александрѣ ложи получили, несомнѣнно,

и политическое значеніе, и недаром первые же удары реакціи в 1822 г. обрушились на них. Среди участников тайных обществ, возникших при Александрѣ, можно насчитать не менѣе 50 масонов и 23 из них предстали пред судом, как наиболѣе видные участники декабрьскаго возстанія. Карбонаризм также был извѣстен в Россіи, особенно в его французских и швейцарских (Лагарп) развѣтвленіях. Наконец, тайное общество для освобожденія Греціи даже возникло на территоріи Россіи и было извѣстно декабристам, жившим на югѣ Россіи (Пестель).

Конечно, всѣ эти западные примѣры получали значеніе только тогда, когда в самой русской жизни открывались достаточные поводы для созданія тайных обществ и для подготовки военнаго переворота. Самой главной и основной причиной возникновенія тѣх чувств и настроеній, которыя вели к участію в тайном обществѣ, было сравненіе того, что побывавшая за границей часть офицерства видѣла в Европѣ или знала из книги, — с тѣм, что происходило в Россіи. Мрачную картину недостатков русской жизни нарисовал уже Радищев в своем знаменитом «Путешествіе из Петербурга в Москву». Во времена Александра эта картина была не менѣе удручающей. Образованная молодежь болѣе всего оскорблялась в своем чувствѣ патріотизма этими недостатками русской дѣйствительности, которые она хотѣла спѣшно искоренить. Вмѣсто подробных описаній, я приведу здѣсь отрывок из статьи декабриста М. С. Лунина, характеризующій патріотическія настроенія общества. «Общество сдѣлалось выраженіем народных интересов», пишет Лунин, «требуя, чтобы законы, управляющіе страной и остававшіеся неизвѣстными даже судам, были собраны и изданы, послѣ разумной кодификаціи; чтобы гласность в дѣлах государственных замѣнила призрак канцелярской тайны, которым они окружены и который мѣшает их ходу, скрывая от правительства и от народа злоупотребленія чиновников; чтобы судопроизводство было быстро, а потому устное, открытое и даровое; чтобы администрація была подчинена твердым правилам на мѣсто личнаго произвола; чтобы дарованія, в каком бы сословіи они ни обнаружились, вызывались к содѣйствію на общее благо; чтобы выбор должностных лиц опредѣлялся общественным голосом, замѣщая ими невѣжд и взяточников; чтобы в назначеніи и употребленіи казенных сумм отдавался гласный отчет; чтобы откупная монополія (на водку), ведущая к развращенію и нищенству низших сословій, была замѣнена другой системой налогов; чтобы

обращено было вниманіе на судьбу защитников отечества, и количество войск уменьшено, срок службы сокращен, а жалованье солдата увеличено в соразмѣрности с его нуждами; чтобы военныя поселенія, незаконныя в своем основаніи, были уничтожены, во отвращеніе новых злодѣйств и пролитія крови; чтобы торговля и промышленность освободились от произвольных постановленій и устарѣлых разграниченій, препятствующих движенію, чтобы, наконец, положеніе духовенства, вполнѣ обезпеченное, сдѣлало его независимым и свободным к исполненію своих обязанностей.» Я нарочно привел этот перечень (неполный), чтобы показать, что при нормальном ходѣ вещей, для достиженія всѣх этих задач не было надобности в созданіи какого-либо заговора. И дѣйствительно, первоначально, в созданном в 1816 г. «Союзѣ Спасенія» (он назывался также «Общество вѣрных и истинных сынов отечества»), а отчасти и в замѣнившем его в 1818 г. «Союзѣ Благоденствія» политическія цѣли отступали на второй план сравнительно с филантропическими и общественными в широком смыслѣ. Поэтому же первоначально предполагалось, что для правительства существованіе общества не должно быть тайной, как не было тайной и существованіе масонских лож. Н. Тургенев записывает в 1817 г. в своем дневникѣ: «убѣдившись в необходимости тайных обществ, надобно в особенности замѣтить, что тѣ из них, которыя устроены на правилах нравственности и патріотизма, заслуживают не преслѣдованія, а одобренія правительства, тѣм болѣе, что правительства часто не могут произвести в дѣйство того, что могут общества...»

Однако же, наряду с перечисленными Луниным цѣлями, были другія, им тоже указываемыя, которыя затрогивали самыя коренныя начала существовавшаго политическаго и соціальнаго порядка. Это была, во-первых, идея об ограниченіи самодержавной власти, подсказанная европейскими событіями, и, во-вторых, идея освобожденія крестьян от крѣпостной зависимости, подсказанная современной русской дѣйствительностью. Вначалѣ декабристы могли добросовѣстно думать, что и обѣ эти идеи раздѣляются правительством имп. Александра. Правда, конституціонные проекты первой половины царствованія Александра не осуществились. Но в 1815 г. Польша получила конституцію, а в 1818 г., открывая польскій сейм, император заявил, что он «надѣется распространить либеральныя учрежденія и на всѣ страны под его скипетром». Историк Карамзин свидѣтельствует, что эта

рѣчь «сильно отозвалась в молодых сердцах: спят и видят конституцію, судят, рядят, начинают и писать (в газетах)...» Н. Тургенев высказывает в своем дневникѣ надежду, что «свобода придет в Россію через Польшу», и что «чувствительно видѣть поляков получающих то, чего нѣт у русских». Это чувство обиды, напоминающее то, которое испытало русское общество полвѣка спустя, когда Александр II дал конституцію болгарам, — очень усилилось, когда русское общество поняло, что правы были не энтузіасты, восторгавшіеся намѣреніями Александра, а скептики, тогда же утверждавшіе (как ген. Ермолов), что «все останется при одних обѣщаніях».

Другой идеей, выходившей за предѣлы того, о чем можно было говорить и думать легально, была идея уничтоженія крѣпостного права. Очень многіе декабристы в своих показаніях перед судом и в своих мемуарах свидѣтельствуют, что рабство крестьян и сопряженныя с ним злоупотребленія были самыми сильными из впечатлѣній, побудивших их думать сперва о реформах, а потом и о переворотѣ. Но здѣсь молодежь наталкивалась не только на сопротивленіе власти, а и на сопротивленіе своей собственной дворянской среды. Лунин в упомянутой выше статьѣ прямо говорит о существованіи «враждебной партіи», которая состояла из «части дворян, боявшихся лишиться крѣпостных и своих прав» и которая именно поэтому очернила в глазах правительства тайное общество своими обвиненіями. Навѣрное, это не была организованная политическая «партія». Но когда нѣкоторые декабристы утверждали, что цѣлая «треть» дворянства на их сторонѣ, то даже и этот оптимистическій подсчет подтверждает, что большинство дворян было не за них, а против них. И, конечно, оно особенно было против *соціальных* стремленій декабристов. Их *политическія* стремленія, напротив, должны были вызвать болѣе сочувствія среди правящаго класса, ибо ограниченіе самодержавной власти представлялось, прежде всего, как передача части государственной власти этому правящему классу. Всѣ болѣе ранні́я попытки формулировать начала конституціи (М. Ф. Орлова, гр. Дмитріева-Мамонова, даже Н. Тургенева в его молодые годы) проникнуты аристократическим духом и проектируют созданіе наслѣдственных прав. Эта черта сохранилась до самаго освобожденія крестьян в 1861 г. Идея конституціи и идея уничтоженія крѣпостного права именно поэтому вступили в нѣкоторый антогонизм. Русскіе демократы очень долго были против конституціи,

боясь, что класс помѣщиков, укрѣпив при помощи конституціи свою власть, тѣм самым помѣшает освобожденію крестьян, осуществить которое самодержавной власти будет легче, если она сохранит свою неограниченность. И надо признать, что факты подтвердили это предположеніе. Извѣстно, какое сопротивленіе среди дворянства возбудило проведеніе освободительной реформы 1861 г., какія препятствія пришлось при этом преодолѣть и какія серьезныя уступки нужно было сдѣлать землевладѣльцам в ущерб крестьянству. Декабристы, как и их преемники — дѣятели эмансипаціи, несомнѣнно, шли в этом вопросѣ против интересов своего сословія. Это отчасти сказалось в той осторожности, которую, требуя немедленной отмѣны крѣпостного состоянія, они проявили в вопросѣ о переходѣ земли к крестьянам. Только Пестель составляет в этом отношеніи блестящее исключеніе, предлагая надѣлить крестьян широко — отчасти землей на правѣ собственности, отчасти надѣльными участками — не в собственность, а в пользованіе, — чтобы служить резервом и фондом для будущих поколѣній и коррективом к неравенству распредѣленія земельной собственности. Другіе декабристы ограничивались или освобожденіем крестьян без земли, или надѣленіем их весьма малыми по размѣру участками. В ранних проектах самое освобожденіе крестьян рисуется в болѣе или менѣе отдаленной перспективѣ, послѣ осуществленія ряда предварительных реформ, долженствующих приготовить Россію к этому рѣшительному акту гражданственности. Напротив, осуществленіе политической реформы не встрѣчало никаких подобных затрудненій. И все же, можно сказать, что идея отмѣны крѣпостного права со всѣми его злоупотребленіями, как власти человѣка над человѣком, внушала больше энтузіазма и сильнѣе зажигала сердца декабристов, чѣм даже мысль о конституціи или республикѣ. Если бы между двумя идеями нужно было дѣлать выбор, большинство их, вѣроятно, предпочло бы крестьянское освобожденіе немедленному ограниченію монархической власти.

Едва ли не самой случайной чертой декабристскаго заговора было — возстаніе 14 декабря. Их основным планом был план постепеннаго воспитанія общества к воспріятію свободных учрежденій и соціальных реформ. Их мнѣніе о степени подготовленности окружавшаго их общества было чрезвычайно невысоко. Отсюда и частые приливы пессимизма у многих из них. Когда пришлось выполнять сгоряча данныя обѣщанія и идти на пло-

щадь, не у одного кн. Одоевскаго доминировало настроеніе, которое он выразил в фразѣ: «ах, как славно мы умрем!» Они чувствовали, что были только піонерами в долгом процессѣ русской цивилизаціи. Рылѣеву приписывают фразу, сказанную им накануне возстанія: «я увѣрен, что мы погибнем, но примѣр останется. Принесем себя в жертву для будущей свободы отечества». Другой вождь декабристов, Пестель, заявлял перед слѣдственной комиссіей: «нельзя приписать распространенія духа преобразованія по государству нашему обществу, ибо оно было слишком еще малочисленно, дабы какое-нибудь имѣть на сей счет общее вліяніе». По преданію, перед казнью Пестель заботился только об одном: чтобы его «Русская Правда» сохранилась для потомства.

Иногда ставили вопрос: что было бы, если бы возстаніе декабристов удалось? И мы уже говорили, что если бы декабристы смотрѣли на свою задачу так, как смотрѣли гвардейскіе преторіанцы XVIII вѣка, переворот мог бы удаться. Но они смотрѣли на свою задачу несравненно сложнѣе. Они видѣли в переворотѣ только начало длительнаго процесса; и осуществленіе этого процесса только самые рѣшительные из них, как Пестель, хотѣли оставить в собственных руках. Остальные мыслили себѣ удачу переворота, как согласіе сената опубликовать манифест, которым опредѣлялся состав временнаго правительства (декабристы думали о Сперанском и Мордвиновѣ; дальше их планы, кажется, не шли) и назначались выборы от губерній в «Земскую Думу», на рѣшеніе которой должен был быть передан вопрос о формѣ правленія. На вопрос, что дѣлать, если их кандидат на престол или Николай не согласятся подписать такой манифест, декабристы отвѣчали (в послѣднюю минуту, когда такой вопрос невольно встал перед болѣе предусмотрительными) растерянными соображеніями о вывозѣ царской семьи за границу или столь же растерянным разсчетом на то, что кто-нибудь при захватѣ дворца (или впослѣдствіи, «по примѣру Мировича») устранит царя путем убійства. Писанію конституцій и обсужденію вопросов реформы они посвятили столько времени, что вопрос о том, когда именно и как начать дѣйствовать, остался до конца нерѣшенным. Всякая попытка обсудить этот вопрос кончалась отсрочкой до какого-то другого неопредѣленнаго момента. Поэтому то, когда наступил момент перемѣны царствованія, которым по традиціи XVIII вѣка, нельзя было не воспользоваться, наши заговорщики оказались

застигнутыми врасплох. Практика гвардейскаго пронунціаменто была очень несложна: нужно было только вывести на улицу солдат, обязанных слѣпо повиноваться своим командирам. Но на этот раз, во-первых, измѣнился взгляд на солдата. Его надо было еще убѣдить, чтобы он повиновался сознательно. Убѣждать пришлось, конечно, фальшивыми аргументами. Во-вторых, почти всѣ заговорщики были в чинѣ не выше ротнаго командира, т. е. не могли вызвать автоматическаго повиновенія солдат. Так как из военных никто не брал на себя инициативы, ее взял в концѣ концов штатскій, Рылѣев. В теченіе нѣскольких дней собиравшіеся у него офицеры подбодряли друг друга и крѣпились, хотя по одиночкѣ каждый из них сознавал, что их слишком мало, и что из дѣла ничего не выйдет. Как-то Рылѣев объявил главным военным начальником возстанія кн. С. Трубецкого, — чуть не по секрету от него самого; а у Трубецкого это душевное раздвоеніе между чувством товарищества и полным невѣріем в серьезность предпріятія парализовало всякую способность к дѣйствію. В день возстанія это чувство достигло такой остроты, что Трубецкой все утро метался из дома в дом, не находя себѣ мѣста и избѣгая только одной точки: того мѣста, гдѣ был назначен сборный пункт. Немногія части войск, собравшіяся у памятника Петра Великаго, остались без всякаго руководства, и, повидимому, никто не нашел этого особенно неожиданным; точно вся задача в рѣшительный момент свелась к тому, чтобы стоять на мѣстѣ и ждать или моральнаго дѣйствія своего самопожертвованія, или — разстрѣла. Как видим, стратегія и тактика переворота оказалась ниже всякой критики. И это было совершенно в стилѣ офицеров, ставших интеллигентами. 14 декабря было одной символикой возстанія, и понятно изумленіе наблюдавшаго со стороны иностранца: да развѣ так дѣлают революціи? Здѣсь находим и отвѣт на вопрос: могло ли удаться возстаніе? *Оно не было разсчитано на удачу.*

Картечные выстрѣлы, разогнавшіе солдат и сигнализировавшіе офицерам-заговорщикам, что их историческая роль исполнена, правда, вовсе не были символическими. Старая власть отвѣтила на новыя идеи так, как можно было ожидать от нея. Покончив с игрушечным возстаніем, правительство (и особенно министерство иностранных дѣл) принялось немедленнно искать корней заговора. Как водится, оно нашло их в связи с другими проявленіями мятежнаго духа в Европѣ. Вѣдь признавал же Пестель

в своем показанiи, что «с одного конца Европы до другого, от Португалiи до Россiи,» вездѣ одинаково «умы кипят духом преобразованiя». И нитей декабрьскаго заговора пытались искать в Парижѣ и Дрезденѣ, в Италiи и Австрiи. Гораздо вѣрнѣе было первое впечатлѣнiе императора Николая, высказанное им французскому послу, что в основѣ движенiя лежало взволнованное нацiональное чувство и вовсе не было участiя иностранцев. В показанiях декабристов, дѣйствительно, можно найти ряд протестующих заявленiй против обвиненiй в связи с иностранцами. Кн. Трубецкой протестует против идеи интервенцiи в выраженiях, которыя могли бы быть буквально повторены в наше время русскими радикалами. Конечно, слухи о существованiи тайных обществ в Россiи ходили и за границей и даже вызывали крайне преувеличенныя ожиданiя (см. напр. секретное донесенiе из Неаполя 19 марта 1826 г., приведенное у Семевскаго «Политическiя и общественныя идеи декабристов», стр. 367). Но, кромѣ сношенiй членов «Южнаго Общества», никаких других сношенiй с иностранцами слѣдствiе не обнаружило. А по отношенiю к полякам намѣренiе «Южнаго Общества» (и самого Александра) вернуть Польшѣ земли, заселенныя коренным русским населенiем, вызывали сильнѣйшее раздраженiе среди членов «Сѣвернаго Общества». На этом даже было основано одно из предложенiй цареубiйства.

При всем широком образованiи многих декабристов, при всем увлеченiи их европейскими передовыми идеями, при всем их знакомствѣ с волненiем умов и с революцiонными движенiями в современной им Европѣ, все движенiе декабристов было специфически-мѣстным русским движенiем. Оно тѣснѣйшим образом связано с впечатлѣнiями русской дѣйствительности. Именно недостатки русской жизни, вполнѣ реальные и прекрасно извѣстные декабристам, которых вовсе не слѣдует считать утопистами, вызвали их недовольство и создали у них жажду реформ — тоже совершенно конкретных, практических и попадавших в самую точку. Только политика Александра I, с ея постепенным переходом из перiода первоначальнаго либерализма в перiод реакцiи и репрессiй конца царствованiя, заставила декабристов потерять надежду на мирный исход путем реформ и столь же постепенно превратила движенiе из просто-филантропическаго в либерально-политическое, а из либеральнаго в радикальное и революцiонное. Недовольны были, несомнѣнно, не одни декабристы. Недовольство было распространено кругом и проникало уже в то-

время в народныя массы. Вслѣд за декабристским возстаніем непосредственно послѣдовал ряд крестьянских волненій, с тѣх пор не прекращавшихся до самаго конца царствованія Николая I и до приступа к крестьянской реформѣ. По очень неполной статистикѣ министерства внутренних дѣл, за двадцатипятилѣтіе 1828-1854 г. г. было насчитано 547 случаев крестьянских волненій, а за послѣднія двадцать лѣт этого промежутка произошло 219 покушеній на помѣщиков (в том числѣ 144 убійства).

III.

Как только что сказано, декабристы вовсе не были фантазерами. Им нельзя отказать в самом отчетливом знаніи русской жизни; об этом свидѣтельствует уже вышеприведенный список отрицательных явленій этой жизни у Лунина. Все это были — недостатки упорные, глубоко укоренившіеся, — и для борьбы с ними понадобился потом длинный ряд поколѣній. В этом отношеніи выставленная декабристами программа оказалась пригодной надолго. Собственно говоря, только тридцать лѣт спустя — в эпоху «великих реформ» — началось ея первое серьезное осуществленіе. Но оно и в наши дни еще не закончилось, а практика совѣтской жизни сдѣлала даже многіе пункты декабристской программы болѣе актуальными, чѣм они были до нашей революціи.

Причина такой медленности была правильно понята и указана самими же декабристами. Они прекрасно сознавали, что борьба с частичными недостатками русской жизни будет безплодна до тѣх пор, пока будут существовать порождающіе эти недостатки корни. Корнем большинства из них являлось отсутствіе почвы п р а в а чувства з а к о н н о с т и. Но право и законность только тогда могли получить прочную основу в русской жизни, когда на них был бы построен самый государственный строй — т. е. когда исключающее господство права и закона самодержавіе было бы замѣнено свободным представительным строем. А усвоеніе этой идеи неизбѣжно приводило к переходу от борьбы индивидуальной и мирной, носившей в первом тайном обществѣ декабристов характер личной благотворительности, — к борьбѣ коллективной и насильственной. Борьба эта не могла не принять революціоннаго характера, когда неограниченная власть, вмѣсто уступок, сама перешла от проектов добровольнаго и частичнаго преобразованія к планомѣрной и все болѣе упорной системѣ само-

защиты, вооруженной всѣми средствами насилія полицейскаго государства.

Все это объясняет, почему идеи декабристов, имѣвшія, как мы видѣли, свое прошлое и связанныя с настоящим, сохранили свою жизненность и для будущаго. Правительство позаботилось, правда, чтобы между покаранными виновниками возстанія 14 декабря и послѣдующими поколѣніями не образовалось прямой преемственной связи. Декабристы (числом 116, кромѣ пяти повѣшенных) были сосланы в Сибирь — и оставались там втеченіе всѣх тридцати лѣт царствованія Николая I. Всякій намек на них в печати был строго запрещен цензурой. Память о декабристах очень скоро превратилась поэтому в какую-то смутную легенду. И, тѣм не менѣе, вопреки всѣм преградам и запретам, — быть может, отчасти именно благодаря им, — эта память хранилась, как святыня.

Сразу измѣнилось только, вслѣдствіе провала возстанія и изъятія виновных, самая среда, в которой свято хранились завѣты декабристов. Вмѣсто гвардіи движеніе перешло теперь в университет: вмѣсто офицерства его носителями стали студенты и зеленая молодежь. «Аннибалова клятва» на Воробьевых горах, данная дѣтьми — Огаревым и Герценом, Сунгуровская исторія в московском университетѣ — были только одиночными ласточками, промелькнувшими среди суровой зимы начинавшагося николаевскаго режима. Націоналистическія и славянофильскія настроенія сразу смѣнили настроенія политическаго либерализма. Но брошенная декабристами искра все же не загасла: она тлѣла и теплилась, пока не разгорѣлась в яркій огонь. Огарев в таких стихах изобразил нам обстановку передачи декабристской идеи послѣдующим поколѣніям:

Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов
Могучих дѣятелей племя
И сѣяло благое сѣмя
На почву юную умов.
Вездѣ шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам...
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повѣшенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась, —
И путь означен жизни всей.

Этим «путем всей жизни» пошло не одно только поколѣніе Огарева и Герцена. Достаточно назвать руководящія идеи дека-

бристов, чтобы увидѣть их отношеніе к ряду послѣдующих поколѣній, а через них и к нашему времени. Идея революціонная. Идея гражданской свободы и равенства. Идея республиканская. Идея федералистическая. Можно сразу сказать, что жизненность этих идей не только не ослабѣла втеченіе столѣтія, но что, наоборот, только в наши дни всѣ онѣ развернулись во всю широту и пріобрѣли особую жизненность.

Прежде всего идея *революціонная*. Мы видѣли, что декабристы были, в сущности, случайными революціонерами и не в этом существо их дѣла. Однако же, они как бы прообразовали тот факт, что только путем революціи Россія будет в состояніи покончить со старым порядком, на который они повели свое нападеніе. Притом мы видѣли, что в лицѣ декабристов революціонная идея вступила в новый фазис. Декабристы были послѣдними военными заговорщиками, — как мы знаем весьма неискусными. Но они сдѣлались первыми идейными революціонерами. Надо прибавить, что в их поколѣніи революціонная идея еще не потеряла своей реальной силы, ибо не потеряла своего соціальнаго базиса — своей связи с прежним правящим классом. Послѣ их ликвидаціи идея революціи лишилась этого дворянскаго базиса — и именно поэтому повисла в воздухѣ. Ближайшія поколѣнія русских революціонеров превратятся из реалистов и реформаторов в утопистов и мечтателей. Революціонная идея сдѣлается достояніем молодого поколѣнія «шестидесятников» и «семидесятников», порвавших с «отцами» сороковых годов. Вначалѣ крайне наивное по своим идеям (Бакунинскій федерализм) и тактическим пріемам («хожденіе в народ»), это новое революціонное теченіе, однако, будет упорно преслѣдовать свою основную идею — сблизиться с народными массами и пріобрѣсти таким образом для революціонной идеи новую соціальную основу. К концу XIX столѣтія эта цѣль в извѣстной степени уже начинает достигаться, а дальнѣйшее ея развитіе засвидѣтельствовано и доказано революціями 1905 и 1917 годов. Самодержавіе не сумѣло воспользоваться отсрочкой, данной ему казнью декабристов; не воспользовалось и многими другими отсрочками. и дождалось того времени, когда прежніе студенческіе кружки, узнававшіе дѣйствительность из книг и примѣнявшіе свои идеи способами, описанными в Тургеневской «Нови», уступили мѣсто широкому народному движенію, которое стихійным порывом смело старый режим, не пожалѣв и того хорошаго, что в нем было.

Нужно ли прибавлять еще раз, что для декабристов революція была не цѣлью, а методом, — притом весьма непріятным и нежелательным? Они предпочитали путь сотрудничества правительства с народным представительством, и не вина их и дальнѣйших поколѣній, что путь этот оказался прегражденным.

Что касается идеи *соціальной*, идеи *свободы* и *гражданскаго равенства* — мы видѣли ,что она была у декабристов главной и доминирующей. Эта идея находила свое примѣненіе прежде всего в уничтоженіи правовой аномаліи — рабства. Крѣпостное состояніе, это главное зло русской жизни, должно было быть немедленно искоренено. Без освобожденія крестьян трудно было говорить о всѣх других реформах, осуществимых только на основѣ уравненія всѣх перед законом. Вѣрность этой оцѣнки сказалась в том, что, дѣйствительно, из всѣх идей декабристов — эта идея была первая поставлена на очередь осуществленія. Но в 1861 г. она была осуществлена далеко не вполнѣ. Соціальная сила дворянства оказалась в том, что крестьянство получило меньше земли, чѣм ему было нужно, заплатило за эту землю дороже, чѣм она стоила, — а, главное, было оставлено и послѣ освобожденія в положеніи неравноправнаго с другими сословіями, находившагося под опекой и контролем государства, как относительно его гражданских прав, так и относительно характера своего землепользованія. Послѣднее долженствовало служить обезпеченіем в исправной уплатѣ налогов и было поэтому лишено характера частной собственности, — так же, как и сами земледѣльцы были ограничены в правѣ выхода из общины и из своего сословія. «Завѣт» декабристов был, таким образом, не исполнен, и в наслѣдство послѣдующим поколѣніям остались сложные вопросы о дополнительном надѣленіи землей, о пониженіи платежей, о раскрѣпощеніи крестьян от оков податного состоянія и зависимости от традиціоннаго русскаго «міра». Союз самодержавія и дворянства сдѣлал осуществленіе этих задач невозможным без революціоннаго переворота. «Аграрная реформа», насильственно изгнанная из Государственных Дум путем переворота сверху, измѣнившаго противозаконно избирательный закон и давшаго искусственный перевѣс дворянству — эта аграрная реформа сдѣлалась центральным стержнем послѣдней революціи 1917 г. и останется навсегда ея главным завоеваніем.

Переходим к *идеѣ республиканской*. Декабристы такъ же, как и послѣдующія поколѣнія русских революціонеров,

предоставляли рѣшеніе вопроса о формѣ правленія волѣ самого народа, выраженной через учрежденіе, которое декабристы называли «великим собором», а послѣдующія поколѣнія стали называть «учредительным собраніем». Собственныя идеи декабристов в этом вопросѣ колебались и видоизмѣнялись. Начавши, как и в аграрном вопросѣ, с очень консервативных и аристократических проектов, декабристы перешли, под вліяніем знакомства с европейской политической литературой и с современными конституціями, к построенію строго-конституціонных проектов. Как извѣстно, они разошлись при этом по двум направленіям. «Сѣверное общество», вообще болѣе умѣренное, склонялось к идеѣ конституціонной монархіи, «Южное общество», болѣе радикальное и болѣе активное, стояло за республику. Выразителем перваго мнѣнія был Никита Муравьев в своем проектѣ конституціи. Выразителем второго был Пестель в своей «Русской Правдѣ». Но, внимательно разсматривая оба проекта и читая показанія декабристов на судѣ, нельзя не придти к заключенію, что в сущности большой разницы между обоими теченіями не было. К республиканизму не только «в душѣ», но и на практикѣ, склонялись и конституціонные монархисты сѣверной группы. В своих бесѣдах, в порывѣ увлеченія, болѣе рѣшительные увлекали за собой в этом направленіи и колеблющихся. Наединѣ с собой, в минуты размышленій и разочарованій в силѣ заговора, декабристы, как кн. С. Трубецкой, приходили, правда, к мысли о практической неосуществимости республиканскаго идеала. К осторожности побуждала их в этом, как и в других вопросах, реакція на рѣшительность и на авторитетность Пестеля. Затѣм за временное сохраненіе монархіи — даже неограниченной — говорили извѣстныя нам соображенія о необходимости предварительнаго освобожденія крестьян верховной властью и вопреки сопротивленію дворянства. Эта мысль выступила особенно ярко именно в годы крестьянскаго освобожденія, когда дворяне-землевладѣльцы стали смотрѣть на раздѣл власти с монархом в аристократической конституціи, как на способ вознаградить себя за потерю власти над личностью крестьянина — и закрѣпить попутно остатки своей власти на мѣстах, в уѣздѣ и волости. В своеобразной формѣ тѣ же дворянско-монархическія стремленія возродились в годы нашего псевдо-конституціоннаго эксперимента, в 1907-1917 г. г. Монархія и дворянство дорого заплатили за этот откровенный союз против широкой аграрной реформы,

на которой продолжало настаивать крестьянство в связи с демократической общественностью. Гибель династіи и дворянства в этой послѣдней ставкѣ и слишком прозрачныя попытки в «бѣлой» борьбѣ вернуть утерянное, надо думать, укрѣпили республиканскую идею в глазах масс и послужат прелюдіей к ея окончательному торжеству. То, что еще недавно казалось наиболѣе непрактичным и неосуществимым из наслѣдія декабристов, окажется единственно возможным.

Наконец, остановимся на послѣдней из основных идей декабристов, на *идеѣ федеративной*, — тоже казавшейся совершенно неосуществимой до самаго послѣдняго времени. И в этом вопросѣ декабристы не были вполнѣ согласны друг с другом. Но тут за болѣе радикальное федеративное рѣшеніе стояли болѣе умѣренные, тогда как болѣе крайнее теченіе стояло за централизм «единой и недѣлимой» республики. Надо сказать, что то же повторилось и в наше время между «кадетами» и «соціал-демократами». Никита Муравьев, в числѣ заимствованных из американской конституціи черт, ввел в свой конституціонный проект дѣленіе Россіи на 13 «держав», самостоятельных «в законодательном и исполнительном отношеніи». Дѣленіе было территоріальным, а національным лишь постольку, поскольку національности совпадали с большими историческими дѣленіями. Идея федераціи, таким образом, опиралась здѣсь не на требованія національностей, которыя тогда, за исключеніем Польши, еще не пришли к національному сознанію, а на разнообразіе мѣстных интересов и на невозможность управлять обширным тѣлом имперіи из одного центра, не нарушая самых жизненных потребностей населенія и не препятствуя мѣстному развитію. Это был не столько федерализм, сколько «регіонализм». При такой постановкѣ вопрос сводился, в сущности, только к большей или меньшей широтѣ прав мѣстнаго самоуправленія. К этому и сводил его Пестель, энергически отвергавшій «всякую мысль о федеративном устройствѣ, яко пагубнѣйшем вредѣ и величайшем злѣ», для безопасности, спокойствія и даже самаго существованія государства. По его мнѣнію, за исключеніем Польши, всѣ остальныя народности имперіи «по слабости своей и на будущія времена» «никогда не могут составлять особых государств, (к чему будут неизбѣжно стремиться при федераціи), а посему и подлежат всѣ они п р а в у б л а г о у д о б с т в а (центральнаго государства), долженствуя при том навѣки отречься о т п р а в а отдѣльной н а р о д н о с т и». Самоуправленіе Пестель представ-

лял себѣ в видѣ «земских народных собраній» (волостных, уѣздных и окружных) с их управами («намѣстными» собраніями).

Именно в этой послѣдней формѣ идея мѣстнаго самоуправленія и получила свое первое осуществленіе — в земской реформѣ Александра II. А идея федераціи пріобрѣла характер или строго національный (в проектѣ всеславянской федераціи кирилло-мефодіевскаго кіевскаго кружка 1846 г.) или соціально-анархическій (в прудоновско-бакунинской идеѣ федерированія «коммун» снизу, усвоенной революціонерами-народниками семидесятых годов). В этом послѣднем видѣ федерализм не мог удержаться, но, как идея національная, федеральная идея вновь пріобрѣла жизненность и силу вмѣстѣ с ростом національнаго самосознанія народностей имперіи. Произошло это, в общем, не ранѣе 1905 г., когда всѣ народности впервые получили возможность открыто формулировать свои стремленія. К несчастію, и тут самодержавіе не сумѣло удовлетворить здоровое зерно, заключавшееся в этих стремленіях. Напротив, под вліяніем националистически настроеннаго «правящаго сословія», оно раздражило до крайности національности мѣрами репрессіи и руссификаціи, обострило всѣ національные вопросы и дождалось, наконец, момента, когда приближеніе войны вывело вопрос о національностях из круга внутренне-русских вопросов и сдѣлало его опасным орудіем в руках сперва наших врагов, а потом и наших союзников. В этой обстановкѣ идея федераціи оказалась уже идеей компромиссной по отношенію к требованіям полной независимости. Она и была использована с централистическими цѣлями совѣтской властью. Во всяком случаѣ, послѣ совѣтской конституціи 9 іюля 1923 г., и вопрос о русской федераціи получил, хотя и каррикатурное, но тѣм не менѣе реальное осуществленіе и не будет снят с очереди при окончательном преобразованіи Россіи.

Из всего сказаннаго видно, что столѣтняя годовщина возстанія декабристов вовсе не является одним только историческим воспоминаніем. Напротив, только в наши дни основныя идеи декабристов получили начало своего полнаго осуществленія. Это само по себѣ доказывает, что эти идеи не были ни чисто подражательными, ни мертворожденными, ни утопическими. Их отвергла традиціонная власть. Но их снова и снова ставила русская жизнь. Можно сказать, что только теперь, послѣ послѣдних катастроф и достиженій, мы располагаем достаточными матеріалами, чтобы в свѣтѣ исторической перспективы отнестись к начинаніям декабристов так, как они

того заслуживают, и дать их идеям не книжную только, а жизненную и политическую оцѣнку. Только теперь мы можем вполнѣ почувствовать и ту живую связь, которая соединяет декабристов с нами через головы ряда поколѣній, не ставивших их задач так реально, как онѣ поставлены именно в наше время. Естественно, что теперь же и возгорается живое чувство ненависти с другой стороны, — со стороны политических противников, хранителей завѣтов стараго режима, которые могли спокойно судить о декабристах лишь до тѣх пор, пока не выяснилось, что их практическая программа далеко не есть достояніе исторіи. Именно в наши дни стали возможны благодарственныя панихиды по имп. Николаѣ I в память подавленія декабристскаго возстанія. Но эти демонстраціи уже запоздали. Окончательное осуществленіе идей декабристов стоит теперь на достаточно твердом пути.

Как сказано выше, декабристы прекрасно понимали, что это время наступит не скоро и что, в ожиданіи его, им придется пасть жертвой своей смѣлой иниціативы. Рылѣев не ошибался, когда словами Наливайки предсказывал свою участь:

«Извѣстно мнѣ, погибель ждет
Того кто первый возстает
На утѣснителей народа;
Судьба меня уж обрекла,
Но гдѣ, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?»

Но прав был и неизвѣстный автор стихотворенія, отвѣчавшій декабристам:

«...Вы погибли не напрасно:
Все, что посѣяли, взойдет;
Чего желали вы так страстно,
Все, все исполнится, придет.
Иной возстанет грозный мститель;
Иной возстанет мощный род.
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народ.
В побѣдный день, в день славной тризны
Свершится роковая месть, —
И снова, пред лицом отчизны,
Заблещет ярко ваша честь.

Часть этих, полных вѣры, но и мрачных предсказаній уже исполнилась. Правда, не настал еще «день славной тризны». Наша тризна омрачена еще кровавыми отблесками дней, когда «свершилась роковая месть». Но наше маловѣріе было бы преступно — послѣ всего того, что уже свершилось. Мы должны твердо помнить, что, кромѣ всѣх перечисленных «идей», декабристы завѣщали нам

еще и одно «чувство» — и это есть большая доля их завѣщанія. Это — то чувство, которое двигает горы: чувство любви к родинѣ и энтузіазм самопожертвованія за ея интересы. И самое цѣнное, что мы можем сказать, чествуя память декабристов в столѣтіе их собственной «жертвы», — это то, что зажженный ими огонь горѣл неугасимо в рядѣ поколѣній, не погас и в наши дни тяжелых испытаній в русских сердцах.

П. Милюков.

«ТРАГЕДІЯ ОДИНОЧЕСТВА» ДЕКАБРИСТОВ.

Об этой «трагедіи одиночества» говорит М. А. Алданов в своей статьѣ «Сперанскій и декабристы» («Сов. Зап.», XXVI).

Во многом он прав, но не без оговорок.

«Я тщетно ищу наглядных доказательств» сочувствія русскаго общества декабристам — пишет автор статьи. «О простом народѣ мы имѣем недавно опубликованное свидѣтельство секретнаго агента Висковатаго: «начали Бар вѣшать и ссылать на каторгу, жаль, что всѣх не перевѣсили, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли». Разныя могли быть сужденія, но показанія александровскаго драматурга о подслушанных разговорах и препарированных в духѣ, желательном для управляющаго III Отдѣленіем фон Фока, сами по себѣ ничего еще не говорят. Но и в свидѣтельствах Висковатаго, опубликованных в сборникѣ Пушкинскаго Дома «Декабристы» (1925 г.), имѣются указанія на «закоренѣлых болтунов, не могущих никаким в мірѣ правительством быть довольными»; есть указанія на настроенія в столицах, гдѣ «неимущіе могут рѣшить рѣзать и грабить тѣх, кто имѣет что-либо». Да и разговоры о «барах» вряд ли свидѣтельствуют о вѣрноподданнических настроеніях.

Если поискать, то можно, в дѣйствительности, найти немало «наглядных доказательств» сочувствія планам декабристов. Об «общем настроеніи умов, когда чуть ли не всѣ желали конституціи», записывает в свой дневник 8 февраля 1826 г. Е. А. Шаховская, урожденная Муханова («Гол. Мин.», 1920-1921). Это подтверждает в своих недавно опубликованных показаніях С. П. Трубецкой. Мы знаем, что «чернь» с лѣсов строющагося Исаакіевскаго собора бросала полѣньями в кавалерію, атакующую каре заговорщиков. В № 2 «Былого» из Диканькскаго архива кн. Кочубея, тогдашняго министра внутренних дѣл, опубликованы документы, относящіеся к волненіям в Семеновском полку в 1820 г. — Они подтверждают мнѣніе В. И. Семевскаго о революціонном настроеніи солдат гвардейских полков в період, предшествовавшій декабрьским дням. Полицейскіе агенты утверждают, что не было полка, солдаты котораго оставались бы безучастными к судьбѣ семеновцев. И солдаты, в годы пребыванія в З. Европѣ, столкнулись лицом к лицу с тамошней политической жизнью, на что указывал спеціально в своем письмѣ кн. Кочубею небезызвѣстный Каразин.

Эти семеновскіе солдаты, раскассированные по разным частям арміи, разнесли и «революціонную заразу»: здѣсь вѣдь «не Гишпаніи чета». О сочувствіи декабристам говорит совершенно исключительное вниманіе, которое они встрѣчали при слѣдованіи в Сибирь, а потом в самой Сибири, со стороны разных слоев населенія.

С. М.

ИДЕАЛИЗМ И РЕАЛИЗМ ДЕКАБРИСТОВ.

«И долго буду тѣм любезен я народу...
Что в мой жестокій вѣк возславил
я свободу...»

Пушкин.

Из поколѣнія в поколѣніе имена тѣх, кого не только исторія, но и современники наименовали декабристами, были окружены лучезарным нимбом поклоненія со стороны русской интеллигенціи. И причина этого лежит не только в магической притягательности тѣх политических и соціальных идей, которыя начертаны были на знамени 14 декабря и которыя сдѣлались как бы краеугольным камнем общественной мысли Россіи XIX вѣка, — причина лежит и в самом нравственном обликѣ той «обреченной на гибель передовой когорты», которая выступила на зарѣ русскаго освободительнаго движенія.

Как ни различны сами по себѣ индивидуальныя черты этой «когорты», окрасившей своим именем цѣлую эпоху в жизни русской интеллигенціи и опредѣлившей на десятилѣтія основные моменты ея развитія, — есть что-то общее во всѣх ея представителях, или, по крайней мѣрѣ, в подавляющем большинствѣ, что позволяет нам до нѣкоторой степени говорить об особом психологическом типѣ «декабристов». Их индивидуальныя черты подчас рѣзки и противоположны. Человѣк только воли и долга, Пестель, силою своего ума и логики оказывающій неотразимое вліяніе на собесѣдников, и—Рылѣев, «Шиллер заговора» по характеристикѣ Герцена, вдохновенный поэт и пылкій энтузіаст. Блестящій кавалергард Лунин, один из образованнѣйших людей своей эпохи, своеобразно сочетавшій приверженность католицизму с рыцарским служеніем прекрасной дамѣ, имя которой свобода, и скромный армейскій поручик Петр Борисов, «маленькій философ» в духѣ французскаго раціоналистическаго вольнодумія, холодный скептик, «догматическій безбожник», почти святой человѣк в жизни, мечтавшій о всеславянском брат-

ствѣ послѣ освобожденія Россіи от тиранства. Избалованный жизнью Сергѣй Муравьев, воспитанник идеалистическаго пуританскаго якобинизма (яркій облик котораго дал нам Гюго в «1793 году», в лицѣ Симурдена), завѣты французской революціи воплотившій в идеалѣ христіанской свободы, несовмѣстимой с царским самовластіем, и — суровый, прямолинейный малорос Горбачевскій, послѣдовательный радикализм котораго органически не допускал владѣнія «крещеной собственностью», в сердцѣ котораго запечатлѣна как бы суровая вѣра в то, что «свобода покупается не слезами, не золотом, а кровью». Романтическій мститель за порабощенный народ, «второй Занд», по отзыву Оболенскаго, обездоленный в жизни, «согрѣтый лишь пламенем любви к отечеству», Каховскій, и — почти женственная, нѣжная душа аристократа Трубецкого. Энтузіазм юнаго Бестужева-Рюмина, похожій на «вдохновеніе» и — спокойствіе вдумчиваго наблюдателя Батенкова, человѣка обладавшаго, по общему признанію, государственным умом. Блестящій Волконскій, мрачный Якубович, идеалист Оболенскій, трезвый и рѣшительный Якушкин, многогранный, «почти геніальный» Николай Бестужев и беззаботный брат его Марлинскій; «странный гость чужой революціи», русскій «Анахарсис Клотц», Кюхельбекер.... Можно было бы продолжать это сопоставленіе лиц, из которых каждый представлял собою рѣзко выраженную индивидуальность.

Республиканцы и монархисты, сторонники немедленнаго военнаго переворота и медленнаго поступательнаго движенія, пессимисты в оцѣнкѣ массовой психологіи и энтузіасты чувства и революціоннаго порыва, который и «пигмея дѣлает гигантом» — их всѣх, в дѣйствительности, объединял один пафос — пафос ненависти к политическому насилію и та проникновенная любовь к родинѣ, о которой Некрасов, перефразируя стих Рылѣева, сказал: «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Это тѣ «высоких дум стремленья», которыя присущи истинному идеализму и которыя создают готовность, «счастье» жертвовать собою для Россіи и русскаго народа. Недаром Пестель, в своих показаніях слѣдственной комиссіи, подчеркивает единство духа и настроенія тайных обществ при всей видимости их разности. Декабристы показали, что этот пафос в нѣкоторые историческіе моменты может ясно и отчетливо опредѣлять собой политическую позицію гражданина.

Для историка представляет глубочайшій интерес изученіе

политических и общественных идей декабристов — изученіе показывает предѣл, до котораго доходила общественная мысль на зарѣ своего рожденія в Россіи; исторія отмѣтит геніальныя провидѣнія. Глубочайшей ошибкой, с моей точки зрѣнія, является, однако, попытка классифицировать декабристов по тѣм или иным соціальным группировкам, в зависимости от проектов государственнаго строительства, рождавшихся в процессѣ творчества и обсужденія. Дѣлать из декабристов защитников опредѣленных соціальных интересов, искать в их методах оттѣнки демократических и аристократических воззрѣній, это значит, как мнѣ представляется, не понимать того духа, который обвѣвал в декабрьскіе дни 1825 г. и им предшествующіе прообраз внѣклассовой русской интеллигенціи. Патетическая сцена, зафиксированная в воспоминаніях Горбачевскаго, когда 13 сентября 1825 года происходило соединеніе Общества Славян с Южным Обществом, как бы символизировала и вѣнчала собой пламенный порыв людей «различных характеров», волнуемых «различными страстями», которые, кажется, «помышляли только о том, как бы слиться в одно желаніе и составить одно цѣлое». «Бестужев-Рюмин — разсказывает Горбачевскій — сняв образ, висѣвшій на его груди, поцѣловал оный пламенно, призывая на помощь Провидѣніе; с величайшим чувством произнес клятву умереть за свободу... Невозможно изобразить сей торжественной, трогательной и вмѣстѣ страшной сцены. Воспламененное воображеніе, поток бурных и неукротимых страстей производили безпрестанныя восклицанія. Чистосердечная, страшная клятва смѣшивалась с криками: «Да здравствует конституція! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да погибнет различіе сословій! Да погибнет дворянство вмѣстѣ с царским саном!...» Образ переходил из рук в руки. Славяне с жаром цѣловали его, обнимая друг друга с горящими в глазах слезами, радовались, как дѣти, — одним словом, это собраніе походило на сборище людей изступленных, которые почитали смерть верховным благом, искали, требовали оной»...

Этот романтическій пафос свободы, приводившій пылкаго Бестужева-Рюмина к почти бакунинской проповѣди того, что «для пріобрѣтенія свободы не нужно никаких сект, никаких правил, никакого принужденія — нужен один энтузіазм», ибо «энтузіазм пигмея дѣлает гигантом; он разрушает все, и он создает новое» — этот пафос был не только пафосом политическим

но и соціальным. Он одушевлял всѣх декабристов. Именно ужасы крѣпостного права в царствованіе благословеннаго монарха (военныя поселенія), а не антинаціональная политика в Польшѣ толкали скорѣе Якушкина на мысль о цареубійствѣ. Они заставляют Рылѣева в Парижѣ испытывать острый стыд за свою «крѣпостную родину» и свою знаменитую «Пѣсню» начать:

Ах, тошно мнѣ
И в родной сторонѣ.
Все в неволѣ,
В тяжкой долѣ,
Видно, вѣк вѣковать.

И когда Батенков всю силу своей критики и ума направляет на политическую реформу, это далеко еще не означает, что он равнодушен к соціальному злу, которое захватывает помыслы других. В данном случаѣ Батенков, передавая среди декабристов мнѣніе Сперанскаго, только его выученик: введеніе конституціи должно предшествовать освобожденію крестьян. Законы соціальной динамики, невполнѣ ясные нам, еще менѣе были ясны в ранніе годы формированія русской общественной мысли.

Пафос декабристов давал повод говорить многим изслѣдователям*) об их безпочвенной мечтательности, об их оторванности от реальнаго бытія, о том, что они вдохновлялись больше литературными образцами и отвлеченными понятіями добра и зла, свободы и равенства, заимствованными из декларацій французской революціи. Декабристы яко бы воплощали античную гражданственность и добродѣтель по указкѣ французскаго якобинизма. Но декабристы в русской жизни отнюдь не были тѣми «иностранцами», какими они являлись в глазах Толстого. С момента опубликованія массы матеріалов, недоступных в 80—90 годах изслѣдовательскому взору, нельзя вслѣд за Ключевским характеризовать их, как отвлеченных идеалистов, или только, как романтиков революціи. Когда из-под пера уже современнаго нам изслѣдователя выливаются строки: «Кюхельбекер—нѣмец, Рылѣев—русскій; оба не имѣли понятія о Россіи» — то возражать теперь против этого, пожалуй, значит ломиться в открытую дверь. Историк не должен обольщаться внѣшней формой революціонной романтики, в которую облекался гражданскій пафос декабристов в духѣ той

*) Один из них недавно сказал, что у Каховскаго крестьяне являются не «русскими мужиками», а какими-то «театральными пейзанами».

поэзіи, которая царила в литературѣ; эта поэзія имѣла огромное просвѣтительное и агитаціонное вліяніе, но это все-таки только декорум. Как дѣятели французской революціи из-за кулис театральнаго ритуала, облеченнаго в тогу классической древности и революціонной реторики, выступают в жизни реальными французами, преслѣдующими реальные французскіе интересы (что блестяще показал Сорель), так и декабристы свой пафос, облеченный в нѣсколько искусственную и повышенную форму, черпали преимущественно из реальной жизни.

Чтобы осознать это, надо прежде всего окончательно отрѣшиться от заблужденія, столь долго царившаго в исторической литературѣ и отчасти возрождающагося нынѣ под вліяніем психологіи переживаемаго момента, в силу котораго пытаются обрисовать в слишком розовом свѣтѣ правительственную власть в Россіи в царствованіе Александра I. В свое время я старался показать, что и «дней Александровых прекрасное начало»*) в нашей исторіографіи покрыто излишним сентиментальным флером. Вторая же половина царствованія — это мрачная картина безнадежной политической и соціальной реакціи, которая ставила русское общество в рѣзкое противорѣчіе с «духом времени», с событіями в Западной Европѣ и собственным настроеніем. Понятно то смущеніе, о котором говорит из тюремнаго каземата Штейнгель в своем письмѣ Николаю, когда был прочитан манифест 12 декабря, истолковываемый так, что «новое царствованіе будет непосредственным продолженіем второй половины предшествующаго». Хуже в сознаніи передового русскаго общества быть не могло.

Декабристы в своих показаніях, письмах и докладных записках во время слѣдствія дали, в сущности, чрезвычайно яркую и полную характеристику соціальнаго быта и политическаго уклада современной им России — тѣх «бѣдствій отечества», по выраженію Каховскаго, которыя толкали их на революціонное выступленіе. И это сдѣлали не только тѣ, которые, может быть, головою стояли выше рядовых участников движенія, — это говорили всѣ. И когда знакомишься с картиной, зарисованной декабристами, то удивляешься всесторонности знаній и наблюденій их по всѣм отраслям жизни. Таковы, напр., замѣчательныя показанія Каховскаго, умственный облик котораго нѣкоторые

*) См. мою книгу «Дѣла и люди александровскаго времени».

изслѣдователи склонны ставить невысоко и не находить в его мыслях «ничего оригинальнаго, новаго, органическаго». Эта «самолюбивая безталанность» предвосхитила, однако, во многом историческіе выводы наших дней. Николай I вынужден был прислушиваться к «друзьям 14-го декабря», и дѣло дошло до того, что Корнилович четыре с лишним года был задержан в крѣпости, ибо монарху показалось полезным прочитывать мнѣнія политическаго преступника по разным вопросам государственнаго строительства. Извѣстно, что дѣлопроизводитель слѣдственной комиссіи, Боровков, должен был составить даже особый свод мнѣній, высказанных подсудимыми по вопросу о «недостатках русской жизни и о мѣрах к их исправленію». И благомыслящій чиновник волею-неволею пришел к выводу, что «краткое изображеніе внутренняго состоянія государства показывает, сколь в затруднительных обстоятельствах воспринял скипетр нынѣ царствующій император и сколь великія трудности подлежат к преодолѣнію». Этот реестр главных реформ, требовавшихся декабристами, должен был как бы лечь в основу работ перваго секретнаго комитета 1826 г.

«Милосердный Государь! займитесь внутренним устройством государства; отсутствіе закона — ужасный вред для нас, вред физическій и моральный» — взывал Каховскій. «Повѣрьте, не солдаты составляют силу и опору тронов, и тѣ обманываются, которые думают, что можно оградить себя штыками. Нѣт, добрый Государь, ради Бога, ради блага человѣчества, собственнаго Вашего блага, оградите себя и отечество законом. Вам предстоит славное поприще! Дайте права, уравновѣсьте их и не нарушайте, откройте торговлю, не изсушайте безполезно источника богатства народнаго, покровительствуйте истинное просвѣщеніе». Не вина декабристов, что их совѣты в значительной степени пропали даром; самодержавный режим сам по себѣ безсилен был разрѣшить бюрократически-сословным путем назрѣвшія народныя нужды. Пророчески свое первое показаніе Рылѣев закончил: «не взирая на то, что вам всѣх виновных выдал, я вам скажу, что я для счастья Россіи полагаю конституціонное правленіе самое выгоднѣйшим и остаюсь при сем мнѣніи»...

Идеи книжныя, исторія, «дух времени», революціи в Италіи, Испаніи, Португаліи, Греціи, непосредственное знакомство с культурой и бытом Зап. Европы—все это для декабристов не источник отвлеченнаго свободомыслія, а своего рода метод науч-

наго анализа и сравнительной критики, претворяемый естественным разсудком, по выраженію Лунина. Имѣл право Завалишин в своих воспоминаніях написать: «как побужденіе к образованію, так и допущеніе тѣх или иных средств для достиженія цѣли истекали вполнѣ из даннаго положенія государства и общества и из собственных исторических примѣров — подражаніе же внѣшним примѣрам и образцам было только уже послѣдующим и второстепенным явленіем». «Из книг почерпнули мы, конечно, всѣ уложенія, суд присяжных и тому подобное», говорит А. Поджіо в письмѣ к Левашову.

Событія, современниками которых были декабристы, могли подкрѣплять надежды декабристов на возможность реальнаго осуществленія их замыслов (Семевскій). Мало того, Пестель опредѣленно на слѣдствіи показал, что возвращеніе Бурбонов было цѣлой «эпохой» в развитіи его политических мнѣній. Он, как и другіе, всегда «возставал» против революціи, но когда он увидал, что «большая часть коренных постановленій, введенных революціей, была при реставраціи монархіи сохранена», тогда «от сего сужденія породилась мысль, что революція, видно, не так дурна, как говорят, и что, может быть, даже весьма полезна». Часто таким образом реализм мог создавать атмосферу повышеннаго энтузіазма той именно революціонной романтики, которая сказывалась даже в словах Каховскаго на судѣ: «Свобода обольстительна»... «пока будут люди, будет и желаніе свободы»... это «свѣточ ума, теплотвор жизни». «Чтобы истребить корень свободы — писал Николаю Штейнгель — нѣт иного средства, как истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались в послѣднее царствованіе»...

Но «подлинно большая разница — как свидѣтельствовал Пестель на судѣ — между понятіем о необходимости поступка и рѣшимостью оный осуществить». Нельзя «гадательныя предположенія» выдавать за «намѣреніе и цѣль». И часто неотчетливость политической линіи, недостаточная конкретизація плана может свидѣтельствовать лишь о том, что декабристы пытались прислушиваться к біенію жизни — в них мало было книжнаго догматизма. Посылают упрек Рылѣеву, что он взошел на эшафот, так и не опредѣлив для себя: республиканец он или монархист. Это невѣрно, ибо в показаніи 24 апрѣля он написал достаточно опредѣленно: «я был всегда того мнѣнія, что Россія еще не созрѣла для республиканскаго правленія и поэтому.... всегда защищал

ограниченную монархію, хотя душевно и предпочитал ей образ правленія сѣверо-американских соединенных штатов, предполагая, что образ правленія сей Республики есть самый удобный для Россіи по обширности ея и разноплеменности ея народов». И все-таки для самосознанія Рылѣева это был вопрос второстепенный в обстановкѣ времени. Может быть, он был таким же и для Никиты Муравьева, автора плана государственнаго преобразованія, столь противоположнаго плану Пестеля. Муравьев, по мнѣнію Пестеля, «не столько по существу монархист, сколько для того, чтобы сблизиться с понятіями вновь поступающих — это «un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes». Но и самого Пестеля весьма сильно укоренила «в республиканском и революціонном образѣ мыслей» «непрочность монархических конституцій», «недовѣрчивость к истинному согласію монархов на конституціи, ими принимаемыя». Под непосредственным впечатлѣніем и вліяніем логики Пестеля, в Петербургѣ готовы склониться к республикѣ для того, чтобы на другой же день появились и сомнѣнія и колебанія. Всѣ вопросы были дискуссіонными, приходилось итти часто ощупью. Поэтому так законны сомнѣнія страстнаго республиканца Сергѣя Муравьева-Апостола — поймет ли русскій крестьянин первой четверти XIX столѣтія сущность республиканских учрежденій.

От этих колебаній дѣлали и дѣлают невѣрные выводы. Как будто бы декабристы, по крайней мѣрѣ большинство их, чужды тому демократическому девизу, который был выдвинут аб. Фоше в період французской революціи и который через Герцена пришел к нам: все для народа, все через народ. Надо проанализировать этот лозунг народовластія, часто, по моему мнѣнію, неправильно толкуемый в рядах демократіи. И проанализировав, не скажем ли мы лишь то, что сказал на допросѣ Рылѣев: «никакое общество не имѣет права вводить насильно в своем отечествѣ новаго образа правленія, сколь бы оный не казался превосходным, что его должно предоставить выборным от народа представителям, рѣшенію коих повиноваться безпрекословно есть обязанность каждаго»?

Декабристы были современниками, дѣйствительно, больших событій. Своими дѣтскими годами они вступали в ту великую полосу міровой жизни, которая ознаменовалась французской революціей и дыханіе которой, и плодотворное и разлагающее, достигает и наших дней. Сколь различно наше, уже историче-

ское, воспріятіе событій того времени. Историческая перспектива, позволяющая нам аналитически к ним подойти, в то же время затушевывает в наших глазах подлинную, дѣйствительную жизнь. И подобно Мишле, который интуиціей современника понимал то, что нерѣдко ускользало от послѣдующаго поколѣнія историков, загипнотизированных великой идеей, — декабристы, обращая свой взор к прошлому, ощущали как бы непосредственно все то отрицательное, что несло с собой массовое движеніе, массовая психологія с ея почти неизбѣжным пышным цвѣтом демагогіи... Декабристы боялись «черни», но это не синоним боязни народа. Народ и толпа нѣчто разное (это показал отчетливо никто иной, как Михайловскій) и опасно подмѣнять одно понятіе другим. «Великая истина французской революціи без увлеченій» — так характеризовал как бы цѣль декабристов в своих воспоминаніях на старости Волконскій. И хотя свою рѣчь в Союзѣ Спасенія Муравьев-Апостол посвятил «блаженству Франціи под управленіем Комитета Общественной Безопасности», в дѣйствительности, общій взгляд, как нельзя болѣе вѣрно, охарактеризовал Каховскій в своем извѣстном письмѣ Левашову: «Революція Франціи, столь благодѣтельно начатая, к несчастью, наконец превратилась из законной в преступную. Но не народ был сему виною, а пронырство дворов и политика». Робеспьера и Марата боится не только Трубецкой. Сам Пестель, выдвигая идею диктатуры Временнаго Правительства, вызвавшей, как извѣстно, такую оппозицію в петербургских декабристских кругах, руководится отнюдь не догматической вѣрой в силу принужденія для блага народа. Он далек от якобинизма: «Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время революціи, заставили меня искать средства к избѣжанію подобных, и сіе-то произвело во мнѣ впослѣдствіи мысль о Временном Правительствѣ». Когда Батенков отдает предпочтеніе англійской конституціи перед конституціей 1791 года, не проходят ли перед ним воспоминанія о монтаньярском періодѣ французской революціи с ея системой террора, которая неизбѣжно должна была привести к торжеству философа сабли, похищающаго завоеванную политическую свободу. Этого Наполеона боятся всѣ декабристы, за исключеніем, быть может, Пестеля, который, повидимому, думал, что россійскіе заговорщики и в таком случаѣ не останутся «в проигрышѣ» (это давало повод считать Пестеля человѣком опасным для Россіи и для видов общества и говорить о его честолюбіи).

Основываясь на воспоминанiях Горбачевскаго, противополагавшаго психологiи членов Южнаго Общества, принадлежащих «к кругу высшаго сословiя людей», психологiю славян, нѣкоторые изслѣдователи говорят, что от Южнаго Общества, несмотря на весь его революцiонизм и республиканизм, вѣяло, все же, духом «дворянской усадьбы», старыми традицiями дворцовых переворотов. Здѣсь выдвигали, со ссылкой на испанскiя событiя 1823 г., идею военной революцiи, которая, как говорил Бестужев-Рюмин, не будет стоить «ни одной капли крови, ибо произведена будет армiей без участiя народа». Я при всем желанiи не могу противопоставлять этого реальнаго плана, на который наталкивали «дух времени» и реальная обстановка жизни, плану демократическаго переворота, который отстаивали славяне. «Хотя военныя революцiи быстрѣе достигают цѣли, но слѣдствiя оных опасны» — как бы возражали славяне: «онѣ бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются». «Славянское Общество желало радикальной перемѣны, намѣревалось уничтожить политическiе и нравственные предразсудки». «Они были проникнуты обширностью своего плана и для проведенiя его в исполненiе считали необходимым содѣйствiе всѣх сословiй; в народѣ искали они помощи, без которой всякое измѣненiе непрочно...» Раз «никакой переворот не может быть успѣшен без согласiя и содѣйствiя цѣлой нацiи, прежде всего должно приготовить народ к новому образу гражданскаго существованiя и потом уже дать ему оный; народ не иначе может быть свободным, как сдѣлавшись нравственным, просвѣщенным и промышленным». Отдавая должное здравым идеям Горбачевскаго, все же надо признать, что эта теорiя не совпадала с практикой славян, которая не только была близка, но и превосходила воинственную психологiю южан. Стремленiе «истреблять предразсудок», «изглаживать различiе сословiя», «итти» к «умственному и нравственному совершенству» и т. д. — это была догма, можно сказать, всѣх прогрессивных кружков александровскаго времени, по неизбѣжности концентрировавшихся в военных кругах. Примѣров и доказательств слишком много. Напомним, что над «неукротимым революцiонером» Пестелем Лунин подсмѣивался: Пестель наперед предлагает энциклопедiи написать, а потом к революцiи приступить. На практикѣ миролюбивые славяне оказывались столь пылкими и столь нетерпѣливыми, что сам Горбачевскiй должен отмѣтить «отпечаток какой то воинственности», «страшныя клятвы жертво-

вать всей жизнью» для достиженія цѣли: «слова знаменитаго республиканца, сказавшаго «обнаживши меч против своего государя должно отбросить ножны сколь возможно далѣе», долженствовали служить руководством их будущаго поведенія». «Несмотря на разномысліе в средствах и образѣ дѣйствій — заключает Горбачевскій — сіи люди соединились и поклялись, жертвуя всѣм, достигнуть цѣли». В результатѣ Муравьев должен был удерживать от преждевременнаго выступленія, котораго «требовало все Общество Славянское» и шутя говорить Горбачевскому: «это — цѣпныя бѣшеныя собаки, которых только тогда надобно спустить с цѣпей, когда придет время дѣйствовать». Так в жизни подчас бывают относительны всѣ видимо отчетливые политическіе водораздѣлы.

Обстоятельства, тѣм не менѣе, заставили дѣйствовать преждевременно. Сторонники военнаго заговора намѣчали выступленіе на 1826 г., но надо имѣть в виду, что это было не рѣшеніе, а лишь один из намѣчавшихся планов. Если вспомним, что, по свидѣтельству самого Пестеля, в теченіе 1825 г. стал его революціонный «образ мыслей ослабѣвать», то поймем, что «воспламененныя сердца» угасали, быть может, в силу сознанія, что «их», все же, слишком мало «на челнѣ». 14 Декабря и неизбѣжно связанныя с ним событія на югѣ было скорѣе вынужденным выступленіем, чѣм планомѣрно задуманным и осуществленным заговором, вынужденным не только, в силу достаточнаго ознакомленія правительственной власти с дѣятельностью Тайных обществ, — междуцарствіе давало повод для общественнаго заявленія о необходимости уступок со стороны самодержавія. Таким образом, случай до нѣкоторой степени опредѣлил собой характер этой своеобразной «стоячей» революціи. Реальную цѣль ея достаточно отчетливо выявил в своих показаніях Трубецкой — была надежда, что «невозможно будет подвинуть полки на полки», и что Николай «не захочет дѣлать кровопролитія и, лучше отступая от самодержавія своей власти, согласится на созыв депутатов от губерній». «Я полагал, что если полки откажутся от присяги, то собрать их гдѣ-нибудь в одном мѣстѣ и ожидать, какія будут приняты мѣры от Правительства; я надѣялся, что если их будет достаточное количество, то силою не вздумают их принуждать к повиновенію». «Есть много людей, — добавлял Трубецкой, — желающих конституціонной монархіи, но которые не являют своего мнѣнія, не видя возможности до оной достигнуть, но когда увидят возмож-

ной и при том, что возставшіе войска никакого буйства не дѣлают, то обратятся в их сторону». Точку зрѣнія Трубецкого поддерживает и Рылѣев в своих показаніях.

Трубецкой не был трусом и, однако, выбранный диктатором, не явился 14 декабря на Сенатскую площадь. Сгоряча Рылѣев готов был видѣть здѣсь измѣну; это и повліяло на его первое показаніе, данное в то же 14 декабря: «Опыт показал, что мы мечтали, полагаясь на таких людей, каков князь Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затѣяли чего-нибудь подобнаго на югѣ, я долгом совѣсти и честнаго гражданина почитаю объявить, что около Кіева в полках существует общество... Надо взять мѣры, дабы там не вспыхнуло возмущеніе». В слѣдственном матеріалѣ было указаніе на то, что Трубецкой будто-бы 13 декабря говорил Рылѣеву, что «не должно выходить на площадь, если выйдут мало». Сам Трубецкой рѣшительно отрицал эти реплики. Но под сознаніем такая мысль должна была быть у Трубецкого, а мы теперь знаем, какую огромную роль подсознательный элемент играет в поступках людей: непоявленіе диктатора должно было ослабить отвѣтственность, отнюдь не личную, которая послѣдует за неизбѣжной неудачей выступленія.

Неизбѣжная неудача! Но могло бы быть и по другому. В исторіи, однако, безцѣльно ставить такой вопрос. С очевидностью теперь можно сказать, что декабристы не дооцѣнили свои силы — и матеріальныя и моральныя (о «трагическом одиночествѣ» их отнюдь говорить не приходится), не дооцѣнили конкретное сочувствіе массы, даже в Петербургѣ с нѣкоторой активностью проявившей свои симпатіи собравшимся на Сенатской площади, не дооцѣнили испуга и растерянности власти и уже в силу этого ея озлобленности. В исторической литературѣ, к сожалѣнію, и по днесь, иногда всерьез принимается анекдот, будто бы 14 декабря кричали: «Да здравствует конституція», а народ полагал, что это жена Константина. «Забавная выдумка» — писал Каховскій Левашову 24 февраля. Декабрист Сутгоф разсказывает нам и происхожденіе этой легенды—творец ея ген. Сухозанет, которому из каре мятежников кричали не «конституція», а «подлец». Мы «имѣли слово, потрясающее сердце равно всѣх сословій народа: свобода!» — добавлял Каховскій. «Но нами ничто не было провозглашаемо, кромѣ имени Константина». Почему? Только потому, что выступленіе 14 декабря должно было в обстановкѣ времени ждать иниціативу «сверху, а не снизу», по словам Тор-

сона. Едва ли можно даже видѣть здѣсь отсутствіе демократизма; скорѣе, мы должны говорить о пониманіи того, что бунт сам по себѣ не означает революціи, для которой нѣт еще готоваго матеріала. Отсюда стремленіе декабристов избѣжать лишних жертв — стремленіе, которое мы видим в дни выработки рѣшенія выступить и 14 декабря. В слѣдственных матеріалах было подтвержденное Рылѣевым указаніе на то, что Якубович предлагал для возбужденія массы разбить кабаки, позволить солдатам и «черни» грабеж, потом вынести из какой нибудь церкви хоругвь и итти ко дворцу. Не терявшій никогда хладнокровія Батенков, по словам Трубецкого, дал отповѣдь этой демагогіи: «дворец должен быть священное мѣсто... если солдат до него прикоснется, то уже и чорт его ни от чего не удержит». Предложеніе Якубовича «единодушно» было отвергнуто. Мы видим, как все это далеко от приписываемаго хотя бы Муравьеву (Сергѣю) убѣжденія, что народ «не разсуждает, и поэтому он должен быть орудіем для достиженія цѣли».

В нервной атмосферѣ «воспламеняющих сердце» разговоров в дни готовящагося выступленія, в порывах «бунтующаго духа» могли рождаться и необузданныя мысли. Но настроеніе 13 декабря в квартирѣ Рылѣева напоминало собой описанную выше картину собранія 13 сентября у Андреевича, скорѣе, в смыслѣ пафоса самопожертвованія, готовности погибнуть, чтобы показать примѣр потомству «борьбы свободы с самовластіем». Это дѣло «чести».

«Извѣстно мнѣ: погибель ждет
Того, кто первый возстает
На утѣснителей народа;
Судьба меня уж обрекла»

писал Рылѣев незадолго до 14 декабря в отрывкѣ «Исповѣдь Наливайки». На экзальтированныя и страстныя натуры, напр., Одоевскаго, впечатлѣніе от этих призывов было неотразимо. «Неземным, каким то сверхъестественным свѣтом озарялись глаза Рылѣева в роковой вечер. Я любовался им» — вспоминает Мих. Бестужев.

Безсознательно декабристы выступали дѣйствительно «для исторіи». И исторія уже увѣнчала их лаврами, и никакія силы в мірѣ не уничтожат закрѣпленнаго за ними ореола основополож-

ников той политической свободы, которая была и до сих пор остается неосуществившейся мечтою народолюбивой русской интеллигенціи.

Я не хочу вовсе в юбилейные дни облекать декабристов в тогу театральных героев. Повторяя слова Герцена, относящіяся к Мадзини, можно сказать: «о таких людях нечего умалчивать, их щадить нечего». В общественном сознаніи герой окружен нимбом тогда, когда его поведеніе послѣдовательно до конца, когда он безстрашно смотрит смерти в глаза и своей смертью искупает даже свои вольныя и невольныя ошибки. Когда стали опубликовываться показанія декабристов на судѣ, этот геройскій нимб нѣсколько померк в сознаніи многих. «Страшно и стыдно» было читать показанія декабристов! Так ли это, однако? Не превносим ли мы современныя требованія в отдаленное прошлое? Чтобы судить, надо проникнуться психологіей тѣх, кого мы судим.

Изучая исторію политических процессов, мы видим, как постепенно только вырабатывается своего рода традиція поведенія на судѣ, дающая геройскій облик всякому твердому революціонеру. Для Россіи эта традиція очень поздняя, — вспомним покаянную исповѣдь Бакунина, направленную Александру II из крѣпости. Традиція вырабатывает формы умалчиванія в період судебнаго слѣдствія, которое одно только дает возможность избѣжать сѣтей, разставленных слѣдователем. И тѣм не менѣе, как трудно бывает держаться в рамках возможнаго и как легко попасться на коварную уловку. Николай I оказался не только хорошим тюремщиком, но и хорошим слѣдователем, с виртуозностью актера игравшим на живых струнах подсудимых. Немало декабристов было уловлено этими безстыдными пріемами, этим лицемѣріем высокаго слѣдователя. Я не говорю уже о других пріемах устрашенія, обмана, всей той психологической изворотливости, которая в широком масштабѣ была примѣнена в первом массовом политическом процессѣ в Россіи.

Но важно все-таки другое. Революціонная традиція создалась в значительной степени на почвѣ органической отрѣшенности русской интеллигенціи от государственной власти во вторую половину XIX столѣтія; но этой отрѣшенности, конечно, не было в дни слѣдствія над декабристами в психологіи подсудимых. Неправильно, однако, искать основную причину этого явленія

в соціальной базѣ, которую очень сильно изобразил в одной строфѣ своей поэмы Амари:

...И старуха Волконская, мать,
В день, когда сына ея заковали в желѣза,
Мать с улыбкой застывшею силы нашла танцовать
В первой парѣ с царем застывшее па полонеза.

Психологіи людей 20-х г. г., как бы демократично и революціонно они ни были настроены, были в дѣйствительности еще чужды слова, приписываемыя Горбачевским Борисову: «Народ должен дѣлать условія с похитителями власти не иначе, как с оружіем в руках, купить свободу кровью и кровью утвердить ее; безразсудно требовать, чтобы человѣк, родившійся на престолѣ и вкусившій сладость властолюбія с самой колыбели, добровольно отказался от того, что он привык почитать своим правом». Об иной психологіи свидѣтельствует уже характер «стоячей» революціи 14 декабря.

Для революціоннаго выступленія декабристов имѣла большое значеніе самая личность Александра I. Их отношеніе к Александру опредѣлялось уже словами Пушкина в «Сказках»:

«...Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Разсказывает сказки.»

Современники ясно осознали «свирѣпую тиранію» другого «я» Александра I (Герцен). «Император Александр — пишет Каховскій — много нанес нам бѣдствія и он собственно причина возстанія 14 декабря. Не им ли раздут в сердцах наших свѣточ свободы и не им ли она была послѣ так жестоко удавлена не только в отечествѣ, но и во всей Европѣ. И поистинѣ, пушечные выстрѣлы 14 декабря были лишь «печальным и своеобразным реквіем» на похоронах окончившагося царствованія. Но когда на судѣ перед ними предстал Николай в фантастическом обликѣ «не страшнаго судьи, а отца милосерднаго» (Оболенскій), которому слѣдует покаяться, как «отцу духовному», тогда откровенность казалась не личным спасеніем, а спасеніем других, послѣдним актом служенія Россіи и русскому народу. Становится больно не за их откровенность, а за их обнаженныя души перед человѣком, который их только ненавидѣл и всю жизнь мелко мстил. «Счастлив подданный, слышавшій от своего монарха: «Я сам есмь первый гражданин отечества»... Государь! я не умѣю, не могу и

не хочу льстить, со вчерашняго дня я полюбил Вас, как человѣка, и всѣм сердцем желаю любить Вас, моего монарха, отца отечества... Государь, что было причиной заговора нашего? Спросите самого себя, что как не бѣдствія отечества? Добрый Государь! Я видѣл слезы состраданія на глазах Ваших. Вы человѣк, Вы поймете меня! Можно ли допустить человѣку, нам всѣм подобному, вертѣть по своему произволу участью пятидесяти милліонов людей?» Так изливается Каховскій. А Николай поддакивал...

«Цари преступили клятвы свои», — продолжает Каховскій. «Народы постигли святую истину, что не они существуют для правительства, но правительство для них должно быть устроено». За эти-то истины и послал император Каховскаго на висѣлицу. Если кн. Оболенскій, находясь перед лицом «отца милосерднаго», а «не строгаго судьи», все же не «в силах исполнить жестокую обязанность выдавать», то другіе своей откровенностью хотят предупредить осложненія, заставить власть повѣрить в чистоту помыслов — они, как Рылѣев, стремятся ослабить впечатлѣніе от 14 декабря. В тѣх же цѣлях воздѣйствія на правительство Пестель своей разсудочностью идет другим путем, преувеличивая и силы и значеніе тайных обществ. Этой главенствующей психологіей надо объяснять и отрицательныя характеристики Пестеля, которыя дают его былые сотоварищи; им кажется, что именно Пестель своей безпочвенностью, своей отвлеченностью ошибочно вел их на путь революціоннаго якобинизма. Но почти никто из декабристов, в сущности, не отказался от своих идей; поэтому могила 13 іюля так легко соединила их вновь в одну «когорту», которая, может быть, по-разному до гробовой доски в туманной дали искала «какое-то хорошее будущее».

Никто иной, как Батенков, о «двусмысленном свободомысліи» котораго считают возможным говорить, опираясь на проявленную им склонность в нѣкоторых своих показаніях (под вліяніем потери душевнаго равновѣсія, граничившей с болѣзнью), отрицать свое участіе в дѣлѣ декабристов, — в своих показаніях 18 марта дал одну из лучших характеристик великаго значенія подвига декабристов. «Странный и ничѣм для меня неизъяснимый припадок, продолжавшійся во время производства дѣла, унизил мой моральный характер. Постыдным образом отрицался я от лучшаго дѣла в моей жизни... Покушеніе 14 декабря — не мятеж, как, к стыду моему, именовали его нѣсколько раз, но первый в Россіи опыт революціи политической в бытоописаніи и в глазах других

просвѣщенных народов.*) Чѣм менѣе была горсть людей, его предпріявшая, тѣм славнѣе для них, ибо, хотя по несоразмѣрности сил и по недостатку лиц, готовых для подобных дѣл, глас свободы раздавался не долѣе нѣскольких часов, но и то пріятно, что он раздавался»...

Родина и свобода! Вот «дух времени», толкавшій декабристов на выступленіе. Дух вѣчный для нас, русских, пока над страной нашей висит меч насилія. И не понятен ли нам, эмигрантам, болѣе чѣм кому-либо стих декабриста Раевскаго:

«Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь,
Гдѣ кат (т. е. палач) с насмѣшкой и улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой»....

С. Мельгунов.

*) «Во мнѣніи толпы—это неудачный порыв; для мыслящаго—это шаг на политическом поприщѣ» — замѣчает Лунин в своем разборѣ Донесенія слѣдственной комиссіи.

К ХАРАКТЕРИСТИКѢ ДЕКАБРИСТОВ.

В опубликованной Е. Е. Якушкиным запискѣ декабриста Н. В. Басаргина («Каторга и Ссылка» 1925 г. № 5) имѣются небезинтересные штрихи для характеристики дѣятелей 14 декабря.

Прежде всего характеристика «неудачнаго диктатора» — кн. С. П. Трубецкого, о котором до сих пор повторяются легенды о том, как этот «либеральничающій аристократ» «униженно ползал на колѣнях перед Николаем, цѣловал ему руки, со слезами молил его даровать ему жизнь» (статья Н. А. Рожкова в «Русском прошлом» № 1; см. также М. Цейтлин в XXVI кн. «Совр. Запис.»)

Басаргин называет Трубецкого «замѣчательной личностью в наш эгоистическій вѣк». «Долгое время товарищи его не могли имѣть к нему того сочувствія, которое было общим между ними друг к другу. Он не мог не замѣчать этого, и хотя ни одно слово не было произнесено в его присутствіи, которое бы могло прямо оскорбить его, не менѣе того, однако, уже молчаніе о 14 декабря достаточно было, чтобы показать ему какого всѣ об нем мнѣнія. Около года продолжалось это тягостное для него положеніе, и ни одного ропота, ни одной жалобы не было слышно с его стороны. Наконец, его доброта, кротость побѣдили это непріязненное чувство, и мы всѣ от души полюбили его. Да и могло ли быть иначе, когда мы узнали эту прекрасную душу, этот невозмутимо-кроткій, добрый характер?».

Два-три штриха отмѣтим для Пестеля. «Но при всем умѣ своем Пестель имѣл также недостатки... Он часто увлекался и в серьезных политических разговорах доходил до крайних предѣлов своих выводов и умозаключеній...» и «иногда сам сознавался в том»... «не имѣл способности внушать к себѣ полнаго довѣрія... причиною этого были нерѣдко его, хотя и правдивыя, но довольно рѣзкія замѣчанія... Исключая этих недостатков, я не знаю, в чем можно было упрекнуть Пестеля».

О Рылѣевѣ. «В нравственном отношеніи он был безукоризнен. Такія личности... или погибают... или становятся во главѣ своего поколѣнія».

И. Д. Якушкин «по своему уму, образованію и характеру принадлежал к людям, выходящим из ряда обыкновенных. Отличительная черта его характера была твердая, непреклонная воля во всем, что он считал своею обязанностью и что входило в его убѣжденія. Будучи предан всему прекрасному, всему возвышенному, он был отчасти идеалист, готовый жертвовать собою для пользы ближняго, а тѣм болѣе для пользы общественной. О себѣ он никогда не думал».

М.

ДЕКАБРИСТЫ В ИХ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПЛАНАХ.

Что представляли собою люди, объединяемые нами под именем декабристов, — тѣ люди, память которых связана с днем 14 декабря 1825 г., когда их разметала на Петровской площади стараго Петербурга картечь гвардейской артиллеріи, с подавленной нѣсколькими недѣлями позднѣе попыткой возстанія Черниговскаго полка на югѣ Россіи, с пятью висѣлицами на Кронверкской куртинѣ Петропавловской крѣпости, с десятками лѣт томленія в одиночных казематах тюрем, в сибирской каторгѣ и ссылкѣ? Кѣм были эти люди в современной им, столѣтіем отдаленной от нас русской жизни, какое мѣсто занимали они в ней, во имя чего в концѣ концов подняли они знамя своего возстанія?

Одного, общепризнаннаго, всѣми равно раздѣляемаго отвѣта на эти вопросы до сих пор в сущности нѣт. До сих пор в литературѣ высказываются различныя, подчас рѣзко противорѣчивыя мнѣнія о том, что представляло собою движеніе декабристов, каковы были его истоки и его историческое значеніе.

Оно, пожалуй, и неудивительно. Вѣдь по существу лишь не очень давно мы получили возможность ближе подойти к изученію дѣла декабристов и пристальнѣе всмотрѣться в их конкретныя фигуры. Долгое время изслѣдователи исторіи декабристов имѣли перед собою только крайне неполный и недостаточный матеріал — с одной стороны, неизбѣжно пристрастные оффиціальные и полуоффиціальные источники, с другой — воспоминанія самих декабристов, в громадном большинствѣ случаев написанныя ими уже на склонѣ лѣт, когда в сознаніи самих авторов нѣсколько стерлись и поблекли подлинныя краски жизни, когда событія порой представлялись им уже не совсѣм так, как они происходили в дѣйствительности. И лишь революція 1905 г. впервые болѣе широко раскрыла перед изслѣдователями двери тѣх архивов, в которых хранятся матеріалы о декабристах,

сдѣлала возможным опубликованіе многих из этих матеріалов и позволила ближе подойти к тщательному и всестороннему изученію всѣх стадій движенія, связаннаго с именем декабристов.

В соотвѣтствіи с этим и изображеніе декабристов в исторической литературѣ долго не отличалось достаточной ясностью и опредѣленностью. Оффиціальная, казенная литература до недавняго времени изображала декабристов, как людей, оторвавшихся от родной почвы, как отщепенцев от всѣх русских преданій и традицій, как своего рода уродливое исключеніе. Рядом с этим в литературѣ жило и представленіе о декабристах, как о героях борьбы за свободу, но оно в свою очередь до поры до времени оставалось в достаточной мѣрѣ туманным. И еще в 70-х и 80-х годах прошлаго вѣка историки, сочувственно относившіеся к декабристам, склонны были изображать их, как умѣренных либералов, чуть-ли не по недоразумѣнію оказавшихся бунтовщиками. Болѣе близкое и болѣе широкое знакомство с матеріалами, касающимися движенія декабристов, устранило возможность таких изображеній. Оно позволило ближе разглядѣть подлинныя фигуры декабристов и увидѣть в них не ослѣпленных безумцев и не легендарных рыцарей без страха и упрека, а живыхъ людей, тѣсно связанных со своей эпохой, не преступников и не случайных мятежников, а крупных дѣятелей, сознательно ставших на дорогу революціи. Но как раз это время болѣе пристальнаго изученія исторіи декабристов было временем, когда часть русских историков поддалась увлеченію идеями экономическаго матеріализма в их марксистском истолкованіи. В связи с этим в нашей исторической литературѣ появилось представленіе о движеніи декабристов, как о продиктованном опредѣленными классовыми интересами. Теперь же, когда вульгарная марксистская литература стала в Россіи новой казенной литературой, в ней твердо устанавливается положеніе, согласно которому декабристы были революціонерами во имя интересов опредѣленных классов — дворянства и буржуазіи.

Так ли это? И кѣм в дѣйствительности были декабристы, члены тайных обществ александровской эпохи?

Одним из основных матеріалов для отвѣта на этот вопрос являются преобразовательные планы и замыслы декабристов. Именно планы, а не план. Было вѣдь не одно тайное общество, а ряд тайных обществ, послѣдовательно смѣнявших одно другое или существовавших параллельно, то объединявшихся одно с

другим, то расходившихся в разныя стороны от одного корня. Сообразно этому был не один преобразовательный план, а ряд планов и программ, послѣдовательно вырабатывавшихся и до конца, до послѣдней катастрофы, остававшихся не слитыми в одну цѣльную и общепринятую программу. Попробуем же приглядѣться к наиболѣе общим и основным чертам этих программ.

Первым тайным обществом александровской эпохи явился основанный в 1815 г. гр. Дмитріевым-Мамоновым и гр. Орловым «Орден Русских Рыцарей». Основной задачей этого «Ордена» должно было служить пересозданіе Россіи в конституціонную монархію, в которой политическая власть принадлежала бы наряду с монархом по преимуществу аристократіи, воплощенной в наслѣдственных пэрах. Другой характерной чертой программы «Ордена Русских Рыцарей» являлся воинствующій національзм. Согласно этой программѣ, всѣ польскія земли, как уже присоединенныя к Россіи, так и оставшіяся еще во владѣніи Пруссіи и Австріи, должны были быть слиты с Россіей и обращены в простыя русскія губерніи, причем самое имя Польши подверглось бы полному уничтоженію. Россія, предполагали далѣе основатели «Ордена Русских Рыцарей», должна покорить Венгрію, завоевать и присоединить Сербію и другія славянскія земли, содѣйствовать образованію греческих республик под русским протекторатом, вытѣснить турок из Европы и твердою ногою стать у проливов.

Передача политической власти в руки аристократіи и расширеніе внѣшняго могущества Россіи, соединенное с рѣзко націоналистическими тенденціями, — таковы, стало быть, были основныя стремленія перваго тайнаго общества. И нужно сказать, что оба эти стремленія — второе не в меньшей степени, чѣм первое, — носили характер оппозиціи по отношенію к правительственной политикѣ. Буйный національзм основателей «Ордена Русских Рыцарей» до извѣстной степени являлся отвѣтом на то пренебреженіе к Россіи, какое усматривало русское общество в политикѣ Александра I послѣ 1813 года. В частности, и заявленія о необходимости «уничтожить» самое имя Польши отражали в себѣ чувство національной обиды на правительственную политику, на предпочтеніе, оказывавшееся императором полякам перед русскими.

«Орден Русских Рыцарей» был немногочисленным и оказался недолговѣчным. Он закрылся даже раньше, чѣм успѣл принять

сколько-нибудь законченную форму, и явился, таким образом, только первой, несовершенной ступенью в исторіи образованія тайных обществ. Но за этой первой ступенью послѣдовали дальнѣйшія, — послѣ закрытія «Ордена Русскихъ Рыцарей» возник «Союз истинных и вѣрных сынов отечества» или, иначе, «Союз Согласія», а за ним «Союз Благоденствія», из котораго затѣм родились Сѣверное и Южное тайныя общества, причем к послѣднему из них позднѣе присоединилось, независимо от него образовавшееся в 1823 г. на югѣ Россіи, «Общество Соединенных Славян». И эти послѣдующія общества были не вполнѣ чужды тѣх стремленій, которыя легли в основу «Ордена Русских Рыцарей», только в них эти стремленія потерпѣли серьезныя измѣненія, настолько серьезныя, что самое существо этих стремленій получило иной характер.

То чувство приподнятаго патріотизма и горячей готовности вступиться за свои національныя права, которое продиктовал «Ордену Русских Рыцарей» его воинствующій національнизм, уцѣлѣло и у дѣятелей послѣдующих тайных обществ. Для иллюстраціи этого достаточно напомнить один эпизод. Когда в період существованія «Союза Спасенія» кн. Трубецкой написал из Петербурга в Москву своим товарищам по «Союзу», что император собирается возстановить Польшу и присоединить к ней западно-русскія губерніи, это письмо вызвало среди находившихся в Москвѣ членов «Союза» настоящую бурю, и Якушкин вызвался даже немедленно убить Александра. Постепенно, однако, этот приподнятый патріотизм, оставаясь все таким же пламенным и активным, все больше обращался от вопросов внѣшней жизни государства к порядкам жизни внутри его и тѣм самым пріобрѣтал все болѣе углубленный характер. Патріотическія ноты, ноты скорби об уничтоженіи и печальном состояніи отечества, до конца громко звучали во всѣх заявленіях декабристов, но к ним все рѣже примѣшивались націоналистическія ноты, и дѣятели смѣнивших «Орден Русских Рыцарей» тайных обществ цѣлью своей ставили уже не дальнѣйшее расширеніе внѣшняго могущества родины, а упорядоченіе внутренней ея жизни.

Путь этого упорядоченія члены позднѣйших тайных обществ намѣчали в том же направленіи, как и основатели «Ордена Русских Рыцарей», усматривая такой путь в уничтоженіи самодержавія и введеніи представительнаго правленія. Эти задачи являлись конечною цѣлью и «Союза Спасенія», и «Союза Благо-

денствія», и смѣнивших их Сѣвернаго и Южнаго тайных обществ. При этом, представительный образ правленія рисовался участникам обществ то в видѣ конституціонной монархіи, то в видѣ республики. Однако, в основѣ своей симпатіи главных руководителей обществ склонялись больше к республикѣ, и, когда на совѣщаніях этих руководителей, как это было, например, на совѣщаніи членов «Союза Благоденствія» в Петербургѣ в 1820 г., присутствовали такіе горячіе и убѣжденные республиканцы, как Пестель, им не трудно бывало убѣдить и своих товарищей высказаться за республиканскую идею. Но, ставя своею цѣлью преобразованіе Россіи в республику или в конституціонную монархію и сходясь таким образом с «Орденом Русских Рыцарей» в стремленіи к представительному правленію, члены позднѣйших тайных обществ далеко отошли от того аристократическаго, если не олигархическаго, духа, каким стремились пропитать этот «Орден» его основатели.

Главари Сѣвернаго общества, Рылѣев, кн. Трубецкой и Никита Муравьев, готовя государственный переворот, сходились на том, что в результатѣ этого переворота и немедленно вслѣд за ним должно быть собрано своего рода учредительное собраніе — Великій Собор или Земская Дума. Этот Великій Собор должен был составиться из выборных от губерній, которым предоставлялось прислать по два выборных от каждаго сословія, и он должен был окончательно рѣшить вопрос о будущем государственном устройствѣ Россіи, разсмотрѣв проекты такого устройства, выработанные в средѣ тайных обществ.

Таких проектов к данному времени было два. Один из них вышел из-под пера одного из трех директоров Сѣвернаго Общества, Никиты Муравьева, другой принадлежал главѣ Южнаго Общества, Пестелю. Ни тот, ни другой из этих проектов, надо сказать, не были окончательно разработаны и ни тот, ни другой не отражали всецѣло мнѣній того общества, из среды котораго каждый из них вышел. Главные руководители Сѣвернаго Общества, правда, принимали в общем проект Муравьева и высказывались против предположеній Пестеля. Тѣм не менѣе, послѣдній находил себѣ сторонников и в рядах Сѣвернаго Общества. В свою очередь среди членов Южнаго Общества не всѣ раздѣляли полностью проект Пестеля, и нѣкоторые стояли по своему настроенію ближе к Никитѣ Муравьеву, хотя, в общем, вліяніе идей Пестеля в Южном Обществѣ было сильнѣе, чѣм Муравьева

в Сѣверном. Но во всякомъ случаѣ оба эти проекта, вмѣстѣ взятые, ярко выразили в себѣ настроенія и замыслы, существовавшіе в тайных обществах в послѣдній період их жизни, и с этой точки зрѣнія они представляют большой интерес.

«Русскій народ — говорится в началѣ конституціоннаго проекта Никиты Муравьева — не есть и не может быть принадлежностью никакого лица или семейства». Текст этой статьи взят Муравьевым из испанской конституціи 1812 г. Но это не было одним только механическим заимствованіем, — духом этих слов, выраженной в них идеей проникнут весь проект Муравьева от начала до конца.

Автор проекта намѣчал преобразованіе Россіи из самодержавной монархіи в конституціонную. Монархія таким образом в будущей Россіи сохранялась. Но права монарха очерчивались очень узким кругом, настолько узким, что, если отбросить в сторону наслѣдственность сана, положеніе этого монарха оказывалось весьма близким к положенію президента Сѣверо-Американских Соединенных Штатов.

Вліяніе сѣверо-американской конституціи сказалось и в другом пунктѣ плана Муравьева. Будущая русская монархія должна была, согласно этому плану, явиться не унитарным, а федеративным государством. Автор плана указывал, что маленькое государство всегда находится под серьезной угрозой со стороны сосѣдей, а в государствѣ с очень пространной территоріей всегда налицо опасность превращенія центральной власти в неограниченную и тираническую. Единственный выход из этой двойной опасности он усматривал в построеніи государства по типу федераціи и, сообразно этому, не довольствуясь провозглашеніем ряда личных свобод — вѣротерпимости, свободы устнаго и печатнаго слова, свободы собраній, неприкосновенности личности, — проектировал раздѣленіе Россіи на 13 либо 14 штатов или «держав», в каждой из которых существовали бы свои представительныя собранія для мѣстнаго законодательства и которых объединяло бы одно общее всѣм им законодательное собраніе, какое вѣдало бы законы и дѣла всего государства в цѣлом.

И мѣстныя и центральныя представительныя учрежденія строились в этой схемѣ по двухпалатной системѣ, выборы же в них устанавливались прямые, за исключеніем, впрочем, выборов от крестьян, для которых проектировались двустепенные

выборы: крестьянам предоставлялось избрать выборщиков от каждых 500 дворов, и затѣм уже эти выборщики объединялись с остальными избирателями. Что касается вообще права участія в выборах как активнаго, так и пассивнаго, то оно обусловливалось довольно высоким имущественным цензом. При этом характерною особенностью устанавливавшагося в Муравьевском проектѣ ценза являлось то, что недвижимаго имущества для ценза требовалось вдвое менѣе, чѣм движимаго. Так как недвижимым имуществом в тогдашней Россіи являлась по преимуществу земля, а землевладѣльцами были почти исключительно дворяне, то для послѣдних таким путем создавалась весьма серьезная привилегія, в результатѣ которой дворянство получало бы рѣшительное преобладаніе на выборах и могло бы сосредоточить в своих руках политическую власть. Это обстоятельство дало повод нѣкоторым историкам разсматривать и весь конституціонный проект Муравьева, как порожденіе дворянских классовых интересов, а вмѣстѣ с тѣм говорить о господствѣ этих интересов и во всем Сѣверном Обществѣ.

Не приходится отрицать, конечно, что в только что указанных пунктах Муравьевскаго проекта в извѣстной мѣрѣ отразилась опредѣленная классовая тенденція. Но не слѣдует и преувеличивать степени этого отраженія. Не надо забывать, что в современной Муравьеву Европѣ имущественный ценз при выборах в представительныя учрежденія был общераспространенным явленіем и что устанавливавшіяся Муравьевым ставки этого ценза были значительно ниже, чѣм, например, ставки, существовавшія в ту пору в Англіи. Не надо также упускать из виду то обстоятельство, что, создавая выборныя привилегіи для дворянства, Муравьев мог руководиться не только классовыми интересами послѣдняго, но и соображеніем о большей подготовленности его к государственным дѣлам, как наиболѣе образованнаго класса тогдашней Россіи. Не мѣшает, наконец, припомнить и то, что, обезпечивая землевладѣльческому дворянству извѣстныя привилегіи при выборах членов представительных собраній, Муравьев вмѣстѣ с тѣм обезпечивал в своем проектѣ участіе в этих выборах и крестьянства.

Но, если у самого Муравьева и приходится во всяком случаѣ констатировать наличность извѣстной классовой тенденціи, то это наблюденіе все же нельзя распространить на всѣх товарищей

Муравьева по Сѣверному Обществу. Наоборот, в их рядах возможно уловить и прямо противоположныя стремленія.

Проект конституціи, вышедшій из-под пера Никиты Муравьева, сохранился до нас в нѣскольких разновременных и не окончательно обработанных редакціях, — довести его обработку до конца автор не успѣл. Сохранились до нас и нѣкоторыя замѣчанія на этот проект, сдѣланныя читавшими и обсуждавшими его членами тайнаго общества. В этих замѣчаніях, между прочим, подверглась рѣшительной критикѣ как раз предложенная Муравьевым система имущественнаго ценза, причем авторы замѣчаній указывали, что такая система создает неравенство граждан, устанавливая несправедливыя и ничѣм не оправдываемыя привилегіи для наиболѣе обезпеченных в имущественном отношеніи слоев населенія. И эта критика, видимо, не осталась безрезультатной. По крайней мѣрѣ, во второй редакціи своего проекта Муравьев существенно смягчил предлагавшуюся им систему имущественнаго ценза, и можно думать, что это смягченіе произошло в прямой связи с тѣми возраженіями, какія пришлось ему встрѣтить по данному пункту в средѣ членов тайнаго общества.

Нѣчто подобное происходило и в другой области, затронутой Н. Муравьевым, — в области крестьянскаго вопроса. Проектируя преобразованіе политическаго строя России, Муравьев одновременно намѣчал и соціальное преобразованіе ея — крѣпостные крестьяне, по его проекту, должны были немедленно послѣ переворота выйти из крѣпостной зависимости от помѣщиков. Но это освобожденіе крестьян от крѣпостного права, по первоначальной редакціи Муравьевскаго проекта, должно было быть безземельным, — вся земля оставалась за помѣщиками. Во второй редакціи своего проекта Муравьев уже оставлял освобождаемым крестьянам их усадьбы и огороды. Однако, и такое рѣшеніе крестьянскаго вопроса удовлетворяло не всѣх товарищей Муравьева. С их стороны сдѣланы были указанія на то, что освобожденные на таких условіях крестьяне останутся в сущности в полной зависимости от помѣщиков, и в послѣдней, третьей редакціи своего проекта, сохранившейся до нас в видѣ наброска, сдѣланнаго самим автором для разбиравшей дѣло декабристов слѣдственной коммиссіи, Муравьев уже предполагал надѣлить крестьян при освобожденіи и пахатной землей по 2 десятины на каждый двор. Двѣ десятины земли на крестьянскій двор начала XIX столѣтія, — это, конечно, был бы ничтожный на-

дѣл. Но, если оставить в сторонѣ эту цифру и обратить вниманіе лишь на то направленіе, в котором шла мысль Муравьева, подталкиваемая его товарищами, то нельзя не видѣть, что эта мысль чѣм дальше, тѣм больше уходила от интересов дворян-землевладѣльцев в сторону интересов крестьянской массы.

Гораздо дальше, чѣм Муравьев, пошел в этом направленіи его соперник по вліянію в тайных обществах и автор другого конституціоннаго проекта, Пестель. Как и Муравьев, он не успѣл закончить своего проекта и вполнѣ обработал только часть его, но основныя линіи этого проекта совершенно ясны и не возбуждают никаких сомнѣній.

Подобно Муравьеву, Пестель в своей «Русской Правдѣ», долженствовавшей, по его мысли, служить наказом для временнаго правительства, какому предстояло возникнуть послѣ переворота и преобразовать русскую жизнь, утверждает, что русскій народ не есть и не может быть принадлежностью никакого лица или семейства и никакого правительства. Наоборот, «правительство есть принадлежность народа». Задачей государства, а, слѣдовательно, и задачей дѣятельности правительства, является возможно большее благоденствіе возможно большаго количества граждан, и сообразно этому должно быть построено все государственное устройство. Но тѣ выводы, которые Пестель дѣлает из этих положеній, существенно отличаются от построеній Муравьева.

Прежде всего Пестель самым рѣшительным образом высказывается против монархіи, не исключая и монархіи ограниченной. Монарх в его глазах всегда остается претендентом на неограниченную власть и, слѣдовательно, врагом народа. Будучи ограничен в своих правах, он всегда будет стремиться расширить их и в силу этого всегда будет представлять собою извѣстную опасность. Исходя из таких посылок, Пестель категорически высказывается за преобразованіе Россіи в республику. Верховная власть в этой республикѣ должна, по его плану, принадлежать представительному собранію, носящему имя «народнаго вѣча», состоящему из одной палаты и избираемому всѣми гражданами путем двухстепенных выборов.

Во внутреннем устройствѣ этой республики Пестель не допускает никакого уклона в сторону федеративнаго начала. Государственная власть, ставящая своей задачей «возможно большее благоденствіе наибольшаго количества граждан», должна,

в представленіи автора «Русской Правды», быть властью сильной, а федеративная власть, по его мнѣнію, всегда была и будет слабой. Поэтому Пестель, как нельзя болѣе энергично, возражает против федераціи и, проектируя превращеніе Россіи в республику, представляет себѣ эту республику строго унитарным государством.

Не допускал Пестель в проектированной им республикѣ и каких-либо льгот, какого-либо особаго положенія отдѣльных національностей. Он признавал, правда, существованіе «права народности», права отдѣльных народов на самостоятельную жизнь. Но это право, по его мнѣнію, могло имѣть реальное значеніе только для болѣе или менѣе сильных народов, которые уже вели когда-либо раньше самостоятельное существованіе. Народы же слабые и не пользовавшіеся раньше самостоятельностью должны были, по его представленію, отказаться от «права народности» и подчиниться «праву благоудобства», в силу котораго болѣе могущественный народ, в государство котораго они входят, может удерживать их в послѣднем и включать в свой состав во избѣжаніе того, чтобы они могли быть использованы против него враждебными ему сосѣдями.

Примѣняя эти общія положенія в Россіи, Пестель согласился на отдѣленіе от нея Польши, под условіем, что она останется в союзѣ с Россіей, что границы между польским государством и Россіей будут установлены послѣдней и что в нем будет принято то же внутреннее устройство, как и в Россіи. Всѣ же остальныя провинціи послѣдней, населенныя инородческими и не-великорусскими племенами, должны были навсегда остаться в составѣ Россіи, не претендуя ни на какія особыя права и ни на какое особое положеніе. На протяженіи всего государства должен существовать один общій государственный язык — русскій, одно общее по своим порядкам управленіе и одни и тѣ же законы. Если законы плохи, они одинаково плохи вездѣ; если они хороши, они одинаково пригодны во всѣх частях государства — таково было прямолинейное, по правилам сильно упрощенной логики построенное разсужденіе автора «Русской Правды».

Единая и нераздѣльная, унитарная и централистическая республика, обезпечивающая всѣм своим гражданам одинаковыя политическія права и не знающая внутри себя никаких областных и національных различій, на всей своей территоріи устанавливающая один язык, один и тот же порядок управленія, одни

и тѣ же законы, — таков был идеал, который носился перед глазами Пестеля, который овладѣл его воображеніем и вдохновлял его на борьбу. Но его эгалитарныя настроенія не ограничивались этим идеалом, они шли и дальше, и политическое равенство в его проектах дополнялось соціальным.

Сословный строй современной Пестелю Россіи находил в нем суроваго критика и безпощаднаго отрицателя. Перебирая существовавшія в Россіи сословія, Пестель ни для одного из них не находил оправданія его существованію, ни одного не считал возможным сохранить в будущем преобразованном строѣ. Духовенство, по его словам, в своих спеціальных функціях. является скорѣе государственными чиновниками, чѣм сословіем, и потому в качествѣ послѣдняго не может существовать. Не могут существовать в качествѣ особаго сословія и купцы, и мѣщане, так как занятіе торговлей и промышленностью, лежавшее до сих пор в основѣ их обособленнаго положенія, должно стать правом каждаго гражданина. Не может сохранить свое положеніе особаго сословія и дворянство. Это послѣднее утвержденіе Пестель развивает особенно энергично, горячо и страстно доказывая необходимость уничтоженія всѣх сословных прав и преимуществ дворянства, этой «феодальной аристократіи».

Русское дворянство — говорит он — имѣет особыя, только ему принадлежащія права. Но что это за права? Дворянство имѣет право владѣнія крѣпостными. Но это право — право человѣка владѣть на правах собственности подобными ему людьми — противно религіи, противно нравственности, противно естественному закону. Оно должно быть немедленно же уничтожено временным правительством, и само дворянство, несомнѣнно, от него откажется. Если же, паче чаянія, среди дворянства найдется такой «изверг», который попытается, хотя бы даже не дѣлом, а словом, противиться этому уничтоженію и защищать крѣпостное право, обязанностью временнаго правительства будет принять против такого изверга строжайшія мѣры. Дворянство избавлено, далѣе, от рекрутской повинности. Но может ли честный человѣк уклоняться от обязанности кровью защищать отечество, когда эту обязанность несут другіе граждане? Дворянство не платит личных податей. Но мыслимо ли опять-таки для честнаго человѣка пользоваться всѣми услугами, какія предоставляет ему государство, наравнѣ с другими гражданами, и в то же время не нести тѣх повинностей, какія несут они? Дворяне освобождены от

тѣлесных наказаній, и это оправдывается тѣм, что дворяне болѣе образованы, и потому для них этот вид наказанія болѣе позорен и тягостен, чѣм для других. Но, если вѣрно, — возражает Пестель, — что дворяне болѣе образованы, то они должны и болѣе гнушаться преступленія, и вина их, в случаѣ совершенія преступленія, является болѣе тяжелой, а потому, естественно, и наказаніе для них должно быть болѣе тяжким. Стало быть, если тѣлесное наказаніе вообще должно существовать, то оно должно примѣняться и к дворянам, и послѣдніе не могут и в этом отношеніи разсчитывать ни на какія привилегіи. Так, перебирая одно за другим всѣ права дворянства, Пестель приходит к мысли о полной их несостоятельности и необходимости совершеннаго их уничтоженія. Одно лишь право он согласен оставить дворянам — право придумывать себѣ и изображать гдѣ им угодно, какіе угодно гербы, но с тѣм, чтобы это право было предоставлено и всѣм другим гражданам и не влекло за собою никаких послѣдствій.

В конечном счетѣ то общество, какому предстояло возникнуть в результатѣ задуманнаго переворота, должно было, по мысли Пестеля, явиться обществом безсословным, не знающим дѣленія на особыя сословныя группы. Все населеніе будущей русской республики должно было слиться в одном званіи, носить одно имя — русских граждан, обладающих совершенно одинаковыми правами. В частности «феодальная аристократія» — дворянство, со всѣми его правами и преимуществами — должна была навсегда отойти в прошлое, ради торжества в государственной жизни идеи равенства граждан.

Но не только сословное дѣленіе общества и не только «феодальная аристократія» представлялись Пестелю несовмѣстимыми с этой идеей равенства. Пожалуй, еще болѣе опасной для нея казалась ему другая, вновь возникавшая аристократія, «аристократія богатств», — болѣе опасной, так как он понимал, что для борьбы с этой вновь возникающей силой недостаточно одних отрицательных постановленій закона. И сообразно этому он дѣлал новый шаг — от соціальнаго равенства в сторону установленія равенства экономическаго.

Крѣпостное право, как мы видѣли, по проекту Пестеля должно было исчезнуть немедленно вслѣд за переворотом. Помѣщичьи крестьяне, предполагал далѣе автор «Русской Правды»,

должны были выйти на свободу с тѣм земельным надѣлом, каким они располагали во время своего нахожденія под властью помѣщиков. Но на этом не остановилась мысль Пестеля. В своем стремленіи предотвратить господство «аристократіи богатств» и связанную с ним пролетаризацію массы крестьянскаго населенія Россіи, он с особым вниманіем вглядывался в аграрный вопрос и нашел, как ему казалось, наиболѣе правильный путь к его разрѣшенію. И безусловное утвержденіе частной собственности на землю, и полное уничтоженіе такой собственности представлялись ему одинаково неудачными, так как в том и другом он, наряду с хорошими сторонами, усматривал и плохія — в первом возможность пролетаризаціи народной массы, во втором — совершенное подавленіе частной иниціативы и предпріимчивости. В соотвѣтствіи с этим он намѣчал нѣкоторый средній путь, который, по его убѣжденію, соединял в себѣ преимущества обѣих указанных дорог, будучи вмѣстѣ с тѣм свободен от их крайностей и связанных с ними неудобств. Этот путь сводился к слѣдующему: всѣ земли в государствѣ дѣлились на двѣ части, половина их поступала в собственность государства, половина в пользованіе волостных обществ, причем членами такого общества в каждой данной волости являлось все ея населеніе. Земли, перешедшія к государству, могли быть в любых размѣрах продаваемы послѣдним в руки частных собственников, онѣ предназначались для производства «излишняго», и на них могло безпрепятственно развиваться частное хозяйство с присущей ему свободной конкуренціей. Земли же, переходившія к волостным обществам, должны были служить для производства «необходимаго». Онѣ раздѣлялись на участки, достаточные для прокормленія одной семьи, и такіе участки сдавались от общества во временное пользованіе всѣм желающим взять их за себя. При этом количество участков, которое могло быть отдано в однѣ руки, заранѣе не органичивалось, но в случаѣ большого числа желающих получить их, первыми удовлетворялись тѣ, которые предъявляли наименьшія требованія и были вообще наименѣе обезпечены, и в таком же порядкѣ шло и дальнѣйшее распредѣленіе участков. Осуществленіе этого плана, как представлялось его автору, вполнѣ разрѣшало соціальный вопрос: оно обезпечивало Россіи всѣ выгоды, связанныя с существованіем частнаго хозяйства, и в то же время гарантировало ее от пауперизма, так как всякій желающій всегда имѣл бы возможность получить в

пользованіе кусок земли, на котором он мог бы вести свое хозяйство и прокормить семью.

Сейчас этот план, конечно, представляется нам черезчур простым и наивным. Но вѣдь между ним и нами лежит столѣтній промежуток времени, в теченіе котораго европейская политическая мысль успѣла гораздо ближе познакомиться с безмѣрною сложностью и грандіозными трудностями соціально-экономических проблем. Сто лѣт тому назад эти трудности были далеко не так хорошо видны, и наивный на наш современный взгляд план Пестеля для своего времени был серьезным шагом вперед в поисках путей к дѣйствительному осуществленію в жизни идеи соціальнаго и экономическаго равенства.

Планами Никиты Муравьева и Пестеля не исчерпывалось творчество политической мысли в средѣ тайных обществ. Аналогичные планы преобразованія русской — и даже не только русской — жизни возникали и обсуждались и в средѣ создавшагося в 1823 г. Общества Соединенных Славян, позднѣе слившагося с Южным Обществом, причем здѣсь эти планы возникали сперва самостоятельно, внѣ вліянія членов Сѣвернаго и Южнаго обществ.

Идеологи Общества Соединенных Славян, как показывает уже самое его названіе, мечтали об объединеніи всѣх славянских народов. Такое объединеніе рисовалось им в формѣ изданія всеславянской федераціи, необходимым условіем которой являлось бы уничтоженіе ненависти, существующей между нѣкоторыми отдѣльными славянскими племенами. Всѣ славянскіе народы — предполагали руководители Общества — должны быть освобождены от «самовластія», между ними должны быть по общему соглашенію установлены границы и всѣ они должны составить одну федерацію, внутри которой было бы установлено демократическое представительное правленіе и был бы создан общій для всей федераціи конгресс. При этом, однако, каждому из входящих в эту федерацію народов предполагалось обезпчить самостоятельное внутреннее управленіе и самостоятельное законодательство по его внутренним дѣлам.

Пока остается неизвѣстным, подвергались ли эти общія положенія, принятыя Обществом Соединенных Славян, болѣе детальной и болѣе конкретной разработкѣ. Если такая разработка и имѣла мѣсто, то результаты ея как будто не дошли до нас. Но во всяком случаѣ приведенныя положенія и в этой общей своей формѣ достаточно ясно говорят о том, в каком направленіи

шла работа политической мысли и в средѣ даннаго тайнаго общества.

Мы можем теперь вернуться к вопросу о том, кѣм же были в концѣ концов декабристы, эти члены тайных обществ александровской эпохи, в современной им русской жизни. И, думается, совершенно ясно, что отвѣт, даваемый на этот вопрос современной русской казенной литературой, отвѣт, изображающій декабристов выразителями опредѣленных классовых тенденцій, глубоко неправилен. Дворяне по своему происхожденію, декабристы вовсе не были дворянами в своих стремленіях, вовсе не являлись выразителями дворянской идеологіи и защитниками дворянских интересов, — недаром дворянство в своей массѣ так легко и равнодушно и отнеслось к их гибели. Еще менѣе того были они представителями и защитниками интересов буржуазіи. Добиваясь уничтоженія крѣпостного права, стремясь уничтожить самовластіе и создать в Россіи политическую свободу, мечтая — в лицѣ наиболѣе крупных своих вождей — преобразовать русское крѣпостническое общество в общество безсословное и создать для крестьянских масс возможно болѣе широкое и прочное экономическое обезпеченіе, стараясь, наконец, привить на русской почвѣ «уваженіе к человѣку вообще», декабристы защищали не классовый интерес дворянства или буржуазіи, а интересы русскаго народа в цѣлом и, прежде всего, его широких масс. И, погибнув под тяжестью взятаго на себя подвига, они вписали свое имя не в исторію русскаго дворянства или русской буржуазіи, а в исторію русской интеллигенціи. Выйдя из рядов дворянскаго сословія, они стали безсословными интеллигентами своей эпохи, борцами за свободу русскаго народа, за право человѣка и гражданина, за право народных масс на человѣческое существованіе, и это мѣсто обязана закрѣпить за ними в памяти потомков безпристрастная исторія.

В. Мякотин.

РЕЗОЛЮЦІЯ ГР. А. А. АРАКЧЕЕВА.

На рапортѣ, что у Провіантскаго Коммиссіонера барки съ хлѣбом прошли благополучно Боровицкіе пороги, послѣдовала резолюція:

«Это мнѣ одному только извѣстно, сколько у меня обѣщано молебнов, сколько обѣщаній пѣшком по монастырям ходить, дабы Всевышній сохранил Провіантских Коммиссіонеров от искушеній, наводящих по Священному писанію самими дьяволами — и вѣрно мои молитвы уже доходят до Бога.

Г. Аракчеев.»

Копія с отношенія военнаго министра и ген. от инфантеріи Барклая де Толли. 6 іюня 1809 г. № 4723.

Из Тавельскаго архива В. С. Попова.

Сообщил *Н. Н. Кнорринг.*

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В ИСТОРІИ ДЕКАБРИСТОВ.

В исторіи декабристов имѣется еще не мало невыясненных подробностей, на которыя может быть пролит свѣт лишь с помощью дальнѣйших документальных находок. Но на ряду с этим можно указать и нѣсколько болѣе общих вопросов, по которым в литературѣ и в обществѣ поднимаются споры и сталкиваются противорѣчивыя сужденія. На них то я и рѣшаюсь остановить вниманіе читателя.

Эти спорные вопросы распредѣляются главным образом по двум пунктам. Они касаются 1) идеологіи декабристов, 2) их поведенія на слѣдствіи.

Обнародованные документы — «Русская Правда» Пестеля, конституціонный проект Никиты Муравьева и ряд других политических писаній декабристов — раскрыл перед нами с значительной полнотой тѣ разнообразныя теченія, из которых слагалась и на которыя расчленялась идеологія декабристов. Тѣм не менѣе в истолкованіи и характеристиках этой идеологіи мы встрѣчаем не малую разноголосицу во всем том, что пишется и говорится в наше время по этому вопросу. И не трудно убѣдиться в том, что в основѣ этих разногласій кроются мотивы, не имѣющіе никакого отношенія к дѣлу исторической критики и порождаемые кипѣніем современных нам политических страстей.

Можно различить два взаимно-противорѣчивые, но одинаково тенденціозные, подхода к истолкованію идеологіи декабристов. Оффиціозные большевистскіе историки и твердокаменные послѣдователи марксистской догмы стараются во что бы то ни стало доказать, что декабристы были политическими фарисеями и лицемѣрами, что политическій радикализм висѣл у них лишь на кончикѣ языка и что на самом дѣлѣ они прикрывали своими радикальными фразами эксплоататорскія вожделѣнія узко-сословнаго эгоизма*). С другой стороны писатели охранительнаго

*) Эта моя статья была уже сдана в печать, когда мнѣ попался номер «Извѣстій» со статьями, посвященными юбилею декабристов. Историческіе юбилеи вообще — камень преткновенія для больше-

направленія объявляют декабристов духовными предтечами и предками тѣх самых большевиков, которые с пѣною у рта поносят декабристов, как дворянских волчат в овечьей шерсти.

Постараемся нѣсколько разобраться в этом полемическом водоворотѣ.

Еще гораздо ранѣе большевистскаго переворота, ранѣе еще самой европейской войны появилась коллективная статья о декабристах г. г. Покровскаго и Левина в «Исторіи Россіи в XIX в.», выходившей в издательствѣ Гранат. Эта статья представляла собой большевистскій памфлет, направленный на «развѣнчаніе» декабристов. Авторы памфлета выдавали себя с головой: они без всякой прикровенности заявляли, что, так как декабристы были дворянами-землевладѣльцами, то и требуется доказать, что они могли подходить к дѣлу радикальных политических и соціальных преобразованій не иначе, как с камнем за-пазухой. Нужды нѣт в том, что эти дворяне требовали уничтоженія сословій и сословных привилегій, что эти душевладѣльцы стояли за упраздненіе крѣпостного права, что эти не пасынки, а баловни стараго порядка добровольно разбили свои жизни и промѣняли улыбавшееся им блестящее, сытое и привольное существованіе под сѣнью стараго порядка — на висѣлицу и сибирскіе рудники. Все это большевистскіе историки предпочитали просто замолчать, ибо эти непреложные факты представляли собой дерзновенное попраніе той теоріи, согласно которой ни одно человѣческое существо не может оторваться по своим воззрѣніям и стремленіям от круга интересов своего класса. Факты из исторіи декабристов этой теоріи противорѣчили; ну, а вѣдь извѣстно, что если факты не укладываются в рамки теоріи, то — «тѣм хуже для фактов»!

Большевистскіе историки объявили, что, если декабристы требовали уничтоженія всѣх сословій, в том числѣ и дворян-

вистской публицистической исторіографіи: и большевистскіе аппарансы надо соблюсти и к громкому юбилею хочется пристегнуться. И вот, приходится «к празднику» немного пообчиститься. По случаю юбилея Академіи Наук пришлось чуть-чуть похвалить «буржуазную науку». Теперь, по случаю юбилея декабристов, большевики конфузливо стараются смягчить свои прежнія выходки против декабристов. Раньше изображали их заядлыми лицемѣрами и «эксплоататорами». Теперь их хотят представить «большевиками приготовительнаго класса».

Безнадежность этой попытки, совпадающей с тѣм, что говорится о декабристах и в правых кругах, будет ясна для читателя из дальнѣйшаго изложенія в настоящей статьѣ.

скаго, то это была с их стороны не болѣе, как стратагема, под флагом которой они стремились осуществить чисто дворянскія вожделѣнія. Вот — изумительное соображеніе, которое можно высказывать только при полном непониманіи жизненных условій той эпохи! Хороша стратагема! Спрашивается, ради чего из тактических соображеній стали бы декабристы надѣвать на себя противосословную личину, если бы они хлопотали о сословных привилегіях? Не проще ли было бы откровенно развернуть чисто сословное знамя? Вѣдь то была пора торжества сословности, и демократическая маска могла бы только затруднить достиженіе сословных цѣлей, а никак не облегчить. Странно, как большевистскіе историки не почувствовали всей неуклюжести и топорности этого своего измышленія.

Как бы то ни было, им все же было нужно чѣм нибудь подкрѣпить свой тезис о сословно-дворянском характерѣ идеологіи декабристов. Для достиженія этой цѣли они прежде всего рѣшились на истинно-отчаянный шаг: они объявили никого иного, как Пестеля с его «Русской Правдой» — *не характерным* для идеологіи декабристов! Да, это написано черным по бѣлому в вышеупомянутой статьѣ Покровскаго и Левина. Но если для марксистской характеристики декабризма приходится снять со счетов главнаго вождя этого движенія, — то, спрашивается, какова же цѣна такой характеристикѣ?

Граціозно отбросив в сторону Пестеля, наши историки с торжеством указывают на письма Якубовича, в которых содержатся протестующія указанія на случаи нарушенія дворянской жалованной грамоты. Но торжествовать им по этому поводу нѣт никаких основаній. Дворянская грамота была тогда единственным законом о гарантіях нѣкоторых прав личности в отношеніи одного дворянскаго сословія. Но даже и такія гарантіи подчас рѣзко нарушались властью. Якубович и указывает на это, как на доказательство самодержавнаго произвола. Развѣ отсюда слѣдует, что Якубович не хотѣл распространенія прав дворянина на всѣх граждан без исключенія? Наконец, указывается на то, что Муравьев в своем конституціонном проектѣ вводил цензовое представительство и стоял за безземельное освобожденіе крестьян. Но при этом забывают упомянуть, что он вводил ценз не только земельный, но либо земельный, либо денежный, и что, требуя уничтоженія всѣх сословных привилегій, он тѣм самым стоял и за отмѣну монопольнаго права дворянства на вла-

дѣніе землей. Конституціонный проект Муравьева нельзя считать послѣдовательно демократическим, но отсюда еще не слѣдует, что его можно признать сословно-дворянским.

Если Покровскій и Левин заблагоразсудили признать декабризм феодально-дворянским движеніем и в виду этого исключили Пестеля из числа характерных представителей этого движенія, то Рожков («Русское Прошлое», вып. I, 1923 г.) подошел к вопросу похитрѣе. Он исходит от правильной мысли о том, что русское дворянство того времени не представляло собой однороднаго класса, но было расчленено на нѣсколько слоев. Опираясь на эту мысль, он затѣм уже совершенно произвольно хочет расписать всѣх декабристов по всѣм этим группам и соотвѣтственно с этим расщепить идеологію декабризма на многочисленныя развѣтвленія. У него получается шесть групп и шесть идеологій: 1) декабристы-аристократы — их идеолог кн. С. Трубецкой, 2) декабристы-бюрократы — Н. Тургенев, Фон-Визин, Штейнгель, 3) среднее дворянство — их идеолог Никита Муравьев, 4) промежуточная группа между средним и мелким дворянством — Рылѣев, 5) мелкое дворянство — Булатов, Кривцов, 6) обуржуазившееся дворянство — его идеолог, как бы вы думали — кто? — Пестель. Всѣ разложены по своим полочкам, всѣ взвѣшены на аптекарских вѣсах. Каждый из декабристов — по декрету марксистскаго историка — должен говорить только то, к чему, по тому же декрету, должна стремиться соотвѣтствующая классовая группочка.

И вот, какая при этом получается путаница. Никита Муравьев, по Рожкову, был представителем спеціально дворянских интересов без буржуазных налетов. А вѣдь он требовал — цензоваго представительства не только с земельным, но и с денежным цензом, широкаго признанія личных свобод, полной свободы гражданскаго оборота. Что же, все это — спеціально дворянскія и анти-буржуазныя требованія? Пестель зачисляется в представители того дворянства, которое прониклось буржуазными интересами. Почему? Потому что он был склонен к якобинизму, а якобинцы вышли, как извѣстно, из буржуазіи, а не из дворянства. Но Пестель требовал широкаго вмѣшательства государственной власти в экономическія отношенія, частичной націонализаціи земли, он отвергал имущественный избирательный ценз, он склонялся к ограниченію свободы частных союзов. Неужели все это — черты буржуазнаго міровоззрѣнія? Что

другое, а уж путать классовые перегородки историку-марксисту никак не полагается. Очевидно, Рожков не только развѣшивает декабристов на аптекарских вѣсах, но и подталкивает при этом рукой чашечки этих вѣсов, чтобы они тянули так, как ему хочется.

Всѣ разсмотрѣнныя до сих пор несообразныя с фактами построенія, вытекают из одного источника: — из упорнаго нежеланія признать то непреложное обстоятельство, что декабристы в полетѣ своей политической мысли вышли за предѣлы сословных и классовых предубѣжденій.

Чисто дворянская либеральная программа той поры нам вѣдь извѣстна. Она состояла в том, чтобы, *не отмѣняя крѣпостного права*, смягчить наиболѣе острые углы крѣпостной зависимости, ради предотвращенія соціальнаго взрыва, в родѣ второй пугачевщины, и чтобы, *не отмѣняя самодержавія*, установить *видимость* нѣкоторых политических гарантій.

Сперанскій в послѣднем вопросѣ пошел дальше, но за то он и был низвергнут напором дворянскаго общественнаго мнѣнія.

Сравните с этой программой программы декабристов — и вам станет ясно, насколько декабристы шагнули вперед за предѣлы сословно-дворянских стремленій того времени.

Обратимся теперь к тенденціозным стилизаціям совершенно иного характера. В то время, как большевистскіе писатели всячески хулят декабристов, принципіальные противники всяких революціонных выступленій зачисляют их в духовные предки и в предшественники большевиков. Декабристы подняли знамя революціоннаго возстанія против стараго порядка, и этого довольно, чтобы предъявить им обвиненіе в большевизмѣ, признать их «большевиками до большевизма». Мы читаем это в книгѣ Валишевскаго, мы встрѣчались с таким мнѣніем в газетных статьях, написанных в связи с юбилеем декабристов.

Обоснованіе этого взгляда в сущности сводится всего только к одному вопросу: «а что было бы, если бы декабристы *побѣдили*»? Для тѣх, кто ставит этот вопрос, отвѣт на него несомнѣнен: тогда получился бы тот самый всеобщій развал, какой произошел в результатѣ революціи, нами пережитой.

Это — самая неблагодарная тема, — гадать о том, что было бы, если бы не было того, что было. Припомним, однако, нѣкоторые факты. Декабристы на случай успѣха своего выступленія прочили в состав новаго правительства Сперанскаго, Мордви-

нова, Киселева, Ермолова. Что же, все это — носители большевистскаго духа? Все это — враги всѣх прежних государственных устоев? Кто рѣшится это утверждать?

На это нам скажут: дѣло не в самих декабристах и их политических попутчиках, а в том, что это новое правительство, подобно временному правительству наших дней, было бы тотчас снесено волной бунтующей стихіи. Вот в том то и дѣло, что вся эта аргументація строится на модернизаціи историческаго прошлаго под вліяніем наших современных переживаній. Это — совершенно неудовлетворительный пріем для познанія исторических событій минувших времен. Откуда можно было бы ожидать тогда дальнѣйших внутренних потрясеній? Большевистских эмигрантских комитетов и пломбированных вагонов тогда не существовало. Не существовало и сколько нибудь организованнаго рабочаго пролетаріата. Существовала крестьянская крѣпостная масса, представлявшая собой сухой порох, готовый вспыхнуть и повторить «пугачевщину». Но припомним опять таки нѣкоторые факты. Достовѣрно извѣстно, что крестьянскія волненія, красной нитью прошедшія чрез все XVIII столѣтіе, затихли, прервались, когда при Екатеринѣ II начались выборы в законодательную коммиссію 1767 г.: крестьянство стало выжидать, не даст ли им воли созываемая коммиссія? А когда из коммиссіи ничего не вышло, вновь создалась благопріятная почва для мятежных движеній, что и привело к пугачевщинѣ.

И вот, надо еще поставить вопрос: отмѣна крѣпостного права и широкая аграрная реформа, которыя были бы провозглашены декабристами в случаѣ их побѣды, — какое впечатлѣніе произвели бы на крестьянскія массы: возбуждающее или умиротворяющее, — при отсутствіи тогда организованных агитаторов.

Но оставим всѣ эти гаданія. Я хотѣл только показать, что гаданія возможны не в одну только сторону, а в различныя.

Не гаданія, а факты должны лежать в основѣ наших исторических характеристик и оцѣнок. А факты состоят в том, что цѣлая бездна зіяет между міровоззрѣніями декабристов и большевиков. В подробности я входить уже не буду. Но достаточно обратить вниманіе на три пункта, чтобы почувствовать всю глубину этой бездны. В основѣ всего міровоззрѣнія декабристов лежала не идея классовой диктатуры, а над-классовая идея общенароднаго блага, во имя котораго они звали на жертвы всѣ

классы и прежде всего свой собственный. Это — во-первых. Во-вторых, декабристы не только не были интернаціоналистами, но напротив того, их одушевляло чувство пламеннаго патріотизма и національной чести.

Извѣстно, что и на Александра I они вознегодовали болѣе всего из за того, что его политика по отношенію к Польшѣ и Литвѣ показалась им идущей вразрѣз с русскими національными интересами. И, наконец, в третьих: они стремились не к тому, чтобы поскорѣе сжечь Россію, как охапку соломы, в надеждѣ таким образом раздуть міровой пожар и в нем погубить всю современную цивилизацію во славу коммунистическаго переворота; нѣт, они стремились к укрѣпленію государственной силы Россіи и вѣрили в то, что это укрѣпленіе возможно лишь при глубоких преобразованіях наличнаго государственнаго строя.

Нам теперь говорят: «если бы декабристы побѣдили, то Россія впала бы в бездну разрухи подобной большевистской». Но, вѣдь в том то и дѣло, что декабристы *не* побѣдили, а тѣм не менѣе Россія большевистской разрухи не миновала. Слѣдовательно?.. Не вытекает ли отсюда тот вывод, что эта разруха могла бы и миновать нас, если бы преобразованіе стараго строя не запоздало на сто лѣт. Я ничего не хочу категорически утверждать. Я хочу только поставить на вид, что такіе вопросы нельзя рѣшать с плеча, и что для их разсмотрѣнія отнюдь не достаточно одного публицистическаго темперамента.

Теперь я только уже вкратцѣ коснусь другого спорнаго вопроса в исторіи декабризма. Хулители декабристов ревностно цѣпляются за поведеніе декабристов на слѣдствіи. Извѣстно, что нѣкоторые из декабристов проявили при этом припадки слабости духа, и почти всѣ не скупились на обширныя показанія с указаніями на роль своих сотоварищей в заговорѣ. Большевистскіе историки соорудили из этих фактов настоящій обвинительный акт, требующій от суда исторіи вынесенія безпощаднаго приговора духовному ничтожеству декабристов, этих болтунов и эксплоататоров народной массы в душѣ. Болтуны? Но болтуны не мѣняют привольную жизнь на висѣлицу и каторгу. Эксплоататоры? Но эти эксплоататоры требовали уничтоженія своих собственных сословных привилегій. Представленіе о духовном ничтожествѣ, как будто, не вяжется со всѣм этим. Не будем ничего идеализировать и признаем, что декабристы были

не ангелы во плоти, а люди, не лишенные человѣческих слабостей. В наших глазах это только увеличивает достоинство их подвига, на который они, *несмотря на свои слабости*, отважились. Итак, признаем, что моменты упадка духа в страшные дни слѣдствія у нѣкоторых из них бывали. Однако, объяснить все их поведеніе на слѣдствіи их душевной слабостью можно только, повертываясь спиной к фактам. Одним из очень словоохотливых на слѣдствіи оказался Пестель. Его никто уже не укорит в слабости духа. Одно это должно навести на мысль, что словоохотливость декабристов на слѣдствіи могла имѣть основанія, вовсе не связанныя с заботой о смягченіи своей участи. Именно убѣжденіе в том, что участь всѣх, все равно, уже безповоротно предрѣшена, побуждала их не воздерживаться от подробных показаній, а между тѣм, рисуя подробно ход заговора, они хотѣли дать понять правительству, что это движеніе не было легкой вспышкой небольшой и случайно составившейся кучки, но вытекало из серьезных общих основаній, из глубоких недугов политическаго организма Россіи. У нас имѣются положительныя извѣстія, что Пестель, составляя свои показанія, руководился именно такими мотивами. Впрочем, не надо преувеличивать и ту легкость, с какой декабристы развязывали языки на слѣдствіи. Только что опубликована часть «Дѣла о декабристах» с подлинным текстом показаній нѣкоторых членов «Сѣвернаго Общества». Мы находим там и показанія Сергѣя Трубецкого, котораго наиболѣе обвиняли в малодушіи. А что же оказывается на повѣрку? Его первыя показанія очень осторожны; называя имена, он тщательно взвѣшивает, кого можно назвать, как уже изобличеннаго в участіи в заговорѣ, и он становится откровеннѣе лишь по мѣрѣ того, как выясняется освѣдомленность правительства. Тѣ же документы доказывают, что при составленіи своих показаній, декабристы всего менѣе думали о смягченіи своей личной судьбы. Трубецкой, разсказав подробно о ходѣ заговора, пишет в своем показаніи: «из сказаннаго видно, что *я не только главный, но, может быть, единственный виновник* всѣх бѣдствій онаго дня и несчастной участи всѣх злополучных моих сотоварищей, которых *я вовлек* в ужаснѣйшее преступленіе и примѣром своим и словами своими».

В показаніи Рылѣева читаем: — «*я сам себя почитаю главнѣйшим виновником* происшествій 14 декабря... если нужна казнь для блага Россіи, то я один ее заслуживаю».

Каховскій заявляет: «*я один* причиною возстанія лейб-гренадерскаго полка».

И этих то людей пытается опорочить тенденціозная легенда! Не правильнѣе ли признать, что для их памяти нисколько не страшны серьезныя документальныя изслѣдованія исторіи их дѣятельности. Нужно только понять, что уже настала пора подходить к этим изслѣдованіям спокойно и безпристрастно, sine ira et studio, не обращая никакого вниманія на то, что «будет говорить» та или иная политическая «княгиня Марья Алексѣвна».

А. Кизеветтер.

К «ИСПОВѢДИ» БАКУНИНА.

Во II т. недавно появившагося труда А. А. Корнилова о жизни Бакунина «Годы странствованія Михаила Бакунина» (Петербург, 1925) приведены чрезвычайно интересныя новыя данныя 1854 г., поясняющія нам психологическую сторону его «Исповѣди». Совершенно очевидно, что не приходится говорить о каком-либо внутреннем раскаяніи. При первом же свиданіи в крѣпости с сестрой Татьяной, Бакунин ухитрился нелегально передать «мелко исписанныя бумажки, оторванныя от книги, гдѣ с совершенной откровенностью изложил свои взгляды. Этой дѣятельной натурѣ невыносимо было одиночное заключеніе. Во имя работы для будущаго в духѣ исповѣдуемых идей, он готов был итти на всѣ компромиссы.

В первой запискѣ он пишет:

«Это письмо — моя высшая и послѣдняя попытка связаться с жизнью. Раз мое положеніе будет, как слѣдует, выяснено, я буду знать, должен ли я еще ждать в надеждѣ быть еще полезным согласно убѣжденіям, какія я имѣл, согласно убѣжденіям, какія я имѣю и какія всегда будут моими, — или я должен умереть... Никогда, мнѣ кажется, у меня не было столько мыслей, никогда я не чувствовал такой пламенной жажды движенія и дѣятельности... Вы никогда не поймете, что значит чувствовать себя заживо погребенным... Мои физическія силы уже очень сломлены; очередь моих нравственных сил не замедлит придти... Ах, мои дорогіе друзья, повѣрьте, всякая смерть лучше этого уединенія... Зачѣм я так долго ждал?... Надежда снова начать то, что привело меня сюда... Она (тюрьма) укрѣпила мой разум, но она нисколько не измѣнила моих прежних убѣжденій. Она сдѣлала их, наоборот, болѣе пламенными, болѣе рѣшительными, болѣе безусловными, чѣм прежде, и отнынѣ все, что остается мнѣ в жизни, заключается в одном словѣ — свобода!»... «Что касается меня — писал Б. в другой записочкѣ — то я надѣюсь, что... или я буду скоро свободен или умру... Я сумѣю умереть, если будет нужно... но прежде я должен увѣриться в том, что всякая надежда выйти отсюда потеряна для меня».

«Исповѣдь» для Бакунина, таким образом, была лишь одним из средств освобожденія.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА II

II. Знать. *)

Начнем с того, кто de jure и de facto стоял во главѣ русской аристократіи, хотя, может быть, нѣкоторые из членов этой послѣдней обидятся таким нашим опредѣленіем. Граф Александр Адлерберг, министр двора императора Александра и его «лучшій», ближайшій друг, сын министра же двора Николаевскаго, есть типичный русскій «вельможа» времен, отдѣляющих Николая I от Александра III. Он всю молодость, до 45 лѣт, провел в развратѣ и кутежах, никогда не возвращал занятых денег, приходивших к нему кредиторов и даже представителей власти, являвшихся во имя закона на помощь послѣдним, выгонял вон и наполнял скандальныя хроники петербургской жизни множеством «анекдотов», за которые, будь он не Адлерберг, сидѣть бы ему в тюрьмѣ. В 1856 г., например, получив на коронаціи от своего царственнаго пріятеля подарок в 100.000 рублей, именно на уплату долгов, он и не думал расплачиваться с заимодавцами, так что, наконец, по жалобѣ одного ювелира, снабжавшаго брильянтами одну из безчисленных любовниц Адлерберга, был позван для объясненія к генерал-губернатору Игнатьеву, который, как бывшій воспитатель графа, и сказал ему дружески: «Узнаю в вас такого же кутилу пажа, каким вы были лѣт пятнадцать назад, но помните, что государь дал вам деньги на расплату с долгами, и ему будет непріятно, если я доложу, что вы не хотите исполнить его воли». Только тогда ювелир был удовлетворен, но зато Адлерберг поспѣшил вновь заглянуть в казну «друга» при посредствѣ карт, в которыя вообще часто обыгрывал императора. Что дѣлал

*) См. «Гол. Мин.» 1926 г. № 1.

он с этою частною императорскою казною впослѣдствіи, когда был министром двора — об этом мог бы разсказать развѣ г. Кистер, повѣренное лицо графа (и царя) по денежным и любовным дѣлам (по театральной дирекціи); но, конечно, он не разскажет, как не разскажет и г. Кирилин, другой близкій к Адлербергу чиновник. Для образчика этого поведенія довольно вспомнить, что за время адлербергскаго управленія из Зимняго дворца пропала богатая мебель на цѣлый ряд зал, а казалось бы у придворнаго добра приставлено много сторожей, и замки дворцовых кладовых крѣпки. Хорошо, что затѣянная-было Адлербергом и Барановым интрига раздѣлить между собою военное министерство не удалась, иначе первый, прицѣливавшійся к хозяйственным департаментам, очистил бы их так, как не дѣлалось даже при Чернышевѣ.

Граф Адлерберг по общему признанію имѣл, впрочем, одно достоинство и немаловажное в его положеніи: он не вмѣшивался в бюрократическія сплетни и не переносил их в уши императора. Будучи нерѣдко, особливо при путешествіях Александра II, его единственным докладчиком по всѣм министерствам, он не подставил ноги ни одному из министров. Но зато и добра ни одному из них, да и вообще кому бы ни было, он не сдѣлал; это был эгоист в самом точном смыслѣ этого слова, державшійся правила: «я вас не трогаю — не трогайте же и вы меня, т. е., не мѣшайте мнѣ жить в мое удовольствіе.» — Аристократических привычек, а тѣм болѣе убѣжденій, в смыслѣ, например, испанскаго гранда или англійскаго лорда, он не имѣл и в извѣстных случаях обращался в самаго дюжиннаго русскаго генерала николаевскаго пошиба, т. е., человѣка грубаго и безтактнаго. Вот примѣр его grand seigneur' ства. Молодая, но бѣдная княжна Енгалычева составила себѣ извѣстность отличным голосом и умѣньем пѣть. Ее стали приглашать в аристократическіе салоны для домашних концертов, и, как она была дѣвушка, то, по самому простому правилу приличій, ѣздила не иначе, как с отцом (матери у нея уже не было). Пріѣзжает она раз по особому приглашенію к Адлербергу. Тот встрѣчает ее в пріемной, приглашает в гости к женѣ и вслѣд затѣм обращается к отцу с вопросом: «А вам что угодно?» — «Да я отец моей дочери, которой, как дѣвушкѣ, неприлично же ѣздить одной по чужим домам.» — «Вас никто не приглашал, и вы можете убираться вон», — сказал на это министр «двора», т. е. элегантнаго свѣта, и вслѣд за тѣм повернул

Енгалычеву спину и вышел из комнаты. — Алчность к деньгам доходила у Адлерберга до забвенія чувства собственнаго достоинства, и одно лишь правило он хорошо помнил, конечно, потому что оно было выгодно: в случаях хищничества прикрываться именем своего августѣйшаго друга. Вот примѣр. Императорская фамилія жила в Ливадіи, но как там нѣт всѣх хозяйственных удобств для многочисленнаго двора, между прочим нѣт хороших прачек, то грязное бѣлье отправлялось оттуда на мытье в Петербург, и гр. Адлерберг, вмѣсто того, чтобы озаботиться устраненіем этого важнаго неудобства, предпочитал нужную на расходы по перевозкѣ бѣлья сумму относить на бюджет военнаго вѣдомства. Фельдегерь, ѣздившій из Петербурга в Крым и обратно с бумагами, служили ему для этой цѣли. Однажды количество бѣлья было так велико, что на одной тройкѣ свезти его было нельзя. Фельдегерь попросил прогонов еще на двѣ; и Адлерберг велѣл выдать, но вслѣд за тѣм отнесся к военному министру о возвращеніи этих прогонов дворцовому вѣдомству. Легко себѣ представить удивленіе и досаду Милютина, но возстать противу адлербергскаго вымогательства и спросить о дѣлѣ у государя, как верховнаго распорядителя финансами имперіи, он не посмѣл, и деньги за перевозку придворных юбок и чулок были уплочены. В другой раз то же военное вѣдомство отпустило 4000 рублей на посылку с фельдегерем во Владивосток шубы великому князю Алексѣю Александровичу, который вздумал вернуться из Японскаго моря в Петербург через Сибирь и пожалѣл денег купить себѣ шубу во Владивостокѣ: отказать Милютин опять не рѣшился, чтобы не нажить личнаго врага в Адлербергѣ, а, может быть, и в самом императорѣ.

Впрочем, граф Адлерберг, никогда не считался «родовыми русскими барами» за представителя русской аристократіи; это был в ея глазах сильный человѣк, нужный человѣк, но все-же parvenu. Оттого он и женат был не на какой нибудь княжнѣ или графинѣ, а на дочери одного господина весьма средней руки, хотя из дворян. Чтобы вѣрнѣе судить о нравственных качествах петербургской знати, нужно поэтому обратиться либо к «рюриковичам», либо к продуктам царскаго распутства в XVIII вѣкѣ: Шуваловым, Бобринским и т. п. Начнем из приличія с первых и назовем трех крупнѣйших тузов современной Александру II «родовой» русской знати: князей Горчакова, Барятинскаго и Долгорукаго, о послѣднем, впрочем, сказать нечего: если бы не повар его, то князь, несмотря

на титул московскаго генерал-губернатора, навсегда остался бы общепризнанною неизвѣстностью и даже ничтожеством, тогда как теперь, благодаря кухнѣ и 60.000 рублей от казны на расходы по ней, он довольно популярен, по крайней мѣрѣ среди обжор. Можно еще прибавить, что он приходится родственником послѣдней наложницѣ Александра II; по должности же своей составил себѣ громкую извѣстность рѣзней студентов в Охотном ряду, оставленною без разслѣдованія, и тѣм, что первый из всѣх русских сатрапов вооружил полицію револьверами. Но это может возвысить г. Долгорукова только в глазах Каткова.

О старшем братѣ князя Владиміра Андреевича, Василіи, бывшем военном министрѣ, а потом шефѣ жандармов, мы упомянули в своем мѣстѣ, а потому перейдем к князю Горчакову. Государственную его дѣятельность мы имѣли случай оцѣнить: она, как извѣстно, кончилась открытіем дороги англичанам в среднюю Азію и Берлинским договором в Европѣ, почему князю и дозволено было послѣ 1878 г. проживать под предлогом нездоровья в Ниццѣ и Баден-Баденѣ. Что же до положенія князя в русском обществѣ, то оно характеризовано было еще Пушкиным: «изящный лжец, язвительный болтун», и, нам остается прибавить, неисправимый селадон. Влюбленный на старости лѣт в нѣкую Акинфіеву, он думал-было жениться на ней, имѣя уже сыновей зрѣлаго возраста, но был удержан от этого смѣшного поступка императором Александром. В Баден-Баденѣ, т. е., на самом закатѣ дней, он не оставлял связи с одной знакомой нѣмкой, которая, как оказалось потом, была шпіонкой Бисмарка. Падкость князя на женщин была так велика, что ее публично засвидѣтельствовал генерал-адъютант Толстой на обѣдѣ в англійском клубѣ в Петербургѣ, данном Горчакову в благодарность за смѣлый дипломатическій отпор Европѣ по польскому дѣлу... В других отношеніях князь был русскій аристократ в самом обыкновенном смыслѣ: тянул по службѣ одних людей со связями и знатным родством и любил царскіе подарки — полувещественные, вродѣ крестов и титулов, и чисто вещественные, ввидѣ денег. Около себя держал людей покладистых, лишенных самостоятельности, вродѣ Стремоухова. Напротив, людей свѣдующих и уважавших себя тѣснил, как было, например, с отличным директором азіатскаго департамента Ковалевским и бывшим послом в Константинополѣ — Игнатьевым. Первый возбудил его недоброжелательство тѣм, что император требовал

его присутствія при докладах князя по азіатским дѣлам и однажды, когда Ковалевскій был болен, спросил князя: «а что Ковалевскій?» — «Болен, ваше величество, я еще вчера посылал к нему сына справиться о здоровьѣ». — «Сына? А сами вы у него не бываете?» Разумѣется, послѣ этого пришлось спѣсивому аристократу съѣздить к Ковалевскому; но зато он воспользовался паденіем брата послѣдняго, министра народнаго просвѣщенія, чтобы немедленно спустить в Сенат и своего даровитаго и свѣдующаго помощника. С Игнатьевым у Горчакова отношенія были постоянно натянутыя, иногда прямо враждебны, о чем хорошо знал даже император, поддерживавшій своего цареградскаго представителя против интриг князя и его ставленника Стремоухова. Мы уже упоминали, как император назвал послѣдняго мерзавцем за письменный извѣт на Игнатьева по одному турецкому дѣлу — щелчок до нѣкоторой степени относился и к Горчакову. Вообще в 25-лѣтнее управленіе князя министерством иностранных дѣл шли по дипломатической части в гору разныя пройдохи, особенно иностранныя, так что уже при нем вполнѣ сформировалось это вѣдомство, позорящее Россію и составленное из нѣмцев, венгерцев, молдаван, греков, перекрещенных евреев, переродившихся французских эмигрантов, выродившихся потомков русскаго князя Рюрика и вновь народившихся международных авантюристов. Преемнику его и родственнику Гирсу оставалось идти по наторенной дорожкѣ, что он, как извѣстно, и дѣлает. Вообще, характеризовать горчаковскую дипломатію, насколько она зависѣла от его личнаго характера, можно двумя словами: это было царство фразы, а не дѣла. Великій соперник Горчакова, Бисмарк, это хорошо понял и соотвѣтственно этому дѣйствовал, подготовив своему «пріятелю» и даже «наставнику» берлинскіе униженіе и позор.

Тщеславіе князя Горчакова было одною из пружин его бытія, и в этом он был довольно типическим представителем русскаго барства, в котором нѣт англійских лордов, но есть немало французских салонных маркизов XVII вѣка. Зная эту слабость князя, многіе карьеристы, его подчиненные, кадили ему без стыда, и тщеславный старик иногда не замѣчал, что под льстивыми фразами скрывалось то низкое пролазничество, то даже насмѣшка. Вот два случая, сюда относящіеся. Ловкій грек или молдаванин Катакази, умѣл лестью поддѣлаться к Горчакову, стал его «confident», т. е., чуть не Меркуріем, и, нако-

нец, добился мѣста посланника в Вашингтонѣ. Там, слѣдуя своей греческой натурѣ, стал он интриговать противу мѣстных министров, мало его уважавших, писать на них кляузныя статьи в газетах, обвинял их в плутнях и т. п., почему и был, по жалобѣ американскаго правительства, отозван. Принимая его по возвращенiи в Петербург, Горчаков дал ему сильный нагоняй и, наконец, сказал: «Я вас вывел из толпы — возвращайтесь же теперь в толпу!» — «Ваших глубоких почитателей, князь, » — отвѣчал с поклоном провинившiйся дипломат, и был пощажен.—Другому случаю публика, даже не очень прiученная к чтенiю между строками, не мало смѣялась. Когда Горчаков был сдѣлан государственным канцлером, то один из его подчиненных напечатал в газетах похвальную бiографическую статью и в ней между прочим разсказал, что «когда князь, еще молодым человѣком, был повѣренным в дѣлах во Флоренцiи, то обратил на себя в министерствѣ вниманiе обилiем своих донесенiй, хотя едва ли в Тосканѣ могло быть много русских интересов. Его прозвали поэтому «surchargé d'affaires», т. е., по просту, болтуном... Но старику-канцлеру было очень прiятно, что газетный льстец не забыл даже такой его дѣятельности, которая была давно и по достоинству забыта. «Я, мол, всегда был краснорѣчивым и неутомимым защитником интересов Россiи»... Стилем своих французских депеш князь всегда очень тщеславился.

О невѣжествѣ князя Горчакова в географiи, которая, однако-ж, необходима дипломатам, занимающимся рѣшенiем важных территорiальных вопросов, можно бы было разсказать множество анекдотов вполнѣ достовѣрных. Но довольно будет и двух, имѣющих, при том, историческiй интерес. Когда в 1878 г. рѣшено было предпринять хивинскую экспедицiю, князь, поздравляя с этим походом туркестанскаго генерал-губернатора Кауфмана, спросил его «не задѣнет ли он по пути из Ташкента в Хиву—Кашгара», о котором тогда очень хлопотали англичане, и, замѣтив на лицѣ Кауфмана улыбку, прибавил: «Я, может быть, сказал какую-нибудь глупость, что вы смѣетесь! Но это ничего: мелочами по Азiи у меня занимается Стремоухов, а я уже хлопочу о главном, — чтобы нам не поссориться с Англiей.» — В другой раз, по среднеазiатским же дѣлам, князь очень разсердился на посла в Лондонѣ Брунова за то, что он представлял о невыгодах допущенiя афганцев, т. е. англичан, в «какiе-то» Бодакшан и Вахан. Брунов даже заплатил за это несогласiе с министром

потерею мѣста и чистой отставкой, замѣнившій же его гр. Шувалов шел смѣло по стопам князя и на первых же переговорах обнаружил, что ему было неизвѣстно тождество Окса и Аму-Дарьи. Немудрено, что и другой ставленник Горчакова, Бехер, послѣ пятилѣтних переговоров с Персіей о закаспійских дѣлах, не знал, что Атрек течет сѣвернѣе Гюргени, и оффиціально справлялся об этом в Красноводскѣ. Зато свѣдующіе в географіи, и вообще в дѣлах, люди—Захаров, Ханыков, Ковалевскій и др.—были прямо изгоняемы из министерства иностранных дѣл и даже вовсе со службы, как люди «тяжелые, неудобные».

Зная невѣжество князя Горчакова во всем, что касалось Азіи, император обязал его не дѣлать ничего рѣшительнаго по азіатским дѣлам без военнаго министра Милютина, но, разумѣется, это требованіе не всегда исполнялось. В началѣ же горчаковскаго управленія русской политикой довѣріе к князю было так велико, что нѣскольких его строк было достаточно, чтобы остановить исполненіе плана Барятинскаго: итти с войсками через Харасас в Индію для отомщенія за парижскій мир. Эти нѣсколько строк на почтовом листкѣ, гдѣ Горчаков заявлял, что: «Бог, совѣсть и любовь к отечеству не позволяют ему подать голос за войну с Англіей» (в 1857 г., т. е. во время возмущенія сипаев, разлада с Персіей из за Герата и начала войны англичан с Китаем) —хранятся в архивѣ главнаго штаба и, конечно, не будут упущены из виду будущими историками англо-русских сношеній по азіатским дѣлам. При тогдашних условіях, внѣшних и внутренних, в которых находилась Россія, они приносили честь патріотизму, но не дальновидности канцлера.

От Горчакова, переходя к Барятинскому, мы вступаем в другой разряд русскаго высшаго общества, не дипломатическій, а военный, и не столичный, а провинціальный. Князь Барятинскій, хотя и был очень близким человѣком к императору Александру, царствію котораго своими дѣйствіями придал не мало блеска, но «двора» и дипломатических шаркунов недолюбливал, а держался относительно их с приличною истинному аристократу гордостью. О замѣчательной его личности можно бы написать большую и полную интереса книгу, но мы здѣсь должны ограничиться лишь краткою характеристикою. Избалованный в молодости богатством и знатностью, он был в школѣ гвардейских юнкеров таким шелопаем, что педант-солдафон Шлиппенбах, начальник школы, однажды сказал ему: «Вы не князь, а грязь.»

Но солдафон, мѣрившій все с николаевской, т. е. ефрейторской точки зрѣнія, ошибся: в природѣ Барятинскаго было много рыцарски-благороднаго и аристократическаго в лучшем смыслѣ этого слова. Выпущенный в армейскіе кирасиры, вмѣсто гвардейских, он не долго красовался на гатчинских и петербургских плац-парадах и бросился на Кавказ, гдѣ быстро сдѣлал карьеру не только личной отвагой на полях битв, но и успѣшным пониманіем раціональной системы войны противу горцев, несогласной с предписаніями Николая и его министра Чернышева, но выработанной на Кавказѣ Ермоловым и его продолжателем Вельяминовым. Николай был очень невысокаго мнѣнія о Барятинском и, отправляя в 1854 г. на Кавказ Муравьева, сказал ему: «У тебя там начальник штаба дурак — ты можешь его удалить» — что тот и сдѣлал. Но Барятинскій был не дурак и в то время пользовался уже большой популярностью на Кавказѣ, которую умѣл заслужить не только боевыми качествами, но и умѣньем цѣнить заслуги подчиненных, выбирать из них достойных на высшіе посты и настойчиво их защищать. Оттого, когда через два года он был назначен главнокомандующим на Кавказѣ на смѣну Муравьева, восторг кавказцев был общим. Зная свою слабость в высших отраслях военной администраціи и стратегіи, он не затруднился взять к себѣ начальником штаба лицо, ему неизвѣстное дотолѣ, но указанное общественным мнѣніем — Милютина и приготовил из него отличнаго военнаго министра. Евдокимов, Врангель, Колюбакин и много других дѣльных офицеров были выведены им в люди. Его рыцарскія, хотя иногда сумасбродныя понятія о достоинствѣ военнаго, особенно офицерскаго, званія высказывались во многих случаях и значительно подняли нравственный уровень кавказских офицеров, прежде славившихся буйством, пьянством и неотесанностью. Вот образчик его взглядов на офицера. Один поручик убил из-за угла своего полкового командира Фока, наносившаго ему не раз горькія оскорбленія. Так как Фок был сродни Милютину, то военный суд немедленно и без смягчающих обстоятельств признал его виновным и осудил на разстрѣляніе. Барятинскій, чувствовавшій по-человѣчески, что осужденный не совсѣм неправ, но в то же время желавшій поддержать дисциплину, а вмѣстѣ и чувство чести в офицерах, конфирмовал: «Поручик N не стоит чести быть разстрѣлянным, а потому осужден на каторжную работу.» Такая смѣлая конфирмація сильно удивила не одних аудиторов, но и прочих легистов;

но она очень понравилась многим людям, не успѣвшим забить себѣ нравственное чутье римским правом и юридической казуистикой. Честно цѣня заслуги Евдокимова, он не только сполна ввѣрил ему окончательное покореніе сѣвернаго склона Кавказа, но и сдѣлал его графом, несмотря на крайне плебейское его происхожденіе, образованіе и наклонности. Мало того, когда пріѣзжавшіе на Кавказ братья императора Николай и Михаил, желая выказать свое презрѣніе к Евдокимову, не подали ему руки, Барятинскій обратился с жалобою и заставил невѣжей извиниться перед Евдокимовым письменно.

По образу жизни Барятинскій был избалованный судьбою холостяк, нерѣдко кутила и большой сластолюбец. Чужія жены были лакомством князя, и с именем одной из них, Давыдовой, урожденной Орбельяни, связан роман в нѣсколько восточном вкусѣ. Муж этой красавицы знал о связи своей жены с Барятинским и даже покровительствовал ей, надѣясь достичь хлѣбнаго мѣста генерал-интенданта кавказской арміи. Барятинскій, уступая настояніям любовницы, сдѣлал о Давыдовѣ офиціальное представленіе, но в то же время написал военному министру письмо, что у него на Кавказѣ нѣт лучших кандидатов, но что, если у него, министра, имѣется такой, то Барятинскому будет очень пріятно имѣть способнаго помощника, хотя бы из людей ему неизвѣстных. Результатом было назначеніе Колосовскаго (или Клауда), а Давыдов остался не при чем. Тогда, обманутый в своих вожделѣніях, он явился к Барятинскому за объясненіями, упрекал его в неблагодарности, в разстройствѣ семейнаго счастья и пр. Выслушав его, князь сказал в отвѣт: «Знаете что, Давыдов? Что вы подлец, сводничавшій мнѣ свою жену — это, я полагаю, извѣстно цѣлому свѣту, но чтобы вы были такой дурак, чтобы притти объясняться по этому поводу — этого я, признаюсь, не ожидал.» Давыдов, конечно, исчез из Тифлиса, но исторія его отношеній к Барятинскому этим не кончилась: послѣдній серьозно полюбил его жену и рѣшился вступить с нею в брак. Послѣдовала пресловутая дуэль в Страсбургѣ, гдѣ к русскому фельдмаршалу просились в секунданты многіе французскіе офицеры. На этой дуэли первая очередь стрѣлять досталась Давыдову, и он сдѣлал свой выстрѣл; когда же ему пришлось стать против дула, тогда с его стороны послѣдовало неожиданное извиненіе и предложеніе мировой. Барятинскій бросил в сторону пистолет, объявив Давыдову, что с ним «гадко стрѣляться».

Вслѣд за этим состоялся развод Давыдовых и свадьба Барятинскаго с разведенной женой, которой позор он «счел долгом прикрыть не только своим именем», но и екатериненским орденом, выхлопотанным у императрицы. Давыдов был утѣшен «повышеніем по службѣ» и при том совершенно почти невѣроятным способом: его сдѣлали губернским предводителем дворянства в одной из литовских губерній, гдѣ в это время выборы предводителей из дворян-поляков были запрещены.

Весь этот роман, разсказанный здѣсь в немногих словах, но тянувшійся многіе годы, характеристичен не только для Барятинскаго, но и для всего высшаго русскаго общества. В жизни князя можно найти и множество других случаев, дающих мѣру нравственнаго развитія этого общества. Вот один, служащій мѣрою спѣси и пустоты русских вельмож. Сдѣланный в 1860 г. фельдмаршалом, Барятинскій прибыл в Петербург благодарить государя и по волѣ послѣдняго остановился во дворцѣ. Когда он принят был императором, тогда начались пріемы у него самого, при чем всѣ военные являлись обязательно. Но князь Орлов не пожелал исполнить этого долга вѣжливости и службы, ссылаясь на то, что он предсѣдатель государственнаго совѣта и, слѣдовательно, первый сановник имперіи, тогда как Барятинскій управляет лишь одной из провинцій. Дошло дѣло до императора, который и приказал Орлову пріѣхать к Барятинскому в полной формѣ, а Барятинскому встрѣтить его на подъѣздѣ тоже в полной формѣ и со словами: «А я только-что желал имѣть честь посѣтить ваше сіятельство».... Эта дѣтская игра не мало забавляла петербургское общество, при чем чиновники особенно дивились императорской мудрости, люди же независимаго характера смѣялись или скорбѣли, смотря по темпераменту каждаго.

О русской знати шуваловскаго прихода, состоявшей из самого графа Петра Шувалова, Тимашева, Потапова, Паткуля и других жандармских и полицейских фигур, почти не стоит говорить, по причинѣ нравственнаго их безобразія. При том, что стоило сказать о них, то уже сказано, и прибавить остается лишь то, что к этой несимпатичной средѣ принадлежали и такіе магнаты, как Бобринскій, любившіе наживаться на счет казны и разоряемых ими крестьян, и разные князья и графы, не игравшіе никакой политической роли по совершенному их умственному и нравственному ничтожеству. Независимых аристократов вродѣ Нарышкина, А. Васильчикова, Толстого (А. К.), кн. Суворова

было немного, и они большей частью стояли в сторонѣ, а не у дѣл, или же бывали в опалѣ, как Рѣпнины и Васильчиковы. Чуть ли не самый богатый из русских «бар», князь Юсупов, в молодости сосланный Николаем на Кавказ, а потом служившій в посольствах и богоугодных заведеніях, составил себѣ в Европѣ репутацію биржевого спекулятора, в Россіи же был извѣстен только разладом с матерью, которая связалась с одним французом и, выйдя за него замуж, купила ему титулы маркиза де-Шево и графа де-Серр. Разные Голицыны, Гагарины, Шереметьевы и прочіе столпы родового русскаго дворянства проводили жизнь в почетном ничтожествѣ, иногда заявляя о себѣ скандалами или тяжбами против бывших своих «рабов», как гр. Шереметьев против крестьян-купцов сел Иванова и Павлова. Мы их пропустим, как людей, не имѣющих права на мѣсто в исторіи, а в заключеніе этого очерка русской знати времен Александра II упомянем о двух-трех лицах, хотя и принадлежавших к высшему русскому обществу и пріобрѣтших историческія имена, но стоявших отчасти в оппозиціи с петербургским большим свѣтом, не любивших дышать его воздухом и тѣм доказавших, что не все еще в этом свѣтѣ сгнило.

Одно из этих лиц есть граф Муравьев-Амурскій. Сын статс-секретаря и камер-паж императора Николая, он был сначала гвардейским офицером, потом армейским на Кавказѣ, гдѣ быстро составил себѣ репутацію дѣлового администратора, умѣвшаго, напр., умиротворять горцев и даже подчинять их Россіи без пролитія крови. За это Николай сдѣлал его губернатором в Тулѣ, гдѣ им был возбужден вопрос об освобожденіи крѣпостных. Проект не имѣл успѣха за нежеланіем помѣщиков отказаться от рабовладѣнія, но он выдвинул молодого губернатора и на 38-м году от роду доставил ему мѣсто генерал-губернатора восточной Сибири. Здѣсь дарованія честнаго, умнаго и энергичнаго правителя развернулись во всю ширь, и он успѣл достигнуть того, чего не успѣвали другіе на его посту ни прежде, ни послѣ него— ослабить, мѣстами даже искоренить, взяточничество в восточной Сибири. Блистательный его подвиг возсоединенія Амура без потери капли крови доставил ему историческое имя, но нас в данном случаѣ занимает не то. Представитель деспотизма в Сибири, он при самом началѣ своего управленія имѣл мужество вступиться за врагов деспотизма — декабристов, изнывавших на каторгѣ: он даже приблизил многих из них к себѣ, стал посѣщать

их общество и умѣл все это сдѣлать так, что, когда одним из его подчиненных, губернатором Пятницким, был сдѣлан донос, то доносчик немедленно был выгнан со службы по прямому повелѣнію Николая, без всякаго представленія Муравьева. Затѣм сумѣл он утилизировать нѣкоторых из петрашевцев, сосланных на каторгу в 1849 г., так что сам Петрашевскій был у него домашним человѣком, Спѣшнев—редактором мѣстной газеты и т. п.*) И Бакунина он обставил так, что он жил в Иркутскѣ лучше, чѣм в Москвѣ. Молодежь, пріѣзжавшую в восточную Сибирь на службу, умѣл он заинтересовать в этой службѣ или, точнѣе, в нравственной и политической ея сторонѣ, вслѣдствіе чего с малочисленным персоналом чиновников дѣлал столько, что рутинные бюрократы могли только удивляться. Быстрое повышеніе по службѣ, особенно пожалованіе его в графы Амурскіе, создало ему кучу завистников, и в 1861 г. он должен был покинуть Сибирь, чтобы оффиціально стать членом Государственнаго Совѣта в Петербургѣ, а реально переселиться на постоянное житье в Париж. Сознавая его правительственные таланты, император Александр дважды предлагал ему посты намѣстника в Тифлисѣ и Варшавѣ, но получал отказ. В первый раз Муравьев отвѣчал, что послѣ князя Барятинскаго и при жизни послѣдняго ни один уважающій себя человѣк не поѣдет намѣстничать на Кавказѣ, потому что в Петербургѣ у него явилась бы куча недоброжелателей из друзей Барятинскаго; во втором — отвѣчал просьбою, чтобы ему сказали: чего правительство хочет достигнуть в Польшѣ — одного ли полицейскаго спокойствія или серьезнаго умиротворенія края? — и как на этот вопрос ему отвѣчать не умѣли, то он и оставлен был, на 52 г. от роду, не у дѣл, как человѣк строптивый. В Парижѣ его жизнь, как и жизнь многих русских, переселяющихся туда, чтобы не быть очевидцами домашней грязи и мерзостей, была наружно праздною, но в сущности очень дѣятельною, потому что он был центром множества соотечественников, пріѣзжавших из Россіи отдохнуть и нравственно освѣжиться. Тут обнаруживался, во всей привлекательности, его живой, бодрый ум, его чуткое сердце и его просвѣщенный патріотизм. Как человѣк независимый, он имѣл мужество не принимать у себя таких тузов наступившей в Россіи реакціи, как Тимашев, презрительно отзываться о таких содержанках мужского пола,

*) Впослѣдствіи у Муравьева с Петрашевским были плохія отношенія.

как Катков и т. п. Трудно сдѣлать ему лучшую похвалу, как сказать, что в Петербургѣ оффиціальныя сферы 1870-х годов его ненавидѣли, и он сам, когда наѣзжал в Россію для участвованія в дѣлах государственнаго совѣта, останавливался не в Петербургѣ, а в Царском Селѣ, чтобы быть подальше от безсовѣстных правителей тогдашней Россіи. Когда, наконец, он помер в 1881 г. в Парижѣ, о высоких его качествах вспомнили и на берегах Невы, но не двор и правительство, а честные люди общества.

Другой аристократ и вмѣстѣ недруг бюрократіи, имѣющій право на мѣсто в исторіи, несмотря на принадлежность к петербургскому «большому свѣту», был Скобелев. Внук пресловутаго коменданта петропавловской крѣпости при Николаѣ, признававшаго, что лучшее средство исправлять заблудших есть отдѣлять у них по нѣсколько кусков кожи (т. е., драть их плетьми или гонять сквозь строй), — он, собственно, не принадлежал к родовой знати (дѣдушка, вѣдь, был из однодворцев), но благодаря родству с графом Адлербергом, а потом с князем Бѣлосельским, Гагариными и даже с самой царской семьей (через сестру), не мог он быть затерт в грязи іерархическими начальниками из военных подъячих и солдафонов. Конечно, нѣкоторые из них, напр., завистливый и неотесанный писарь Мещеринов, пытались загородить ему дорогу, даже не допускали его в генеральный штаб послѣ окончанія курса военной академіи: но личныя способности, особенно рѣдкія военныя дарованія, а также поддержка знатной родни выдвинули молодого воина, и он быстро достиг не только чина полнаго генерала с георгіевскою звѣздою, но и имени народнаго героя, каким до извѣстной степени и был по своей природѣ. В характерѣ Скобелева было нѣчто рыцарское, смѣлость на словах и на дѣлѣ, отвага авантюриста XVI вѣка, но вмѣстѣ и большой разсудочный ум, а главное — умѣнье заставлять людей слѣпо слѣдовать за собой. Много общаго можно отыскать у него с Кортесом, Суворовым и Наполеоном I; в русской арміи, воспитанной на аракчеевских и николаевских началах, он во всяком случаѣ был феномен. Враги успѣли-было в 1876 г. подвести его под опалу; именно, он был отставлен от должности ферганскаго военнаго губернатора за поход противу собственных подданных, затѣянный ради мнимых побѣд и писанія пышных реляцій; но уже в половинѣ 1877 г. он, тогдашній ординарец при Драгомировѣ, стал легендарною личностью в

арміи, благодаря переправѣ через Дунай вплавь и доблестному поведенію под Плевной, Ловчей и пр. Император Александр стал быстро отличать его, раз даже сказал ему: «Ты один стоишь всѣх этих посредственностей, которыя командуют войсками», но приблизить к себѣ не рѣшался, вѣроятно, вслѣдствіе наговоров разной придворной и штабной сволочи. Вмѣсто Петербурга или хоть Туркестана, Скобелев был засажен в Минск командиром корпуса, находившагося в мирном бездѣйствіи, т. е., обречен на забвеніе. Однако, это тянулось недолго. Неудачи кавказских генералов в Туркестанѣ заставили в 1879 г. вызвать Скобелева опять на видное историческое поприще, и тут он стяжал себѣ завидную славу, став не только побѣдителем храбраго противника, но и идолом собственных подчиненных. Его отношенія к послѣдним можно характеризовать слѣдующим разсказом. Туркмены во время осады их крѣпости Геок-Тепе приняли за правило нападать на русскія осадныя работы по ночам, при чем подкрадывались к траншеям втихомолку и потом с гиком бросались на рабочих, рубя и коля их с высоты нами же устроенных брустверов. Один смышленный солдат, уже днем, завидя Скобелева, идущим по траншеѣ, сказал сосѣду-товарищу: «А вѣдь генерал неправ, заставляя нас по ночам сидѣть тут; лучше бы он сдѣлал, велѣв нам становиться или садиться в нѣскольких шагах сзади, тогда текинцам пришлось бы вылѣзать из траншей и, мы колотили бы их не снизу, а сверху». Услышав это дѣльное замѣчаніе, Скобелев не только не обидѣлся, но немедленно принял его к руководству, а смѣлому, хотя непрошенному, совѣтчику дал георгіевскій крест. — В другом случаѣ, еще в турецкую войну 1877 г., он, видя робость и непорядок у солдат одного полка, вмѣсто того, чтобы пристыдить их вслух, громко крикнул: «Молодцы, вы, ребята, с вами весело служить! Напирайте, напирайте смѣло на турка!...» и только в полслуха прибавил: «Какая дрянь! Не то, что молодцы-туркестанцы». Похвала, как всегда на войнѣ, произвела свое дѣйствіе и, трусливые солдаты ободрились, пошли вперед и сдѣлали свое дѣло, а о порицаніи знали только ближайшіе приближенные генерала.

Ввиду всего этого, Скобелев может быть признан прекрасным типом воина-аристократа, оправдывавшаго то исключительное положеніе, которое ему создали связи и родство столько же, как и собственныя способности. Но его противники не без основанія замѣчали, что он был крайній эгоист, не щадившій никого

для достиженія личных почета и славы. Этот упрек, конечно, справедлив, но кто же из других «знатных особ», военных и штатских, не подлежал ему? Гораздо печальнѣе был другой личный недостаток Скобелева, впрочем, тоже общій со многими русскими аристократами — разврат. Вслѣдствіе его он должен был развестись с своею женой, от него же он и умер. Конечно, московская полиція накинула занавѣс на причины его смерти, но всѣм извѣстно, что он скончался от разрыва сердца, причиненнаго сильным, и при том искусственным возбужденіем организма, при участіи нѣскольких непотребных женщин. Так как эти гетеры были нѣмки, то молва создала даже по этому случаю легенду, в которой смерть «народнаго героя» и заклятаго врага нѣмцев приписывалась Бисмарку. Но хотя Скобелев и произнес незадолго до смерти перед сербскими студентами в Парижѣ рѣчь, в которой громко сказал, что «главный враг славян — нѣмец», однако, едва ли предававшіяся с ним самому постыдному разврату нѣмки были исполнителями воли Бисмарка, а не прихоти самого Скобелева. Его развратность была столь же сильна, как кн. Паскевича, сына фельдмаршала, только имѣла болѣе шумный характер.

Теперь нужно бы упомянуть хотя о нѣскольких аристократических дамах, чтобы дать болѣе полное понятіе о русской знати времен Александра II. Но увы! Ни одной выдающейся Корнеліи, Сталь или хоть даже Аспазіи в высшем петербургском кругу не имѣлось, а были только второстепенныя ничтожества в юбках, для которых нѣт мѣста в исторіи. Это не значит, чтобы женщины совсѣм не имѣли вліянія на ход дѣл; напротив, через них, как всегда, обдѣлывалось много закулисных исторій, но самостоятельной роли внѣ будуаров онѣ почти не играли. В видѣ исключенія упомянем о графинѣ Блудовой и княгинях Трубецкой и Юсуповой. Печальная и физически непривлекательная подруга императрицы Маріи в годы ея вдовства при живом мужѣ, графиня Антонина Блудова, вмѣсто сочувствія, возбуждает жалость и смѣх. При дворѣ и в свѣтѣ она поддерживала только ханжество, добрых же дѣл совершила не много. Воображая, например, себя возстановительницею православія в Бѣлоруссіи и Литвѣ, она объѣзжала эти края, но лишь для того, чтобы раздать нѣсколько ненужных никому образов и поханжить с нѣкоторыми архіереями и попами. Через императрицу она доставляла иногда видныя мѣста нѣкоторым свѣтским хлыщам, умѣвшим понравить-

ся ей, но довольно упомянуть одного из них, Стремоухова, чтобы видѣть, что протекціи ея были не только безполезны, но и вредны для Россіи. Словом, эта дурняшка, считавшая себя за esprit fort, оставила по себѣ лишь одну прочную память, именно о ея «отвращеніи к мылу», т. е. о неряшествѣ — это, конечно, не много.

Что до княгини Юсуповой, принадлежавшей по лѣтам болѣе к николаевскому, чѣм к александровскому времени, то ея извѣстность в большом свѣтѣ основывалась больше на богатствѣ и на неравном бракѣ с одним французским проходимцем, чѣм на каких-нибудь добродѣтелях или на политическом вліяніи. Правда, в началѣ 1850-х годов она, при содѣйствіи императора Николая, сослала на Кавказ с жандармами сына, предававшагося кутежам, но репутаціи святости или хоть благонравія тѣм не пріобрѣла. Напротив, брак ея с любовником, которому она купила титул маркиза де-Шево графа де-Серр, уронил ее даже в глазах невзыскательной петербургской аристократіи, и она доживала свой бурный вѣк по большей части за границею, т. е., внѣ русскаго общества.

Наконец, о княгинѣ Трубецкой можно замѣтить, что она нѣкоторое время занимала за границей, именно в Парижѣ, ту роль, которая при Николаѣ принадлежала княгинѣ Ливен в Лондонѣ, т. е., держала политическій салон, имѣвшій цѣлью поддерживать в высшем международном обществѣ доброе расположеніе к Россіи и добывать нужныя дипломатическія свѣдѣнія. Но эта роль, в наше время открытых политических дебатов в парламентах, не могла быть особенно плодотворною, и княгиню, хотя и принимавшую Тьера, больше посѣщали развязные и бойкіе журналисты, чѣм государственные люди, так что, наконец, за безполезностью, амплуа ея было уничтожено, и в результатѣ осталось только невыгодное для нея преданіе, именно, что она, со своим умом и связями, была больше на службѣ у тайной полиціи, чѣм у дипломатов.

М. Венюков.

НА ЭКРАНѢ МОЕЙ ПАМЯТИ.*)

III. Деревня.

Мои воспоминанія о русской деревнѣ в дошкольный період моего дѣтства совпадают по времени с русско-турецкой войной или нѣсколько раньше ея и связаны с имѣніем «Ольхи»—Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи, куда мы ѣздили на лѣто.

Имѣніе «Ольхи» принадлежало моему дѣду, а послѣ его смерти перешло во владѣніе его четырех сыновей, из которых двое — мой отец и один из его братьев (о нем упоминалось в предыдущей главѣ) в это время уже покоились на нашем семейном кладбищѣ возлѣ ольховской церкви. Управлял имѣніем мой дядя, Егор Васильевич, генерал-маіор, губернскій предводитель смоленскаго дворянства.

В моей дѣтской жизни поѣздка в деревню была событіем первостепенной важности.

Тогда путь до Москвы длился около суток, да столько-же примѣрно за Москву, с безконечно длинной остановкой на узловой станціи Вязьма, которую я всегда с нетерпѣніем ждал, потому-что там продавались удивительно вкусные вяземскіе пряники и еще какіе-то пестрые мячики из шерсти. Мы возили с собой огромное количество всякой клади не только в багажѣ, но и в пассажирском вагонѣ, что страшно осложняло путешествіе, в особенности сопряженное с пересадками.

Пересадка в Вязьмѣ поэтому была дѣлом весьма сложным, о котором заранѣе говорили с волненіем, суетились, считали число чемоданов и тюков... Несмотря на стоянку в нѣсколько часов, пребываніе на вяземском вокзалѣ проходило в сплошной сутолокѣ и в безпокойствѣ, которое передавалось от взрослых и мнѣ.

Уже сам будучи взрослым, я долго еще ощущал на желѣзно-

---

*) «Гол. Мин.», 1926 г., № 1.

дорожных пересадках безпричинную тревогу, сохранившуюся от дѣтских переживаній на станціи Вязьма.

Но вот, наконец, и наша Мятелевская станція.

Из окна вагона я уже вижу большую дорожную коляску с тиковой полосатой обивкой, запряженную тройкой сѣрых. Каждая лошадь этой тройки мнѣ хорошо знако́ма. Я знаю их достоинства и пороки, но особенно люблю совсѣм бѣлую пристяжку — мою верховую лошадь.

На козлах — кучер Николай с рыжими усами и с бѣльмом на глазу. Он какой-то без лѣт, не то ему сорок, не то семьдесят. Угрюм и молчалив с людьми, но на козлах, взяв возжи в руки и чмокнув губами, оживает и, слѣдя за каждым движеніем лошадей, ровняет пристяжек, укоризненно или поощрительно бесѣдуя с ними.

А когда нужно брать гору, встает, натягивает возжи и весело покрикивает.

Эх вы, любки, голубки,
Головоступки.
Хвосты пестры...
С горки на горку,
Барин даст на водку....
Но, вы, любезныя-а-а....

Старыя сѣрыя лошади не выдают его и послушно одним махом взлетают на гору.

Мое мѣсто, конечно, рядом с Николаем на козлах. А если мы ѣдем вмѣстѣ с двоюродным братом Гришей, то мѣняемся, зорко слѣдя за верстовыми столбами, чтобы соблюсти справедливость.

В коляскѣ, на «выѣздных лошадях» ѣдут господа, а сзади в тучах пыли, на вереницѣ тарантасов, запряженных рабочими лошадьми, — прислуга и вещи.

От станціи до «Ольхов» сорок верст... Покормив лошадей и выпив чаю на полпути на постоялом дворѣ, гдѣ так увлекательно пахнет навозом и дегтем, ѣдем дальше.

А за восемь верст перед «Ольхами» новое развлеченіе — рѣка Угра и паром через нее. По деревянному настилу парома неожиданно пріятно топают лошади и стучат колеса.

Послѣ долгой ѣзды под неумолчный звон колокольчика, вдруг становится тихо-тихо. Уставшія лошади понурили головы и, раздувая ноздри, тщетно тянутся к водѣ через перекладину

парома и изрѣдка, отгоняя слѣпней, бьют себя по животам ногами. Заснувшій-было колокольчик лѣниво звякает и опять затихает. Пахнет сыростью, смолой и веревками...

— Отчаливай! — командует паромщик подручному. Но мы продолжаем стоять на мѣстѣ. А берег медленно отодвигается, и надвигается противоположный.

Вот и дядя Егор в бѣлом кителѣ и с большой сѣдой бородой, ожидающій нас на другой сторонѣ рѣки. Он пріѣхал в знакомой мнѣ, обитой коричневым сукном, пролеткѣ, на тройкѣ вороных.

Эта тройка вороных составляла предмет моего поклоненія. Взмыленныя пристяжки лихо кривили головы и смотрѣли вбок дикими косящими глазами, а коренник грозно храпѣл и, стоя у крыльца, всегда рыл землю копытом.

Увы, мнѣ строго-настрого было запрещено не только на них кататься, но даже подходить в конюшнѣ к их стойлам, и только дядѣ разрѣшалось брать меня с собой, что он и дѣлал, встрѣчая нас на берегу Угры.

Я себя чувствовал очень важным на козлах, рядом с кучером Николаем, но развѣ это почетное мѣсто могло сравниться с мѣстом рядом с дядей в коричневой пролеткѣ!

Не без колебаній мать отпускала меня, прося дядю ѣхать потише. Напрасная просьба! Стоило нам усѣсться в пролетку, — и уже сразу тяжелая коляска с тройкой сѣрых исчезала в клубах пыли, и мы неслись по знакомым мѣстам среди благоухающих полей начавшей колоситься ржи, спугивая жаворонков, которые, взлетая, дрожали в воздухѣ и наполняли его звоном своих пѣсен.

Вот проѣхали знакомыя рощи, в которых так много грибов и костей от заѣденных волками животных, а вот показалась и куща деревьев с торчащей из нея колокольней. Это наша усадьба.

Миновав ряд служб, подъѣзжаем к крыльцу большого деревяннаго дома, стиля ампир, желтаго, с бѣлыми колоннами. На крыльцѣ собралась нас привѣтствовать вся «дворня». (Пятнадцать лѣт прошло со времени отмѣны крѣпостного права, а это слово еще в обиходѣ). Мужчины почтительно снимают шапки, женщины кланяются в пояс.

В комнатах обдает знакомый запах пріятной затхлости. В столовой накрыт стол, на котором кипит самовар и стоят большіе кувшины с молоком, крынки с простоквашей, блюда со

свѣже-испеченным черным и бѣлым хлѣбом и стопочки севрских тарелок с картинками из мифологіи. У каждаго из нас были свои любимыя тарелки. На моей был изображен мужчина в римской тогѣ, указывающій перстом на виднѣющееся вдали подобіе Акрополя полуобнаженной женщинѣ, подталкиваемой сзади маленьким голеньким амурчиком с колчаном стрѣл за спиной. Под картинкой была подпись — «L' Amour et Hymène l'entraînent dans leur Hôtel», которую я переводил так: «Амур и Имен ведут ее в свою гостиницу», совершенно недоумѣвая, почему взрослые меня подымают насмѣх за столь точный перевод.

Напившись молока и чая, отправляюсь смотрѣть, все-ли на своем мѣстѣ. Пробѣгаю по всему дому, через анфиладу комнат, среди которых, как водилось в старых барских домах, кромѣ спальных, гостиной, столовой и кабинета, есть еще библіотека, билліардная, «диванная», дѣвичьи и комнаты для пріѣзжающих, бѣгу в сад со стриженными по версальски липовыми шпалерами, с узорчато подрѣзанными елками и густо покрытыми листвой темными аллеями, заглядываю в оранжерею, гдѣ взращиваются виноград, абрикосы и персики «венусы», и несусь на самый край усадьбы, на птичій двор.

Старая птичница Авдотья встрѣчает меня низким поклоном наотмашь. Она говорит мнѣ «ты», но величает по имени и отчеству. — «Здравствуй, Владимір Андреевич!» и ведет внутрь птичника, гдѣ в цѣлом рядѣ кадок сидят насѣдки на яйцах, а индюшки уже вывели сотни двѣ пестреньких индюшат. Авдотьина внучка, бѣлобрысая Степуха, костюм которой состоит из одной домотканной рубашки, кормит их творогом с крапивой. Она — индюшечья пастушка. Каждая индюшка ей знакома не только по внѣшности, но и по нраву и характеру. Этой наукѣ она и меня обучает, когда мы с ней часами лежим в травѣ, пася индюшек, так-как и я на все лѣто подряжаюсь в индюшечьи пастухи и в помощники птичницѣ Авдотьѣ.

А затѣм однообразные, но полные для меня мелких интересных событій, идут дни помѣщичьей деревенской жизни.

В будни я беру уроки у моей учительницы, Любови Яковлевны, а послѣ обѣда торчу на птичьем дворѣ или играю в крокет. Три раза в недѣлю, перед ужином — верховая прогулка с сыроваром Христіаном Христіановичем. Это швейцарец, выписанный дядей для руководства поставленной им сыроварни. Сыроварня была убыточна, как и всѣ хозяйственныя затѣи добродушнаго

генерала, ничего не смыслившаго в хозяйствѣ, но Христіан Христіанович любил ѣздить верхом на буланой лошади, предоставленной в его пользованіе, и охотно согласился обучать верховой ѣздѣ меня и двоюроднаго брата Гришу.

Нам сѣдлали двух старых пристяжек из тройки сѣрых, и мы чувствовали себя на них настоящими кавалеристами. Привычный пристяжкам галоп называли гордо карьером, а, когда наши лошади, понюхав небольшую канавку, на которую мы их нарочито направляли, нехотя перешагивали ее с небольшой припрыжкой, мы были полны счастья, ибо на нашем жаргонѣ это называлось — «брать препятствія».

Послѣ скачек с препятствіями ужин с неизмѣнной простоквашей или варенцом казался особенно вкусным.

Вечером к дядѣ с докладом приходит управляющій, красивый мужик с черной бородкой и хитрыми карими глазками. Дядя звал его Ильей, а мы — Ильей Григорьевым. На «ич» мужиков величать не полагалось.

Неуменьшительными именами без отчеств звали только солидных, степенных мужиков, а молодых и даже старых, но не хозяйственных продолжали по обычаю крѣпостных времен именовать Яшками, Ваньками, Гараськами и т. п. Мать моя, впрочем, сама всѣх крестьян называла настоящими именами и нам не позволяла употреблять уменьшительных.

Я не любил вечерних посѣщеній Ильи Григорьева, так как они часто кончались бурными сценами. Дядя кричал на управляющаго, который его систематически обворовывал, грозил прогнать со службы или отдать под суд. Но Илья, всегда спокойный и невозмутимый, только говорил — «слушаю-с» или — «как угодно вашему сіятельству», а в концѣ концов все кончалось к лучшему. Счета принимались, а распоряженія, отдававшіяся на слѣдующій день, исполнялись постольку, поскольку они входили в планы управляющаго.

По воскресеньям я надѣвал вмѣсто будничной кумачевой рубашки бѣлую, вышитую пѣтухами, и отправлялся в церковь, гдѣ носил свѣчу на малом и большом выходах. Церковь была всегда битком набита народом, степенными мужиками с лоснящимися от масла волосами и пестрыми бабами и дѣвками. А впереди, на вышитых шерстью коврах, стояли наши домашніе и сосѣди-помѣщики. Дядя забирался на клирос и отчаянно фальшивым голосом подтягивал дьячку.

Служил отец Василій. Немудреный это был батюшка, с красными слезящимися глазами и хроническим насморком, который он унимал, утирая нос, издававшій при этом хлипающій звук, рукою снизу вверх. А флюс, как нарочно вздувавшійся у него к воскресенью, подвязывал розовым платком.

Служил он гнусавой скороговоркой и в концѣ обѣдни говорил проповѣди совершенно невразумительныя. Одна из них начиналась так: «Положим в кастрюлю добродѣтели манну милосердія, польем елеем благочестія и заправим приправой смиренія»... и далѣе шло длинное перечисленіе всевозможных человѣческих добродѣтелей в видѣ лука, лавроваго листа, перца и проч., из которых отец Василій предлагал нам варить столь необыкновенный суп. Эту проповѣдь, вѣроятно вычитаннную им в каком-нибудь старинном учебникѣ церковнаго краснорѣчія, отец Василій повторял періодически, через нѣсколько воскресеній, а потому она и врѣзалась в мою память.

Послѣ обѣдни сосѣди-помѣщики усаживались в свои экипажи и въѣзжали в нашу усадьбу, в сотнѣ саженей от церкви. Там лошади распрягались и кормились овсом, а господа приглашались к обѣду. Затѣм молодежь играла в крокет, а дядя, большой любитель «пульки», устраивал преферанс.

За отсутствіем достаточнаго числа партнеров, он обучил преферансу мою учительницу, Любовь Яковлевну, которая очень пристрастилась к игрѣ и с нетерпѣніем ждала воскресеній— обычных дней преферанса. Играла она однако отвратительно, чѣм совершенно выводила дядю из душевнаго равновѣсія. И часто преферанс кончался драмой. Дядя при гостях кричал на нее, обзывая иногда нелестными словами, и доводил до того, что она в слезах выскакивала из-за стола и убѣгала в свою комнату.

Преферанс разстраивался, но на слѣдующее воскресенье оба противника опять с наслажденіем усаживались за зеленый стол до слѣдующаго драматическаго инцидента.

Большим событіем бывали имянины мои и моей сестры —15-го и 22-го іюля. В эти дни гости оставались дольше, так-как вечером устраивалась иллюминація. Дядя привозил из Юхнова ракеты и бенгальскіе огни, а мы развѣшивали вдоль дорожек сада разноцвѣтные фонари собственнаго изготовленія. Среди них особенно славились фонари, разрисованные доморощенными художниками, со сценами из нашей деревенской жизни.

Традиціонным имянинным угощеніем был «маседуан» — смѣсь всевозможных ягод, густо засыпанных сахаром и политых коньяком. Холодный «маседуан» приносился из ледника во время иллюминаціи и в жаркую іюльскую ночь доставлял полное блаженство.

Помѣщиков в нашей округѣ было не много. К нашему приходу принадлежало только два имѣнія. В одном, за семь верст от нас, жила семья баронов Шиллингов. Они были совершенно разорены, но старались поддержать тон, и это соединеніе тонности с матерьяльным убожеством невольно создавало нѣкоторую натянутость отношеній с ними. Мы рѣдко бывали у них, тѣм болѣе, что разстояніе в семь верст считалось далеким, и не любили, когда они к нам пріѣзжали.

Мы с двоюродным братом имѣли цѣлую ораву пріятелей из деревенских ребят, с которыми чувствовали себя равными и играли во всевозможныя игры, и нас всегда стѣсняло появленіе маленькаго Аркаши Шиллинга, в желтой атласной рубашкѣ и бархатных шароварах, вносившаго дисгармонію в нашу демократическую компанію. «Занимать» Аркашу цѣлый день было для нас истинным мученіем.

С другими сосѣдями — Филимоновыми, жившими в двух верстах от нас, мы больше дружили и часто ѣздили к ним в гости. Именно — «ѣздили», так-как в тѣ времена помѣщики ходили пѣшком только в предѣлах своих усадеб, и нам даже в голову не могло придти пойти пѣшком к Филимоновым. Молодежь обыкновенно ѣздила туда в тарантасиках, при чем нам разрѣшалось править самим, а для старших запрягалась коляска парой или тройкой.

Отставной полковник Филимонов, добродушный краснощекій человѣк с лихим иусами, удлиненными подусниками, с успѣхом хозяйничал в своем маленьком имѣніи, а жена его была мастерицей по приготовленію всевозможных соленій, вареній, смокв и печеній, которыми нас обильно угощала.

У них было двое дѣтей, юнкер и институтка старших классов — сверстники моей сестры, и еще жили двѣ старушки. Одна — его тетка, Анна Алексѣевна Гринева, монахиня из Оптиной Пустыни, всегда так вкусно и колоритно разсказывала нам мѣрным, почти простонародным говором о своих паломничествах и скитаніях по монастырям, а другая, мать г-жи Филимоновой, Каролина Яковлевна, дама тонная, нѣмецкаго происхожденія,

с сѣдыми наческами на ушах, надоѣдала нам вѣчными повѣствованіями о важных петербургских знакомых своей молодости и о столь-же скучных болѣзнях своей старости.

От Филимоновых мы часто заѣзжали в сосѣднее с ними сельце Плоское, принадлежавшее моему дѣду. Там когда-то была маленькая помѣщичья усадьба, от которой остался лишь грунтовой сарай со «шпанскими» вишнями, которыми мы объѣдались.

Во время крѣпостного права крестьяне села Ольхов отбывали барщину, а Плосковскіе были на оброкѣ. Разница недавняго соціальнаго прошлаго этих двух деревень сказывалась как на общем их обличьѣ, так и на характерѣ их обитателей. Ольховскіе крестьяне были бѣдны, вороваты и низкопоклонны. Плосковскіе — жили зажиточно, считались честными и держали себя с достоинством. И как-то само собой выходило так, что среди ольховских крестьян у моей матери и сестер были паціенты и паціентки, приходившіе за лѣкарствами, у меня — товарищи игр, но совсѣм не было знакомых семей. А в Плоском у нас были знакомые, которых мы всегда навѣщали, когда бывали там. И, если мнѣ в дѣтствѣ удалось немного познакомиться с крестьянским бытом, то не столько в Ольхах, расположенных рядом с нашей усадьбой, сколько в болѣе далеком Плоском.

От плосковских крестьян мнѣ приходилось слышать разсказы из времен нашествія Наполеона. Тогда, вѣдь, со времени 1812-го года прошло каких нибудь 65 лѣт, и в деревнях еще жили старики — живые свидѣтели этого страшнаго времени. Отец кучера Николая, старый садовник Никифор, скакал форейтором перед каретой, отвозившей моего дѣда, генерала двѣнадцатаго года, в дѣйствующую армію. Были и другіе старики и старушки, эпически разсказывавшіе, что помнят, как мужики образовывали партизанскіе отряды и ходили «бить француза» и как бабы ошпаривали кипятком отбившихся от своих частей солдат, которых голод и холод побуждали искать прибѣжища в деревнях. Вѣдь отступленіе великой арміи шло через наши мѣста.

Неподалеку от Плоскаго было болото, носившее названіе «французскаго». По разсказам мужиков, в это болото свозили трупы убитых французских солдат и топили там. Вечером всегда жутко было проѣзжать мимо французскаго болота, вокруг котораго, казалось, бродят призраки этих безвѣстных людей, так страшно погибших вдали от родной земли.

Дѣтское чувство жути связано в моей памяти еще с одним событіем нашей, в общем однообразной, деревенской жизни.

Однажды под вечер пришел к нам староста из деревни и предупредил, чтобы никто из нас вечером из дома не выходил, так-как «сегодня бабы будут искать коровью смерть»...

Этот обычай, очевидно, весьма древняго языческаго происхожденія, сохранился, насколько мнѣ приходилось слышать, в глухих деревнях, еще до послѣдняго времени. Тогда он был очень распространен в средней Россіи и заключался в слѣдующем: когда в округѣ появлялась какая-нибудь эпидемія на рогатом скотѣ, крестьяне на сходѣ принимали постановленіе — «опахать село от коровьей смерти». Постановленіе выносилось мужиками, а приводилось в исполненіе женщинами и при том с соблюденіем полной тайны, так-что сами домохозяева, сдѣлавшіе постановленіе, не знали, кто из женщин села будет его исполнять.

Женщины выбирали из своей среды трех вдов и девять дѣвок, которыя вечером, когда вся деревня уже спала, в однѣх рубашках, с распущенными волосами, выходили из своих изб. Четыре из них впрягались в соху, а остальныя, вооруженныя дубинками, шли впереди, распѣвая колдовскія пѣсни. Процессія двигалась по улицѣ, стуча дубинками во всѣ жилые дома и спрашивая: «здѣсь коровья смерть?» Получивши отрицательный отвѣт, шли дальше и проводили сохой сплошную борозду вокруг села, через дороги, поля и межи. Всякій человѣк, встрѣчавшійся на пути этой дикой процессіи, кто-бы он ни был, будь то хоть отец одной из ея участниц, считался коровьей смертью, принявшей человѣческій образ, и немилосердно избивался дубинками, иногда до смерти.

В этот вечер, хотя меня в обычное время отправили спать, я, конечно, не мог заснуть в ожиданіи зловѣщаго стука в дверь. Было и любопытно и страшно... Вдруг онѣ рѣшат, что коровья смерть спряталась в помѣщичьем домѣ!... Что будет тогда?..

Вот из темноты ночи, через открытое окно послышались женскіе голоса: «девять дѣвок, три вдовы»... Это было не то пѣніе, не то размѣренно-пѣвучая рѣчь, вродѣ былиннаго сказа. Воображеніе рисовало бабу Ягу — «на липовой ногѣ, на березовой клюкѣ».

Дальнѣйших слов я не уловил, но раздались отчетливые три

удара в дверь и рѣзкій женскій голос спросил: «Коровья смерть здѣся?».

В ужасѣ я нырнул в подушку, стараясь укрыться от происходящей на яву страшной сказки, но сейчас-же услыхал успокоительный отвѣт горничной: «Нѣтути, проходите своей дорогой».

«Девять дѣвок, три вдовы»... запѣли удалявшіеся голоса, и я скоро блаженно заснул, как засыпают дѣти, перевернутыя на другой бок послѣ мучившаго их кошмара.

На слѣдующій день мы узнали, что в нашем дворѣ молодой вольнодумец-конюх хотѣл подшутить над искательницами коровьей смерти и на вопрос — «коровья смерть здѣся?» — отвѣтил утвердительно. Такое вольнодумство ему чуть не стоило жизни. Окно его горницы немедленно разлетѣлось вдребезги, а он сам должен был обратиться в позорное бѣгство от преслѣдовавших его фурій, получив при этом нѣсколько увѣсистых ударов дубинками по спинѣ.

А за опушкой нашего сада, начиналось ржаное поле, через него шла полоса помятой ржи с сошной полосой по серединѣ.

Имѣніе Ольхи было продано, и с тѣх пор я ничего о нем не слыхал. Но в нашей петербургской квартирѣ хранились ольховскія реликвіи в видѣ серебрянаго кубка с изображеніем одного из Карлов шведских, очаровательнаго севрскаго сервиза и прабабушкинаго, расшитаго гладью шелками, платья, которое одѣвала сестра на костюмированные балы.

В. Оболенскій.

ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ ВОСЬМИДЕСЯТНИКА *)

II. Студенчество.

Послѣ капитальных перестроек, произведенных во второе десятилѣтіе XX в., так называемый новый университет**) преобразился по своей внѣшности до полной неузнаваемости. Из него вышло помѣщеніе, к которому дѣйствительно можно приложить названіе «храма науки». Эффектная лѣстница с широкими отлогими ступенями ведет вас прямо во второй этаж, в красивые, просторные корридоры с изящными колоннами. Превосходныя аудиторіи, расположенныя амфитеатром, дают возможность с полным привольем размѣстить многочисленные курсы, читаемые разными профессорами. Много воздуха и свѣта. Все нарядно, широко, импозантно.***)

Сравнительно с этим великолѣпіем то зданіе, которое существовало до перестройки и в котором мнѣ пришлось проходить университетскій курс в 80-х годах минувшаго столѣтія, по внѣшности производило впечатлѣніе не храма науки, а скорѣе громадной казармы. Но эта казарма таила в себѣ особыя чары. Вѣдь тут от каждаго уголка вѣяло славными историческими воспоминаніями. Вот — та самая каѳедра, с которой нѣкогда читал свои вдохновенныя лекціи Грановскій; вот небольшая, полутемная аудиторія, пріютившаяся гдѣ-то в глубинѣ нижняго корридорчика, — на вид она совсѣм невзрачна, но — это та самая аудиторія, в которой Соловьев читал лекціи группѣ студентов по-

*) См. «Гол. Мин.», 1926 г., № 1.

**) Университет на Моховой раздѣлен да два больших владѣнія, раздѣленныя Б. Никитской улицей. Владѣніе, расположенное к сторонѣ Охотнаго ряда, называлось старым университетом, а владѣніе к сторонѣ Манежа, гдѣ стоит памятник Ломоносову, — новым университетом.

***) Жутко подумать, что сталось со всѣм этим великолѣпіем послѣ того, как с 17 года аудиторіи были захвачены под разные митинги, а затѣм университетскіе корридоры стали наполняться какими-то безконечными хвостами, дожидавшимися раздачи различных продуктов.

слѣдняго курса, спеціализировавшихся на русской исторіи, и гдѣ на первой скамейкѣ сидѣл студент Ключевскій, бисерным почерком записывавшій для всей группы лекціи своего учителя. Вот — в большой «словесной» аудиторіи длинныя скамьи, на которых нѣкогда сидѣли Константин Аксаков и Герцен. Эти скамьи исчерчены и изрѣзаны рисунками и надписями. К сожалѣнію, вплоть до перестройки университета никто не предпринял изслѣдованія этих надписей. А вѣдь, могли обнаружиться среди них такія, которыя оказались бы лакомым кусочком для изслѣдователей исторіи нашей культуры!

И вот, в виду всего этого, несмотря на казарменную внѣшность обстановки, я вступал в университет с подлинно религіозным чувством, как в храм, исполненный святыни. Впрочем не одними лишь воспоминаніями о минувшем славен был этот университет. В нем продолжала бить ключом богатая, яркая, творческая умственная жизнь. На всѣх факультетах было по нѣскольку таких профессоров, имена которых были извѣстны всей Россіи и произносились с глубоким уваженіем, порою с восхищеніем. Только взглянуть на них было уже заманчиво. А прослушать их курсы, стать их учеником было прямо счастьем.

В один из осенних дней 1884 г. я отправился в университет, гдѣ перед началом занятій первокурсники всѣх факультетов должны были выслушать вступительную рѣчь ректора. Войдя в главное крыльцо, я сразу попал в обширное помѣщеніе, имѣвшее вид огромных сѣней. Прямо перед входной дверью была большая площадка, уставленная бѣлыми колоннами. Вся она была уже густо наполнена первокурсниками, явившимися сюда во всевозможных одѣяніях, сюртуках, пиджаках, рубашках самаго разнообразнаго покроя (студенческой формы еще не существовало, она появилась на слѣдующій год вмѣстѣ с новым университетским уставом, но, как и самый этот устав, стала обязательной только для слѣдующих за нами курсов, мы же, студенты пріема 1884 г., так и проходили весь университетскій курс по старым правилам, новый устав, так сказать, шел за нами по пятам). Эта площадка, уходя вглубь, переходила затѣм в большую полутемную комнату, уставленную многочисленными вѣшалками; тут мы раздѣвались и вѣшали свое верхнее платье. А у самой входной двери, от поименованной площадки шли направо и налѣво двѣ другія двери; дверь направо вела в так называемый «гербаріум». Это была простая комната, в которой

не заключалось ничего, относящагося к ботаникѣ; очевидно, названіе «гербаріум» осталось от каких то прежних времен, когда факультетскія помѣщенія имѣли иное расположеніе. Теперь же в этой комнатѣ помѣщалась библіотека семинаріев классическаго отдѣленія и происходили семинарскія занятія. Дверь налѣво была всегда распахнута, она вела в профессорскую прихожую. Здѣсь находилась резиденція главнаго университетскаго швейцара. То был высокій старик в мундирном кафтанѣ. Кабы не этот кафтан, его самого можно было бы принять по виду за профессора, чему способствовали и тщательно расчесанная борода и особенно громадныя очки, украшавшія его нос и как бы господствовавшія своим сверканіем над всей студенческой толпой, которая толкалась перед профессорской прихожей. Время от времени эта толпа разступалась и оставленной по серединѣ ея узенькой щелью пробирались к своим вѣшалкам профессора; раздѣвшись, они проходили сквозь прихожую в дальнѣйшую дверь, которая тотчас плотно захлопывалась за ними. Там за этой дверью находилась комната для профессоров, своего рода университетскій Олимп, недосягаемый для студентов.

От 9-ти и до 4-х часов, каждый раз, когда большая стрѣлка часов становилась на 12-ти, рослая фигура швейцара, сверкавшая очками, показывалась на порогѣ профессорской прихожей и нѣсколько дребезжащій голос прорѣзывал воздух возгласом: «Никанор, зво-о-о-ни!». И в отвѣт на этот возглас из темной глубины отдаленной студенческой раздѣвальни раздавался рѣзкій удар довольно большого колокола. Это Никанор, низенькій и пузатенькій солдат с багровым носиком, подавал своим колоколом сигнал, по которому затѣм по всѣм корридорам громаднаго зданія начинали дребезжать малые звонки, возвѣщавшіе конец лекціи и перерыв до начала слѣдующей.

Аудиторіи были расположены в нѣскольких этажах. Из сѣней и раздѣвальной вы попадали в небольшой корридорчик, в концѣ котораго были двѣ аудиторіи: «малая словесная» и «словесная внизу»: таковы были их традиціонныя наименованія, хотя обѣ онѣ помѣщались в одном этажѣ, прямо друг против друга. По сравнительно малой вмѣстимости этих аудиторій, в них читались либо курсы для оканчивающих, либо необязательные, болѣе спеціальные курсы, либо велись семинарскія занятія. Посерединѣ корридорчика была дверь, пройдя которую вы попадали в громадную квадратную комнату с свободным проле-

том чрез всѣ этажи вплоть до чердака. Здѣсь также стояли студенческія вѣшалки, а по стѣнам, точно по громадным горным утесам, лѣпились сбоку, нависая над бездной, уходящія ввысь чугунныя лѣстницы. Онѣ то и вели в аудиторіи верхних этажей. Во втором этажѣ находилась «большая словесная аудиторія», можно сказать, — центральный фокус всей жизни историко-филологическаго факультета. Здѣсь читали лекціи всѣ тѣ профессора, которые притягивали наибольшее количество слушателей; здѣсь происходили нѣкоторые диспуты, здѣсь читались пробныя и вступительныя лекціи новых профессоров и доцентов и т. п. Бывали здѣсь и студенческія сходки, хотя болѣе крупныя сходки в бурные дни «студенческих исторій» собирались в других мѣстах: либо на университетском дворѣ, либо в анатомическом театрѣ, либо в актовом залѣ, который находился в зданіи «стараго» университета. На третьем этажѣ помѣщались аудиторіи юридическаго факультета. Туда мы, историки, забѣгали послушать наиболѣе популярных профессоров-юристов: М. Ковалевскаго, Звѣрева, Муромцева, да экономиста Чупрова, — кумира всего студенчества без различія факультетов.

В большую словесную аудиторію были созваны первокурсники всѣх факультетов для перваго знакомства с ректором перед началом занятій. Аудиторія эта была относительно обширна, но все же она была мала для таких лекторов, как Ключевскій или Тихонравов, к которым набивались слушатели со всѣх факультетов. Тогда всѣ скамейки были переполнены и все пространство между скамьями и каѳедрой и по бокам каѳедры битком было набито стоящими студентами, которые стояли плечом к плечу, сплошной массой, так что популярному лектору не так то легко было пробраться к каѳедрѣ.

Такую же картину представляла собою «большая словесная» и в тот день, когда мы были собраны выслушать рѣчь ректора. Вездѣ стояла, что называется «непротолченая труба» народа. Толпа пестрая, многоцвѣтная, благодаря отсутствію форменной одежды. Она стеклась сюда со всѣх углов русской земли. Во-первых, сам Московскій учебный округ был очень обширен, он вбирал в себя всѣ центральныя губерніи. Во-вторых, московскій университет обладал мощной притягательной силой и для абитуріентов других учебных округов. Я сам, как уже сказал выше, явился в Москву, минуя Казань, из пограничнаго с Азіей Оренбурга; были здѣсь и сибиряки, и горцы Кавказа, и уроженцы

Западнаго края и т. д. Поистинѣ Московскій университет являлся всероссійским микрокосмом, продолжал собирательную миссію преемников Калиты, только уже не в политической, а в культурной области. Замѣтил я тогда в этой толпѣ молодого человѣка с огненно-рыжей шевелюрой. То был будущій извѣстный писатель-эрудит, считающійся поэтом, а на самом дѣлѣ являющійся ученым эссеистом в прозѣ и стихах, — Вячеслав Иванов.

Наконец, толпа затихла, и на каѳедрѣ перед нами выросла высокая и сухая фигура ректора. То был профессор римскаго права Николай Павлович Боголѣпов, позднѣе ставшій попечителем Московскаго учебнаго округа, а еще позднѣе, не на радость ни себѣ, ни русской школѣ, занявшій пост министра народнаго просвѣщенія и сраженный в 1904 г. пулей Карповича. Он стоял тогда перед нами высокій, сухой, какой-то застывшій (его довольно мѣтко прозвали Каменным Гостем), смотря прямо перед собою остановившимися глазами. Поставив на каѳедру блестящій цилиндр, он начал рѣчь медленным, размѣренным голосом, без повышеній и пониженій, говорил, точно воз вез. Рѣчь была торжественная и вялая. Сказал, между прочим, что Московскій университет гордится тѣм, что ни разу не был закрыт, вслѣдствіе безпорядков, и убѣждал воздерживаться от всяких эксцессов политическаго характера. В заключеніе посовѣтовал аккуратно посѣщать и записывать лекціи, не полагаясь на литографическія изданія их. Рѣчь ректора не произвела на слушателей впечатлѣнія, не вызвала никакого подъема духа. Это была благонамѣренная проза, не задѣвавшая никакой сердечной струны.

На слѣдующій день нас ожидало болѣе импозантное зрѣлище. Занятія начинались лекціей профессора богословія, протоіерея Успенскаго собора Сергіевскаго. Опять большая словесная аудиторія была битком набита студентами. Богословіе читалось одновременно для всѣх факультетов и стеченіе слушателей на первыя три-четыре лекціи было громадно. Затѣм аудиторія быстро порѣдѣла и временами являла собою уже настоящую пустыню. Сергіевскій и в церковном богослуженіи и на университетской каѳедрѣ любил внѣшніе эффекты. Его появленіе на каѳедрѣ составляло настоящее театральное «дѣйство». Он шествовал плавно, высокій, стройный, с худощавым, но красивым лицом, обрамленным прядями сѣдых волос, в щегольской темно-фіолетовой рясѣ и в ослѣпительно-бѣлых манжетах, похожій скорѣе на величественнаго кардинала, нежели на православнаго

батюшку, а перед ним двигался швейцар, несшій в руках большое мягкое кресло. Получалось что-то в родѣ процессіи. Швейцар подходил к каѳедрѣ, снимал с нея простой вѣнскій стул, которым довольствовались всѣ прочіе лекторы и торжественно водворял на мѣсто принесенное кресло. Сергіевскій плавно шествовал к каѳедрѣ с таким расчетом, чтобы приблизиться к ней как раз в тот момент, когда была закончена установка кресла. Медленно поднимался он на ступени каѳедры и, наконец, представал перед нами во весь свой рост, величественный и важный. Затѣм, не садясь, при общей тишинѣ он отвѣшивал медленно три поясных поклона, один — прямо перед собой, другой направо и третій налѣво. Только послѣ этого он водружался на свое кресло и тихим, нѣсколько таинственным голосом начинал лекцію. Он любил высокопарныя выраженія, бьющія на эффект. Двѣ фразы из его курса пользовались особенной извѣстностью. «Поставим паровоз вѣры на рельсы философіи, и первая наша станція будет Бог». Так говорил он в началѣ курса. А подходя к догмату св. Троицы, он говорил: «теперь я буду говорить не для того, чтобы что нибудь сказать, но дабы не умолчать». Несмотря, однако, на эту высокопарность, он был умный человѣк, отдавал себѣ ясный отчет в том, что большинство его слушателей не чувствует влеченія к богословским наукам, и предъявлял к аудиторіи самыя умѣренныя требованія. На экзаменах он доводил свою снисходительность до послѣдняго предѣла, не признавал иных отмѣток кромѣ пятерки и только уже в особенно вопіющих случаях позволял себѣ поставить экзаменующемуся пять с минусом. Он был не лишен язвительнаго юмора. Услыхав от одного студента на экзаменѣ неожиданно для себя отвѣт, обличавшій серьезную богословскую подготовку, он удивленно всматриваясь в студента, вѣжливо спросил его: «не атеист ли вы?». И когда студент в свою очередь выразил удивленіе такому вопросу, Сергіевскій спокойно объяснил, что обыкновенно свѣтскіе люди изучают богословіе так подробно с цѣлью выступленія против миссіонеров на богословских диспутах. Чутко улавливал он и попытки нѣкоторых ловких милостивых государей, пытавшихся блеснуть перед ним проявленіем ханжества. Таких попыток он отнюдь не поощрял, и иногда обрывал их не без остроумія. Когда студент в университетѣ обращался к нему со словами «отец протоіерей» или «батюшка», он проходил мимо, не откликаясь, как будто обращеніе относилось вовсе не к нему. Откликался только на

обращеніе «господин профессор». Когда же один студент очень уже надоѣл ему, называя его «батюшка», он, наконец, вѣжливым тоном сказал: «господин студент, я совсѣм не имѣл чести знать вашей матушки».

С этого дня перед нами постепенно стали выступать наши университетскіе учителя, и началось наше пріобщеніе к университетской наукѣ.

Но прежде чѣм перейти к разсказу о наших университетских учителях, я брошу взгляд на главныя черты в жизни тогдашняго студенчества.

Студенческая масса в то время, как и всегда, подраздѣлялась, главным образом, на три группы, — на политиков, на будущих обывателей и на будущих ученых. Я примкнул к третьей группѣ, прежде всего потому, что ощущал в себѣ непреодолимую страсть к научным занятіям, а затѣм также и потому, что в тогдашних политических движеніях среди студенчества не усматривал большого толка. С перваго же курса я ушел с головой в книги и дѣлил все свое время между аудиторіей и публичной библіотекой Румянцевскаго музея. Это времяпровожденіе разнообразилось только время от времени вылазками на галерку Малаго театра, гдѣ в то время за тридцать копѣек можно было переживать минуты величайшаго эстетическаго наслажденія от игры Ермоловой, Ѳедотовой, Медвѣдевой, Никулиной, Садовских, Ленскаго, Южина. Да вот, когда еще пріѣзжали в Москву такіе гастролеры, как Росси, Дузе, Барнай, Поссарт, Коклен, — я исчезал недѣли на полторы из библіотечнаго зала Румянцевскаго музея и предавался театральному запою. Но уѣзжали гастролеры, — и театральный запой опять смѣнялся книжным. Случалось, что иные товарищи по курсу с улыбкой сожалѣнія прсрочили мнѣ будущность книжнаго червя, глухого и слѣпого к явленіям общественной жизни, неспособнаго увлечься общественными интересами. Я в отвѣт ухмылялся и думал про себя собственныя думы. Вышеупомянутое пророчество не оправдалось, а мой книжный запой во времена студенчества принес мнѣ не малую пользу для моей послѣдующей общественной дѣятельности.

Я сказал, что не видѣл в тогдашних политических движеніях в студенческой средѣ большого толка. И в самом дѣлѣ, «студенческія исторіи», тогда время ст времени разыгрывавшіяся, казались чѣм то серьезным и возбуждали какія то надежды и

ожиданія только потому, что на всем остальном полѣ общественной жизни царил полный штиль.

Вторая половина 80-х годов минувшаго столѣтія была временем чрезвычайнаго обмелѣнія общественных интересов. Всѣ разсѣлись по своим углам. Одни, по выраженію Салтыкова, начали «годить», другіе и «годить» перестали и, ни о чем не загадывая, ушли с головой в однообразную канитель «малых дѣл». Потапенко, в настоящее время развивающій не по разуму холопское усердіе перед большевистскими властелинами, выступил тогда даже с программным романом под названіем: «Не герой», гдѣ ставил на пьедестал человѣка, отвертывающагося от всяких широких горизонтов и живущаго помаленьку и потихоньку с лозунгом: «день да ночь, сутки прочь». В атмосферѣ такой пришибленности студенческія «исторіи» казались своего рода громом в ясном небѣ. Но гром этот ничего не мѣнял в положеніи вещей и если бы эти «исторіи» не раздувались охранкой, для которой онѣ являлись манной небесной, давая пищу для ея дѣятельности и оправдывая ея существованіе, то онѣ легко могли бы быть пресѣкаемы в самом зародышѣ.

Дѣло в том, что в этих студенческих «движеніях» в то время еще не было никакой организованности. Существовали студенческія землячества, но правильно избраннаго объединяющаго их органа еще не было. И вообще не было никаких общестуденческих организацій. Студенческія «исторіи» начинались всегда почином никому не вѣдомой самочинной кучки и уже по одному этому сами по себѣ не могли бы разсчитывать на сколько-нибудь внушительный успѣх, если бы им не приходили на помощь внѣ-университетскіе элементы. «Исторія» начиналась во имя каких-нибудь требованій, касавшихся студенческаго быта. Но утвердительно можно сказать, что истинная подкладка всегда была политическая и замысел «исторій» исходил от какого-нибудь внѣ-университетскаго кружка. Университет избирался опорной точкой для демонстраціи, ибо ни на какую иную среду нельзя было тогда разсчитывать в этом отношеніи. Затѣм все разыгрывалось, как по нотам. Никому не вѣдомая самочинная группа вывѣшивала воззваніе с приглашеніем на общестуденческую сходку. Общестуденческая сходка была тогда лишена всякой планомѣрной организаціи: это было хаотическое вѣче, гдѣ не было никакого выборнаго представительства, никаких предварительных сговоров, никаких установленных правил для веденія засѣданія

и постановленія рѣшенія. Просто в назначенное мѣсто привалила нестройная толпа студентов, группа, созвавшая сходку, излагала цѣль сходки и предлагала, заготовленную резолюцію с тѣми или другими требованіями к начальству. Начинались пренія. В виду случайнаго состава собравшейся студенческой толпы, пренія, разумѣется, шли в высшей степени безтолково. Говорили, кто в лѣс, кто по дрова. Инициативная группа и не умѣла, и не хотѣла руководить преніями, она просто выжидала, когда толпа, наскучив сумбурным словоизверженіем, начнет расходиться. Тогда без правильнаго голосованія, безформенным гулом ближайшей к инициаторам всего дѣла кучки на-скоро проводилась заготовленная ранѣе резолюція. Сходка кончалась. Но к этому времени университет оказывался оцѣпленным полиціей, конными жандармами и казаками. По городу распространялась вѣсть, что студенты опять бунтуют. К университету собирались любопытствующіе. Грозный вид вооруженной кавалеріи производил на зѣвак такое впечатлѣніе, что происходит что-то зловѣщее и крупное. Охотнорядцы рвались в бой. А тѣ обыватели, которые были настроены оппозиціонно по отношенію к начальству, смотрѣли на осажденных студентов, как на доблестных героев. Между тѣм, полиція начинала хватать расходившихся со сходки студентов, а казаки пускали в ход нагайки. Окруженных студентов полиція с торжеством отводила в «манеж», — огромное зданіе, находящееся как раз насупротив университета, по своим размѣрам могущее вобрать в себя чуть не половину всего студенчества, и представляющее своего рода чудо архитектурнаго искусства: протягивающаяся на громадное пространство крыша этого манежа поддерживается только однѣми стѣнами без единой колонны или какой-либо иной внутренней подпоры.

Процессія перевода окруженных полиціей студентов с университетскаго двора в манеж еще болѣе усиливала впечатлѣніе от студенческой «исторіи», как от какого-то крупнаго революціоннаго событія. И уличная толпа, глазѣвшая на эту процессію, и сами студенты невольно проникались таким убѣжденіем. А власти не только не старались парализовать это убѣжденіе, но, напротив того, дѣлали все для его дальнѣйшаго обостренія и углубленія. В тот же день, а иногда на слѣдующее утро, студентов под конвоем солдат и казаков вели через весь город из манежа в Бутырскую тюрьму, расположенную на окраинѣ Москвы. Можно себѣ представить, в какой мѣрѣ эта демонстративная

прогулка подымала дух «бунтующих» студентов, окружая их ореолом страдальцев за революціонные идеалы. Вѣдь кромѣ «сходки» и резолюціи, принимаемой на сходкѣ, в их распоряженіи не было рѣшительно никаких иных способов для политических манифестацій; студенческія «забастовки» были изобрѣтены позднѣе. При сколько-нибудь тактическом и находчивом образѣ дѣйствій властей студенческая манифестація неизбѣжно угасла бы от внутренняго истощенія. А, между тѣм, начальство само приходило на помощь студентам и устраивало для них такой революціонный парад, как шествіе через весь город на глазах всего населенія густой толпы арестованных «бунтовщиков». Военныя власти сами чрезвычайно тяготились участіем в этих полицейских манипуляціях, что с присущим ему остроуміем выразил однажды генерал Драгоміров в Кіевѣ. Получив от мѣстной гражданской администраціи приказаніе двинуть к университету военныя части, он так донес об исполненіи этого приказа: «инфантерія двинута, конница выступает, непріятеля нигдѣ не найдено».

Между тѣм, лишь только произошли первые аресты студентов, «университетская исторія» тотчас получала обильную пищу для дальнѣйшаго развертыванія. Первоначальные лозунги, требованія, заявленныя первой сходкой, отходили совсѣм на задній план; теперь на поверхность всплывала идея товарищеской солидарности. Все заслонялось требованіем освобожденія арестованных. Ежедневно собиралась новая сходка, ежедневно к университету являлись полицейскіе и казаки; пріѣзжал на парных санках с лихой пристяжкой полицеймейстер Огарев, высоченный мужчина с огромнѣйшими усищами; как сейчас вижу его могучую фигуру перед рѣшеткой университетскаго двора, из-за рѣшетки какой то тщедушный студентик кричит ему в упор: «дурак, дурак...», а он с невозмутимым спокойствіем отвѣчает: «тридцать лѣт слышу уже, что я дурак, выдумай что-нибудь поновѣе...» Полицейскіе и даже солдаты с ружьями вводились в университет и стояли в темных уголках корридоров. Сходки и аресты продолжались. В городѣ только и разговора было, что о студенческих волненіях. Разсказам не было конца и ко многим из них была приложена извѣстная пословица — si non e vero, e ben trovato. Разсказывали, например, как к собравшейся толпѣ студентов вышел раз тишайшій, любезнѣйшій и ехиднѣйшій проф. Г. А. Иванов, замѣщавшій временно ректора. — «Чего

вы желаете?» спросил он студентов. — «Немедленнаго введенія конституціи» грянуло в отвѣт. — «Господа, все, что от меня зависит, будет сдѣлано», любезно сказал старичек и удалился под гром рукоплесканій. Студенты разошлись, а так как от проф. Иванова в таком дѣлѣ ровно ничего не зависѣло, то он с чистой совѣстью ничего и не сдѣлал. Не знаю, произошла ли на самом дѣлѣ такая сценка, но и студенты и Иванов в этом разсказѣ обрисованы были не без мѣткости.

Мало по малу страсти успокаивались, и все входило в обычную колею. Однако, послѣ каждой такой исторіи оказывались жертвы, дорогою цѣной расплачивавшіяся за все происшедшее. Большинство арестованных вскорѣ было освобождаемо. Но извѣстный процент выкидывался за борт нормальнаго общежитія. Иных отправляли на поселеніе под надзор полиціи по глухим городкам Сѣвернаго края; иные попадали и за Урал. Степень виновности при этом опредѣлялась в значительной мѣрѣ на глаз, без точнаго разслѣдованія фактов, а бывало и так, что власти, рѣшавшія судьбу участников безпорядков, руководились отзывами педелей о поведеніи того или другого студента, и педеля сводили при этом свои счеты, вслѣдствіе чего кара падала подчас на всего менѣе виновных.

Только к концу 80-х годов и затѣм еще в сильнѣйшей степени в 90-х годах студенческія движенія принимают планомѣрно-организованный характер, появляются общестуденческія корпоративныя объединенія, как-то совѣт землячеств и т. п., общестуденческая сходка из хаотическаго вѣча перерабатывается в болѣе упорядоченное собраніе с элементами выборнаго представительства, появляется новый пріем противоправительственных манифестацій: студенческая забастовка и т. д. В 80-х годах студенческих забастовок еще не бывало; даже в самый разгар студенческих волненій лекціи с грѣхом пополам продолжались читаться; но бывали случаи демонстративных оскорбленій университетских должностных лиц. Нанесеніе пощечины министру народнаго просвѣщенія Сабурову в стѣнах университета произошло еще до моего прибытія в Москву. Во время моего студенчества студент Синявскій, выполняя выпавшую по жребію на его долю задачу, во время традиціоннаго студенческаго концерта в Дворянском собраніи, ударил по щекѣ инспектора Брызгалова, оставив на его щекѣ несмываемый знак химической краски. Брызгалов занял боевое положеніе организатора шпіонажа среди студен-

чества через педелей и близких ему студентов. Этим и была вызвана публичная над ним расправа, послѣ которой он был убран и вскорѣ умер. Такіе факты показывают, что и тогда под завѣсой хаотически-безтолковых студенческих сходок дѣйствовали болѣе сплоченныя организаціи. Но их дѣятельность не носила тогда сколько-нибудь общестуденческаго характера, и масса студенческая не имѣла с ними связей.

Хотя описанныя выше «университетскія исторіи» (ходячій термин того времени) захватывали все теченіе университетской жизни, тѣм не менѣе революціонно-настроенных студентов политиков в составѣ тогдашняго студенчества было в сущности немного. В тѣ годы значительная часть студенчества была охвачена, если можно так выразиться, «политическим аполитизмом». Я хочу сказать, что это было не простое, безотчетное равнодушіе к политическим вопросам, а, как-бы сказать, тенденціозное, показное отстраненіе себя от политических интересов с цѣлью оказательства своей полной политической благонамѣренности. Если хотите, это тоже было своего рода «движеніе». Оно получило тогда кличку «бѣлоподкладочничества». С 1885 г. началось частичное введеніе, начиная с перваго курса, новаго университетскаго устава. Студенты, подпадавшіе под дѣйствіе этого устава, обязаны были носить форменную одежду. И вот, — среди студентов быстро стала распространяться особая мода, состоявшая в том, что форменным студенческим фуражкам стали придавать вид офицерских фуражек, а вмѣсто форменных пальто стали носить шинели чисто офицерскаго покроя с мѣховыми воротниками и с *бѣлой подкладкой*.

Студент, нарядившійся таким образом, носил свое одѣяніе с подчеркнутым форсом и в согласіи с этим своим щегольским видом располагал и все свое времяпровожденіе. Это и были «бѣлоподкладочники». Термин этот скоро получил специфическое значеніе. Им стали обозначать опредѣленный тип студента, подчеркивающаго свою «благонадежность», свою враждебность ко всякой оппозиціи существующему строю, свое нежеланіе присоединяться к каким бы то ни было политическим движеніям, демонстративно стремящагося къ безпечальному наслажденію жизненными благами. К наукѣ «бѣлоподкладочники» относились также, как и к политикѣ, как к чему-то постороннему, а в большом количествѣ даже и вредному. «Пофилософствуй — ум вскружится», так уж лучше не философствовать, а вмѣсто того

умѣло обезпечить себѣ благоразумным поведеніем мѣстечко потеплѣе за пиром жизни, да и срывать цвѣты удовольствія без дальних размышленій.

Это «бѣлоподкладочничество» среди студенчества явилось ярким отраженіем в жизни тогдашней учащейся молодежи того рѣзкаго обмелѣнія общественных интересов, чрез которое в 80-х годах минувшаго столѣтія прошло все русское общество и которое оно начало стряхивать с себя послѣ голода 1891 года.

В Московском университетѣ был тогда момент, когда «бѣлоподкладочники» вдруг как то особенно воспрянули духом и попытались разыграть какую то роль. В один из своих пріѣздов в Москву Александр III рѣшил посѣтить московскій университет. Очень-очень давно монархи не появлялись в стѣнах этого университета. Студенческія «исторіи» налагали на университет репутацію гнѣздилища революціи. Катков своим ярким пером дѣлал все для закрѣпленія такой репутаціи в сознаніи правящих и придворных кругов. Всѣ старанія были направлены на то, чтобы университет был поставлен на положеніе опальнаго учрежденія. Рѣшеніе Александра III посѣтить университет явилось, таким образом, для многих неожиданностью. Была приготовлена торжественная встрѣча. В наполненный студентами университетскій двор въѣхала коляска, в которой возвышалась монументальная фигура Александра III и рядом с ним миніатюрная Марія Федоровна. Моросил дождь. Между остановившейся коляской и подъѣздом оказалось небольшое пространство, нѣсколько размокшее. Государыня, сходя с коляски, как-то нерѣшительно поглядывала на грязь. Вдруг студент бросил к ея ногам свою шинель, тотчас нѣсколько других студентов послѣдовали его примѣру и по этому импровизированному ковру из студенческих шинелей государь и государыня прошли от коляски до подъѣзда. Государыня из поднесеннаго ей букета бѣлых роз раздала розы стоящим по близости студентам. Вот тогда-то студенты, афишировавшіе свою благонамѣренность, начали-было ходить с бѣлыми розами в петлицѣ. Хотѣли создать что-то в родѣ корпораціи бѣлой розы. Но из этого ничего не вышло. В концѣ концов «бѣлоподкладочники» вообще не были способны к какой бы то ни было политической предпріимчивости, как революціонной, так и охранительной. Их хватило лишь на то, чтоб выставлять на вид бѣлую подкладку своих шинелей. Это были прирожденные обыватели, но такіе, которые желали об-

ставить обывательское существованіе всѣм тѣм комфортом, который получается в результатѣ великих и богатых милостей, изливаемых начальством в награду за послушаніе и благонравіе. Из этой-то среды вербовала себѣ приверженцев и сотрудников университетская инспекція — инспектор, субинспекторы и педеля, — которая при Брызгаловѣ, послѣ введенія новаго устава, начала развивать в университетѣ все болѣе суетливую дѣятельность. Субинспектора дошли до того, что рѣшались иногда входить в аудиторію во время профессорской лекціи для наблюденія над студентами. Это прекратилось послѣ того, как М. М. Ковалевскій потребовал от вошедшаго в его аудиторію субинспектора, чтобы он немедленно удалился. Смѣшно вспомнить, из каких пустяков инспекція раздувала цѣлыя исторіи. Строгому преслѣдованію подвергались, например, апплодисменты послѣ лекціи. В них усматривали почему то нѣчто, свидѣтельствующее о неблагонадежности. Послѣ первой лекціи Ключевскаго, аудиторія, восхищенная мастерским чтеніем, непроизвольно разразилась рукоплесканіями. За это нѣкоторые студенты были посажены в карцер. Да, в *карцер*. Можно ли было бы себѣ представить, чтобы в серединѣ 90-х годов студент был посажен в карцер университетской инспекціей? А нас, в 80-х годах, сажали в карцер даже за такія невинныя вещи, как апплодисменты любимому профессору! Так глубоко измѣнилась обстановка университетской жизни за десять лѣт.

Измѣнилось и многое другое. Во время моего студенчества профессор появлялся на каѳедрѣ не иначе, как либо в синем форменном фракѣ, либо в черном фракѣ и бѣлом галстукѣ. Только В. И. Герье позволял себѣ приходить на лекцію в черном сюртукѣ. В 90-х годах от этой чопорности не осталось и слѣда. И лекторы стали сплошь да рядом читать лекціи в домашних пиджаках.

Тѣ, кого не удовлетворяли вспышки университетских «исторій», хаотичныя, не дававшія никаких результатов, и для кого «бѣлоподкладочничество» не представляло никакой привлекательности, кто не раздѣлял того предразсудка, что наука, якобы, сушит ум и сердце и вытравляет из души живое гражданское чувство, но кто искал и находил в наукѣ удовлетвореніе своим серьезным духовным запросам, — тѣ имѣли возможность получить в стѣнах московскаго университета то, чего они искали, к чему они стремились, ибо московскій университет того времени

не был бѣден крупными научными силами, и среди его профессоров было не мало таких, которые блистали и глубокой ученостью и прекрасными лекторскими дарованіями.

Теперь я и перейду к воспоминаніям о своих университетских учителях.

А. Кизеветтер.

И. С. АКСАКОВ О СЛАВЯНАХ.

...Таково уж несчастное свойство этих южных славян! Идея государственности совершенно чужда их природѣ и нравам, тогда как она в крови у каждаго русскаго. Если южный славянин *лично* обижен в своем самолюбіи, так для него не существует заботы о цѣлом, нѣт ни родины, ни отчизны, — великанских подвигов смиренія и долготерпѣнія, на которые способен русскій человѣк и которые воспитываются в народѣ — принадлежностью каждаго к своему обществу, к *міру*, котораго он часть и рѣшенія котораго свято-обязательны для каждаго, хотя бы он с ними был и не согласен. Власть *міра* укрощает *личность*, и народ наш вполнѣ сознательно держится власти. Наш народ, в сравненіи с этими южными славянами, — *юрист*. Вообразите же, как к лицу этим естественникам, не признающим никакой дисциплины, *западное* конституціонное устройство с его парламентаризмом! Несчастная Сербія отравилась им с самаго начала: у нея уже десятки партій и фракцій! и все это в стаканѣ воды!

Пыпина я прочел и возвращаю вам книгу. Там есть другая интересная статья: «Два м-ца в Болгаріи». Пыпина статья так себѣ, ничего, очень верхоглядна. Могла бы быть хуже. Худо, главное, эта кличка «панславизм», как и Вы замѣтили... Мало он отводит мѣста различію вѣроисповѣдному. Что бы там Кукулевич ни говорил, а насильственное введеніе в Боснію Латинской азбуки и наплыв католических попов — возбудят теперь ненависть такую к Хорватам в Сербах, что ее ничѣм и не потушишь...

Задача Россіи, обладающей такою матеріальною силою, прежде всего освободить Славян, снять с них иго. А там, дальнѣйшее сложеніе Славянскаго міра будет зависѣть от степени вѣрности каждаго племени исконным Славянским началам, а также от рѣшенія других всеміpно-исторических вопросов, напр., вопроса о католицизмѣ. Если бы Хорваты были поумнѣе, они поняли бы, что отрекись они от папизма — они мигом объединили бы с собою все Сербское племя...

Я знаю, что меня в Сербіи не очень долюбливает нѣкоторая часть дѣятелей, та именно, которая — торжествуя признаніе Сербской независимости и возвеличивая подвиги Сербской арміи и Европу, умалчивает о тысячах русских добровольцев, сложивших свои головы на защитѣ Сербіи, и о державной Россіи, остановившей знаменитым ультиматумом вторженіе в Сербію Турецких полчищ... Я держу себя совершенно в сторонѣ от династическаго спора. Навязывать Черногорцам и Сербам объединеніе — было бы содѣйствовать разъединенію. Это должно сдѣлаться естественно, само собою, и сдѣлается непремѣнно. Теперь же так легко задѣть самолюбіе Сербов Княжества, и этим так легко воспользуются враги Славянства, что можно надѣлать неисправимых бѣд... Вся бѣда в интеллигенціи, в «изображенных людях», как выражаются Сербы, а народ мыслит и чувствует здраво...

(Из письма И. С. Аксакова к А. М. Евреиновой 8 октября 1878 г.)

В БЕРЛИН С РУССКИМ ЗОЛОТОМ.

В началѣ октября 1918 г. завѣдующій отдѣлом кредитных билетов, в котором я в то время находился на службѣ, объявил мнѣ, что я назначаюсь в командировку в Берлин. Ни цѣль командировки, ни ея состав объявлены не были, но мнѣ, все же, удалось узнать, что командировка имѣет своим заданіем передачу нѣмцам обусловленнаго Брестским договором золота, и это обстоятельство заставило меня сильно призадуматься. Принимать какое-либо участіе в начавшемся расхищеніи Россіи мнѣ не хотѣлось, и я рѣшил сказаться больным, чтобы таким образом избавиться от поѣздки. Но времена были суровыя, и тогдашній комиссар банка Т. И. Попов, покончившій впослѣдствіи самоубійством, пригрозил мнѣ в случаѣ моего отказа разстрѣлом за саботаж, самое страшное преступленіе того времени. Пришлось покориться, и в один непогожій осенній день, нагрузив нѣсколько автомобилей ящиками с золотом и мѣшками с кредитными билетами, я, под охраной 10 человѣк красноармейцев и в сопровожденіи трех артельщиков, двинулся на Александровскій вокзал.

Начальником экспедиціи был назначен главный секретарь комиссара, не-коммунист, человѣк с университетским образованіем, бывшій до переворота юрисконсультом Московской конторы государственнаго банка. Он явился к отходу поѣзда и, как я замѣтил, был непріятно поражен представившейся ему картиной. Вагон второго класса был до верху заставлен ящиками и только посрединѣ оставался узкій проход, тускло освѣщенный подвѣшенными к потолку фонарями. В концѣ вагона оставался свободный угол с четырьмя спальными мѣстами для секретаря, начальника охраны, старшаго контролера и меня. Остальная команда и артельщики расположились на мѣшках, кто как сумѣл устроиться. На обѣих площадках дулами наружу стояли четыре пулемета, охраняемые вооруженными часовыми. Кромѣ того, в проходѣ между ящиками находился еще один охранник, обязанный в теченіе своего дежурства неустанно ходить взад и вперед по вагону.

Картина получалась, дѣйствительно, мало привлекательная и для человѣка непривычнаго даже жуткая. К счастью, было уже поздно, и едва только поѣзд отошел от Москвы, как мы в довольно угнетенном настроеніи поспѣшно улеглись по своим мѣстам.

Днем стало как-то легче и, подъѣзжая к Смоленску, мы уже вполнѣ освоились со своим необычайным положеніем. Еще за утренним чаем выяснилось, что среди нас нѣт ни одного коммуниста, и это обстоятельство еще болѣе содѣйствовало общему сближенію.

Между тѣм вагон наш привлекал всеобщее вниманіе. Завѣшанныя окна, пулеметы, строгіе окрики при малѣйшем приближеніи к вагону какого-либо зѣваки, — все это производило импонирующее впечатлѣніе, и на каждой станціи собиралась толпа, молчаливо созерцавшая наш вагон на почтительном разстояніи. Когда кто-нибудь из болѣе смѣлых задавал красноармейцу вопрос, в чем дѣло, то тот спокойно и внушительно отвѣчал: «динамит везем», и перепуганный, ошеломленный человѣк торопливо отходил от опаснаго мѣста.

Неоднократно дѣлались попытки со стороны желѣзнодорожных чекистов проникнуть в вагон, и тогда мы были свидѣтелями интереснаго зрѣлища. У дверей вагона выстраивались красноармейцы со скрещенными ружьями, из вагона выходил начальник охраны, отводил чекистов в сторону и показывал им свой мандат. Обычно эти господа тотчас же скрывались из виду, ибо в мандатѣ начальнику охраны, с согласія главнаго секретаря, предписывалось оказывать вооруженное сопротивленіе при малѣйшей попыткѣ, кого бы то ни было, проникнуть в вагон. Только один раз красноармейцам пришлось выдвинуть пулеметы, и дѣло грозило принять серьезный оборот, если бы не находчивость главнаго секретаря, уговорившаго коменданта станціи дать третій звонок и отправить поѣзд дальше.

В Смоленскѣ нас ожидала сенсація. На вокзалѣ было замѣтно необычайное оживленіе среди мѣстных чекистов, и длинное намокшее полотнище, привязанное между двумя станціонными столбами, трепалось по вѣтру. На нем красовалась надпись: «В Германіи пролетарская революція». В комендатурѣ нам сказали, что, по полученным свѣдѣніям, в Берлинѣ происходят бои и что перевѣс на сторонѣ возставших. Возникал вопрос, стоит ли ѣхать дальше, т. к., при установленіи в Германіи такой же

пролетарской диктатуры, какая существовала в Россіи, Брестскій договор терял свою обязательность, а вмѣстѣ с тѣм и отпадала всякая надобность в русском золотѣ. Посовѣщавшись, рѣшили ѣхать дальше на том основаніи, что Москвѣ должно быть прекрасно извѣстно о событіях в Берлинѣ, и она не замедлит задержать нас, если там, дѣйствительно, что случится.

Больше о пролетарской революціи мы ничего не слыхали и благополучно добрались до ст. Орша. Это был в то время послѣній русскій пункт. В Оршѣ нас встрѣтил брат извѣстнаго Фюрстенберга-Ганецкаго, исполнявшій роль посредника между русскими и нѣмцами, «настоящій контрабандист», как охарактеризовал его один из нѣмецких пограничных офицеров. Ганецкій немедленно соединился по прямому проводу с Москвой и, получив необходимыя инструкціи, занялся передачей нас нѣмцам. Он представил нас каким то очень важным по виду военным, которые провѣрили наши документы и внимательно осмотрѣли вагон. Затѣм началось утомительное передвиженіе, которое закончилось за Оршей у тогдашней нѣмецкой границы. Наша охрана со всѣм своим оружіем и пулеметами и артельщики покинули вагон, дружески простившись с нами, и послѣдній поступил в полное распоряженіе нѣмцев, которые не преминули устроить эффектное и вмѣстѣ с тѣм смѣшное зрѣлище. На крышу вагона и на площадки были втащены нѣмецкіе пулеметы, и солдаты с ружьями наперевѣс в полной боевой готовности размѣстились на крышѣ и плотным кольцом окружили самый вагон. Получалось впечатлѣніе, что мы подвергаемся какой-то страшной неминуемой опасности, незримо таящейся вокруг. В таком видѣ мы добрались до временной платформы, возлѣ которой были расположены деревянные бараки, поражавшіе своим опрятным и солидным видом.

Опять в вагон вошли нѣмецкіе офицеры, которые тщательно сочли и осмотрѣли снаружи всѣ ящики и объявили нам, что вагон со всѣм своим грузом поступает под охрану нѣмецких солдат, которые тут же были введены в вагон под начальством молодого, но на рѣдкость молчаливаго офицера. Нам предложили позавтракать, т. к. дѣло происходило утром, и мы еще ничего не ѣли, и провели в один из бараков, оказавшійся офицерским буфетом. Послѣ безобразных россійских станцій, переполненных грубыми орущими солдатами, заплеванных и грязных, буфет показался

нам настоящим раем и мы просидѣли в нем до самаго отхода поѣзда.

Даже мой суровый и сдержанный секретарь совершенно измѣнился и с увлеченіем бесѣдовал с сосѣдями. Вопрос о пролетарской революціи вызвал всеобщую улыбку. «Oh, es ist noch weit nicht so schlimm», — сказал один из собесѣдников. Вообще о себѣ они старались говорить, как можно, меньше, но очень интересовались событіями в Россіи.

Рано утром поѣзд прибыл на ст. Молодечно, откуда начиналась другая колея, приспособленная нѣмцами для безпересадочных сношеній с Берлином, и нам пришлось перегружаться. Наш груз помѣстили в товарный вагон, а для нас было отведено отдѣльное купэ перваго класса. Видя, что от нашего молчаливаго провожатаго ничего не добьешься, мой спутник завел дружбу с солдатами, которые охотно вступали в бесѣду. От них мы узнали, что в Германіи сейчас дѣйствительно безпокойно, и опасаются возстанія в войсках. Поэтому за солдатами установлено самое тщательное наблюденіе и им, между прочим, строго на строго запрещено разговаривать с нами. И, дѣйствительно, вести бесѣду с нашей охраной можно было только урывками, т. к. всюду за нами, словно тѣнь, слѣдовал наш молчаливый спутник,и солдаты при его приближеніи немедленно расходились. Внѣшне ничто не говорило о каком-либо броженіи. Та же желѣзная дисциплина и то же безпрекословное подчиненіе,каким вообще отличаются нѣмецкіе солдаты.

Но одно обстоятельство особенно рѣзко бросалось в глаза, — это острый продовольственный кризис. Он выглядывал из жидкаго, безвкуснаго солдатскаго супа, из какого-то страннаго вида и вкуса хлѣба, из разставленной на буфетной стойкѣ ѣды, гдѣ красовались совсѣм необычайныя для глаза вещи — подозрительнаго вида грибы, мелко нарубленный лук, посыпанный красным порошком, сомнительнаго вида заливное и т. п. И ничего натуральнаго, все знаменитый «Ersatz», одно болѣе съѣдобное, другое менѣе, но все вмѣстѣ взятое мало питательное. У нас была громадная коврига чернаго хлѣба, которую мы при переѣздѣ через границу поторопились спрятать, но теперь извлекли ее на свѣт Божій и раздѣлили по-братски между всѣми нами. Даже наш молчаливый спутник с видимым удовольствіем принял участіе в скромном угощеніи.

В Берлин мы прибыли 13 октября вечером. На вокзалѣ

нас встрѣтили какіе-то молодые люди из нашего посольства и уполномоченный банкира Мендельсона, который первый из всѣх заграничных банкиров предложил большевикам свои услуги. Каждый ящик был внимательно осмотрѣн, и затѣм все залото погружено на заранѣе приготовленные автомобили. И осмотр, и погрузка были произведены с изумительной быстротой, и мы были оставлены на попеченіе двух довольно подозрительнаго вида субъектов, которые подхватили наши чемоданы и предложили нам слѣдовать за ними.

Спустились куда-то вниз и нѣкоторое время ѣхали подземной дорогой, потом снова поднялись наверх и уже на извозчиках добрались до нашего посольства.

Нас провели к В. Менжинскому, находившемуся в то время в Берлинѣ. Кутаясь по обыкновенію в теплый плэд, Менжинскій принял нас в небольшой уютной комнатѣ, заставленной мягкой мебелью. Сам он полулежал на диванѣ и извинился, что не может встать, т. к. чувствует себя совсѣм нездоровым. Был он необычайно прибѣтлив, и его тихій, мягкій голос производил удивительно пріятное впечатлѣніе. Тѣм же задушевным голосом и также кутаясь в плэд, отдавал он впослѣдствіи безчисленныя распоряженія о разстрѣлах и благодаря этой своей спокойной, безстрастной жестокости пріобрѣл славу одного из наиболѣе безпощадных палачей. Его манера расправляться со своими жертвами нашла себѣ многочисленных подражателей среди московских чекистов, и имя Менжинскаго одно время произносилось с таким же отвращеніем, как имя Дзержинскаго.

Но в то время, как мы сидѣли в кабинетѣ этого жуткаго человѣка, это был только комиссар финансов, командированный в Берлин со специальной цѣлью организаціи коммунистическаго путча. Вмѣстѣ с золотом мы привезли около 50 тыс. герм. мар. и 300 тыс. царских рублей, которые в то время стояли еще сравнительно высоко и котировались из расчета рубль за марку. Деньги эти мы передали самому Менжинскому, выдавшему в пріемѣ их расписку на своей визитной карточкѣ. Затѣм он, мило улыбаясь, освѣдомился, говорю ли я по-нѣмецки, и, получив отрицательный отвѣт, заговорил на этом языкѣ с главным секретарем, изрѣдка остро взглядывая на меня, словно желая провѣрить, что я дѣйствительно ничего не понимаю. Окончив разговор, он достал другую визитную карточку, написал что-то, положил в конверт и запечатал своей печатью.

Затѣм он снова извинился, что не может удѣлить нам больше времени, и предложил нам отправиться в гостиницу «Бристоль», недалеко от посольства, гдѣ для нас уже был заказан номер.

На другой день рано утром к нам явился какой-то молодой еврей и пригласил нас присутствовать при взвѣшиванiи золота. На это занятiе ушел весь день, т. к. взвѣшиванiе требовало большой точности и отнимало много времени. Один за другим появлялись золотые слитки и исчезали за массивной дверью стальной кладовой. Всего было принято 47 ящиков, содержавших в себѣ 191 слиток, вѣсом 3125 клгр. чистаго золота. Еще до того было передано нѣмцам — 16 сентября 1918 г. — 42.860 клгр. золота и 30 сентября 1918 г.— 50.676 клгр. зол. Кромѣ золота, мы привезли и сдали тому же Мендельсону 113.635 тыс. рубл. денежными знаками, что по тогдашней оцѣнкѣ золота равнялось 48.819 клгр. металла.

По окончанiи взвѣшиванiя и подсчета мы были приглашены в контору Мендельсона за полученiем расписки. Нас принял полный, гладко выбритый господин средних лѣт, любезно усадил в кресла в своем роскошном кабинетѣ и шумно и неискренно выражал нам свое восхищенiе по поводу совершившагося в Россiи переворота, думая, очевидно, угодить нам своим восторгом. Мой спутник не выдержал и сухо замѣтил, что ему, Мендельсону, как банкиру и богатому буржую, меньше всего пристало ликовать по поводу русских событiй. Мендельсон пожал плечами и поторопился перемѣнить тему разговора. Принесли расписку довольно страннаго содержанiя, в которой вмѣсто точнаго указанiя вѣса золота было прибавлено слово «приблизительно». Секретарь отказался от принятiя такой расписки.

— Но почему? — заволновался Мендельсон и сразу стал наглым и грубым. — Вѣдь тут же указано, что принято 47 ящиков со 191 слитком. Что же вам еще нужно? — Мнѣ нужно, чтобы цифра вѣса была обозначена совершенно точно, так, как она опредѣлена взвѣшиванiем. Остальное вы можете даже не указывать, — заявил мой спутник. Мендельсон загорячился, почему-то заговорил о довѣрiи, каким он пользуется у совѣтскаго правительства, и категорически отказался измѣнить содержанiе расписки, заявив, что он поговорит по этому поводу с Iоффе. С тѣм мы и ушли. Вот содержанiе этой расписки, с которой мнѣ удалось снять копiю: «Мендельсон и Ко. Росписка. Настоящим удостовѣряем полученiе от г-на *** по порученiю мѣстнаго

генеральнаго консульства Россiйской Соцiалистической Федеративной Совѣтской Республики 47 ящиков и одной сумки, содержащих 191 слиток золота вѣсом около 3125 клг. Берлин, 18-го октября 1918 г. Мендельсон.» На денежные знаки была выдана отдѣльная расписка.

Вечером того же дня секретарь предложил мнѣ присутствовать при выполненiи им порученiя Менжинскаго. Порученiе это, видимо, тяготило его, т. к. было совершенно невозможно объяснить себѣ его смысл. Требовалось передать письмо по указанному адресу и больше ничего.

Мы долго плутали по каким-то темным и безлюдным улицам, пока, наконец, не нашли нужнаго нам дома. Квартиру мы отыскали с еще большим трудом, т. к. дом был громадный, с безчисленными подъѣздами, при чем мой спутник почему-то не хотѣл обращаться за указанiями. Послѣ долгих и утомительных блужданiй по неосвѣщенным лѣстницам мы нашли нужную нам квартиру в пятом этажѣ, гдѣ-то на втором дворѣ. Дверь нам открыл какой-то пожилой, довольно общипаннаго вида нѣмец в очках и заявил, что фрау (фамилiи ея я сейчас не помню) нѣт дома, но что она скоро будет. Мы рѣшили подождать и вошли, не раздѣваясь, в большую, слабо освѣщенную комнату с выкрашенными масляной краской стѣнами, без гардин на окнах и крайне скудно меблированную. Сѣли у окна и стали наблюдать. В углах комнаты была грудами свалена какая-то литература. Пачки брошюр и листовок лежали на длинном столѣ, стоявшем у стѣны, за которым помѣщался и впустившiй нас господин в очках. То и дѣло входили какiе-то люди, говорили свое обычное «Abend» и, забрав пачку брошюр, исчезали. За закрытой дверью в сосѣдней комнатѣ слышался стук пишущей машинки и рѣзкiй, типично берлинскiй голос, диктовавшiй машинисткѣ.

Это был один из коммунистических пунктов, как я узнал впослѣдствiи, чуть ли не главный штаб, в котором шла дѣятельная работа по организацiи намѣченной демонстрацiи, закончившейся полным провалом.

Наконец, явилась и сама фрау, немолодая, довольно неказистая нѣмка, с блѣдным, до крайности усталым лицом и тонкими безкровными губами. Секретарь передал ей письмо Менжинскаго. Она вскрыла конверт, внимательно, слишком даже внимательно, как мнѣ показалось, прочла коротенькое посланiе кивнула

нам головой и скрылась в сосѣдней комнатѣ. Этим и исчерпывалась вся миссія.

На обратном пути в гостиницу мой спутник сообщил мнѣ, что на послѣ-завтра назначена коммунистами грандіозная демонстрація. Мы, конечно, присутствовали на ней в качествѣ сторонних зрителей. Там, гдѣ улица Unter den Linden упирается в Бранденбургскія ворота, собралась громадная толпа любопытных, преимущественно рабочих. Мы переходили от одной группы к другой, при чем мой спутник вступал в разговор с рабочими, которые, по его словам, рѣзко отрицательно относились к предстоящей демонстраціи. Наконец, послышались громкіе крики, и из боковой улицы появилась довольно жалкая толпа демонстрантов, которая вышла на бульвар и направилась к зданію русскаго посольства. Но заранѣе приготовленный отряд полиціи преградил ей дорогу и медленно начал тѣснить назад к Бранденбургским воротам. Нѣкоторым из демонстрантов, все-же, удалось, прорваться сквозь полицейскіе ряды, и они сдѣлали попытку выкинуть красный флаг и организовать нѣчто вродѣ митинга против совѣтскаго посольства, но тут же были разсѣяны полиціей. Когда демонстранты проходили мимо нас, они обратились к рабочим с призывом поддержать их, но никто даже не шевельнулся, напротив, из толпы раздались насмѣшливые возгласы, свист и началась ожесточенная перебранка.

Вся «грандіозная» демонстрація продолжалась не болѣе получаса и закончилась полным пораженіем коммунистов. Других попыток за все время нашего пребыванія в Берлинѣ сдѣлано не было, и настоящее возстаніе произошло уже послѣ нашего отъѣзда. Неудача демонстраціи произвела в посольствѣ самое удручающее впечатлѣніе, и в теченіе двух дней нам не удавалось повидаться с Менжинским. Мы ежедневно бывали в посольствѣ, и я с большим интересом присматривался ко всему происходящему там. Никакой работы в сущности там не производилось, и в то же время суета была необычайная. Цѣлая армія молодых людей, преимущественно евреев, носилась взад и вперед по безчисленным канцеляріям, шушукалась, что-то торопливо писала, иногда громко спорила и опять неслась в разныя стороны. Получалось впечатлѣніе какого-то безпрерывнаго шабаша, и было совершенно непонятно, для какой цѣли предназначалась вся эта шумная и безпорядочная орава. Особенно врѣзался мнѣ в память молодой шустрый нѣмец, не то курьер, не то дѣлопро-

изводитель, по имени Франц. Его буквально разрывали на части, и было очевидно, что он один отдает себѣ болѣе или менѣе точный отчет во всей происходящей суматохѣ. Ежесекундно подлетал к нему то один, то другой, отводил в сторону, показывал какую-то бумагу, и вѣчно улыбающійся, проворный, как дьявол, Франц, не задумываясь, давал нужный отвѣт и уже летѣл в другую сторону. Впослѣдствіи я узнал, что это был просто совѣтскій шпіон и чичероне секретных агентов.

Мнѣ удалось познакомиться с одним посольским чиновником, молодым интеллигентным евреем. По его словам, он совершенно случайно очутился в этой компаніи, соблазненный хорошим окладом. По образованію он экономист, но здѣсь в его спеціальности никто не нуждается, а другая работа его не интересует. Поэтому он страстно мечтает о возвращеніи в Россію, т. к. глубоко убѣжден, что вся эта вакханалія может кончиться весьма плачевно.

Его предчувствіе не обмануло его. Уже значительно позже, в Москвѣ, он, дрожа от возмущенія, разсказывал мнѣ, как их выгоняли из Берлина. На вокзалѣ, куда их доставили под усиленной охраной, им, в теченіе нѣскольких часов, пришлось служить объектом насмѣшек и издѣвательств окружавшей их толпы. «Кого это поймали?» спрашивал какой-нибудь прохожій. «Русское посольство», отвѣчали в толпѣ. «Русское?» недоумѣвал прохожій: «а гдѣ же русскіе тут?» и толпа громко хохотала. И всю дорогу вплоть до самой границы продолжалось это непрерывное издѣвательство.

Но в то время, как мы находились в Берлинѣ, наше посольство было глубоко увѣрено в прочности своего положенія, настолько глубоко, что выработало даже проект открытія цѣлой сѣти, т. н., финансовых агентств в различных городах Германіи, и Менжинскій предложил моему спутнику завѣдываніе одним из таких агентств, на что тот изъявил полное согласіе и обѣщал немедленно вернуться в Берлин по сдачѣ своих секретарских полномочій.

Увы, план этот не осуществился, и ровно двѣ недѣли спустя послѣ нашего отъѣзда из Берлина, слѣдом за нами летѣли и всѣ остальные во главѣ с Іоффе и Менжинским.

Но и наше обратное путешествіе не обошлось без курьезов, свидѣтельствовавших о рѣзкой перемѣнѣ правительственных настроеній послѣ того, как послѣднее золото мирно упокоилось

в кладовых Мендельсона. Конечно, мы были снабжены при отъѣздѣ всѣми необходимыми документами в цѣлях охраны нашей неприкосновенности, а для большей вѣрности нам было отведено особое четырехмѣстное купэ, на дверях котораго была наклеена краткая, но выразительная записка: «русскіе дипломатическіе курьеры». Всѣ эти мѣры оказались безполезными, и не успѣли мы отъѣхать и сотни верст от Берлина, как к нам в купэ ворвался старый генерал и, свирѣпо тыча в наши физіономіи электрическим фонариком, разразился цѣлым потоком брани. Мой спутник заявил, что купэ принадлежит русским дипломатическим курьерам, и предложил генералу оставить нас в покоѣ. Генерал окончательно озвѣрѣл, выхватил револьвер и, направив его в моего спутника, крикнул: «noch ein Wort». Дѣло принимало серьезный оборот. Секретарь вышел в корридор и позвал проводника, но послѣдній при первом же окрикѣ генерала поспѣшно ретировался. Между тѣм генерал бушевал во всю: «Дипломатическіе курьеры!» орал он на весь вагон к большому удовольствію собравшихся пассажиров. «Предатели, шпіоны, а не курьеры... Läusekratzer... В собачью клѣтку их, мерзавцев... Свою родину продали, теперь нас продавать хотят... Что у вас в чемоданах?... Открыть сію же минуту»... Мы не двигались. Мы молча сидѣли в углу вагона друг против друга, глядя в темноту ночи. К счастью в этот самый момент сквозь толпу протискался другой военный, как выяснилось потом, комендант поѣзда, котораго привел наш проводник, и в довольно рѣзкой формѣ предложил генералу убрать свое оружіе. Между ними произошел довольно крупный разговор, и в концѣ концов генерал смирился, но рѣшительно отказался уйти из купэ и даже пригласил занять мѣста тѣх, у кого их не было.

На слѣдующій день утром к нам в купэ вошло нѣсколько человѣк военных, которые, не взирая на наши протесты, произвели тщательный осмотр всѣх наших вещей, а затѣм подвергли нас личному обыску, обшаривая и выворачивая карманы и ощупывая платье. В одном из чемоданов оказался пакет, адресованный на имя Крестинскаго, запечатанный сургучными печатями и с надписью: «не подлежит осмотру». Не обращая никакого вниманія на печати и надпись, производившіе обыск забрали пакет с собой, захватив заодно и всю литературу, какую мы пріобрѣли в Берлинѣ.

Положеніе получалось довольно щекотливое, тѣм болѣе,

что Менжинскій придавал большое значеніе этому пакету. Посовѣщавшись, мы рѣшили не ѣхать дальше, а остаться здѣсь на станціи в ожиданіи проѣзда дипломатическаго курьера, который должен был выѣхать из Берлина днем позже. Мы уложили чемоданы и вышли на платформу, но не успѣли пройти и нѣскольких шагов, как к нам подошел один из военных, участвовавших в производствѣ обыска, и спросил, в чем дѣло. Мой спутник объяснил ему наше намѣреніе. «Вы немедленно отправитесь в вагон, если не желаете быть арестованными», заявил офицер. «Сейчас вы получите копію акта о произведенном осмотрѣ и можете отправляться дальше.» И он подозвал проходившаго мимо солдата и приказал внести наши чемоданы обратно в вагон, а минуту спустя нам принесли наскоро составленную копію акта и предложили расписаться в ея полученіи.

— Вот тебѣ и благодарность за русское залото, — уныло резюмировал мой спутник происшедшее, когда поѣзд отошел от негостепріимной станціи.

Мнѣ было не по себѣ. Пережитыя униженія казались мнѣ вполнѣ заслуженными. Какого иного отношенія могли трєбовать к себѣ люди, принимающіе участіе в явном для всѣх предательствѣ своей родины в цѣлях сохраненія враждебной этой родинѣ власти? И то, что я являлся, хотя и подневольным, соучастником в отвратительном дѣлѣ, наполняло меня нестерпимым чувством стыда и боли....

В Молодечно мы пересѣли в поджидавшій нашего возвращенія вагон, в котором мы пріѣхали из Москвы. Выѣхали мы из Молодечно лишь на другой день, послѣ того, как прибыл из Берлина другой поѣзд, привезшій нѣсколько человѣк русских курьеров. Из разговора с ними выяснилось, что эти послѣдніе подвергались таким же униженіям в пути и недоумѣвали, что сей сон значит.

Какія послѣдствія имѣло отобраніе у нас секретнаго пакета, нам так и осталось неизвѣстным, и лично для нас все дѣло исчерпалось представленіем подробнаго рапорта.

Андрей Тайгин.

«ДІАЛЕКТИКА РЕВОЛЮЦІИ».

В № 6 (1925 г.) «Каторга и ссылка» напечатаны воспоминанія Федорченко (Н. Чарова) — «Газета в революціонном огнѣ 1905 г.». Разсказ посвящен тому, как сотрудники-большевики захватывали извѣстную ярославскую газету «Сѣверный Край», основанную в 1899 г. группой мѣстной интеллигенціи «либерально-народническаго направленія». В числѣ этих журналистов были теперешній редактор «Парижскаго Вѣстника» Н. Каржанскій (Зезюлинскій) и пріобрѣвшій позорную извѣстность завѣдующій Особымъ Отдѣлом Г. П. У. Вячеслав Менжинскій. Мемуарист, между прочим, приводит «редакціонные» разговоры с Менжинским: послѣдній, как оказывается, и в это время имѣл уже склонность к дѣятельности палача. «Мы их не помилуем» — разглагольствовал Менжинскій, по поводу партіи к.-д.: «пожалуй, будем прибѣгать к Робеспьеровским мѣрам».

ПРЕДСМЕРТНАЯ ЗАПИСКА А. Д. ПРОТОПОПОВА.*)

Печатаемая ниже «Записка» послѣдняго министра внутренних дѣл царскаго режима в теченіе семи лѣт не могла быть мной разыскана, так как архив покойной жены моей — Маріи Абрамовны Рысс, — и мой в настоящее время разбросан по различным мѣстам Россіи и Европы. Исторія «Записки» А. Д. Протопопова такова.

С 1913 года М. А. Рысс принимала дѣятельное участіе в работах Политическаго Краснаго Креста. То была работа, требовавшая напряженія воли, большой энергіи и — подчас — самоотверженности. Едва-ли не большую часть работы своей по Политическому Красному Кресту покойная жена удѣляла Шлиссельбургской каторжной тюрьмѣ. С большими трудностями приходилось добывать средства, с еще большими трудностями — охранять здоровье и «права» заключенных. Но с теченіем времени Политическій Красный Крест молчаливо был узаконен властями, и нерѣдко начальник тюрьмы — Зинберг, «человѣк гуманный и корректный», вызывал по телефону М. А. Рысс для разрѣшенія — совмѣстно с нею — того или другого вопроса, касавшагося политических каторжан.

Революція 1917 г. произвела «перемѣщеніе» и в мірѣ политических заключенных. Вышедшіе на волю узники оказались в привиллегированном положеніи, а бывшіе сановники превратились в узников. «Комитет помощи Политическим Заключенным,» во главѣ котораго стала В. Н. Фигнер, превратился в офиціальное учрежденіе (не помню точно, как оно стало именоваться), имѣвшее задачей оказаніе матеріальной помощи бывшим ссыльным и заключенным. Продолжая работать и в этом учрежденіи, как предсѣдатель финансовой комиссіи, а затѣм,

*) Мы печатаем полностью предсмертную записку А. Д. Протопопова и комментаріи к ней П. Я. Рысса. Замѣтка П. Я. Рысса написана в тонах сдержаннаго личнаго сочувствія к Протопопову, котораго автор имѣл возможность наблюдать в період его заточенія.

Это личное сочувствіе не распространяется на область политических симпатій. Придя к власти, А. Д. Протопопов принес с собою чрезвычайное усиленіе полицейских мѣр охраны самодержавія, хуже чѣм наивные планы «реформ», «заговоры с императрицей», суетливое и безтолковое запугиваніе царя... Ранѣе на совѣсти его лежали: покровительство Распутину и переговоры о мирѣ с нѣмцами в разгар войны. Поведеніе Протопопова у власти, по нашему мнѣнію, может быть объяснено только его болѣзнью. *Ред.*

как товарищ предсѣдателя Комитета, — М. А. Рысс не считала эту дѣятельность своей удовлетворяющею задачам времени. И всю свою энергію, весь талант своей дѣятельной любви к людям, — она продолжала отдавать дѣлу защиты и помощи новым заключенным, переполнившим тюрьмы. А это было крайне трудно: уличная печать, мгновенно ставшая «революціонной», травила бывших сановников; солдаты, охранявшіе Петропавловскую крѣпость, Кресты и Дом Предварительнаго Заключенія, неоднократно грозили расправой с бывшими чиновниками. И, я помню, с какими трудностями приходилось защищать жизнь заключенных главным дѣятелям Краснаго Креста: М. А. Рысс, Т. А. Богданович и И. И. Манухину.

В числѣ новых «арестантов» находился и А. Д. Протопопов. По нѣкоторым соображеніям, я не могу касаться тут вопроса: был ли Протопопов психически-ненормальным, как в том были очень многіе увѣрены. Но версія о ненормальности бывшаго министра внутренних дѣл становилась необходимой, ибо большевики, пришедшіе к власти, могли бы разстрѣлять А. Д. Протопопова. С большим трудом эту версію удалось закрѣпить в умах новых правителей, а отсюда уже был один шаг до помѣщенія А. Д. Протопопова сначала — в казенную лечебницу для нервных больных, а затѣм — в частную. Таким образом, А. Д. Протопопов оказался под наблюденіем врачей, внѣ тюремной обстановки, внѣ угроз разгульной солдатчины «прикончить» с министром, обвиняемым в дѣяніях, и не им совершенных. При А. Д. Протопоповѣ был поставлен в лечебницу караул, и М. А. Рысс почти ежедневно приходилось заходить в больницу, чтобы слѣдить, не чинят-ли там чего солдаты над заключенным. Однако, очень скоро между караульными латышами и Протопоповым установились вполнѣ приличныя отношенія.

А еще через короткій промежуток времени М. А. Рысс добилась того, что А. Д. Протопопов стал «нелегально» совершать прогулки за чертой больничнаго двора. Лечебница находилась в нѣскольких минутах ходьбы от дома, гдѣ была наша квартира. И по нѣскольку раз в недѣлю А. Д. Протопопов приходил к нам в гости. Пока в столовой или в кабинетѣ мы пили чай, а Протопопов (это был удивительный разсказчик) разсказывал о былом, — караульный солдат, всюду сопровождавшій «арестанта», пил в кухнѣ чай с горничной, которую «агитировал». Когда визит Протопопова затягивался, солдат начинал нервничать, торопя «арестанта» идти «домой». В этих случаях М. А. Рысс успокаивала латыша, и тот примиренно отвѣчал:

— Раз товарищ-барыня говорит, — значит, так надо.

А. Д. Протопопов разсказывал много и охотно, но мы не считали удобным разспрашивать его о чем-либо. Лишь один раз, когда он подробно разсказывал о событіях послѣдних двух лѣт до революціи, излагая исторію поѣздки за границу думской

делегацiи, — я спросил, правда-ли, что бесѣда его с Варбургом происходила по желанiю его, Протопопова, — который никѣм на эту бесѣду уполномочен не был.

Протопопов отвѣтил, что рад возможности разсказать правду. Дѣло заключалось в слѣдующем. Всѣ разумные люди в Россiи, в числѣ их едва-ли не всѣ лидеры партiи «народной свободы» (ка-де), были убѣждены, что Россiя не в состоянiи продолжать войну. Матерiально истощенная, без значительной тяжелой индустрiи, с невѣжественным населенiем, склонным к анархiи, — Россiя находилась на порогѣ революцiи. Но эта революцiя не могла не принять форм дикаго бунта, губительной для Россiи анархiи. Поэтому представлялось необходимым нащупать почву, при каких условiях нѣмцы согласны заключить мир со всѣми союзниками: о сепаратном (между Россiей и Германiей) мирѣ не думал ни он, Протопопов, ни кто-либо из его единомышленников. Вот почему А. Д. Протопопов не счел возможным уклониться от свиданiя с Варбургом.

Далѣе: 1) об этой бесѣдѣ заранѣе были освѣдомлены члены делегацiи; 2) о сепаратном мирѣ вопрос не поднимался;*) 3) свиданiе до нѣкоторой степени носило официальный характер.

Эти два послѣдних пункта подтверждаются тѣм, что переговоры Протопопова с Варбургом велись в присутствiи русскаго посла Неклюдова.

Другими словами, то, о чем всѣ *говорили*, — А. Д. Протопопов *сдѣлал*. Только в этом и была вина моя, — заключил свой разсказ бывшiй министр.

Всѣ тѣ мысли, которыя он исповѣдывал, он — по его словам — и положил в основанiе записки, представленной им царю в концѣ декабря 1916 года, т. е. перед самой революцiей.

Между тѣм, событiя шли своим чередом. Власть большевиков, эфемерная в ноябрѣ-декабрѣ 1917 года, укрѣплялась системой террора, а главным образом — потаканiем огромным массам дезорганизованной солдатчины. Все труднѣе становилось охранять и жизнь заключенных министров, особенно с весны 1918 г., когда Совѣт народных комиссаров перекочевал в Москву. А. Д. Протопопов часто говорил, что чувствует приближенiе смерти. Таковы же были предчувствiя и И. Г. Щегловитова, превратившагося в тюрьмѣ в больного, дряхлаго старика,

---

*) По мысли А. Д. Протопопова, Россiя должна была извѣстить союзников за нѣсколько мѣсяцев вперед, что, будучи не в силах вести войну, в назначенное время правительство прекращает эту войну. В теченiе этих мѣсяцев союзники и Россiя должны вести с Германiей переговоры, которые не могли не дать положительнаго результата. В случаѣ, если бы союзники отказались от веденiя переговоров,—Россiя, все-же, в указанный срок выходила из войны, заключив мир с Германiей. В этом случаѣ Россiя превращалась в нейтральную страну. Этот свой план в декабрѣ 1916 г. А. Д. Протопопов излагал царю, который, — по утвержденiю Протопопова — план его одобрил.

с большим мужеством переносившаго постигшую его участь. (К слову сказать, Щегловитов много читал, все время выписывая «с воли» книги по химіи, біологіи, соціологіи и философіи).

Эти-то предчувствія и подсказывали А. Д. Протопопову желаніе написать нѣчто вродѣ исторіи послѣдняго года до революціи. Он неоднократно говорил нам, что засядет за эту работу, причем просил разрѣшенія прислать нам рукопись для опубликованія ея, когда то будет возможно. Извѣстіе о разстрѣлѣ царской семьи ускорило желаніе А. Д. Протопопова: он предчувствовал, что конец его близок. Поэтому я считаю необходимым отмѣтить, что начало записки («Сегодня в газетах... я хочу отвѣтить...»), из котораго явствует, что А. Д. Протопопов рѣшил «отвѣтить» по прочтеніи какой-то репортерской замѣтки, — не соотвѣтствует обстановкѣ, в которой записка была задумана и осуществлена. Вѣрнѣе всего, автору хотѣлось найти п о в о д, чтобы запискѣ придать характер отвѣта, лишив ее формы документа, оправдывающаго дѣятельность его — Протопопова.

Мнѣ остается теперь сообщить характерную подробность. Утром из лечебницы нам сообщили, что А. Д. Протопопов срочно отправлен в Москву. Одновременно с ним в Москву отправлены и бывшіе министры, содержавшіеся в Петропавловской крѣпости. Через нѣсколько дней послѣ того нам принесли письмо, в котором А. Д. Протопопов, благодаря за все, сдѣланное для него, прощался с нами. К письму приложена была отпечатанная на пишущей машинкѣ, с исправленіями А. Д. Протопопова, печатаемая здѣсь записка.

По просьбѣ сочленов по Красному Кресту, М. А. Рысс должна была поѣхать в Москву. И дѣйствительно, М. А. удалось раздобыть желѣзнодорожный билет, и она уѣхала. Прибыв в Москву, М. А. Рысс направилась к Бонч-Бруевичу, бывшему тогда управляющим дѣлами Совѣта Народных Комиссаров.

На вопрос, чѣм объясняется срочный перевод в Москву бывших сановников, Бонч-Бруевич в свою очередь предложил вопрос, на каком основаніи его допрашивают. М. А. Рысс отвѣтила, что Политическій Красный Крест, заботившійся о заключенных до революціи, в полной мѣрѣ продолжает свою работу защиты политических заключенных и послѣ революціи. Замѣчанія Бонч-Бруевича, что до революціи в тюрьмах были «герои», а что теперь «преступники» и что «стыдно» заботиться о них, было встрѣчено отповѣдью, о которой всего лучше мог бы повѣдать сам Бонч-Бруевич...

Усмиренный Бонч-Бруевич сообщил, что т. к. центральныя власти переѣхали в Москву, т. к. в Москвѣ будет производиться и дослѣдованіе по дѣлу о бывших министрах, — обвиняемые и доставлены поэтому в Москву.

М. А. Рысс спросила: означает ли это, что по окончаніи слѣдствія, дѣло о министрах будет направлено в большевистскій трибунал? Бонч-Бруевич отвѣтил утвердительно.

— Слѣдовательно, министров будут судить?

— Конечно, — отвѣтил Бонч-Бруевич. Управляющій дѣлами Совнаркома счел даже необходимым торжественно заявить, что «административное усмотрѣніе» в Совѣтской республикѣ не имѣет мѣста.

Много лѣт зная Бонч-Бруевича и не питая к нему никакого довѣрія, М. А. Рысс хотѣла повидаться с Лениным, котораго когда-то хорошо знала по Женевѣ. И хотя Бонч-Бруевич обѣщал немедленно устроить свиданіе, — послѣднее не состоялось: ленинскій антураж того не допустил. Но и Бонч-Бруевич и другіе большевистскіе сановники увѣряли жену, что она может быть спокойна за судьбу своих «питомцев».

М. А. Рысс уѣхала в Петербург. Царскіе министры, А. Д. Протопопов в том числѣ, вскорѣ послѣ этого были разстрѣляны в порядкѣ «административнаго усмотрѣнія».

Петр Рысс.

* * *

Август, 1918 г.

Сегодня в газетах я прочитал статью: «Как Лизогуб получил отставку». Там сказано, что гетман, возмущенный тѣм, что Лизогуб ему доложил о спокойствіи и благополучіи, царящих на Украйнѣ, — в дѣйствительности же этого нѣт — сказал ему: «мнѣ Протопоповых не нужно»; послѣ чего Лизогуб подал в отставку.

Много про меня писали неправды; часто клеветали, нарочито, или по незнанію, вѣря в свою клевету — не берусь судить. Одно поразительно — люди, пишущіе в газетах, склонны не только отдавать должное вліянію печати на массы, но даже нѣсколько преувеличивать значеніе этого вліянія; казалось бы, надлежало, при этом взглядѣ на роль печати, искать правду и — по возможности — только правду сообщать читателю. Между тѣм, мало людей из среды пишущей братіи держатся этой морали. Гонятся за сенсаціей, эффектом, за успѣхом начертанной строчки; для краснаго словца не жалѣют ни матери, ни отца — не жалѣют, конечно, и правды; у читателя получаются впечатлѣнія не истинныя; наростают, умножаются; сужденія его о событіях и людях извращаются; устанавливается неправильная оцѣнка событій,

обстановки и людей; создаются репутаціи незаслуженныя, как в положительную, так и в отрицательную сторону.

За 17 мѣсяцев, протекших теперь послѣ февральской революціи, я устал слушать о себѣ массу неправды; слушать и молчать. 17 мѣсяцев, лишенный свободы, постоянно находясь в тяжелых условіях и нравственно и физически — я нѣсколько поддался, ослабѣл, устал молчать; быть может, давая волю малодушію — я хочу на замѣтку корреспондента, обвиняющаго меня в сокрытіи вѣдомой правды, отвѣтить; думаю, он и не узнает моего отвѣта; реальной пользы от моего писанія не будет; — пусть так; все же, я изложу то, что неизвѣстно ни гетману Скоропадскому, бранившему моим именем своего недобросовѣстнаго докладчика, ни корреспонденту, жирным шрифтом распространяющему эту брань.

При возникновеніи министерств, их органы в губерніях, по мысли закона, находились в ближайшем соприкосновеніи, даже отчасти были подчинены представителям Высочайшей власти на мѣстах, т. е. губернаторам, начальникам областей или отдѣльным градоначальствам. Эти высшіе чины мѣстной администраціи проходили службу по Министерству Внутренних Дѣл. Логично поэтому было указаніе закона, что Министр Внутренних Дѣл является старшим между министрами. Было время, когда он объединял в значительной степени внутреннюю политику в странѣ по всѣм отраслям государственной жизни. С усложненіем государственнаго хозяйства, введеніем земства, судебной реформы, измѣненіем финансовой системы сбора налогов, развитіем желѣзнодорожной сѣти — развилась автономія отдѣльных министерств; на мѣстах нарождалась их самостоятельная работа и политика, глава губерніи все слабѣе и слабѣе мог обобщать таковую, и Министр Внутренних Дѣл утрачивал постепенно свое первоначальное значеніе. Направленіе внутренней жизни страны от него удалялось в существенных своих линіях. Другіе министры вели каждый свою политику самостоятельно и обобщеніе таковых лежало, послѣ конституціи 17 Октября 1905 г., на обязанности Предсѣдателя Совѣта Министров. За десятилѣтіе с 1906 г. по 1916 г. г. Министерство Внутренних Дѣл утратило еще многое из бывшей своей компетенціи. С возникновеніем Министерства Земледѣлія от Главнаго Управленія по Земскому и Городскому Хозяйству отошла работа по серьезнѣйшим жизненным запросам земства; в Министерствѣ Земледѣлія оказались

нужны для пособій на мѣстах средства; земства фактически питались в своей созидательной работѣ ассигнованіями Министерства Земледѣлія, а не Внутренних Дѣл. Продовольственная часть, столь важная, особо в годы войны, отошла в то же Министерство; она потребовала устройства сложнаго административнаго аппарата на мѣстах, аппарата, не подвѣдомственнаго чинам Министерства Внутренних Дѣл и имѣющаго рѣшающее вліяніе на мѣстную жизнь и настроенія; государственный дорожный фонд, из котораго прежде Министерство Внутренних Дѣл субсидировало земства, был переведен в Министерство Земледѣлія; Управленіе Главнаго Медицинскаго Инспектора поглощено было Министерством Здравоохраненія; в руках Министра Внутренних Дѣл остался лишь сухой, далеко не полный аппарат административнаго надзора; созидательнаго, положительнаго вліянія на мѣстную жизнь и ея направленіе он уже почти имѣть не мог; отзывы о мѣстных направленіях доходили до него не от работников на нивѣ русской жизни непосредственно, а от чинов административнаго за ней надзора, зачастую озлобленных на свое безсиліе вести жизнь, ввѣренных их управленію губерній по веленіям их совѣсти, пониманія и административнаго опыта. Нерѣдко освѣдомленіе Министра было не вполнѣ безпристрастным, а если до него и доходила подчас грустная правда — средств к исправленію зла у него в руках не было. Существенную роль в настроеніи на мѣстах играли люди, несущіе и прошедшіе военную службу. Цѣлью системы всеобщей обязательной воинской повинности было умноженіе числа людей, подготовленных к строю; она достигалась удовлетворительно, и до 40 % мужского населенія страны проходило через армію. Естественно, что настроеніе этой массы имѣло громадное политическое значеніе. Приблизительно до 1912 г. Департамент Полиціи имѣл освѣдомителей в военной и морской средѣ, и Министр Внутренних Дѣл был в курсѣ политическаго движенія среди солдат и офицеров. Послѣ 1912 г. Министерство Внутренних Дѣл было отстранено от наблюденія за настроеніем арміи. Эта забота была возложена всецѣло на военное начальство; система освѣдомленія, существовавшая в Министерствѣ Внутренних Дѣл, не перешла в вѣдѣніе Военнаго и Морского Министров; она была просто уничтожена. Во время войны настроеніе 13 — 14 милліонной вооруженной массы имѣло рѣшающее вліяніе на успѣх, или неудачу политических групп, работавших над измѣненіем суще-

ствовавшаго строя. Вся отвѣтственность за непринятіе мѣр, которыя препятствовали-бы распространенію пропаганды среди солдат и ея успѣху, лежит не на Министрѣ Внутренних Дѣл, а на военном и морском министрах и соотвѣтственном Командованіи. Я понимал значеніе изложеннаго факта; говорил об этом Государю, который выразил желаніе, чтобы Министерство Внутренних Дѣл снова было привлечено к наблюденію за настроеніем солдат; он показал мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, представленныя ему Командованіем; в них настроеніе возбужденія среди солдат не отмѣчалось. Теперь эта «близорукость» понятна; значительное число лиц из высшаго команднаго состава сочувствовало перевороту; отдѣльныя лица были в сношеніях и под вліяніем главных дѣятелей, так называемаго, «прогрессивнаго блока» законодательных учрежденій, в руках которых сосредотачивались всѣ нити оппозиціонной работы, творившейся нарочито и с расчетом во время всемірной войны и на почвѣ экономической разрухи, вызванной этой войной в нашей несчастной Родинѣ. Я знал о сношеніях военнаго командованія с дѣятелями оппозиціи, говорил об этом с Предсѣдателем Совѣта Министров, Военному Министру; однажды поднял этот вопрос в Совѣтѣ Министров; результатов это не принесло; мой доклад, однако, дошел до лидеров думскаго блока, что вызвало усиленіе травли с кафедры Думы и на страницах повременной печати. Я обращал вниманіе Государя на опасность довѣрять командованіе арміями лицам, оппозиціонно настроенным; мои слова привлекли его вниманіе; однако, убѣжденіе, что у его военных сотрудников чувство патріотизма выше политических вожделѣній взяло верх, и доклады мои не измѣнили положенія. Увѣрен, что объясненія заинтересованных генералов тоже успокаивали Государя. О глубоком разложеніи арміи я знать не мог; на русском фронтѣ — не был; данных для категорическаго выступленія с единственным средством, которое предотвратило бы разруху — это заключеніе всеобщаго мира — я не имѣл; экономическія затрудненія, которыя заставляли меня неоднократно говорить о желательности прекращенія войны с Іюля 1916 г., я считал серьезными, но не рѣшающими. Я не был так увѣрен в правильности своего мнѣнія, чтобы непоколебимо и немедленно проводить его в жизнь, презирая мнѣніе громаднаго большинства людей, с которыми я привык много лѣт работать и считаться. Достойно замѣчанія, что посол Англіи, нашей союзницы, сочувствовал, может быть

и содѣйствовал, работѣ нашей оппозиціи. Он, вѣроятно, предполагал, что за успѣхом этой работы послѣдует взрыв энтузіазма в странѣ, способный склонить чашу вѣсов военнаго счастья на сторону держав Согласія. Я докладывал Государю о сношеніях этого дипломата с главнѣйшими дѣятелями прогрессивнаго блока; предлагал установить наблюденіе за посольством; Государь не одобрил моего предположенія, находя наблюденіе за послом несоотвѣтствующим международным традиціям.

Война повлекла за собою налет военнаго элемента на всѣ отрасли управленія страною. Органам государственнаго управленія приходилось идти навстрѣчу небывалым по размѣру и неожиданным требованіям Ставки на фронтѣ и военных властей в тылу. Неприспособленность к немедленному исполненію этих требованій, не подлежащих ничьей повѣркѣ, влекли за собою рѣшеніе всѣх вопросов представителями военной власти, причем они считались лишь с непосредственным результатом своего воздѣйствія; послѣдствія же нарушеній крѣпко установленных порядков и даже законов, ими не учитывались; сложныя экономическія проблемы разрубались с апломбом невѣдѣнія, остріем шашки; с недовольством потерпѣвших не считались и не обращали вниманія на накопляющееся справедливое негодованіе в странѣ. Ярким примѣром этого засилья является неудачное привлеченіе к окопным работам на фронтѣ мужского населенія Туркестана и Закаспійской области, окончившееся кровавым возстаніем. Без обсужденія этой мѣры в Совѣтѣ Министров, Военный Министр Ш., идя навстрѣчу требованіям ставки, испросил соотвѣтственное Высочайшее повелѣніе; набор должен был дать около 400.000 работников; мобилизація объявлена была всѣм призывным возрастам одновременно. Срок совпал с временем перемѣны кочевья и сбором хлопка; исполненіе призыва обрекало на голод и бѣдствіе весь край; вспыхнул бунт, дикій и кровавый; усмиреніе требовало значительнаго количества войск и отвлеченія с фронта Генерала Куропаткина. Впослѣдствіи выяснилось, что, если бы населеніе пошло спокойно на призыв, ему пришлось бы голодать на сборных пунктах около сотни дней, ибо болѣе 4.000 человѣк в день отправлять по желѣзной дорогѣ было невозможно, довольствія-же для этой арміи рабочих заготовлено на сборных пунктах не было. Нарушенный порядок в краѣ дал ход злоупотребленіям со стороны дурных элементов и, по вступленіи в управленіе Министерством, я принужден был

командировать на мѣста трех высших чинов вѣдомства на ревизіи, для водворенія законности и пресѣченія зла.

К Рождеству 1916 года политическая обстановка мнѣ представлялась такою, как изображено на чертежѣ*). Точно таким чертежом я пользовался для доклада Государю, и этот чертеж, взятый из стола у Царя, был мнѣ предъявлен в Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства в бытность мою в Петропавловской крѣпости.

Царскій уклад не опирался на опредѣленные классы или даже класс населенія. Страна привыкла к извѣстному порядку, ставшему традиціонным. Уклад этот имѣл активных противников; убѣжденных, активных сторонников у него было очень мало. Правительство не задавалось цѣлью привязать к себѣ тѣ или другіе слои населенія; общегосударственной программы у него не было. Каждое вѣдомство старалось совершенствовать технику только своего дѣла; существовала вѣдомственная обособленность; Министерства не работали рука в руку, дополняя своею работою одно другое; не было твердо установленных, обдуманных линій общих достиженій. Запросы жизни переросли вѣдомственную активность. Правительство не ставило цѣлей своему народу, помогая ему до них дотянуться, а лишь нехотя, угрюмо отвѣчало на спѣшные и настойчивыя домогательства быстро усложняющейся жизненной обстановки двадцатаго вѣка, отвѣчало часто отказом за неимѣніем «прецедента»; устарѣли формы, регламентирующія правовыя отношенія отдѣльных лиц, общества и государства между собою. Компетенція отдѣльных учрежденій оказывалась недостаточною для самостоятельнаго и быстраго разрѣшенія дѣл в возрастающих масштабах; рождалась волокита, даже не «по сути дѣла», а по формѣ; слышался ропот; росло недовольство; забывались положительныя стороны уклада, и многіе, многіе чувствовали лишь утѣсненія, которыя этот уклад им причинял.

Мнѣ казалось необходимым привлечь на сторону существовавшаго строя возможно широкіе слои населенія, препятствуя одновременно работѣ организацій и отдѣльных лиц, направленной к ниспроверженію бывшаго государственнаго устройства. Для планомѣрности своих усилій я и составил схематическій чертеж, гдѣ было обозначено положеніе, занимаемое оппозиціон-

*) Чертежей этих мы не воспроизводим.

ными группами; цѣли их достиженій были мнѣ извѣстны; работа производилась при помощи организацій, обслуживавших будто-бы созидательныя экономическія цѣли и возникших во время войны. Правительство на их созиданіе и работу отпустило громадныя суммы. Союзу земств и городов по 1 Октября 1916 г. было дано около 560 мил. руб. Военно-Промышленные Комитеты получили 170 милліонов. Отчета в этих суммах не было получено. Правительство не направляло их работу; правительственных инспекторов не существовало; не стѣсняемыя, при исполненіи взятых на себя задач, соображеніями экономіи, утвержденными смѣтами и представителями контроля, эти организаціи широко тратили деньги, много щедрѣе, нежели Министерства, оплачивали труд служащих; выполняли функціи, составляющія задачу Министерств, в то время, как эти послѣднія, стѣсненныя деньгами, лишенныя активности и импульса, плелись в хвостѣ, едва отвѣчая на задачи момента, на глазах у всѣх безнадежно роняя престиж власти и теряя популярность. Ко времени моего назначенія, работа общественных организацій настолько преобладала над работою казенных учрежденій, что, несмотря на яркость их политической оппозиціонной роли, обойтись без них было невозможно. Совѣт Министров, по необходимости, закрывал глаза на опасную правду; попытки отдѣльных министров начать ограничивать зло вызывали на них залпы нападок в законодательных учрежденіях и прессѣ и не поддерживались Совѣтом Министров.

Считая, что политическія настроенія находятся в прямой зависимости от экономических коньюнктур, я находил необходимым перемѣнить продовольственную и торгово-промышленную политику, усвоенную правительством с начала войны и вредныя послѣдствія которой были очевидны. Правительство, желая сберечь государственныя средства, замѣнило систему торгов и частных подрядов особой казенной, снабжающей организаціей. Уполномоченными являлись люди, власть имущіе, которые в погонѣ за дешевизною ввели сложную цѣпь стѣсненій частной иниціативы и предпріимчивости, начиная с твердых цѣн, запрещеній вывоза, не вызываемых необходимостью реквизицій — до секвестров частных промышленных заведеній. Работу многомилліоннаго аппарата, обслуживавшаго спрос и предложеніе, имѣвшаго в своем основаніи побужденія личной наживы, Правительство пожелало замѣнить распорядительностью спѣшно

набранных казенных чиновников. Истина, что законы экономическіе столь же незыблемы, как и законы физическіе, была забыта; приказы и велѣнія должны были замѣнить частную энергію и почин и обуздать спекуляцію. В теченіе двух лѣт эта система проводилась, несмотря на явное паденіе производств и неудовлетворительные результаты казенных начинаній. Торгово-промышленный класс отбрасывался в ряды недовольных. Я считал нужным вернуться в общем к до-военным формам купли-продажи, снять запреты вывоза, избѣгать реквизицій, объединить производства по отраслям, группируя их вокруг своих крупнѣйших производительных единиц, ставить во главѣ объединенных производств комитеты, избранные владѣльцами объединенных предпріятій под предсѣдательством лиц, назначенных от Правительства, облегчить образованіе акціонерных предпріятій, привлекать к участію в частных предпріятіях казну, отмѣнить всѣ ограниченія для евреев, касающіяся промышленности, торговли и мѣстожительства. 18 Ноября 1916 года евреям было Высочайше разрѣшено жительство в Москвѣ и городах, не находящихся на театрѣ военных дѣйствій, без регистраціи и приказано выдавать промысловыя и торговыя свидѣтельства. Другія мѣропріятія проводились не мною, а Министрами Торговли и Земледѣлія; к сожалѣнію, вліять на скорость проведенія этих мѣр и их діапазон я мог лишь в слабой степени, особенно в виду рѣзкой оппозиціи к этим принципам со стороны прогрессивнаго блока Законодательных Учрежденій. Все же, как Министр Торговли кн. Шаховской, так особенно Министр Земледѣлія А. А. Риттих склонны были постепенно осуществлять вышеозначенныя начинанія; но за 4 мѣсяца (с Ноября 16 г. по Февраль 17 г.) дѣло немного подвинулось вперед.

Мнѣ казалось важным и, в сравнительно короткій срок, возможным привлечь на сторону Правительства духовенство. По соглашенію с Обер-Прокурором Н. П. Раевым, при энергичной поддержкѣ Митрополита Питирима, в Синодѣ был выработан проект закона о выборном духовенствѣ, получающем опредѣленное содержаніе от казны; закон воспрещал плату за требы. Работа по выработкѣ закона велась безостановочно особою междувѣдомственной комиссіей под предсѣдательством Обер-Прокурора; он был заслушан и одобрен Синодом и должен был слушаться в Совѣтѣ Министров в Февралѣ; провести его предполагалось без промедленій; смута помѣшала его осуществленію.

Даже наиболѣе высшіе классы фрондировали перед революціей. В великосвѣтских салонах и клубах подвергалась рѣзкой и недоброжелательной критикѣ политика Правительства; разбирались и обсуждались отношенія, которыя сложились в Царской семьѣ; распространялись анекдотическіе разсказы про Главу Государства; писались стихи; многіе великіе князья открыто посѣщали эти собранія, и их присутствіе придавало особую достовѣрность в глазах публики карикатурным росказням и злостным преувеличеніям. Сознаніе опасности этой игры не пробуждалось до послѣдняго момента; жило какое-то убѣжденіе в незыблемости основ того строя, который давал картину Великой Россіи и на котором зиждилось благополучіе его близоруких и избалованных великосвѣтских порицателей. Государь, с которым мнѣ нѣсколько раз случалось говорить по этому поводу, сознавал вред активной роли, которую играли в оппозиціонной средѣ нѣкоторые члены его семьи; ему казалось лучшим средством удаленіе их из предѣлов Россіи. Война мѣшала ему привести в исполненіе свою мысль. Временно нѣсколько великих князей были высланы в свои деревни.

В центрѣ активных оппозиціонных групп находился прогрессивный блок Государственной Думы и Совѣта. Кафедра Думы служила, в послѣдніе мѣсяцы монархіи, цѣлям борьбы с существовавшим строем. Лидеры блока говорили рѣчи, стенограммы которых, размножаемыя в громадном числѣ экземпляров, широко распространялись многочисленными служащими, так называемых, «общественных экономических» или «благотворительных» организацій по всей Россіи, особенно в арміи. Печать, объединенная Союзом редакторов, усердно подбирала и коментировала матеріал, подготовляя общественное мнѣніе к перевороту, бойкотируя другія теченія и не останавливалась, для достиженія своих цѣлей, перед извращеніем фактов и даже клеветою.

Лидеры оппозиціи были искренно увлечены мыслью о переворотѣ. Им казалось, что власть, попав в их руки, будет тверда и популярна. Они не замѣчали всю теоретичность, скажу сантиментализм, своих программ; они не предвидѣли, что управленіе страною потребует либо отказа от многих утопій и приведет их к повторенію осуждаемых ими пріемов старой власти, либо жизнь вырвет силу из их рук, выдвинет крайніе элементы, и многочисленныя, великомощныя собранія низкаго уровня

будут творить свое безумное дѣло разрушенія на ужас цивилизованному міру и на гибель своей злосчастной родинѣ.

Их жажда власти была так велика, что они не допускали старое правительство исправлять экономическую разруху, желая сами пожать плоды успѣха в этом дѣлѣ; сроком переворота они выбрали міровую войну, безумно рискуя ужасами военнаго бунта и неизбѣжнаго пораженія, лишь бы не имѣть риска потерпѣть крушеніе своих надежд, отложив их осуществленіе до всеобщаго мира.

Мысль дѣлать переворот во время войны мнѣ казалась чудовищной. Я надѣялся, что это будет усвоено лидерами тѣх политических групп, с которыми я так много лѣт работал. Я понимал, что в Россіи революція может быть только соціалистической. Не программой улучшенія государственнаго аппарата подымешь народ, а обѣщав ему исполненіе его вѣрованій; таковых же у народа было всего два: «земля вся и даром» — у крестьян, «заводы и фабрики нам» — у рабочих. Я говорил свои соображенія Царю. Я предполагал провести серьезную земельную реформу — надѣленіе крестьян землею в собственность за государственный счет; с Его согласія было приступлено к составленію проекта закона, пока в видѣ опыта, в трех губерніях: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской; работа была поручена Главному Управленію по Земскому и Городскому хозяйству. Увидѣть свѣт моему начинанію не было суждено. Свѣдѣнія об этой работѣ, данныя в газеты, не нашли себѣ мѣста в повременной печати.

Во главѣ организацій Союза земств, городов и военно-промышленных комитетов стояли лидеры прогрессивнаго блока законодательных учрежденій. По их рѣшенію могло во всякое время вспыхнуть движеніе в учрежденіях, обслуживавших важнѣйшія надобности военнаго времени. Выпустив инициативу из своих рук, передав им работу, снабдив громадными средствами, не уготовив этим организаціям конкурентов, Правительство поставило себя в зависимость от общественнаго расположенія; уготовило для себя роль потатчиков и пособников поневолѣ; нѣкоторые министры, предчувствуя пораженіе правительственных позицій, вели двойную игру. Они понимали опасность активной оппозиціи во время войны, но не вступали с нею в борьбу, не рѣшались на радикальныя мѣры, даже на роспуск Государ-

ственной Думы, несмотря на полную очевидность ея стремительной работы в сторону коренных политических реформ.

Я остановлюсь на организаціи военно-промышленных комитетов, учрежденіе которых я считаю весьма характерным, как для дѣйствій оппозиціи, так и попустительства пред-революціоннаго Царскаго Правительства.

В началѣ Мая 1915 г., вслѣдствіе обнаруживавшагося угрожающаго недостатка снарядов и других снабженій, необходимых для продолженія войны, было образовано особое совѣщаніе, под предсѣдательством Военнаго Министра, из членов законодательных палат по Высочайшему назначенію и других лиц по приглашенію Предсѣдателя Собранія. В задачи совѣщанія входило, ознакомившись с наличностью военных снабженій всякаго рода, данными на них заказами, слѣдить за исполненіем таковых и изыскать мѣры к увеличенію нужных производств в Россіи, доводя их до уровня потребностей военнаго времени. К участію в работах Совѣщанія были привлечены представители крупнѣйших металлургических и металло-обрабатывающих заводов, представители кредитных учрежденій и др. лица. Намѣчалась правильная программа мобилизаціи промышленности по отраслям, под ближайшим руководством Министра Торговли. Работа налаживалась. В порядкѣ Управленія, Инструкція Совѣщанія была Высочайше утверждена. Участіе членов законодательных учрежденій в совѣщаніи повлекло за собою обсужденіе его дѣятельности в Государственной Думѣ, при возобновленіи ея занятій в августѣ 1915 г., и к Сентябрю Думою был выработан особый закон о совѣщаніях — при Военном Министрѣ — по оборонѣ, а при министерствах: Торговли — по топливу; Земледѣлія — по продовольствію; Путей Сообщенія — по перевозкам и Внутренних Дѣл — о бѣженцах. Совѣщаніе при Военном Министрѣ включало в свою компетенцію добычу металлов и мобилизацію промышленности. Многіе представители крупных заводов и кредитных учрежденій были отстранены от работы; руководящую роль по мобилизаціи промышленности захватил в свои руки Член Государственнаго Совѣта А. И. Гучков и в корнѣ отошел от принципа группировки производств по отраслям вокруг крупнѣйших их производительных единиц. Он задался цѣлью развертывать малыя единицы и создавать новыя. В Центральном Военно-Промышленном Комитетѣ крупнѣйшіе заводы совершенно представлены не были и на свое ходатайство

участвовать в этой организацiи, получили отказ. Лишь в началѣ 1916 года образовался отдѣльный Совѣт Съѣздов крупных металлообрабатывающих заводов под моим предсѣдательством. В него входило 68 заводов (Парвiяйнен, Путиловскiй, Металлургическiй, Гартмана, Сормово, Коломенскiй и друг.) с общей производительностью около одного с половиной миллiардов рублей. Не менѣе 80% всего доставляемаго Россiей военнаго снабженiя шло с заводов, вошедших в это объединенiе; болѣе 15% доставляли заводы казенные и лишь менѣе 5% доставлялось Военно-Промышленными Комитетами. Производительная роль их была ничтожна; зато политическое и экономическое значенiе их было велико. Правительство поддерживало авторитет центральнаго управленiя Комитетами, которое скоро превратилось как-бы в воспомогательный отдѣл Военнаго Министерства. В его распоряженiе выдавались громадныя суммы на субсидiи и авансы; ему поручались ревизiи крупных заводов и регламентацiя отношенiй между заводами и рабочими; отсрочки по призыву на военную службу проходили через Военно-Промышленные Комитеты. Искусственно и неосторожно эта организацiя была поставлена на первое мѣсто при мобилизацiи промышленности, и руководство ею было ввѣрено не представителям промышленности, а политическим дѣятелям рѣзко противу-правительственнаго направленiя, лидерам прогрессивнаго блока. Всѣх Комитетов по Россiи было образовано, кажется, 60. Крупная промышленность — болѣе консервативная — была отдѣлена; в комитетах объединялся болѣе мелкiй по обороту и прогрессивный по настроенiю элемент промышленности. При Военно-Промышленном Комитетѣ были образованы рабочiя секцiи, состоящiя из выборных от рабочих опредѣленнаго района. В депутаты попадали работающiе на тѣх крупных заводах, представители владѣльцев которых в организацiю В.-Пр. Комитетов допущены не были. Естественно, рабочiя секцiи не замедлили выставить свои лозунги: 8-ми часовой рабочiй день, примирительныя камеры, рабочiй надзор и пр. Правленiя Комитетов и их съѣзды занялись разработкою этих вопросов, составленiем по ним проектов, направляя таковые на утвержденiе совѣщанiя по оборонѣ под предсѣдательством Военнаго Министра. Эти выступленiя обостряли рабочiй вопрос; увеличенiе содержанiя рабочих, утвержденное Совѣщанiем, на секвестрованных им частных заводах, влекло за собою требованiя рабочих на остальных; некомпетентное, политикан-

ствующее, но с громадными полномочіями, Совѣщеніе по оборонѣ вносило разруху в дѣло отечественнаго производства, вступая при этом на путь вреднѣйшей демагогіи. Оппозиціонные политическіе дѣятели комитетов, через рабочих депутатов, установили связь с рабочими массами и организовали их в нужное время на борьбу с существовавшим строем за осуществленіе политических идеалов оппозиціи. Всѣ стѣсненія, которыя люди встрѣчали в своем стремленіи к счастью, приписывались нестерпимости стараго уклада; поговорка: «законы святы, люди супостаты» была забыта; борьба против лиц повлекла за собою уничтоженіе вѣками сложившихся форм жизни и взаимоотношеній. Организація рабочих секцій при В.-Пром. Комитетах на мѣстах, объединенных рабочей секціей Центральнаго В.-Пр. Комитета в Петроградѣ, создала мощную всероссійскую рабочую организацію, повтореніе организаціи Хрусталева-Носаря в 1905 г.; разница заключалась в том, что в 1915 г. всероссійскій рабочій союз создался руками дѣятелей не революціи, а оппозиціи, не на собранные среди рабочих гроши, а на правительственные милліоны, получил законодательную санкцію и существовал легально. Результаты его дѣятельности выявились очень быстро, и совѣты рабочих депутатов при Военно-Промышленных Комитетах, талантливо созданные лидерами прогрессивнаго блока в главных городах Россіи, получили дальнѣйшее послѣ Февральской Революціи развитіе и оказались ячейками совѣтов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, столь знакомых всѣм жителям Россійской Федеративной Совѣтской Республики в настоящее время. Экономическую негодность и политическую опасность подобной *«Организаціи русской промышленности для военных цѣлей»* я вполнѣ сознавал; еще будучи членом Государственной Думы, я пытался обратить вниманіе М. В. Родзянко, гл. Г. Д. Ростовцева, П. Н. Крупенскаго и др. на это обстоятельство. Нѣкоторые члены Думы прислушивались к моим словам, но активно противодѣйствовать начинаніям А. И. Гучкова они не рѣшались. Начинанія его поддерживал очень энергично Военный Министр А. А. Поливанов, а также значительное большинство членов Совѣщанія по оборонѣ, избранных от законодательных учрежденій. Мобилизація промышленности, руководимая Совѣтом Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета, сводилась к уменьшенію всѣми мѣрами прибылей крупной промышленности, повышенію заработной платы, поднятію острых

вопросов, существующих между капиталом и трудом, и направленію их разрѣшенія в демагогическое русло; практиковалось нерѣдко «взятіе в казенное управленіе» самых крупных частных акціонерных предпріятій, причем законно-избранное правленіе устранялось; ставилось новое правленіе из военной среды, и шло захватное и неумѣлое распоряженіе чужим достояніем, которое как-бы «національизировалось», ибо собственникам предпріятій никаких гарантій не давалось. Конечно, такое обращеніе с частной собственностью в корнѣ подрывало прилив как русскаго, так и иностраннаго капитала в промышленность, и это в тот момент, когда мобилизація промышленности требовала усиленнаго прилива капитала.

На собранія секціи рабочих депутатов в Петроградѣ приходили рабочіе разных заводов, члены Государственной Думы и политическіе дѣятели; случалось, что рабочіе и агитаторы пріѣзжали и из других городов. Собранія секціи обращались в обширные митинги, гдѣ обсуждались политическіе вопросы, принимались резолюціи и велась дѣятельная пропаганда. Отчеты об этих собраніях печатались в типографіи Центральнаго Комитета или Земскаго Союза и разсылались по всей Россіи. Мои предшественники по управленію Министерством Внутренних Дѣл Б. В. Штюрмер и А. А. Хвостов обращались к А. И. Гучкову с просьбою прекратить нелегальную дѣятельность рабочей секціи Центр. В. - Пр. Комитета; дѣло кончилось отписками; положеніе же оставалось без перемѣн. В Январѣ 1917 г., по мысли А. Ф. Керенскаго, было рѣшено произвести массовую демонстрацію рабочих перед зданіем Таврическаго Дворца в день возобновленія занятій Государственной Думы 14 Февраля. Предполагалось выставить требованіе об отвѣтственном Министерствѣ, всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном правѣ и заявить жалобу на недостаток хлѣба. Послѣдняя тема раздувалась особенно усердно печатью, хотя ежедневно отпуск муки хлѣбо-пекарням составлял 40.000 пуд. ржаной и 8.000 пуд. пшеничной.

Заблаговременно извѣщенный о предполагавшейся демонстраціи, я рѣшил принять мѣры не только к недопущенію ея, но и положить конец вредной дѣятельности совѣта рабочих депутатов в Петроградѣ и др. городах. Петроград находился на театрѣ военных дѣйствій, и охрана общественной безопасности лежала на обязанности Командующаго Арміей С. С. Хабалова. Послѣ нашего с ним совѣщанія, им было написано письмо А. И.

Гучкову, в котором рабочей секціи предлагалось держаться правил о собраніях от 5 Марта 1906 г.; в случаѣ неисполненія этого требованія, Командующій Арміей предупреждал, что рабочая секція В.-Пр. Комитета будет ликвидирована. На исполненіе давалось три дня. Письмо было заслушано и одобрено Совѣтом Министров. Отвѣта на письмо Хабалова получено не было. Митинги в рабочей секціи продолжались. Д-т Полиціи заручился ордером военнаго командованія на производство обыска и ареста нужных лиц в помѣщеніи В.-Пр. Комитета. О предполагающейся ликвидаціи рабочих секцій в Петроградѣ и др. городах я доложил Государю. Я представил ему подробный доклад о серьезности создавшагося положенія и необходимости энергичных мѣр предупрежденія рабочаго движенія в обширном масштабѣ. По вопросу о настроеніи войск, в связи с рабочим движеніем, у меня матеріала не было, и Государь принял доклад о том Хабалова, который утверждал: «что войска в случаѣ необходимости исполнят свой долг.» В началѣ Февраля был произведен обыск в рабочей секціи В.-Пр. Комитета и арестованы рабочіе депутаты. Найденный обширный революціонный матеріал был немедленно передан в М-во Юстиціи и судебным слѣдователям; всѣ арестованные были заключены под стражу. Печать винила меня в «безпросвѣтной реакціонности», утверждала, что за время В. К. Плеве и Н. А. Маклакова столь наглаго «издѣвательства над русскою душою» не было. Правительственное сообщеніе указывавшее, что арест произведен судебною властью и обыски дали результат, доказывающій существованіе организацій, поставивших себѣ цѣлью сверженіе монархическаго строя и замѣну его «соціалистическою республикою», было встрѣчено насмѣшками; в печати говорилось, что республики бывают «буржуазныя» и «демократическія», а «соціалистических» республик нѣт, и онѣ существуют лишь в воображеніи «руководителей М-ва Внутренних Дѣл.» Я не был сторонником стѣсненія печати; десять лѣт защищая свободу слова с кафедры Государственной Думы, я не мог, приняв назначеніе, проводить в жизнь противоположное. К сожалѣнію, едва ли кто из читавших ежедневно выпады против меня, а зачастую и просто брань, задался вопросом, почему этот «реакціонер» дозволяет писать про себя больше, чѣм кто-либо из его предшественников, и ни одну газету не только не закрыл, но даже не оштрафовал? Теперь признаюсь — я в этом раскаиваюсь: печать клеветала на меня завѣдомо

недобросовѣстно; она усердствовала в несправедливой травлѣ, организованной на меня оппозиціей, сторонницей переворота во что бы то ни стало, несмотря на страшную войну и ужасныя послѣдствія, которыя мог имѣть их замысел; печать помѣшала мнѣ провести многое, что, как я теперь вижу, было правильно задумано; она, можно сказать, сломала мнѣ жизнь; благодаря ей, я, несмотря на отсутствіе преступленій, долго пробыл в казематах Петропавловской Крѣпости, и даже теперь, когда не только все Царское*) правительство освобождено, но и слѣдовавшее за ним временное — тоже, я еще лишен свободы и не знаю, когда ее увижу. И это благодаря печати.

В концѣ Декабря 1916 г., кромѣ мѣр экономическаго характера, мнѣ казалось полезным в извѣстной мѣрѣ развить существовавшую русскую конституцію. Она давала право Государственной Думѣ, в случаѣ признанія дѣйствій Министра незакономѣрными $^2/_3$ голосов указаннаго ея кворума (одна треть списочнаго состава Думы), доводить до Высочайшаго свѣдѣнія свое постановленіе. Докладчиком Государю, в этом случаѣ, являлся Предсѣдатель Государственнаго Совѣта. За 10 лѣт существованія Думы она ни разу не воспользовалась этим, дарованным ей конституціей, правом. Мнѣ казалось, что это право существенно важное и поддающееся расширенію, без законодательнаго перенесенія момента власти с лица монарха на представителей народа. Я составил памятную записку, которую и передал Государю. В ней заключались слѣдующія положенія.

I. Г. Думѣ и Г. Совѣту предоставляется высказываться голосованіем не только о незакономѣрности, но и нецѣлесообразности дѣйствій лиц, занимающих должности министров или начальников отдѣльных Главных Управленій.

II. В случаѣ признанія закрытым голосованіем и $^2/_3$ голосов законнаго кворума Думы или Совѣта дѣйствій министра или Главноуправляющаго незакономѣрными или нецѣлесообразными, слѣдует вторичное голосованіе о предложеніи ему дать объясненія перед особым Верховным судилищем, состоящим из опредѣленнаго числа лиц из сенаторов, членов Государственнаго Совѣта и Думы, почетных опекунов, членов Военнаго Совѣта или других лиц по Высочайшему назначенію. Предсѣдателем Верхов-

*) Явная ошибка: министры царскаго правительства освобождены из тюрьмы не были. *Ред.*

наго Совѣта назначается лицо, пользующееся особым монаршим довѣріем.

III. Докладчиками судилищу по запросу Думы или Совѣта являются три члена поименованных учрежденій по избранію таковых.

IV. Привлеченный законодательными учрежденіями к объясненію перед Верховным Судилищем Министр или Главноуправляющій обязан дать объясненія в теченіе опредѣленнаго короткаго срока. Постановленіе Верховнаго Судилища представляется предсѣдателем таковаго на Высочайшее благовоззрѣніе.

V. О постановленіи Законодательных Учрежденій, предлагающем министру или Главноуправляющему представить объясненія Верховному Судилищу, этот министр лично докладывает Государю и, по указанію его, либо сдает временно свою должность замѣстителю, либо продолжает исправлять свою должность и во время суда.

VI. По выслушаніи постановленія Верховнаго Судилища Монарх кладет на него свою резолюцію.

Эту записку я передал Государю при одном из своих докладов, перечисляя мѣры, которыя, по моему мнѣнію, стояли на очереди; в их числѣ и было изданіе манифеста с изложеніем вышеозначеннаго права, даруемаго законодательным учрежденіям.

Государю, видимо, понравилась моя мысль, и он подробно на ней остановился. Постановленіе Судилища еще не предрѣшало его резолюціи; он мог направить дѣло к дослѣдованію, мог оправдать министра, мог ограничиться замѣчаніем или выговором; наконец, мог удалить виновнаго. Разбор дѣла мог быть гласный; отзывы прессы и общественная реакція освѣтили бы настроеніе страны.

До царя стала бы доходить правда, которая иногда скрывалась. Этот закон ставил право запросов Законодательных Учрежденій весьма на реальную почву, не умаляя юридически права Верховной власти. Государь оставил мою записку у себя и, отпуская меня послѣ доклада, сказал, чтобы к опредѣленному часу в тот же день я пришел к Государынѣ, куда он также зайдет. Я пришел к Государынѣ еще в отсутствіе царя и вкратцѣ изложил ей мотивы своего проекта. Царица находила, что этот шаг возможный, хотя и серьезный. В случаѣ оппозиціонности Гос. Думы он может повлечь за собою необходимость болѣе частаго

роспуска Государственной Думы. Я отвѣтил, что именно угроза роспуска и будет служить предупрежденіем Думѣ пользоваться своим правом не легкомысленно. Государыня сказала: «Может быть, вы и правы, однако, настроенія существующей Думы таковы, что, как Вы и сами признаете, с ними считаться надо подчас постолько, поскольку их не надо исполнять. Но время трудное, и все, что может служить к успокоенію умов, не должно быть упущено». Послѣ прихода Государя разговор на эту тему не продолжался. Отпуская меня, Государь приказал мнѣ передать копію записки двум сановникам — юристам для разработки, по ея основаніям, законопроекта. Он поручил мнѣ сказать им, что дѣло это спѣшное. Приказ Царя я исполнил. К сожалѣнію моему, дѣло встрѣчало техническія затрудненія; я этого ожидал. Для ускоренія дѣла, я посвятил в него члена Госуд. Думы М. А. Караулова, который очень горячо одобрил мою мысль. Я просил его переговорить с президіумом Думы от себя и поднять этот вопрос в Государственной Думѣ. Через нѣсколько дней он мнѣ отвѣтил, что этот проект, по тактическим соображеніям, — несвоевременен; сановники разработкою моего проекта не торопились; вскорѣ наступили событія, которыя заставили кануть в Лету и это мое начинаніе.

В концѣ Ноября 1916 г. начало обозначаться рабочее движеніе. Происходили забастовки, хотя и не массовыя, но спорадически, в разных районах города. Рабочіе кварталы наводнялись прокламаціями русской рабочей соціалистической партіи. Широко распространялись и рѣчи, произносимыя в Думѣ ораторами прогрессивнаго блока. Замѣчалось и особое явленіе: поочередно, в разных кварталах города, по заводам бѣгали толпы мальчишек, призывая к забастовкам и передавая ложныя свѣдѣнія о забастовках, якобы происходящих в других кварталах, причем разсказывали о произведенных, будто-бы, полиціей избіеніях и арестах. Настроеніе среди рабочих усиленно поднималось агитаціей; но были и реальныя причины недовольства — дороговизна росла; курс денег падал; военныя удачи прекратились; в деревнѣ рабочих рук не хватало; было мало хлѣба; запрещеніе вывоза, твердыя цѣны, секвестры, таксы — дѣлали свое губительное дѣло. Надо было заботиться о средствах подавить рабочее движеніе, если бы оно вспыхнуло в широком и буйном масштабѣ. Мои болѣе опытные сотрудники обращали на это мое вниманіе; вызвав Градоначальника, ген. А. П. Балка,

я его спросил: существует ли выработанный план вызова войсковых частей на помощь полицiи, если бы силами послѣдней нельзя было ограничиться при возможных эксцессах со стороны рабочих масс. Он мнѣ отвѣтил, что в Градоначальствѣ работает военная комиссiя под предсѣдательством С. С. Хабалова, занятая составленiем дислокацiи войск для совмѣстнаго их дѣйствiя с полицейскими частями, на случай рабочих безпорядков в столицѣ. Ближе к 2-ой половинѣ Января 1917 г. Комиссiя закончила свои занятiя, и Балк мнѣ передал тетрадь, содержащую перечисленiе зданiй в районах, в коих имѣют собраться воинскiе отряды частей Петроградскаго гарнизона; численность этих отрядов и названiе частей, к которым они принадлежат. Всѣ отряды были под общим командованiем генерала Чебыкина, который именовался начальником охраны; помощником его состоял полковник Назаров. Всѣ войска и полицейскiя пѣшiя и конныя части, а также эскадроны отдѣльнаго корпуса жандармов, были сведены под командою особых штаб-офицеров в каждом из шести полицеймейстерств столицы. По расписанiю дѣйствовала сначала одна полицiя; затѣм вызывались казаки с нагайками; в крайнем случаѣ — войска с ружьями и пулеметами. Градоначальник, как распорядитель полицiи, и Начальник Охраны ген. Чебыкин дѣйствовали с вѣдома и по указанiям Командующаго Армiей ген. Хабалова, которому по закону подчинялись всѣ без исключенiя правительственныя власти в мѣстностях, объявленных на театрѣ военных дѣйствiй, к которым принадлежал и Петроград. Передавая мнѣ дислокацiю и объявляя ея сущность, ген. А. П. Балк обратил мое вниманiе, что общая численность войск и полицiи, перечисленная в ней, не превышала десяти тысяч человѣк. По его словам, подобная дислокацiя в 1905 году обнимала 65.000 чел. Это случилось, потому что в настоящее расписанiе включены лишь учебныя команды запасных батальонов, как болѣе благонадежныя; батальоны же, роты не приняты во вниманiе. В 1905 году на учетѣ состояли всѣ войска, кои были кадроваго состава, и опасенiй тогда не существовало. Я спросил его, не имѣется ли опасности со стороны запасных батальонов, т. е. не могут ли они перекинуться частью к рабочим, как лишь не столь давно набранные из их же среды. Балк отвѣтил мнѣ, что это обсуждалось, и опасности военное начальство не предвидит. С переданною мнѣ дислокацiей я был у ген. Хабалова, которому я поставил тот же вопрос и высказал предположенiе, что осто-

рожнѣе было бы наименѣе надежныя части вывести из Петрограда. Ген. Хабалов мнѣ сказал, что мои опасенія напрасны; всѣ войска «исполнят свой долг»; казарм же для вывода батальонов из Петрограда в округѣ не имѣется, и что он взял лишь учебныя команды на учет, потому что не видит надобности в большем количествѣ солдат, в случаѣ выступленія рабочих. Я повѣрил Хабалову, говорившему увѣренно, и котораго я считал искренно преданным Царю военачальником. Я предупредил его, что дислокацію передам Государю и, вѣроятно, Его Величество пожелает выслушать объясненіе своего Командующаго Арміей. Я не был спокоен; мнѣ казалось, что надо расцѣнить настроенія запасных батальонов болѣе внимательно и вывести ненадежные из столицы. Мнѣніе мое я рѣшил доложить Царю.

При ближайшем докладѣ я представил Царю полученную от ген. Балка дислокацію и повторил ему всѣ объясненія, данныя мнѣ Градоначальником, и соображенія Командующаго Арміей С. С. Хабалова. Я оттѣнил в своем докладѣ, что хотя Командующій Арміей и считает 10 т. человѣк достаточным для водворенія порядка в городѣ, но в 1905 г., несмотря на гарнизон в 65.000 чел. кадровых солдат, безпорядки приняли затяжной характер. Государь спросил меня, считаю ли я соображенія Хабалова правильными? Я отвѣтил, что мнѣ кажется правильным его расчет в части, касающейся количества войск; однако, малое количество кавалеріи, столь важной при подавленіи уличных безпорядков — с одной стороны — и неразрушенная еще временем и подготовкою спайка контингента запасных батальонов с рабочими массами, из которых они в значительной степени набраны — с другой стороны — заставляют меня просить Государя выслушать лично ген. Хабалова, который предложенную мною мѣру удаленія из Петрограда наиболѣе опасных по составу запасных батальонов находит технически неисполнимой за неимѣніем казарм в окрестностях Петрограда. Государь оставил у себя мой список дислокаціи и вызвал для личных объясненій ген. Хабалова. Через короткое время послѣ его доклада я снова видѣл Царя. Во время долгаго разговора, касавшагося разных тем, представлявших интерес, он не упомянул ни об дислокаціи, ни о докладѣ ген. Хабалова. Я думал, что генерал окончательно разсѣял всѣ опасенія, кои могли быть у Царя послѣ моего представленія. Неожиданно, поздно вечером отпуская меня, Император, как бы невзначай сказал: «Я нахожу, что гвардейскія

кавалерійскія части долго пробыли в огнѣ. Хочу дать им отдых и приказал Гурко прислать в свои казармы на отдых конно-гренадер, улан, кавалергардов и уральских казаков». «Я счастлив слышать эту Вашу волю, Государь,» — сказал я; он чуть замѣтно улыбнулся и болѣе крѣпко, нежели обычно, пожал мою руку. Рѣшеніе Царя меня успокоило; увы, я никак не предвидѣл неповиновенія.

Я видѣл Государя за день до Его послѣдняго отъѣзда в Ставку перед событіями 23 — 27 Февраля. До доклада был у Царицы. Она сообщила мнѣ, что Государь рѣшил выѣхать на мѣсяц в Могилев. Он считал свое столь долгое отсутствіе из Ставки — нежелательным; указанія Государыни на возможность волненій в столицѣ и болѣзнь сына не могли склонить его отказаться от своего намѣренія. Я был очень встревожен отъѣздом Государя на долгій срок; мѣсячное отсутствіе Царя из Петрограда я считал невозможным; рознь в Совѣтѣ Министров немного сгладилась; однако, объединяющаго начала все же не было; назрѣвали серьезныя перемѣны; дѣйствія Государственной Думы были ярко и активно оппозиціонны; рабочее движеніе будто затихло, но до меня долетало мнѣніе нѣкоторых бывш. сановников, в опытность которых я вѣрил, что это «затишье перед бурей». Я сказал Государынѣ, что надо уговорить Царя не уѣзжать вовсе или уѣхать на недѣльный срок, и просил позволенія вновь быть у нея в тот же день, чтобы имѣть случай еще, послѣ доклада, видѣть Государя. Во время доклада Царь мнѣ сообщил о своем намѣреніи уѣхать в Ставку на «нѣсколько дней». «Это неопредѣленный срок, Ваше Величество, — сказал я,— «между тѣм, именно теперь, обстоятельства здѣсь таковы, что каждый день может потребовать особо важнаго рѣшенія. Уже готовы спѣшныя представленія Совѣту Министров о казенном содержаніи духовенству, от Обер-Прокурора; проект надѣленія землею крестьян Прибалтійских губерній, от Министра Внутренних Дѣл; вскорѣ будет готов — увы, он еще не кончен — законопроект о расширеніи права запросов Государственной Думы и Совѣта. Разрѣшите просить Вас, Государь, опредѣлить время Вашего возвращенія и обратить Ваше вниманіе на риск долгаго отсутствія Вашего Величества из столицы до Пасхальнаго перерыва работ законодательных учрежденій». «Я думал пробыть в Ставкѣ мѣсяц — пробуду дней двадцать, раз Вы настаиваете на надобности укоротить срок». «Увѣряю Вас, Государь, Ваше отсутствіе в теченіе 3-х

недѣль опасно: я очень боюсь настроенія блока послѣ ареста рабочих депутатов. Организаціи рабочих сильно разбиты, но это не исключает возможности волненій на почвѣ дороговизны и вообще нервнаго настроенія. Разрѣшите спросить, Государь, не докладывал ли Вам генерал Бѣляев своих сомнѣній об освѣдомленности командующаго округом относительно офицерских кружков, посѣщаемых и солдатами. Все это тревожно, Государь». «Да, Военный Министр мнѣ указывал на недостаток освѣдомительной службы в войсках. Я, между прочим, и по этому поводу сдѣлаю распоряженіе в Ставкѣ. Думаю вмѣсто Батюшина поставить сенатора Б...; знаю, кое-кто и поспорит, но мы с Вами этот вопрос уже обсуждали; Я постараюсь вернуться скорѣе, но меньше 10 дней поѣздка не возьмет, она необходима. Здѣсь же Бог Вам поможет. Берегите себя, Вам много будет труда по моем возвращеніи. Не спорьте, ѣхать мнѣ надо». «Государыня разрѣшила быть мнѣ у нея вечером сегодня, Ваше Величество; я не смѣю спорить о необходимости Вашего путешествія; позвольте, однако, надѣяться, что буду имѣть сегодня еще счастье видѣть Вас, Государь, и, может быть, Вам будет угодно еще нѣсколько убавить срок Вашего отсутствія». «Я зайду к Императрицѣ», — сказал Царь, «рад буду Вас видѣть, но ближе, как через недѣлю, считая от 18 Февраля, я вернуться не смогу; поэтому не составляйте заговоров с Государыней, увы, это не поможет». Царь улыбнулся и протянул мнѣ руку.

Около 9½ ч. вечера я передал Государынѣ мой разговор с Царем. Она вздохнула: «Ну, видно, Бог так хочет», — сказала она, — «Его отговорить уже невозможно; будем надѣяться, что бѣд не случится. А что князь Г. перестал нападать на Вас? Его племянник, ваш друг, мнѣ нравится; он говорит ровно столько, сколько необходимо и ни слова больше; что это непривычка ко мнѣ, или его свойство?» «Я чувствовал, Государыня, что Вы говорили с кн. Г. по моему поводу. Онъ честный и вѣрный человѣк; мнѣ иной раз кажется, что причина треній — это я сам, а не другіе. Вѣдь идет, Ваше Величество, уже третій спор; одно скажу — судите сами, я же своей религіи — а она Вам извѣстна — не измѣню». «Да, я знаю, и мы уже говорили с Государем; надо немного обождать; не безпокойтесь и идите своей дорогой. Но Вы мнѣ не отвѣтили о ген. У... Вы вѣдь его давно знаете» «Я его знаю с 1885 г., Государыня. Он вѣрен безусловно. Думаю, может быть, покойный Вел. Кн. Михаил Николаевич Вам об нем упоминал. Он очень

его цѣнил. Если он не словоохотлив, то по привычкѣ к дисциплинѣ; Вы, Государыня, заставьте его говорить и тогда услышите искреннюю рѣчь, от которой поступки не будут розниться».

В это время вошел Государь; несмотря на его необыкновенную выдержку, я замѣтил, что он обезпокоен чѣм-то. Я взглянул на Царицу; Она внимательно смотрѣла на Государя; Он поймал ея взгляд и с усиліем улыбнулся: «Ничего особеннаго, но я нарушу Вашу бесѣду. Пойдемте ко мнѣ», — сказал он, обращаясь в мою сторону, и пошел к двери. Я поцѣловал ручку Царицѣ и спросил: «Разрѣшите зайти откланяться, если не будет поздно». «Пожалуйста, я Вас подожду». Государь пошел молча по корридору; я слѣдовал за ним. Войдя в свой кабинет и впустив меня, Государь закрыл дверь и подошел к письменному столу. Я был очень встревожен; первый раз я видѣл Государя в таком волненіи. Молчаніе длилось нѣсколько секунд. «Знаете, что сдѣлал Гурко? — сказал Царь, — он прислал сюда вмѣсто 4-х полков гвардейской кавалеріи три экипажа матросов». Кровь бросилась мнѣ в лицо; я инстинктивно почувствовал что-то опасное. «Государь, это недопустимо. Это болѣе, чѣм непослушаніе. Он мог спросить Вас ранѣе, нежели мѣнять Ваше повелѣніе. Всѣ знают, что матросы набраны из рабочих и представляют самый революціонный элемент в арміи». «Да, да. Я настою на своем; Я этого не ожидал, а Вы говорите, что мнѣ еще не надо ѣхать в Ставку». «Время такое, Государь, что Вам надо быть и здѣсь, и там; надо скорѣе ѣхать в Ставку и скорѣе быть назад. Надо заставить людей понять, что ослушаться приказа Императора нельзя. Ваше Величество, какое это серьезное дѣло; я очень опасаюсь послѣдствій и усердно молю Вас, Государь, прикажите быть, как Вы сказали». «Да, конечно. Саблин мнѣ сказал, однако, что моряки надежны. Он их знает. Все же Гурко я дам головомойку и кавалерію пришлю». Я помолчал. Государь вышел из-за стола и ласково взял меня за руку. «До свиданія и скоро. Я уѣду завтра или послѣ-завтра утром. Будьте здоровы, бодры, храни Вас Бог; навѣщайте Государыню; берегите ее. До свиданія». Царь обнял меня; я чувствовал, что у меня слезы на глазах, и одна из них упала Царю на погону. Он замѣтил мое волненіе: «И Вы умѣете волноваться», — сказал Он. — «Я этого еще не видѣл. До свиданія — повторяю до скораго». Я поклонился и вышел. Болѣе видѣть Государя Бог мнѣ не судил.

НѢМЕЦКІЯ ВОЕННО-ПЛѢННЫЯ ОБРАЗОВАНІЯ В РОССІИ.

К исторіи гражданской войны приходится подходить еще ощупью. Сколько фактов надо установить! Вот примѣр. В меморандумѣ Вильсону проф. Масарик, между прочим, писал: «Нигдѣ в Сибири (от 15 марта до 2 апрѣля) я не видѣл вооруженных нѣмецких или австрійских военно-плѣнных» (см. статью С. П. Мельгунова в № 1 «Г. М.»). Возможно, что этих образованій было меньше, чѣм то говорили. Но они были. В августѣ и сентябрѣ 1918 г. через г. Зею — свидѣтельствует телеграмма штаба иркутскаго военнаго округа — «прошло около 4000 большевиков... большая часть их преимущественно мадьяры» («Партизанское движеніе в Сибири». Центрархив. 1925, 207). «Отряд красных из мадьяр и нѣмцев в 500-600 чел. с орудіями и пулеметами готовятся спуститься по Олекмѣ» (Там же).

П. Анишев в «Очерках исторіи гражданской войны» (Пет. 1925) высказывает сожалѣніе, что Челябинскій ревком отклонил предложеніе «вооружить мадьяр» при наступленіи чехо-словаков. Причина такого рѣшенія нам неизвѣстна, но важно отмѣтить подобныя попытки. Командующій большевицкими войсками на югѣ, Антонов-Овсѣенко, в своих «Записках о гражданской войнѣ» (Изд. «Воен. Совѣта» 1924) признает «участіе нѣмецких солдат» в борьбѣ с Корниловым, но говорит о незначительности его. «Всего... сотня в отрядѣ Шиманскаго». Но тут же сам себѣ противорѣчит: «Попытки таких формированій повелись с первых дней появленія Сиверса в Донбасѣ и *в началѣ* были неудачны. *Одну* (?!)... роту пришлось распустить... Командующій похвалил роту на нѣмецком языкѣ. Вся, как один, она отвѣтила: «Гох, кайзер Вильгельм!». (227).

Этот факт показывает ипокритизм отвѣта, который был дан 25 февраля Ставкой командующаго Юго-Вост. фронта делегаціи Войскового Круга. На вопрос: «почему в рядах войск Совѣта Народных Комиссаров есть германскіе и австро-венгерскіе военно-плѣнные» был дан отвѣт: «в рядах революціонных войск... находятся интернаціоналисты австрійскаго и германскаго происхожденія» (267).

Обратим вниманіе на то, что Воен.-Рев. Комитет Донецкаго бассейна 27 февр. выпустил спеціальное воззваніе о созданіи полков из военно-плѣнных (297). Сопоставим эти данныя, заимствованныя из совѣтских изданій послѣдняго времени, с помѣтками дневника П. Е. Степановой о Москвѣ (N 1 «Гол. Мин.»).

При двойственной позиціи нѣмецких властей естественно двойственный характер носили и всякаго рода военныя образованія из нѣмецких плѣнных.

М.

У БѢЛЫХ.

I.

Весь день 5-го августа 1919 года вокруг Кіева шла оглушительная артиллерійская пальба.

Под вечер загремѣли по мостовым длинные обозы. Это отступали большевики. По Крещатику, через Подол, они уходили по направленію к Вышгороду.

Ночь прошла, в общем, спокойно. Иногда только тревожили нас рѣдкіе выстрѣлы нѣскольких орудій, занимавших позицію гдѣ-то у Владимирской горки.

Наступило утро. Оно застало кіевлян уже на ногах перед воротами домов; думали — можно-ли пойти в город посмотрѣть, что там дѣлается, или нѣт. Наконец, послѣ разговоров и колебаній, самые рѣшительные отправились и из нашего дома на развѣдки. Минут через пять послѣ их ухода, к автомобильному гаражу, который находился невдалекѣ от нашего дома, подъѣхал большой грузовик. На платформѣ стояла масса людей с бѣлыми повязками на рукавах. Это была мѣстная самооборона, сорганизованная каким-то кіевским эсером для защиты жителей от разбоев. Подождав еще немного, мы с хозяином тоже рѣшили пойти в город. У Большого театра мы увидѣли толпу и услышали радостные крики: в садикѣ, перед Оперой, лежали на травѣ пять или шесть петлюровских солдат. У каждаго на поясѣ висѣло нѣсколько бомб. Вид у них был очень мирный и благодушный; они улыбались и что-то говорили высокому плотному человѣку в штатском костюмѣ. Через нѣсколько шагов мы встрѣтили петлюровскаго офицера; он был в обмотках, пенснэ и сѣром френчѣ и очень походил на петербургскаго франтоватаго гимназиста. Но балакал он только по-украински и «московской мовы» не понимал или не хотѣл понимать.

Для кіевских самостійников и самостійниц появленіе петлюровцев было большим торжеством.

На обратном пути мы увидѣли уже много мужчин в вышитых сорочках и широких штанах, а женщины понадѣвали мониста и вплели в косы ленты національных цвѣтов. На дверях одной из гостиниц был приклеен какой-то плакат: приглашали записываться в городскую милицію. Я подумал — не пойти-ли записаться, чтобы быть при каком-нибудь дѣлѣ; подумал — и не пошел, и сам не знаю, почему.

Не доходя до дома, — мы жили в концѣ Фундуклеевской, — я увидѣл на стѣнѣ небольшіе листочки, подписанные каким-то комитетом и обращенные к рабочему населенію. Спутник мой пошел домой, а я остался и перечитал их всѣ.

Воззванія были, как воззванія: звонкія и, пожалуй, пустоватыя. Они тонули в общих мѣстах: большевики — злодѣи, большевики такіе, сякіе, большевики не могут и не умѣют править... Но всѣ знали это и без этих воззваній.

Народу выходило на улицу все больше и больше. Еще вчера можно было подумать, что Кіев совсѣм обезлюдѣл; а сегодня — разряженныя женщины, военные в формах и с орденами, чиновники — с петлицами и значками.

Всѣ улыбались, всѣ были довольны и рады.

Из-за угла выѣхали неожиданно три донских казака и полковник. Это были уже добровольцы. Толпа, увидѣв их, стала кричать «ура» и бросала им цвѣты.

К обѣду пришла домой старшая сестра хозяина. Она успѣла побывать во всем почти городѣ и разсказала, что видѣла много войск — и петлюровских и деникинских — и что на какой-то улицѣ толпа нашла большевика.

— Секретарем, что-ли, в Чекѣ служил. Какой-то чиновник его узнал; отпираться не стал. «Братцы, пощадите», начал кричать, «не буду большевикам служить, буду вам служить»... На колѣни вставал, прощенія просил, каялся, сам блѣдный, преблѣдный. А толпа его, кто чѣм — и ногой, и камнем, и палкой... Подъѣхал казак, уже шашкой добил его, — закончила Анна Егоровна.

Кромѣ того, она сообщила, что между петлюровцами и деникинцами, как говорили в толпѣ, появились уже какіе-то нелады. Таким образом, надежда на союз между Деникиным и Петлюрой оказывалась, как будто, напрасной. Без этого-же союза побѣда над большевиками казалась сомнительной.

Во всяком случаѣ, всѣх очень интересовало, какую форму примут отношенія между добровольцами и петлюровцами. Первые

шли под лозунгом: «Единая и недѣлимая Россія», вторые признавали только самостоятельную Украину.

Послѣ обѣда я еще пошел пройтись по Кіеву. День был прекрасный. Самостійники щеголяли в своих цвѣтных костюмах, русскіе — в формах, военных и невоенных. Оба теченія не смѣшивались. Особаго дружелюбія не замѣчалось, но и вражды тоже не было. Я прошел на Владимирскую горку и залюбовался картиной. Масса зелени, простор, далекій лѣс... Над темной извилиной Днѣпра, вдали за городом, высоко плавала желтая, большевистская колбаса. Оттуда вѣроятно наблюдали, что дѣлается в Кіевѣ.

На скамейку, гдѣ сидѣл я, подсѣл пожилой человѣк в инженерной формѣ. Вдруг совсѣм близко от нас затрещал браунинг; двѣ-три пули с визгом пронеслись около моего лица. Я оглянулся на сосѣда, — он уже убѣжал. Трудно было понять, откуда стрѣляли, домов по близости не было; стрѣлок должен был скрываться или за ближайшим забором, или за кустами. В кустах, однако, я никого уже не нашел.

Это были первые таинственные выстрѣлы, которые мнѣ пришлось слышать, и которых много было в это время в Кіевѣ.

С переходом Кіева в другія руки, надо было подумать о том, как устроиться. Денег и притом совѣтских у меня оставалось немного, да и не мирное проживаніе в Кіевѣ было моей цѣлью.

С мыслями о будущем я вернулся домой. Наша колонія, за исключеніем Анны Егоровны и студента, сидѣла и пила чай. Я присѣл за стол; пошли разговоры о будущем. В сумерки уже пришла Анна Егоровна со студентом.

— Перед городской думой собралась толпа; говорили, что между деникинцами и петлюровцами что-то произошло из-за флагов. Но, должно быть, теперь все уладилось; сама видѣла на балконѣ два флага — русскій и украинскій, — сообщила Анна Егоровна.

Не успѣла она кончить, как вдруг раздалась пушечная канонада. Стрѣляли гдѣ-то вблизи, с правильными промежутками. Продолжалась стрѣльба минут 10—15. Студент выскочил узнать, в чем дѣло. Оказалось, что петлюровская артиллерія замѣтила большевистскій отряд, тысячи в полторы, подходившій к Кіеву, и обстрѣляла его.

Разошлись спать рано, вчерашняя безпокойная ночь утомила всѣх. Засыпал я с радостным чувством: нечего бояться обысков,

арестов, разстрѣлов... А в душѣ бродило большое благодарное чувство к тѣм, кто избавил нас от кошмарных переживаній.

Ночью я нѣсколько раз просыпался от какого-то шума: словно вниз по улицѣ спускался безконечный обоз. В полусонном сознаніи мелькала мысль, что это прибывают в Кіев подкрѣпленія, большевиков уже нѣт, и им пришел конец.

На слѣдующее утро в кіосках появился уже «Кіевлянин». Его можно было достать только послѣ долгаго стоянія в очереди.

Этой-же ночью произошел полный разрыв между петлюровцами и деникинцами: петлюровскій флаг был не то снят с думы, не то даже сорван, а петлюровским войскам было предъявлено требованіе — выйти из города. Петлюровцы подчинились и вышли; но на прощаніе они сдѣлали ночью, в темнотѣ, один или два выстрѣла по городской думѣ и так мѣтко, что один снаряд попал в карниз зданія и сдѣлал большую брешь.

Как-бы то ни было, добровольцы остались господами города, и вскорѣ в Кіев прибыл штаб ген. Бредова.

Новая власть выпустила цѣлый ряд приказов. Первый говорил об «отмѣнѣ всѣх большевистских распоряженій и о возстановленіи прежних владѣльцев в их правах»...

Затѣм была объявлена регистрація офицерских чинов.

Регистрація происходила во дворѣ Комендантскаго Правленія. Когда я пришел туда, там была уже масса военных — полковники, капитаны, поручики, прапорщики; было нѣсколько генералов. Одни ходили уже в формѣ, другіе, меньшинство — в штатском, знакомились, дѣлились впечатлѣніями.

В надеждѣ на уход большевиков, офицерство бѣжало в Кіев из Москвы, из Петрограда, из Могилева, из Чернигова, из Казани. В ожиданіи прихода добровольцев, люди прятались в лѣсах, в погребах, на чердаках, в стогах соломы; один прапорщик около суток провел в канализаціонной трубѣ; какой-то капитан прожил около недѣли в купальнях; шесть человѣк пріѣхали в лодкѣ и скрывались в камышах.

Записывали офицеров в алфавитном порядкѣ. До меня очередь в этот день не дошла; около четырех часов всѣ разошлись. Я пришел домой, поѣл, а под вечер мы пошли прогуляться. Странно было: никто ничего не боялся, люди не хватались за карманы провѣрить, есть-ли с собой документы, исчезли бритыя лица с безпокойными рыщущими глазами. В сумерках раздавался смѣх, громко говорили, и только отвратительный, сладковато-тошно-

творный запах из анатомическаго театра говорил об убійствах, которые совершались еще так недавно.

На другой день мнѣ удалось, наконец, несмотря на еще большую толпу, получить регистраціонную карточку. На ней стояло мое имя, фамилія, год рожденія, чин и полк, гдѣ я служил во время германской войны. С этой карточкой мнѣ надо было явиться в Реабилитаціонную Комиссію и представить, кромѣ того, свое curriculum vitae от начала германской войны до настоящаго момента. Для тѣх, которые у большевиков не служили и имѣли какіе-нибудь старые документы, удостовѣрявшіе их личность, дѣло кончалось в Реабилитаціонной Комиссіи; они могли поступать в добровольческую армію немедленно.

В противном-же случаѣ, — дѣло выходило сложнѣе; раз в curriculum vitae офицер писал, что он служил у большевиков, то Реабилитаціонная Комиссія отсылала его дѣло в контр-развѣдку. Из контр-развѣдки товарищ прокурора отсылал дѣло со своим заключеніем в четвертое учрежденіе — военную судебно-слѣдственную комиссію. Эта комиссія разсматривала дѣло окончательно и препровождала его на заключеніе к коменданту города. При чем, если кто не имѣл стараго послужного списка или других не менѣе солидных бумаг, тот должен был доказывать свою личность при помощи управляющаго домом и двух благонадежных свидѣтелей.

Вот что надо было пройти. У меня, как и у большинства офицеров, никаких документов, кромѣ совѣтских, не было.

И вечером, сидя над своей біографіей, я задумался — писать или не писать о службѣ у большевиков? Не писать — дѣло упрощается, но зато все время можно ждать, что кто-нибудь возьмет да ляпнет: «а он у большевиков служил». Написать—значит, быть канцелярской волокитѣ.

Я поколебался и написал. Может-быть, чтобы не краснѣть потом и не быть уличенным во лжи.

С превеликим трудом кончил я свое curriculum vitae.

Утром я направился в реабилитаціонную комиссію. Помѣщалась она далеко, в Липках.

Я шел тихо, читая на стѣнах объявленія и воззванія. Формировавшіяся части приглашали своих прежних сослуживцев; разные союзы и блоки расклеивали свои программы и призывы; партизанскіе отряды принимали добровольцами всѣх желавших; воскресали старые полки и звали своих однополчан. Новыя техни-

ческія части искали спеціалистов. Были расклеены выдержки из бурцевских статей против большевиков.

Я нашел, наконец, улицу. Около одного дома я увидѣл толпу офицеров — тут была Реаб. Комиссія. Я вошел во двор.

Во дворѣ толпилось около ста офицеров. Было жарко, и всѣ невольно искали тѣни. Особенно много было народа на террасѣ низкаго, но просторнаго дома. Я направился туда. Какой-то офицер в пенснэ, тонкій, худой, веснушчатый, составлял список.

Я записался. Мой номер был не то 60-й, не то 70-ый.

На всякій случай я встал поближе: очередь-очередью, но чтобы ее кто-нибудь не захватил, я протискался поближе к двери, на которой висѣл список. Комиссія засѣдала гдѣ-то въ глубинѣ дома.

Допрос продолжался минут 10—15. На очистившихся от большевизма» во дворѣ набрасывались с вопросами: как и что? Но тѣ махали руками и уходили поскорѣе.

— Зачѣм эта реабилитація? — спрашивал кого-то капитан с густыми рыжими усами и с инженерским значком, — только проволочка времени. Зарегистрировалось больше 10.000 офицеров. Если на каждаго из них Комиссія потратитъ 5 минут только, то это займет больше мѣсяца.

— Не один, вѣдь, человѣк в комиссіи, — замѣтил бородатый полковник.

— И комиссія не работает круглыя сутки,—отвѣтил инженер.

— Кто эти комиссіи придумал? — спросил тонкій, блѣдный прапорщик, — говорят, раньше их не было.

— Это послѣ взятія Харькова пошло. Тогда добровольцы всѣх желавших попринимали к себѣ. А потом, во время боев, нѣкоторые из этих принятых к большевикам перебѣжали. Теперь вот и боятся этого.

Всѣ замолчали.

В этот день я прождал во дворѣ с 9 часов до трех; за это время комиссія отпустила около 40 человѣк. В три часа предсѣдатель заявил, что занятія кончены. Всѣ пошли по домам. Было пыльно, жарко. Я спустился к Днѣпру, искупался и потихоньку пошел домой. Пройти пришлось мимо контр-развѣдки. Она занимала большую гостиницу на Фундуклеевской, недалеко от Большого Театра. У входа стоял с винтовкой солдатик и тихо что-то напѣвал. Гимнастерка на нем была рваная; сапоги — дырявые. Око-

ло подъѣзда прохаживался ротмистр в серебряных аксельбантах и с хлыстиком в рукѣ.

Из-за угла вдруг вывернулась шумѣвшая и бѣсновавшаяся толпа. Она тѣсно окружила четырех конвойных и молодую полноватую женщину в красном платьѣ. Били ее палками, камнями, кулаками. От ударов голова с короткими стриженными волосами металась во всѣ стороны.

— Кто эта такая? — спросил я у господина, стоявшаго на краю тротуара.

— Говорят, что это знаменитая Роза, которая служила в Чека и собственноручно казнила приговоренных к смерти.

Толстенькій человѣк в сѣром костюмѣ подошел к нам и стал прислушиваться.

— А я думаю, что это ошибка. Навѣрное, Роза ушла вмѣстѣ с Чекой — сказал он.

— Как сказать? — отвѣтил первый, — уже поймали нѣсколько подлинных чекистов; они и сами не скрывали, что работали в Чрезвычайкѣ.

Я пошел дальше.

Около Большого Театра стояла толпа. Чего-то ждали. Остановился и я. Через минуту из боковой улицы вышли четыре конвойных; они вели двух молодых людей, хорошо одѣтых, в котелках, с высокими крахмальными воротничками.

С противоположнаго тротуара неожиданно сорвался пожилой мужчина и стал бить палкой по головѣ одного из арестованных. Должно-быть, бившій был прав, так как битый втянул только голову в плечи и не сдѣлал ни одного движенія уклониться от ударов. Страшно было смотрѣть на лицо бившаго — вся жизнь была сведена к черным безумным зрачкам. Он бил, визжал, кричал что-то о братѣ, о чрезвычайкѣ и был в том состояніи, когда люди не чувствуют смертельной раны.

На другой день я пришел в Комиссію пораньше. Но народу, тѣм не менѣе, было уже много. На дверях, рядом со вчерашним списком, гдѣ была и моя фамилія, висѣл новый. Спорить было напрасно. Подумав, я вписал свою фамилію и во второй список. Часам к десяти во дворѣ уже маялось около трехсот человѣк. На очередь не обращали вниманія. Каждый хотѣл попасть вперед, и на террасѣ, перед дверью, была страшная давка. Я со своей больной рукой остался за флагом. В три часа комиссія прекрати-

ла занятія, пропустив человѣк 50. Остальные уныло разбрелись по домам.

Вернувшись к себѣ, я зашел к знакомому капитану, который жил во дворѣ. Я застал его и еще другого поручика на кухнѣ. Они рѣзали хлѣб тонкими ломтиками, раскладывали их на желѣзном листѣ и сажали в печку.

Я спросил, как у них обстоит дѣло с реабилитаціей.

— Да никак, — отвѣтил хозяин, — сушим вот хлѣб. Потом возьмем котомки, сухарей и пойдем скрываться в лѣсах.

Я обратился к его гостю.

— Уходим,— сказал он...— и вам то же совѣтую сдѣлать....

И то, что он разсказал мнѣ, не было особенно ободрительно.

— Я с мѣсяц жил при добровольцах в С-ѣ. Встрѣтили их мы с колокольным звоном. А потом разочарованія пошли. Всѣ тѣ, которые так или иначе совѣтской власти служили, самый холодный пріем встрѣтили. Ну это еще ничего. Старым запахло и очень даже. А крестьяне-то очень чутки к этому. Про пьянство и дебоширство говорить нечего. Контр-развѣдка что хочет, то и дѣлает. Дѣлает обыски, забирает цѣнныя вещи, арестует, потом откупаться надо.

Ни права, ни правды. В воззваніях об Учредительном Собраніи пишут, а сами все «Боже Царя храни» тянут. Народ-же все видит и слышит. Никакой осторожности, только дѣло погубить могут....

Пожелал им обоим всего хорошаго, пожали мы друг другу руки и разстались. К обѣду пришел хозяин со студентом.

Студент разсказал, что в эпидемическом лазаретѣ, гдѣ он служил конторщиком, начали поговаривать о расформированіи лазарета. Причина — желаніе духовенства открыть поскорѣе семинарію, гдѣ помѣщался лазарет, чтобы не потерять учебнаго года. Что было важнѣе — семинарія или госпиталь, должна была рѣшить новая власть.

В этом госпиталѣ, по словам студента, было нѣсколько большевиков. Накануне прихода добровольцев, по приказу свыше, из всѣх больничных книг, гдѣ было написано: «коммунист», эти страницы были вырваны, а на новых было велѣно написать — гражданин такой-то. Большевики о своих заботились. Добровольческія власти явились в лазарет на один момент и не доискивались, кто там лежит.

На утро я снова зашагал в Комиссію. Несмотря на ранній

час, народу оказалась тьма. Появился третій список. А когда двери, наконец, открылись, об очереди не могло быть и рѣчи; каждый тискался вперед; ругались, толкались, давили друг друга. Списки слетѣли с дверей; их затоптали ногами.

Я ушел с террасы. В толпѣ на меня нападает ужас. С ним я не могу бороться. Я вышел из толпы и сѣл на тумбу во дворѣ. Вблизи, вдвоем на одном кухонном табуретѣ сидѣли загорѣлый штабс-капитан и моложавый подполковник.

— Не попасть, видно, сегодня нам,—замѣтил штабс-капитан.

— Да и завтра тоже вряд-ли, — сказал подполковник, — я давки не выношу. У меня пулей два ребра вышибло.

— Как вы на эту реабилитацію смотрите, господин полковник.

— А как на роскошь — глупую и ненужную.

— Почему? Она все-таки имѣет свои основанія — отдѣлить благонадежных от подозрительных.

— Так то оно так. Но вы можете сказать, напримѣр, сколько всего добровольческих войск в Кіевѣ?

— Нѣт. Офицеров-корниловцев встрѣчал много. А войск, собственно говоря, — так, полу-роту одну всего-на-всего.

— То-то и оно-то. А я и полу-роты этой не замѣтил. Видѣл кадет, с десяток приблизительно. Оборванные, голодные. Кромѣ того, и казармы всѣ пустуют. Значит, войск не особенно много. Если пронюхают об этом большевики, нагрянут на Кіев.

— Что-ж дѣлать?

— Времени не тратить: части надо формировать, вооружать их, ученіе производить. Порядок и дисциплина прежде всего. А там, если и проскочут большевики, это само собой выяснится. При крѣпко сплоченной массѣ они не так опасны будут... — сказал полковник.

Около часа дня вышел предсѣдатель Комиссіи и заявил, что сегодня и завтра Комиссія работать не будет, по случаю перевода ея в другое помѣщеніе.

Всѣ молчали.

— Вы, господа, не сокрушайтесь, замѣтил предсѣдатель, — комиссія переводится в большое помѣщеніе и, кромѣ того, число членов увеличивается втрое. Дѣло пойдет скорѣе.

Всѣ разошлись. Не зная, что дѣлать и куда идти, я тихо побрел по улицѣ. Эти дни были как раз днями раскопок в чрезвычайках. Ближайшая находилась в домѣ Бродскаго. Это был 2-х-этажный особняк. К нему примыкал сад величиной с пол-десятины, а мо-

жет быть, и меньше. Со стороны улицы он был обнесен высоким забором. Никакой щелки я не нашел. Но вблизи забора, у кустов, лежала оставленная кѣм-то лѣстница. Я подставил ее и влѣз. С моего мѣста очень хорошо был виден весь сад и задняя часть дома. Сад, в сущности, состояли з нѣскольких больших тополей по серединѣ и каких-то кустарников по краям, у забора. В самом центрѣ, под деревьями, было нѣсколько полу-отрытых ям. Около одной из них толпилось человѣк пять. Они разглядывали вырытый труп. Немного подальше — каких-то двое людей измѣряли ямы рулеткой. Был и фотограф, щелкавшій все время аппаратом.

Это была одна из самых извѣстных «чрезвычаек». Тут не только содержали заключенных, но, как говорили в народѣ, пытали и казнили их.

За густым кустом сирени слышались голоса. Кто разговаривал — я не мог видѣть.

— У этого студента кожа в таком состояніи, что дѣйствительно можно подумать — не пытали-ли его еще при жизни кипятком.

— А почему у него ногтей нѣт?

— Почему? Вѣроятно, потому что их вырвали.

— Просто не вѣрится.

— А вчерашніе трупы на вскрытіи показали, что они были зарыты живыми.

— Тѣ, кто живут по-близости, говорят, что они часто слышали ночью нечеловѣческіе крики, — сказал третій голос.

— И я слышал об этом, — отозвался второй, — муж с женой, что живут напротив, разсказывали, что они слышали вопли даже сквозь закрытыя окна; чтобы не слышать, они в подушки зарывались. Я видѣл еще и другую чрезвычайку, что в гаражѣ помѣщалась. Вошел — и собственным глазам не повѣрил: стѣны, пол пальца на два обросли чѣм-то темным. Оказалось, что это кровь и мозги: в гаражѣ казнили. Здѣсь истязателем был какой-то молодой еврей, у котораго брата убили петлюровцы, а там обязанность палача исполнял русскій «простой» человѣк. Когда он шел на работу, то болотные сапоги надѣвал и кожаную куртку, чтобы не запачкать костюма.

— Чистоплотный джентльмен — замѣтил кто-то.

Я слѣз с забора и пошел дальше. Остановившись перед самым домом, я задумался — зойти или нѣт? Эти дни чрезвычайки были открыты для жителей, которые искали тѣла своих близких. В этот

момент из дверей вышла старшая сестра хозяина с дамой в черном платьѣ.

— Куда вы? — спросила меня Анна Егоровна.

— Хотѣл-бы посмотрѣть, что внутри там находится, да не знаю. Жутко чего-то.

— Пойдемте с нами. Мы идем теперь в Чрезвычайку, что в генерал-губернаторском дворцѣ помѣщалась. Алиса Викентьевна сына своего ищет.

Пошли вмѣстѣ.

—Весь дом запакощен,разсказывала по дорогѣ Анна Егоровна, — внизу арестованных держали, а наверху чекисты жили,—видно не успѣли всего забрать с собой — серебра много оставили — жбаны, блюда, чаши; тут-же и пустыя бутылки из-под шампанскаго, флаконы от кокаина, видно, трезвому нельзя было работать. А в ванную, гдѣ, говорят, кипятком шпарили — не пустили; там, говорят, какія-то приспособленія нашли, чтобы человѣка силой держать; так до осмотра властями оставили...

Пришли к дворцу. На крыльцѣ стоял часовой; нас пропустили. Полутемный вестибюль был пуст. Против входной двери наверх шла широкая лѣстница, налѣво от нея — узкій корридор.

— Вам что угодно? — спросил нас стоявшій у лѣстницы полковник с Владимиром.

Анна Егоровна объяснила.

— Казненных тут нѣт; но, если хотите, можно осмотрѣть комнаты, гдѣ содержались заключенные. Может-быть, ваш сын оставил гдѣ-нибудь надпись на стѣнѣ.

Полковник зажег свѣчку.

— Идите за мной, без свѣта здѣсь нельзя — слишком темно.

Он вошел в корридор первым. Направо и налѣво шли двери. Когда-то тут помѣщались разныя службы, чуланы, комнаты для прислуги.

Темнота была устроена большевиками искусственно: терраса,куда выходила часть окон нижняго этажа,была забрана досками. Затѣм были заколочены и окна,выходившія на эту террассу. Так как этого чрезвычайным архитекторам показалось недостаточно, то они забили и полустеклянныя двери, дававшія свѣт второму, внутреннему ряду комнат, которыя выходили прямо в корридор. В итогѣ получилась тьма кромѣшная.

Какая была цѣль держать заключенных в مракѣ? — Эту тайну кіевскіе чекисты увезли в Гомель.

Были и свѣтлыя комнаты. Тут между Божьим свѣтом и заключенными была только толстая желѣзная рѣшетка.

В одной из них, на стѣнах, на двери, на подоконникѣ, всюду были надписи, оставленныя заключенными.

«Завтра меня казнят. Прощайте товарищи. Матрос Голыпенко».

«Раковскій жрет до отвалу, а народ голодает»...

«Мнѣ стыдно, что я был коммунистом»...

Половину боковой стѣны занимала большая картина, исполненная, видимо, рукой художника; вѣроятно за отсутствіем всяких других красок, она была написана только черным и красным.

Картина изображала длиннаго тощаго еврея с горбатым носом, с пейсами, в балахонѣ и туфлях. За руку он держал маленькаго еврейчика с таким же носом и пейсами. На веревочкѣ за собой, вмѣсто игрушки, еврейчик катил пулемет. И оба они — отец и сын, с радостным изумленіем глядѣли на поле, покрытое красными маками; из каждой чашечки цвѣтка смотрѣл на свѣт Божій еврейчик.

Под картиной была надпись «Цвѣты коммунизма». В этой чрезвычайкѣ мы ничего не нашли и пошли домой. Около анатомическаго театра я разстался с Анной Егоровной и ея знакомой — онѣ пошли смотрѣть тѣла, а я — домой.

II.

Через день я снова пошел в Реаб. Комиссію. Она была переведена в прекрасный особняк по Левашовской улицѣ. Комиссія занимала верхній этаж. Нижній пустовал. Она еще не начинала занятій, а в вестибюлѣ, у входа и на дворѣ уже толпилось человѣк триста; день обѣщал быть очень жарким. Чтобы не томиться в духотѣ перед дверями, кто-то составил список и повѣсил его на стѣнѣ. Около девяти Комиссія начала работать. Сначала все шло хорошо. Но потом очередь стала перебиваться группами офицеров, приходивших с записками от генерала Драгомирова. Их пропускали не в очередь. Это были офицеры из «кіевских офицерских рот»; эти роты составляли гарнизон города и несли караульную службу. Но ни деньгами, ни пищей они обезпечены не были, несмотря на всѣ старанія генерала Драгомирова. И

потому большинство офицеров в эти роты не шло. Около полудня случилось какое-то происшествіе, но сперва никто не могу знать, в чем дѣло. Одни говорили, что нашли адскую машину, другіе — что кто-то из комиссіи оказался большевиком, третьи — о каком-то большевистском заговорѣ; но слухи были расплывчатые, неопредѣленные. Никто не знал, откуда они пошли. Толпа нервничала. И, как на зло, двери в залу, гдѣ засѣдала комиссія, долго не открывались. Наконец, обѣ половинки, послѣ томительнаго ожиданія, распахнулись. Под конвоем вывели какого-то офицера; лица его увидѣть не удалось.

«Хорош гусь», заговорили в толпѣ, «хороша и комиссія».

Дѣло оказалось в слѣдующем: к одному из членов Комиссіи явился кавалерійскій поручик и представил самое безупречное curriculum vitae вмѣстѣ с послужным списком. Документы не вызвали никаких подозрѣній. На вопрос — есть ли у него знакомые в Добровольческой арміи поручик сказал, что он лично знаком со многими начальниками добровольческих частей. Дальше его уже не стали спрашивать и начали писать соотвѣтствующую бумажку, с которой поручик мог поступить повсюду. Но, к несчастью, в этот момент к нему подошел кто-то из реабилитирующихся и заговорил. Обнаружилось, что о лошадях и военном дѣлѣ поручик имѣл очень туманныя понятія и нѣсколько раз сбивался. В концѣ-концов кавалерист оказался коммунистом и слѣдователем не то Черниговской, не то Гомельской чеки и когда-то лично допрашивал офицера, узнавшаго его в комиссіи.

— Поймали-то одного, а сколько их могло пройти, — говорил тонкій блѣдный офицер.

— Большевикам документы достать ничего не стоит, у них всѣ почти архивы в руках, — отвѣчали ему.

Своей очереди мнѣ пришлось ждать еще нѣсколько дней. Наконец, послѣ большой давки, мнѣ удалось проникнуть за двери. Я очутился в большой свѣтлой залѣ, оклеенной дорогими серебристыми обоями. За столиками, у стѣн сидѣло 10 — 12 человѣк «реабилитаторов». Самым старшим из них был артиллерійскій подполковник; я его знал лично. Он нѣсколько раз заходил к моему хозяину. При большевиках подполковник служил на «курсах красных командиров». С точки зрѣнія добровольческих властей, этот факт был предосудительным; но среди преподавателей этих курсов находилось лицо, близко стоявшее к верхам Добр. Арміи. Им, т. е. этим лицам, всѣ преподаватели были

аттестованы Бредову «самым отличным образом», как элемент благонадежнѣйшій. Бредов избавил весь персонал курсов от всяких реабилитацій и слѣдствій, и нѣкоторые из преподавателей были, сверх того, назначены в Реабилитаціонную Комиссію.

Увидѣв подполковника, я шагнул-было к его столику, но он сдѣлал «невидящіе» глаза, встал и вышел в сосѣднюю комнату. Я оглядѣлся. Остальные «реабилитаторы», люди все молодые, большей частью прапорщики и поручики, были заняты тихими разговорами с реабилитирующимися. Пройдя вперед, потом вернувшись назад, я, наконец, поймал свободное мѣсто и в порядкѣ спѣшности занял его. Несуразно-высокій, тощій, с безрадостными глазами и сѣрым лицом, поручик равнодушно взглянул на меня. На его погонах виднѣлись пушки, на лѣвой рукѣ — обручальное кольцо. Глазами он мнѣ показал на стул, стоявшій напротив. Порывшись в карманах, я вынул уже слежавшееся от долгой носки curriculum vitae и передал его вмѣстѣ с регистраціонной карточкой поручику.

Наш colloquium начался. Он был не длинен. Я ему разсказал на словах содержаніе бумажки и замолчал. Услышав, что я служил у большевиков, поручик оживился и, читая, подчеркнул это мѣсто красным карандашем. Потом он записал мое curriculum vitae в толстый журнал, похожій на гросс-бух, стукнул штемпелем и поставил номер. Продѣлав, не спѣша, всѣ эти канцелярскіе обряды, поручик задумчиво почесал длинный нос, вынул платок и чихнул.

«Будьте здоровы», совершенно машинально я пожелал ему.

Он кивнул головой, оторвал клочек бумаги, написал на нем номер моего curriculum vitae, стукнул еще по клочку штемпелем и протянул бумажку мнѣ.

— Что это?

— Это номер, за которым ваше дѣло отсылается в Контр-развѣдку.

— Но при чем-же тут Контр-развѣдка?

— Она на основаніи своих данных должна рѣшить о характерѣ вашей службы у большевиков.

— Когда-же мнѣ надо будет туда явиться?

— Сегодня мы пошлем ваше дѣло; завтра, быть может, его разсмотрят. Послѣ завтра я думаю.

Наш разговор кончился.

Через день я отправился в Контр-развѣдку. По сравненію

с Реабилитаціонной Комиссіей, она имѣла тот плюс, что находилась от меня вдвое ближе, цѣликом занимая громадную гостиницу на Фундуклеевской, между Крещатиком и Б. Владимірской.

У подъѣзда стояла густая толпа родственников арестованных. Их не пускал стоявшій у входа солдатик с винтовкой. Фуражка съѣхала у него на самый затылок, все лицо было в поту, из под гимнастерки высовывался ворот нижней рубашки.

— Нельзя-ж, — повторял он, отражая толпу, — говорят нельзя, не приказано...

Я протолкался через толпу, но в самых дверях солдат загородил мнѣ дорогу.

— Никого не велѣно пускать...

— Но мнѣ приказано явиться сюда. Я из Реабилитаціонной Комиссіи.

— Я уж не знаю, как будет. Ротмистр кричать будет...

В этот момент толпа особенно поднаперла, и я, как билліардный шар, вкатился в большой, прохладный вестибюль.

Народу, несмотря на запрещеніе, в Контр-развѣдкѣ было много. Но уходили и приходили через особыя боковыя двери.

Стоявшій на верхней площадкѣ ротмистр, брюнет, с шуллерскими глазами, увидѣв меня, напустился на солдата.

— Тебѣ было сказано — никого не пускать, — загремѣл ротмистр, — а у тебя разная сволочь проходит.

— Да у них дѣло было, — оправдывал и себя и пропущенную им сволочь солдатик.

— Дѣло было, — передразнил ротмистр, — а ты уже уши развѣсил, как баба беременная. Если еще какой-нибудь стрекулист будет ломиться — прикладом в рожу. Без разговорчиков.

Я попробовал объяснить, в чем дѣло. Дѣлая вид, что он не слышит меня, ротмистр продолжал ругать солдата; но на дѣлѣ вся грубая и площадная ругань цѣликом относилась ко мнѣ. Понимали это всѣ: солдатик, я, толпа у дверей и тѣ, кто проходили мимо.

Кровь хлынула мнѣ в голову. Но мнѣ надо было сдержать себя, и я сдержал. Пошатываясь, я пошел наверх. Тут на одной из площадок я остановился перевести дух. По длинному коридору толклось много народу. Были мужчины, были женщины; подняв головы, искали глазами номера комнат; на многих дверях была надпись «вход запрещается».

Мимо меня провели под конвоем уланскаго офицера, чуть хромого, лицо у него было худое, костистое; на груди висѣло множество боевых орденов. Поднимавшійся за мной капитан окликнул улана.

— Откуда вы? Что с вами? — спросил, здороваясь, капитан.

— Из Лукьяновской тюрьмы отвѣтил улан, — на допрос сюда привели.

— Да в тюрьму-то как вас угораздило попасть?

— Недѣлю тому назад у нас в домѣ обыск был. Коммуниста какого-то искали, но не нашли. Стали по всѣм квартирам его искать; и у нас были; у жены шубка лисья пропала и палантин котиковый. Я написал начальнику Контр-развѣдки о пропажѣ и просил вернуть вещи. А на меня вдруг донос поступил, что я большевикам сочувствовал и помогал им.

— И много офицеров в тюрьмѣ сидит?

— Больше сотни.

— И коммунисты есть?

— Их-то меньше. Они смѣются над нами — служили бы у нас, так по тюрьмам не сидѣли бы. И прямо говорят: мы от Контр-развѣдки всегда откупиться можем. И откупаются. Их то и дѣло выпускают, а нас маринуют.

— Идемте, господин поручик, а то время идет, — сказал один из конвойных.

Я отправился дальше; на самом верхнем этажѣ в полу-темном корридорѣ я увидѣл длинную, унылую вереницу упиравшуюся в крайнія двери. За этими дверями и разбирались наши дѣла.

Я встал в очередь. В ожиданіи, завязывались короткіе, перелетавшіе с предмета на предмет разговоры. Касались всего по-немножку; говорили также о возможностях и способах существованія.

Когда, наконец, я вошел в комнату, гдѣ разбирались наши дѣла, первое, что бросилось в глаза, был большой деревянный стол заваленный бумагами. За столом сидѣл товарищ прокурора, еще сравнительно молодой, но уже совсѣм лысый, с небольшой бахромкой черных волос на шеѣ и около ушей. Я показал ему номер своего дѣла. Он порылся и не нашел.

— Приходите завтра, — коротко бросил он.

— Будьте добры, — сказал я ему, — дайте мнѣ бумажку на право входа в зданіе Контр-развѣдки.

— Зачѣм это?

— Сегодня меня не хотѣли пропустить. А когда я вошел, то один из здѣшних офицеров закричал на солдата, зачѣм он всякую сволочь сюда пускает.

— Хорошо. Я скажу, чтобы приходящих из Реаб. Комиссіи пропускали без препятствій.

Я вышел.

На другой день меня дѣйствительно пропустили без разговоров. Я встал в очередь. На этот раз, мое дѣло было найдено скоро. Пока товарищ прокурора читал curriculum vitae, я стоял и глядѣл на стул около стола: присѣсть или ожидать приглашенія. Но приглашенія не было. В тот момент, когда я рѣшился сѣсть, не ожидая приглашенія, товарищ прокурора что-то быстро зачеркал на листочкѣ бумажки. Потом он остановился и задумался.

— Так вы у большевиков служили?

— Служил.

— Кто за вас может поручиться?

— В каком смыслѣ?

— Что вы не большевик.

— Сами большевики.

Товарищ прокурора усмѣхнулся.

— Мы, кажется, начинаем шутить.

— Нисколько.

— Есть у вас знакомые в Добр. Арміи , которые могли бы поручиться за вас.

— Не знаю. Может быть, и есть.

Товарищ прокурора замолчал, побарабанил пальцами по столу и снова принялся за писаніе. Исписав листок, он протянул его мнѣ.

— Подпишитесь, пожалуйста.

— Что это?

— Я должен с вас взять подписку о невыѣздѣ.

В глазах у меня закружились звѣзды. И, глядя на пуговицу прокурорскаго жилета, я спросил его:

— Что-же я должен дѣлать дальше.

— Зайдите дня через три — четыре, надо подождать, пока о вас не наведут справок.

Я уже тут не выдержал.

— Господин прокурор, позвольте спросить, когда-же это кончится? Мнѣ тяжело ходить и подниматься по лѣстницам.

В корридорѣ приходится ждать часами. А я раненый и больной; вы же мнѣ даже сѣсть не предложите. У меня нѣт документов, поэтому я кажусь подозрительным. Но кто-ж из тѣх, кто бѣжал от большевиков, имѣет документы?

— Я ничего не могу подѣлать — служба, — отвѣтил товарищ прокурора.

На наши голоса из сосѣдней комнаты вышел полковник с сѣдой бородой, в жандармских погонах, с аксельбантами и сѣрыми щупающими глазами.

— Что у вас тут такое?

— Да вот, по его мнѣнію, — и прокурор кивнул на меня головой, — дѣло не скоро дѣлается. Ходить много приходится, а он раненый.

— Так вы недовольны, молодой человѣк, — ласково улыбнулся старый жандарм, — а документиков, небось нѣт?

— Я, господин полковник, имѣю чин и затѣм я вовсе не молодой человѣк. Документов у меня нѣт. Но моего дѣда хорошо знают в Сенатѣ.

— А как его фамилія будет?

Я назвал фамилію отца матери.

— А как-же слышал, слышал, сенатор первоприсутствующій, выдающійся юрист, — подхватил прокурор.

Картина перемѣнилась. Но и дѣд не спас меня от повторной явки через три дня.

Домой я пришел в придавленном состояніи.

На слѣдующій день утром, по случаю какого-то праздника, на Софійской площади был парад. Участвовало в парадѣ человѣк 200. Принимал парад генерал Драгомиров. На нем была легкая, свѣтлая шинель с красной подкладкой, на головѣ — свѣжая, еще не видавшая походов, фуражка, на груди, во время ходьбы, покачивались ордена; на лакированных сапогах блестѣли шпоры. Словом, одѣт он был гораздо лучше остальных, и это дѣлало его в своем родѣ неприличным. Насмотрѣвшись на парад, я пошел бродить по городу.

Недалеко от собора, у столба для афиш, собралась толпа и что-то читала.

Подошел и я. Это было воззваніе, обращенное к крестьянам. Начиналось оно словами:

«Братья — крестьяне»...

Братья — крестьяне, которые по случаю праздника в боль-

шом количествѣ пріѣхали в Кіев, читали воззваніе с большим вниманіем; кто не умѣл читать, тот внимательно слушал других; всѣ были заинтересованы — дѣло касалось земельнаго вопроса.

Очень мягкими выраженіями что-то говорилось о землѣ вообще, о помѣщичьей как-то особо, потом шла рѣчь об урожаѣ, о посѣвѣ. Братьям предлагалось что-то вернуть, что-то подѣлить; за это им обѣщалось что-то дать. Все было прекрасно. К сожалѣнію, было только неясно: что кому надо вернуть, что с кѣм надо подѣлить, кто и что послѣ этого получит.

«Чоловікі» читали воззваніе серьезно; не поняв с перваго раза, они перечитывали его и второй, и третій. Они относились к дѣлу добросовѣстно. Потом, молча, удалялись. Ни одобренія, ни порицанія.

Кто-то обронил только два слова:

«Знов паньщина»...

Не помню, кѣм было подписано воззваніе. Это время было как раз моментом глубокаго продвиженія вперед Добр.-Арміи; и по мѣрѣ того, как она продвигалась, все яснѣе обрисовывалась реакція.

Выждав еще нѣсколько дней, я снова отправился в Контрразвѣдку. О чем мы говорили на этот раз с плѣшивым товарищем прокурора — я не помню; помню только конец нашей бесѣды — мое дѣло отсылалось в военную судебно-слѣдственную комиссію. Я вышел. В корридорѣ меня окружили офицеры, ожидавшіе очереди.

— Что, как, кончилось, наконец? — посыпались вопросы.

Я объяснил, что дѣло еще не кончилось, и что из Контрразвѣдки дѣла пересылаются в другую Комиссію. «Что они дѣлают, что они дѣлают?» горячился капитан-сапер, «вѣдь уже офицерство разбѣгаться начало. Только и слышишь — один арестован, другой арестован. А за что? Что большевикам служили? Важное дѣло — служили... Надо знать, как и каким сердцем служили»...

Я вышел на площадку и присѣл на стул. В головѣ кружились новыя странныя мысли.

Почему меня, человѣка ни в чем неповиннаго, за мое ясно выраженное и доказанное нежеланіе служить большевикам, заставляют ходить по разным комиссіям и контр-развѣдкам, заставляют терять время и убивают всякій порыв и желаніе?

И кто мог поручиться, что вот тут, среди этой толпы, нѣт

какого-нибудь большевика, который все видит, наблюдает, запоминает лица и даже записывает?

Я направился к выходу. Посѣтителей и посѣтительниц в коридорах толкалось видимо-невидимо. Что дѣлали здѣсь эти люди? Большинство было одѣто не только прилично, но и элегантно, на лицах не было особой заботы.

Выйдя из Контр-развѣдки, я с удовольствіем подумал, что с ней кончено, и являться туда больше не надо. Никому не нравилось это учрежденіе. Даже снисходительный к ошибкам добровольческой администраціи Шульгин писал в своем «Кіевлянинѣ», что, к сожалѣнію, Кіевская Контр-развѣдка не стоит на высотѣ своего призванія. Это было им написано по поводу служившаго в ней полковника Судейкина. О сущности дѣла ничего не говорилось; но видимо Судейкин сотворил нѣчто весьма выдающееся и малопохвальное даже с точки зрѣнія текущаго сумбурнаго момента. Офицеры из Контр-развѣдки, сколько я их не видѣл, всѣ были сдѣланы, как будто, на одну колодку.

Выхоленные, вылощенные, упитанные, с розовыми ногтями на бѣлых, не знавших никакого труда, пальцах, — они походили скорѣе на сутенеров или шуллеров высокой марки. Они были надменны, недоступны, носили драгоцѣнныя кольца, браслеты, курили из золотых портсигаров, не знали счету деньгам. Боевое офицерство, не стѣсняясь, презирало их и называло «большевистскими подбрехачами».

В первые-же дни по прибытіи Контр-развѣдки в Кіев, был арестован и посажен в тюрьму видный большевик, служившій в Управленіи Юго-Западных ж. д. и занимавшій там важный пост.

А через двѣ-три недѣли знакомый служащій из этого Управленія разсказывал хозяину, что арестованный вернулся обратно и работает по-прежнему; освобожденіе стоило ему один милліон керенками.

Откупались и другіе большевики.

А в том-же «Кіевлянинѣ» приводилась исторія одного офицера-академика, который прибыл в Кіев с женой, рискуя не только своей собственной жизнью, но жизнью и честью жены. Документов у него не оказалось, не то он их потерял, не то их отняли большевики. Контр-развѣдка засадила его в тюрьму. Заключеніе вывело несчастнаго из душевнаго равновѣсія: он психически заболѣл. Жена, оставшаяся на улицѣ, обращалась

ко всѣм властям, но без успѣха. Она дошла до того, что стала на улицах просить милостыню. Кто-то из знакомых встрѣтил ее и посовѣтовал обратиться къ Шульгину. Тот напечатал эту исторію в газетѣ. Что было дальше — я не знаю.

В Лукьяновской тюрьмѣ, как я уже сказал, сидѣло много офицеров; многіе были посажены по анонимным доносам, обвинявшим их то в большевизмѣ, то в сочувствіи большевикам.

Однажды в Контр-развѣдкѣ я встрѣтил среди арестованных, которых привели для допроса, двух знакомых еще по плѣну офицеров. У одного отец был директором громаднаго сахарнаго завода, другой сам был кіевским домовладѣльцем. Оба обвинялись в большевизмѣ и оба были арестованы по доносу. У них не было никаких сомнѣній, что доносы были состряпаны большевиками.

— Остроумный народ большевики — говорил домовладѣлец, — они дѣло поставили так, что всѣ им служат, даже это самое учрежденіе. Большевики-то на тѣх, кто им непріятен, доносы пишут, а Контр-развѣдка их арестовывает. Привели меня в первый раз на допрос, а прокурор увидѣл меня и глаза выпучил, знакомым оказался». «Давно-ли вы коммунистом стали?» спрашивает. «Да никогда им и не был, ибо буржуй есмь». Поговорили мы с ним, обѣщал немедленно выпустить; при мнѣ бумагу написал, подписал и в тюрьму отправил. Однако не выпустили. Привели снова к тому-же прокурору.

— Вы еще сидите?

— Сижу.

— Чепуха какая-то.

— Отвели опять. А позавчера один такой коммунистик говорит мнѣ: «я завтра из тюрьмы выхожу. Напишите вашей супругѣ записку, чтобы она мнѣ 100.000 рублей думскими выдала. А на прокурорскія бумаги с высокаго дерева наплюйте. Не помогут». Начали торговаться — нельзя ли подешевле. Не уступил, а только сказал: «меньше взять — не могу, а кого-нибудь заодно с вами освободить — дѣло возможное. А кого — выбирайте сами». Ну я и выбрал коллегу по плѣну. И вчера, значит, коммунист на свободу вышел, а сегодня нас обоих уже сюда привели. Видно, коммунистическія связи подѣйствовали.

А через полтора часа я видѣл того и другого на улицѣ без всякаго конвоя.

Случаи освобожденія Контр-развѣдкой завѣдомых коммунистов были нерѣдки.

Как я уже говорил, многіе и многіе из боевых и награжденных офицеров безнадежно томились в тюрьмѣ. Не раз Шульгин поднимал на страницах «Кіевлянина» вопрос о безполезности и вредѣ подобнаго отношенія к офицерству. Писал он сам по этому поводу, писал и читал на эту тему и от. Петров, котораго измученные, униженные, а очень часто и голодные офицеры просили повліять на тѣ сферы, от которых это зависѣло, чтобы уничтожить или, по крайней мѣрѣ, смягчить унизительную процедуру реабилитаціи, приведшей к тому, что офицерская толпа стала быстро рѣдѣть. Куда исчезали люди — трудно сказать: одни шли в партизанскіе отряды, гдѣ не спрашивали никаких документов, другіе уходили к Петлюрѣ, третьи оставались дома, а кое-кто возвращался и к большевикам.

III.

Выждав два дня, я направился в Судебно-слѣдственную комиссію. Помѣщалась она на Крещатикѣ, против большого крытаго базара, и занимала длинную, высокую гостиницу. На втором этажѣ, в самом концѣ корридора, против четырех дверей, я увидѣл четыре группы ожидавших. Я встал туда, гдѣ было меньше народа. Дѣло шло скорѣе, чѣм в Контр-развѣдкѣ, и к концу занятій я был принят молодым привѣтливым блондином с университетским значком. Мой, не знаю как его назвать, судья, слѣдователь, адвокат, предложил мнѣ сѣсть, потом спросил мою фамилію. Я отвѣтил. «Вы ошиблись дверью», — сказал он, у меня дѣла тѣх лиц, фамиліи которых начинаются от А до И. А ваше дѣло должно находится у моего коллеги рядом». «Но мнѣ никто ничего не сказал», отвѣтил я, «а ждать пришлось цѣлый день». «На двери есть записка», «Но я близорук и в корридорѣ совершенно темно». Блондин подумал и поднялся. «Я пойду возьму ваше дѣло. Подождите меня». Через минуту он вернулся, сѣл, почитал обросшее бумажками мое curriculum vitae и заявил, что мнѣ надо привести двух свидѣтелей, которые удостовѣрили-бы истинность всего того, что мною сообщено.

На том мы и разстались.

Я шел и думал — кого-бы мнѣ пригласить в свидѣтели. Но кромѣ хозяина и студента я не имѣл в Кіевѣ знакомых. Оба они согласились охотно.

На другой день я отправился в комиссію с хозяином.

В полдень слѣдователь пригласил моего хозяина в кабинет, а я остался ждать у дверей. Прошло минут десять. Наконец, из кабинета вышел хозяин и, так как моего присутствія больше не требовалось, мы вдвоем пошли домой. Дорогой он разсказал, что сначала его заставили дать свѣдѣнія о самом себѣ и показать свой паспорт. И уже послѣ этого слѣдователь стал допрашивать обо мнѣ: давно-ли он знает, и правда-ли то, что я сообщил о себѣ.

На другой день я сводил и студента.

Когда и тот дал свои показанія, слѣдователь позвал меня и прочитал постановленіе.

В нем сообщалось, что на основаніи свидѣтельских показаній таких-то и таких-то лиц в дѣятельности такого-то ничего не было вреднаго и противнаго интересам Добровольческой арміи. Заключенія не помню: не то считать по суду оправданным, не то что-то в этом родѣ. Под этим постановленіем слѣдователь расписался. Дѣло шло еще на утвержденіе к коменданту города и от него снова возвращалось в Комиссію. На основаніи этого утвержденія, Комиссія выдавала бумажку, очищавшую от подозрѣнія в большевизмѣ.

Я вышел со студентом на улицу.

Теперь уже можно было подумать, гдѣ-бы и как-бы устроиться. В душѣ был темный, но все-таки опредѣленный зов на юг: хотѣлось поѣхать в Ростов или Таганрог, гдѣ я надѣялся встрѣтить знакомых.

Через нѣсколько дней я отправился в комендантское управленіе. Когда я вошел в пріемную, там было два генерала, три полковника, двѣ дамы с покорными, словно запуганными лицами, и грузный мужчина с толстой багровой шеей, похожій на подрядчика. Вся эта компанія сидѣла вдоль стѣн и молчала. Я направился к дежурному навести справку.

Почувствовав, что за ним кто-то стоит, дежурный обернулся.

— Вам что коллега?

Я объяснил.

— Дѣла из Судебно-слѣдственной комиссіи поступают в военно-полевой суд при комендантѣ. Ступайте наверх, там вам покажут, гдѣ помѣщается полевой суд.

Я отправился наверх. Послѣ долгих поисков и безполезных спрашиваній у встрѣчных, в самом концѣ длиннаго и извилистаго

коридора, я нашел группу офицеров, молча созерцавших дверь с вывѣской: «Военно-полевой суд».

Я уже занес руку, чтобы постучать, но в этот момент мнѣ бросилась в глаза надпись: «просят не безпокоить» и рядом другая—«вход строжайше воспрещается». И невольно, словно ожженная, рука опустилась. Я стал к стѣнкѣ и рѣшил ожидать дальнѣйших событій.

— Я уже стучал, — сказал мой сосѣд, увидѣв мой жест, — сначала никто не выходил. А потом кто-то открыл дверь, что-то буркнул и снова заперся.

— Да, — вздохнул капитан, сидѣвшій на корточках против двери и уныло созерцавшій надписи, — я съѣл свой портсигар, продал на вѣс Владимира и обручальное кольцо. Как быть дальше?.

Всѣ промолчали. Прошло нѣсколько минут. За дверью было тихо, как в могилѣ. Наконец, капитан поднялся, чертыхнулся и постучал в дверь. Послѣ нѣсколько-кратнаго стука изнутри послышался шорох, и дверь начала открываться. Благоговѣйный страх охватил нас и всѣх заставил склониться в почтительном поклонѣ. Дверь дѣйствительно открылась, и пробыв в этом положеніи нѣсколько мгновеній, снова закрылась.

Но как бы там ни было, сношенія с потусторонним міром были завязаны. Посредством стуков еще раз удалось вызвать скрытое дверью таинственное существо, но в видѣ уже болѣе гнѣвном и осязательном. Оно объявило, что дѣла будут докладываться Коменданту, по мѣрѣ их поступленія из Комиссіи. А список лиц, дѣла которых Комендантом разсмотрѣны, утверждены и отосланы обратно, будет вывѣшиваться на дверях. Дав всѣ эти свѣдѣнія, супра-натуральное существо, принявшее форму жандармскаго полковника, рѣшительно исчезло. Сеанс со стуком кончился. Что-же нам послѣ этого оставалось дѣлать, как не разойтись?

И мы разошлись.

Нѣсколько дней спустя я вышел послѣ обѣда пройтись по городу. Артиллерійская стрѣльба, которая была слышна уже с самаго утра, стала, как будто, еще отчетливѣе и ближе. Но, не придав этому большого значенія, я пошел к Большой Владимирской. Не успѣл я сдѣлать и половины дороги, как раздались раз за разом два тяжелых разрыва. Потом еще и еще.

По одной из боковых улиц я свернул на Подол, откуда

доносились разрывы. А с Подола уже мчалась встревоженная толпа. Мужчины несли тюки, женщины — дѣтей. Лица были перепуганныя, висѣло в воздухѣ одно только слово— «большевики». Оказалось, что большевики пытались ворваться в город со стороны Днѣпра.

Все дѣло кончилось артиллерійской перестрѣлкой. Но это событіе показало всѣм, что большевики не так далеко от города и что большевистская угроза — не пустой звук. Кромѣ того, насколько можно было замѣтить, в момент нападенія в самом Кіевѣ никаких войск не оказалось.

Прошла еще недѣля. Я исправно ходил в Комендантское Управленіе, надѣясь найти в спискѣ свою фамилію. Но Комендант видимо не торопился, и не только своей фамиліи, а зачастую я не видѣл и самого списка. Стучать-же в дверь, в виду явной безполезности, я не хотѣл.

Однажды, это было в концѣ сентября или в самом началѣ октября, мы встали с хозяином раньше, чтобы занять мѣсто в очереди за хлѣбом. Утро было промозглое, туманное. Очередь, несмотря на ранній час, собралась большая. Понемногу двигаясь, я вошел наконец в самую пекарню. Тут было тепло и пріятно пахло свѣже-выпеченным хлѣбом. Получив свою долю, я с облегченным сердцем вышел на улицу и направился домой.

Я шел и прислушивался к стрѣльбѣ: мнѣ казалось, что за два часа моего стоянія в хвостѣ она стала гораздо ближе. Но на улицах тревоги не замѣчалось. Явившись домой, я был очень голоден и с большим удовольствіем принялся за горячій чай и теплый хлѣб. Жизнь сразу показалась болѣе привлекательной. Но наше мирное чаепитіе неожиданно было прервано тяжелым гулом, от котораго задребезжали всѣ окна.

Я схватил фуражку, накинул шинель и выбѣжал во двор. Артиллерія била еще ближе; пулеметы строчили во всю. Говорили, что большевики заняли окраину Кіева.

Я стоял и думал: что-же дѣлать? Еще наканунѣ вечером всѣ учрежденія, штабы, Контр-развѣдка были на своих мѣстах и не думали эвакуироваться.

Я рѣшил пойти на Крещатик и узнать, в чем дѣло. Проходя мимо Контр-развѣдки, я ничего особеннаго не замѣтил: был какой-то праздник, и двери были закрыты. Я побѣжал дальше, разсчитывая, что многочисленныя вербовочныя канцеляріи, на-

ходившіяся на Крещатикѣ, могли лучше знать положеніе дѣл благодаря сосѣдству со штабом Бредова.

На бѣду, чорт меня занес в канцелярію не-то Конно-гвардейскаго, не то Кирасирскаго полка. В большой комнатѣ я увидѣл трех здоровых корнетов. Один из них, стоя перед зеркалом, дѣлал пробор на головѣ, а два других играли в шахматы.

— Вам что угодно? — спросил меня один из шахматистов.

Я разсказал, в чем дѣло.

— Какіе там большевики, — отозвался корнет, дѣлавшій пробор, — там гдѣ-то стрѣляют, а тут сѣют панику. Откуда вы выдумали, что большевики в Кіевѣ?

— Я не выдумал: во-первых, артиллерія близко стрѣляет, во-вторых, сами жители говорят, что окраина Кіева уже занята большевиками...

— Они шаг пройдут, а их агенты кричат, что они версту сдѣлали... — сказал второй шахматист.

— Странно, странно — разсуждал корнет с гребенкой, — у нас-то никаких нѣт распоряженій, хотя генерала Бредова я лично знаю и вчера еще его только видѣл. А вот у вас есть какіе-нибудь документы?

— Никаких.

— Регистраціонная карточка, если вы офицер.

— И карточки нѣт. Мое дѣло у коменданта.

— Ах вот как... Василій, — крикнул он в другую дверь.

Вошел широкоплечій мускулистый солдат.

— Возьми вот этого господина, — и корнет указал на меня. — и постереги его, да хорошенько смотри. Понял?

— Понял, господин корнет.

Василій провел меня в небольшую комнату, гдѣ были сложены старые тюфяки. Я был да такой степени ошеломлен, что сдѣлался покорнѣе барана. Мой сторож, с порога, с любопытством глядѣл на меня..

— Большевик вы ай нѣт? — дружелюбно спросил он.

Я махнул рукой.

— Надысь как-то зашел сюда записываться один. Стали с ним говорить, а на дѣлѣ выяснилось, что большевик он. Ну арестовали его, в Контр-развѣдку направили.

Я молчал, сидя на старом измочаленном матрасѣ.

Василій запер двери и ушел. Мелькнула мысль — нельзя-

ли убѣжать. Комната представляла собой небольшой чуланчик с узким окном. Дверь была жицкая, стоило только упереться в нее спиной, и она слетѣла бы с петель. Но без шума этого сдѣлать было нельзя. Меня могли схватить и пристрѣлить без далнѣйших разговоров. Я рѣшил немного подождать. Сперва в чуланчикѣ ничего не было слышно. Потом, минут через 15, послышались гдѣ-то шаги, разговоры, торопливый топот ног. Затѣм все смолкло. Я подошел к двери и стал ее разглядывать, отыскивая болѣе податливыя мѣста. В этот момент снизу донесся звонкій, быстро-приближающійся топот: кто-то бѣжал по мраморной лѣстницѣ в подкованных гвоздями сапогах. Мелькнула мысль, что это за мной. Я не ошибся. Топот остановился у моей двери. Застучал о замок ключ. Дверь открылась. Передо мной был Василій. На боку у него был наган, а на ногах — тяжелые «танки», как назывались у добровольцев англійскіе солдатскіе сапоги.

— Бѣги, товарищ, — крикнул он, —большевики подходят... Наши-то приказали тебя докончить, да чорт с ними. Всякій жить хочет. Они уже на автомобилѣ, на улицѣ. Ты тут подожди с минутку, пока мы не уѣдем.

И также бѣгом он ринулся вниз.

Я сдѣлал, как говорил Василій. Минут через пять я уже снова был на улицѣ. На Крещатик, со стороны Фундуклеевской и параллельных ей улиц, вливалась паническая волна. «Большевики» — носилось вокруг. К проходившим и проѣзжавшим небольшим группам военных ошалѣвшіе от страха жители кидались с вопросами — что дѣлать, бѣжать или оставаться?

Но военные сами ничего не знали; и толпа, густѣвшая с каждой минутой, не довѣряя уже больше никому и ничему, брала направленіе к Цѣпному мосту.

Я стоял и думал — что-же дѣлать дальше?

В это время показался автомобиль и, слѣдом за ним, — верховые кубанцы. Проѣзжая, автомобилисты и кубанцы во множествѣ разбрасывали около себя какіе-то листки. Один из этих листков упал около меня. Я подобрал его. Это было воззваніе от Кіевскаго губернатора, обращенное к жителям. Губернатор сообщал, что ночью большевики сдѣлали небольшой прорыв, но этот прорыв уже удалось ликвидировать, около четырех тысяч большевиков взято в плѣн, и жители спокойно могут возвратиться к себѣ.

На нѣкоторых это воззваніе подѣйствовало успокоительно, и они тут-же, с листками в руках, повернули обратно.

Повѣрил и я. Но вмѣсто того, чтобы отправиться домой, я поднялся наверх, в Липки, посмотрѣть, что дѣлается на тѣх улицах, которыя вели к Цѣпному мосту.

Когда я проходил мимо генерал-губернаторскаго дворца, гдѣ помѣщалась комендантская рота, меня остановил ходившій по тротуару поручик-дневальный.

— Вы кто такой? — спросил он меня.

Я назвал свою фамилію.

— Вы военный?

— Да...

— Офицер?

— Офицер, — теперь я в періодѣ реабилитаціи.

— Это — ничего; я сам такой-же.

— Но в чем дѣло? — не понимал я.

— Нам приказано задерживать всѣх военных, как офицеров, так и чиновников. Идите в роту, явитесь к коменданту зданія и назовите себя.

Я вошел в низкія парадныя двери и очутился в большом вестибюлѣ. Тут толкалось, видимо, без всякой цѣли, много офицеров. Одни прохаживались, другіе сидѣли на подоконниках и смотрѣли на улицу. У стѣн грудами лежали и стояли русскія, французскія, нѣмецкія, австрійскія винтовки, всѣ — уже довольно изношенныя, с побѣлѣвшими прикладами. Было душно, накурено, но спокойно. Я обратился к низенькому прапорщику, который сидѣл на деревянном ящикѣ и вертѣл в руках цѣпочку от часов.

— Коллега, гдѣ тут комендант?

— Не знаю, а вам на что?

— Я шел по улицѣ; меня остановили и сказали, чтобы я пришел сюда и явился коменданту.

— Меня тоже так поймали. Но никто не знает, гдѣ комендант находится.

Я спросил еще двух человѣк. Никто не знал, — гдѣ можно было найти коменданта. Я отправился тогда наверх. Здѣсь было еще больше народу, и что тут происходило, трудно было понять с перваго взгляда. Только приглядѣвшись, я разобрался, наконец, в чем дѣло. Тут наспѣх формировали взводы и роты; сформированныя роты выстраивались в большом залѣ, получали

винтовки и, стуча прикладами по паркету, уходили туда, гдѣ гремѣли выстрѣлы. А выстрѣлы были совсѣм близко; иногда по темным стволам деревьев пробѣгал огненный отблеск гдѣ-то близко стрѣлявшей пушки. Я подошел к окну. На улицѣ, по обоим тротуарам, катился живой поток. Всѣ спѣшили к Цѣпному мосту. Среди пѣшеходов странно выдавались своей формой два французских офицера; они шли быстро, с растерянными лицами, без всяких вещей, даже без пальто. Они иногда останавливались, пытались что-то спросить, но поток обтекал их и, не получив отвѣта, они снова бѣжали с толпой.

Очевидно, что иностранныя миссіи также не были предупреждены добровольцами.

Я сидѣл на подоконникѣ и не двигался. Брать в руки винтовку мнѣ не хотѣлось. Вѣры во мнѣ уже больше не было.

Через минуту ко мнѣ подошел саперный поручик, с инженерным значком на кителѣ. У него было спокойное и пріятное лицо. В темной бородкѣ уже проглядывала сѣдина.

— Вы уже записались? — спросил он.

— Нѣт еще.

— Не хотите-ли поступить в мой взвод? Мнѣ не хватает трех человѣк.

Я согласился. Найдя еще двух человѣк, мой новый командир выстроил взвод в залѣ, пересчитал людей и записал наши имена и фамиліи. Потом стали раздавать оружіе. Мнѣ попалась старая однозарядная французская винтовка системы «Gras», стрѣлявшая тупоконечной пулей в мѣдной оболочкѣ. В оба кармана шинели я положил по десятку патронов. Потом раздалась команда, и мы вышли на улицу. Около подъѣзда стояло нѣсколько телѣг, нагруженных винтовками и патронными ящиками. Телѣги тронулись первыми, а наша рота пошла за ними. Артиллерія била гдѣ-то около Крещатика; иногда, из оконных рам, со звоном вылетали стекла. Улица во всю ширину была запружена стремительно мчавшейся толпой. Весь Кіев сорвался с мѣста. Уходили всѣ — рабочіе, чиновники, торговцы, люди хорошо одѣтые и плохо одѣтые, молодые, старые, женщины, дѣти. Бѣжали даже собаки. Это уже было не бѣгство, а исход. Нѣкоторые ѣхали в экипажах, другіе — на извощиках, а кто — и на крестьянской подводѣ. Но большинство шло пѣшком. Попадались и собственные автомобили. Их владѣльцы, с членами своих семей, сидѣли среди ворохов всего того, что удалось схва-

тить дома на скорую руку: тут были одѣяла, шубы, пальто, чемоданы и кофры разных размѣров. А с боковых улиц все время вклинивались в толпу длинные военные обозы. Приходилось останавливаться и ждать.

Пройдя второй мост, который соединяет Труханов остров с Черниговским берегом, мы были остановлены толпой, собравшейся на шоссе. В серединѣ толпы вертѣл головой во всѣ стороны длинный, худой человѣк со страшным сине-блѣдным лицом; в его глазах был безумный ужас. В толпѣ кто-то истерически кричал, что это — чекист. И тот, кого называли чекистом, выл нечеловѣческим голосом, клялся, что это ошибка, что он — не чекист. Но истерическій голос, в котором было что-то животное и глубоко противное, продолжал визжать свое. К толпѣ подошел офицер в свѣтлом пальто и с большим Кольтом в кобурѣ. И стало ясно, что это он убьет человѣка с посинѣвшим лицом. Почуяв в офицерѣ союзника, голос из толпы стал еще тоньше, еще визгливѣе. Сине-блѣдное лицо заметалось во всѣ стороны. Жизнь была только в страшных бездонных зрачках. В этот момент, мы свернули на песчаный берег Днѣпра, и конца этой сцены, к счастью, видѣть не пришлось. До нас только, поочередно, долетал то визг, то прерывавшійся удушіем вой. Потом раздался выстрѣл. Вой оборвался. Все было кончено. Повозки тронулись, и толпа разошлась.

На берегу нас собралось человѣк четыреста. Кромѣ офицеров и военных чиновников, было человѣк сорок в штатских костюмах. Они явились вскорѣ послѣ нас, в строю, под командой высокаго брюнета в соломенной шляпѣ и в брюках с полосочкой. Эта курьезная компанія, видимо, хорошо знала военный строй и шагала с большим усердіем.

Скомандовав своей дружинѣ «вольно», брюнет подсѣл к моему взводному командиру, который расположился у берега на камнѣ.

Они сейчас-же заговорили между собой. Оказалось, что прибывшіе в штатском — офицеры, сидѣвшіе в тюрьмѣ по распоряженію Контр-развѣдки. Их выпустили в самую послѣднюю минуту; они уже боялись, что их захватят большевики. Но многим бѣжать не удалось: в суматохѣ стража растеряла ключи и многих дверей не смогли открыть.

— Долго пришлось сидѣть? — спросил его взводный.

— Как только Контр-развѣдка пришла. И до сих пор ника-

кого обвиненія не предъявлено, и на допрос даже не вызывали. Да и обвиненія никакого нельзя предъявить: никогда большевиком не был и дѣл с ними не имѣл. Я сам юрист, мой отец юрист, в Кіевѣ с испокон вѣка живем, у большевиков-же три мѣсяца в чрезвычайкѣ просидѣл. Пришла Контр-развѣдка, снова пожалуйте в тюрьму.

IV.

Я встал и подошел к берегу. У ног бѣжала темная, холодная вода. Солнце уже садилось. На высоком кіевском берегу четко рисовались на безоблачном небѣ церкви, колокольни, сады. Стрѣльба стихла. Кругом была тишина. Через пол-часа на шоссѣ остановилась группа всадников. Двое из них слѣзли с лошадей и по узенькой тропинкѣ, которая шла от дороги к рѣкѣ, стали спускаться к нам. Впереди шел генерал в шинели и с георгіевской ленточкой в петлицѣ. Это был Драгомиров. За ним слѣдовал ординарец.

Ротные и взводные командиры, увидѣв Драгомирова, забѣгали и засуетились, собирая разбредшихся подчиненных.

Когда всѣ были выстроены, Драгомиров обратился с рѣчью. Говорил он о том, что доблестное офицерство, пройдя с пѣснями по Кіеву, изгонит, конечно, красную сволочь. Обращался Драгомиров исключительно к офицерству, хотя среди нас было много солдат-добровольцев.

Главное руководство операціей он брал на себя; исполнителем-же своих приказов он назначил какого-то полковника, фамиліи котораго я не помню. Полковник и его штаб должны были находиться у моста.

Сказав рѣчь, Драгомиров уѣхал.

Послѣ его отъѣзда, наши командиры стали уравнивать число людей в ротах и раздавать оружіе тѣм, у которых его не было. Покончив с этим, нас распустили с убѣдительной просьбой далеко не уходить.

Когда, наконец, солнце зашло, и сумерки стали густѣть, раздалась команда строиться. Строились утомительно долго. Каждый хотѣл быть с родственником или знакомым. Я никого не знал, и мнѣ было безразлично, гдѣ ни стоять. Впереди меня, помню, стоял высокій студент политехник, — позади — низкій, с большим туго-набитым ранцем. Наша рота, наконец, постро-

илась. Раздалась команда ротнаго, и в колоннѣ по отдѣленіям мы двинулись в путь.

На мосту, помня наставленія Драгомирова, затянули-было пѣсню. Но сколько раз ни начинали, все выходило фальшиво и неестественно. Так и бросили.

Пройдя мост и поднявшись немного вверх, всѣ роты остановились. Командиры рот и остальное начальство стали совѣщаться, что дѣлать дальше. Никто точно не знал, есть-ли еще добровольцы в Кіевѣ или нѣт.

Пока наше начальство совѣщалось, я разговорился со своими сосѣдями студентами. Оба были кіевляне. Высокій выскочил из дома перед самым прибытіем большевиков и ничего не успѣл с собой захватить; маленькій-же разсказал, что жена успѣла собрать ему кое-что на дорогу, но сама осталась в городѣ. А нѣкоторые из их знакомых, повѣрив воззваніям кіевскаго губернатора, что большевики разбиты, вернулись домой. Высокій признался, что он не умѣет обращаться с винтовкой и даже не знает, как заряжать ее. У моста нам пришлось стоять долго.

Наконец, послѣ длинных переговоров, общій план был выработан, каждой ротѣ был назначен свой участок и дана опредѣленная задача.

Мы подошли к широкой мощеной улицѣ, которая под прямым углом пересѣкала нам путь. Не переходя улицы, наш отряд остановился и встал к сторонкѣ. Судя по будкѣ и шлагбауму, мы находились у старой заставы. Нигдѣ в домах не было огней. Все было мертвенно-тихо. На противоположной сторонѣ, шипя, горѣли два больших электрических фонаря. Они, словно, говорили, что в этой тьмѣ все-таки есть гдѣ-то разумное начало.

Роли, наконец, были распредлеѣны. Всѣ на минуту смолкли. Какое-то раздумье охватило всю массу.

— А сколько большевиков в городѣ? — спросил в темнотѣ бас.

— Жители говорили, что вошло нѣсколько полков, дивизія или около этого, — тысяч пять или шесть значит, — отвѣтил кто-то басу.

— Первым вошел Таращанскій полк, а за ним и другіе — сообщил третій.

— В одном Таращанском полку около пяти тысяч — сказал бас.

Ему никто не отвѣтил.

В нашем отрядѣ всего было 700 — 800 человѣк и без всяких, к тому-же, резервов.

Борьба выходила, как будто, слишком неравная.

Словно отвѣчая на это настроеніе, из темноты раздался голос:

— Господа — пощады от большевиков нам не будет. Мы всѣ в безвыходном положеніи. Нам остается только одно — итти вперед. Не всѣх-же они перебьют.

Эта рѣчь была послѣдним напутственным словом.

Пришлось немного подождать, пока не прибыл, мягко работая машиной, броневой автомобиль. Он проѣхал вперед и стал у шлагбаума. Пулеметчик попробовал механизм пулемета, поднял щит и ожидал приказаній. Пронеслась тихая команда, головная рота зашевелилась; автомобиль плавно въѣхал на улицу и повернул к Никольским воротам. Под его прикрытіем двинулись цѣпи. Люди шли один за другим, по тротуарам с каждой стороны улицы. Шли осторожно, слегка согнувшись, зорко вглядываясь вперед. Скоро броневик и цѣпи исчезли в глубинѣ неосвѣщенной улицы. Прошла минута напряженнаго ожиданія. Грянули первые выстрѣлы, затрещал чей-то пулемет. Над головой на разные тона засвистѣли пули. Наступила наша очередь. Мы быстро перешли улицу и вошли в темный переулок наискосок и встали под защиту дома. Когда всѣ собрались, ротный командир указал, куда какой взвод должен был направиться, повторил еще раз о необходимости держать связь справа и слѣва и назвал улицу, гдѣ он будет находиться.

Сдѣлав всѣ эти распоряженія, он приказал выслать дозоры, вперед и в стороны. Вслѣд за дозорами, минут через пять, отправилась вся рота. Шли тихо, каждый взвод отдѣльно от другого, иногда попадались горѣвшіе фонари, тогда шли еще осторожнѣе, еще ближе прижимаясь к стѣнам черных, молчаливых домов

Я был назначен в команду связи и шел около ротнаго командира, засунув руки в карманы и перебирая холодные, твердые патроны.

При свѣтѣ фонаря мнѣ удалось его разглядѣть — это был еще совсѣм молодой поручик — авіатор. Он был совершенно спокоен и иногда заговаривал вполголоса со мной. Проходя мимо большого многоэтажнаго дома, он остановился и оглядѣлся. Все было темно. Только на самом верху свѣтилось одно окно.

«Вот дом, гдѣ я живу», сказал он, «а это окно — комната моей жены».

Крайним лѣвым флангом нашей роты, который должен был занять четвертый взвод — была Собачья тропа. Этот-же пункт ротный командир выбрал мѣстом своей стоянки вмѣстѣ с командой связи. Остальные взводы, позиціи которых находились болѣе вправо, постепенно отрывались и незамѣтно уходили вперед в глубокую тихую тьму.

Вдруг впереди нас послышался грохот. Через минуту явились дозорные и сообщили, что ѣдет большой обоз, но чей — в темнотѣ нельзя было узнать. Быстро разсыпавшись в цѣпь, мы стали ожидать приближенія неизвѣстнаго обоза. Показались переднія телѣги. Дозорные выскочили из-за угла, заступили дорогу и окликнули. Тревога оказалась напрасной, это был обоз Волчанскаго партизанскаго отряда, ѣхавшій из Василькова. Всѣ вздохнули свободнѣе. О большевиках волчанцы ничего не знали, мы предупредили их, что большевики очень близко, и снова пошли дальше. В глубоком мракѣ мы пришли, наконец, к мѣсту назначенія. Это была глухая улица. с обѣих сторон застроенная интендантскими складами. Вниз от нея шел крутой овраг. В чернильной темнотѣ мы заняли под караульное помѣщеніе небольшое каменное зданіе — очевидно, бывшую контору или канцелярію. Ротный командир немедленно распорядился поставить караулы и выслать секреты. Кончив с этим. мы расположились в помѣщеніи с тѣми удобствами, какіе могли дать голыя стѣны и длинныя скамейки. Многіе закурили и заговорили; нѣкоторые вышли на воздух. Вышел и я. Ночь была темная и холодная. Не доходя до тропинки, которая шла вдоль обрыва, у телефоннаго столба, расположился часовой с подчаском. Они прислушивались и всматривались. Было тихо. Иногда, на нѣсколько мгновеній, поднималась гдѣ-то перестрѣлка. Ясно различались выстрѣлы французских винтовок и русских. Потом снова наступала тишина. Издали доносился отчаянный женскій крик: кого-то грабили, а может быть, и убивали. Прямо, через овраг, чувствовался Кіев — темный, не спящій, тревожный. Там не было ни одного огонька. Единственное исключеніе представлял огромный многоэтажный дом, освѣщенный снизу до верху. Бѣлые молчаливые огни наводили жуть: они казались сверхъестественными.

— Гдѣ это свѣтится? — спросил часовой у подчаска.

— Не знаю. Может-быть, большевики в Контр-развѣдкѣ шарят.

— Едва-ли. Ее отсюда не видать.

Пришли люди, высланные для связи из других взводов. Они разсказывали, что большевики ведут себя тихо и желанія переходить в наступленіе не обнаруживают. Наши секреты привели двух плѣнных красноармейцев: цыгана и костромича. Ротный командир стал их допрашивать. Цыган был вертляв и болтлив. Он говорил о какой-то большевистской кавалеріи с пиками, посланной нам в обход и осторожно освѣдомлялся, будут его разстрѣливать или нѣт. И если да — то когда: сейчас или погодя. Костромич представлял полную ему противоположность; это был степенный мужиченко; он говорил, что большевики дают мало хлѣба, что он мобилизованный и больше ничего не знает. Послѣ допроса их обоих увели куда-то в тыл.

Около полуночи, от Никольских ворот, раз за разом блеснули два огня. Два снаряда со свистом пронеслись над нами и с треском разорвались на сосѣдней улицѣ. Через минуту появился темно-красный круг. Он быстро накаливался. Затѣм вдруг взметнулось высокое пламя. Оно быстро увеличивалось, словно горѣла солома или сѣно. Розовый свѣт залил улицу и караульное помѣщеніе. Было видно, как у пламени копошились черныя фигуры; но из-за треска падавших балок ничего нельзя было слышать.

— Должно-быть, большевики стрѣляют зажигательными снарядами, — сказал ротный командир.

— Может-быть, они наступать хотят и поэтому иллюминацію устраивают — отозвался офицер в одном парусиновом кителѣ, без шинели. Пожар скоро стал тухнуть. А справа поднялась частая перестрѣлка, и донесся безпокойный бой пулемета.

— Пойдите в сосѣдній взвод, узнайте, какія у них новости, обратился ко мнѣ ротный командир, — будьте только осторожнѣе.

Я попробовал, как ходит затвор, нахлобучил поглубже фуражку и, пройдя часового, повернул по дорожкѣ направо. Послѣ пожара стало еще как будто чернѣе. Я буквально ничего не видѣл. И эту часть города я, к тому-же, знал очень плохо. Послѣ дорожки я вышел на неосвѣщенную улицу и пошел по тротуару. Тротуар скоро кончился, и я попал в тупик. Пришлось вернуться обратно и взять больше вправо. В ночной темнотѣ я скорѣе угадывал, чѣм видѣл, небольшіе дома, длинные заборы, пустыри.

Нѣсколько раз запнулся о крыльца. Шел я так с четверть часа и вдруг почувствовал, что сбился. Оріентироваться было не на что, перестали даже стрѣлять. Я пошел тише . Совершенно неожиданно из темнаго узкаго переулка я вышел на длинную улицу; на ея противоположных концах горѣло по фонарю, но сама она была черная, как китайская тушь. Подумав, я повернул направо. В этот момент сзади послышался шум. Я обернулся. С другого конца по улицѣ ѣхал автомобиль с зажженными огнями. Я вспомнил, что у нас, кромѣ броневого, других автомобилей не было. А, судя по всему, это была легковая машина. Надо было куда-нибудь спрятаться. В это время я находился у длиннаго, низкаго забора. Перелѣзть уже было поздно. Я поднял воротник, спрятал винтовку под шинель и стал лицом к забору. Я надѣялся, что сѣрая шинель, забор и низко нависшіе над ним кусты сдѣлают мою фигуру незамѣтной. Автомобиль приближался. Мое сердце больно колотилось. В шагах ста от меня огни погасли. Мелькнула мысль — я открыт. Случилось то, чего я не ожидал: страх плѣна, пыток и смерти исчез. Я сам был господином своей собственной жизни. Сердце забилось ровно. Спокойствіе, силы вернулись. Я вѣрил в себя. Это был большой момент. Поровнявшись со мной, автомобиль обдал меня запахом бензина. Голоса были слышны отчетливо. Ѣхало человѣк восемь — десять. Двое стояли на ступеньках. Это были большевики. Кто-то безпокоился, что заѣхали не туда, куда надо. Мотор работал скверно — ѣхали тихо. Я поймал слово — «комиссар». Потом голоса стали удаляться. Я оторвался от забора, спрятался за ближайшее крыльцо, вынул горсть патронов, положил их около и поднял винтовку. Автомобиль въѣхал в полосу свѣта. Когда чья-то голова заслонила фонарь, я выстрѣлил. Быстро перезарядил и снова выстрѣлил. Кто-то упал на землю. Бросились поднимать. Промаха моя винтовка не давала. Чувства жалости во мнѣ не было. Я мстил за разоренную Россію, за — «нѣмцы — наши товарищи», за все, за все. Люди разбѣжались, стали к заборам и начали стрѣлять вдоль по улицѣ. Но они были замѣтны, и не знали, гдѣ я. Передній упал. Разстрѣляв половину патронов, я бросился в переулок, откуда пришел и пустился бѣжать. Тут гдѣ-то на поворотѣ меня окликнули. Это были уже свои, тот взвод, который я искал.

— Что за перестрѣлка там была? — спросили меня.

Я разсказал. Новостей у них не было. Посидѣв, я отправился обратно.

Перед утром ротный командир получил новый приказ: перемѣнить на разсвѣтѣ позицію.

Ночь стала блѣднѣть. Постепенно предметы принимали свой обычный вид. Лица у всѣх были помятыя и усталыя от ночных переживаній. Чѣм больше яснѣл восток, тѣм больше становилось непріятное чувство опасности: ночь все-таки служила извѣстной защитой. Перед самым восходом солнца у Никольских ворот вспыхнула горячая перестрѣлка.

Мы пошли на назначенное нам мѣсто. У своей квартиры ротный командир остановился и подумал. «Вот что», сказал он, «я зайду к себѣ. А вы идите к мужской гимназіи и там подождите меня. Я скоро приду». Он зашел к себѣ, а команда связи, состоявшая из четырех человѣк отправилась дальше. У мужской гимназіи мы остановились и присѣли у забора. Я узнал мѣсто: мы находились напротив вчерашняго шлагбаума. По улицѣ, которая шла к Лаврѣ, со злым свистом носились пули, задѣвая листья, обдирая кору, ударяясь о камни. Человѣк десять офицеров — на нашей и на противоположной сторонѣ — прятались за прикрытіями. Один из них, еще очень молодой, клевал носом на скамейкѣ за шлагбаумом.

Солнце поднималось все выше и выше. Утро было прекрасное, безоблачное. Офицеры, приходившіе от Никольских ворот, сообщали, что на разсвѣтѣ первая рота нѣсколько раз ходила в аттаку, но каждый раз без успѣха. У большевиков было три пулемета и два орудія, а у них, кромѣ броневого автомобиля, ничего не было.

На перевязочный пункт, помѣщавшійся в зданіи гимназіи начали приносить тяжело раненых; легко-раненные приходили сами. По мѣрѣ того, как солнце поднималось, огонь большевиков замѣтно усиливался. К ним, несомнѣнно, подходили резервы.

Пришел ротный командир и спросил, как идут дѣла. Мы разсказали ему, что знали. Он написал записку, передал ее мнѣ и приказал отнести ее в штаб отряда, находившійся у моста. Я отправился. Говоря откровенно, я с удовольствіем уходил от опасных мѣст. Несмотря на осень, высокій кіевскій берег тонул в зелени. Спускаясь вниз по зигзагам дороги, я выходил иногда на открытое мѣсто; откуда-то взявшіяся пули начинали пѣть над головой; приходилось на рысях миновать эти мѣста. Под одним деревом виднѣлась большая лужа крови, валялись обрывки бинта, куски ваты. Кого-то очевидно хватило. По дорогѣ,

один из встрѣчных офицеров разсказал, что на разсвѣтѣ большевики выпустили по мосту нѣсколько снарядов, но каждый раз с большим недолетом. У самаго моста я увидѣл группу офицеров. Это и был штаб отряда. Я передал донесеніе нервно-ходившему полковнику с георгіевской ленточкой. Он торопливо распечатал его, прочел и положил в карман. Потом, разсказав о ночных событіях, я отправился обратно. На половинѣ дороги, с открытаго мѣста, на другом берегу Днѣпра ясно виднѣлись чьи-то черныя цѣпи. Однѣ из них наступали на Подол, другія — к Цѣпному мосту. Нѣсколько человѣк присматривалось к этим цѣпям. Одни говорили, что это — большевики, другіе, что это — струковцы. Как я узнал впослѣдствіи, это были, дѣйствительно, струковцы, производившіе развѣдку. Явившись к ротному командиру, я доложил ему обо всем.

Мы разговарились:

— А, вѣдь, то, что происходит сейчас, могло-бы совсѣм не быть, сказал штабс-капитан, с просѣдью, — на регистрацію явилось 15 тысяч офицеров. Из них можно было составить прекрасный корпус. Прямо корпус побѣды. Теперь 800 человѣк не только держатся, но даже нападают. Что-бы сдѣлали 15 тысяч людей?

— А гдѣ эти 15 тысяч?

— Да разбѣжались.

Всѣ замолчали.

Вдруг воздух затрясся от орудійных выстрѣлов, раздалось ура. Мы переглянулись. Винтовки нервно заходили в руках. Кто?

Скоро все объяснилось. Нам на помощь пришел Волчанскій партизанскій отряд. Послѣ никчемных аттак, волчанцы, не обращая вниманія на пулеметный огонь, на руках вкатили одно орудіе, как раз против большевистских позицій, и в упор стали разстрѣливать их. Большевики дрогнули и побѣжали. За ними погнались. Из команды связи я попал в сторожевое охраненіе на улицѣ, которая идет вдоль ипподрома. Тут пришлось пробыть нѣсколько часов в ожиданіи, пока не повернется, так сказать, ось дѣйствій и не перемѣнится place d'armes. Мы стояли жидкой цѣпочкой — двѣсти, триста шагов друг от друга. Мѣсто, гдѣ происходил самый бой, было отдѣлено от нас площадью с массой застроенных домов; оттуда пули к нам залетать не могли. Равным образом, не могли мы слышать, как будто, и выстрѣлов.

А между тѣм воздух над нами звенѣл от роя пуль и слышались частые, не винтовочные выстрѣлы.

Наконец, послѣ двух или трех часов стоянія, получился приказ: всему сторожевому охраненію стянуться к гимназіи. Не знаю, как другіе, а я с удовольствіем покинул свое мѣсто. На перекресткѣ у гимназіи было много народу. Нѣсколько женщин расположились на улицѣ с ведрами горячаго чая и пшенной каши, угощая защитников Кіева; защитники, голодные и замазанные, были рады тому и другому. Другія сострадательныя души раздавали хлѣб и колбасу. У самой заставы, из-за чего-то спорила группа офицеров. Я подошел к ним. Предметом спора была телѣга, нагруженная папиросами и консервами.

— Эта телѣга — наша, — говорил блѣдный, рыжій офицер, мы ее отняли у большевиков и поставили здѣсь в кусты. А вы говорите, что она — ваша.

— Мы ее нашли и не отдадим, — заявил один из сидѣвших на козлах, — около нея никого не было; телѣга — наша.

— Около нея никого и быть не могло, мы ее поставили и снова вернулись в бой; у нас не было людей охранять ее. Да, что говорить с ними долго, пусть они скажут, гдѣ были все это время.

— Правильно, — загудѣла толпа, — этих молодчиков что-то здѣсь не было видно...

— За мостом скрывались, поближе к штабам. А как легче стало — явились: и мы пахали.

— Прямо прикладом их с телѣги, что тут разговаривать, да канитель тянуть...

Когда сидѣвшіе на телѣгѣ обернулись, словно ища свидѣтелей или сочувствія, я увидѣл тѣх самых корнетов, которые назвали меня сѣятелем паники и приказали арестовать. Но в толпѣ они не узнали меня.

Бросив возжи, они сошли с козел под градом насмѣшек.

Вскорѣ подошли и остальныя роты. Наша роль кончилась: волчанцы и якутскій полк преслдѣовали отступавших большевиков.

Я получил пачку папирос, банку консервов, поѣл каши и напился чаю. Послѣ ѣды, мной сразу овладѣло чувство глубокой усталости. Я присѣл на край тротуара. Вокруг говорили о только что минувших событіях, передавали, кто убит, кто ранен. Перепуганные жители показывались в воротах и разсказывали, как они боялись, что большевики останутся господами города. Под

вечер из-за моста появились бѣглецы и потянулись в Кіев. Отдохнув, я стал искать ротнаго командира, спросить, как будет дальше. Но не нашел его. Наш отряд считался, очевидно, распущенным, и всѣ офицеры группами и одиночками возвращались к себѣ. Пошел и я.

V.

Я шел тихо, раздумывая, гдѣ бы можно было переночевать. Окраины Кіева были еще в руках большевиков. Идти одному на свою квартиру было опасно. В этом состояніи нерѣшительности я замѣтил в толпѣ офицера, лицо котораго мнѣ показалось знакомым. Он тоже присматривался ко мнѣ. Наконец, мы узнали друг друга. Это было старое, хорошее знакомство. Мы сердечно поздоровались и пошли вмѣстѣ, разговаривая о текущих событіях.

Около Комендантскаго Управленія нас задержал офицер в свѣтлой шинели и с записной книжкой в руках.

— Вы свободны? — спросил он нас.

— Да, а что? — спросил я.

— В штаб генерала Непенина просили нѣсколько человѣк; явитесь там к капитану К. и скажите, что капитан Курицын посылает вас к нему.

Я переглянулся с Динамитовым; это было лучше, чѣм кочевать, неизвѣстно гдѣ. Получив записку от капитана, мы направились в штаб. Мы нашли его на Банковой площади, на подъѣздѣ большого длиннаго дома. Всѣ чины стояли и слушали далекую перестрѣлку. Сумерки сгущались. Высоко над головой пролетѣли, точно догоняя друг друга, два снаряда. Капитан К. вмѣстѣ с другими штабными стоял на крыльцѣ. Мы отдали ему записку и спросили, в чем будут заключаться наши обязанности. Онѣ оказались несложными: ходить ночью дозором вокруг штаба и стеречь плѣнных, если таковые окажутся. Это было вполнѣ пріемлемо для нас, и мы остались с большим удовольствіем. Наступила ночь. Но при зданіи была собственная электрическая станція, которая при всѣх перемѣнах оставалась на мѣстѣ и свѣтила всѣм властям. Нам отвели большую угловую комнату, гдѣ стояли пустые шкафы, большіе столы и мягкія кресла, совсѣм не подходившія к казенной обстановкѣ. Было тепло и свѣтло. В знак своего посѣщенія большевики оставили на полу

звѣзду и вывинтили в задних комнатах лампочки; но, впрочем, безпорядка большого не надѣлали. В комнатѣ мы нашли еще двух человѣк: гардемарина и прапорщика. Мы распредѣлили между собой часы дозора. Первыми ушли гардемарин с прапорщиком. Послѣ них — я с Динамитовым.

Начали приводить плѣнных. Первыми появились, в сопровожденіи маленькаго замореннаго поручика, два сдобные дяди, похожіе скорѣе на спекулянтов, чѣм на красноармейцев: шинелей у них не было, оба были одѣты в парусиновые костюмы. Потом привели двух мальчишек, захваченных у вокзала в тот момент, когда они сигнализировали отступавшим большевикам. Появился один кіевлянин, в штатском костюмѣ, препровожденный с запиской, что он был пойман патрулем в тот момент, когда разспрашивал жителей, гдѣ находятся большевики и гдѣ — добровольцы. По словам арестованнаго, он жил на Житомирской улицѣ и не знал, в чьих она руках. Его рѣшили оставить до утра. Для ночлега, плѣнным отвели половину нашей комнаты. Кіевлянин, не теряя времени, снял пальто, разостлал его на полу, лег на одну половину, укрылся другой и сразу заснул. Мальчишки прижались, как щенята, один к другому, и послѣдовали его примѣру. Только дяди долго не могли заснуть: им, в их парусиновых костюмах, было прохладно.

Первым караулил плѣнных Динамитов. Несмотря на свою взрывчатую фамилію, он был очень добродушен и разговорчив. «Холодно вам?» спросил он их. «Теперь-то холодно, господин капитан, а вот, когда в плѣн взяли, так очень даже жарко стало,» отвѣтил один, «думали — разстрѣляют. Нам так комиссары и говорили: бѣлые в плѣн не берут».

— А красные-то в плѣн берут?

— Простых солдат — да, а офицеров — нѣт. Да офицеры живыми не даются. Народ геройскій. На Крещатикѣ одного офицера раненым подобрали; повели его к комиссару, тот допрашивать стал, а офицер взял и плюнул ему в харю: «вот весь мой сказ». Ну комиссар его из нагана уложил.

Когда настал мой черед караулить, усталость и предшествовавшія тревоги взяли свое: я стал безсовѣстно клевать носом. Это замѣтил прапорщик, вернувшійся с гардемарином из обхода.

— Ложитесь лучше спать. Я покараулю за вас. У меня безсонница, и я все-равно не засну.

Я поблагодарил и отказываться не стал. Выбрав постелью

самый большой стол в сосѣдней комнатѣ, я лег, укутал ноги старыми валявшимися тут газетами, накрылся шинелью и быстро заснул. Ночь прошла спокойно. А если-бы даже что-нибудь и случилось, то я все-равно ничего-бы не слышал.

Солнце уже свѣтило, когда я проснулся. Плѣнные еще спали. Их страж дремал в глубоком креслѣ. Я нашел в корридорѣ кран, умылся и смѣнил своего дремлющаго коллегу. Пришел Динамитов и сказал, что за ночь никаких донесенiй в штаб не поступало. Мой замѣститель отпросился у Динамитова на полчаса — пойти напиться чаю и навѣстить семью, живущую на Лютеранской улицѣ. Когда он вернулся, пошли Динамитов с гардемарином. Мнѣ было некуда идти, а ѣсть хотѣлось.

— А вы сдѣлайте так, — посовѣтовал гардемарин, — выйдите на улицу и прогуляйтесь немного. Теперь жители ходят по улицам и сами просят к себѣ. А там вас накормят и напоят, как нас.

Я так и сдѣлал. Выйдя на подъѣзд, я повернул налѣво. Шедшiе впереди меня два офицера были остановлены пожилой четой, и послѣ коротких разговоров всѣ пошли вмѣстѣ. Не успѣл я завернуть за угол, как и ко мнѣ подошла дама в черном платьѣ и с мягкими, добрыми глазами. Извинившись предварительно за свое предложенiе, она пригласила меня к себѣ.

— Я знаю, что всѣм вам за это время некогда и нечего было поѣсть; мой муж и я очень будем рады накормить хоть одного из голодных добровольцев.

По дорогѣ она прихватила еще кадета, котораго замѣтила в воротах дома. 12-лѣтнiй воин, вооруженный отцовской шашкой на половину без ножен, стоял и придумывал очень сложныя комбинацiи из сахарной бичевки и отлетѣвших подошв. Взятые оба в плѣн без большого сопротивленiя, мы пошли вмѣстѣ и вошли в подъѣзд красиваго дома. Поднявшись и позвонивши, дама заставила нас первыми пройти в обширную чистую переднюю. Квартира оказалась большой и богато обставленной. Мы с кадетом замялись: оба мы были грязны и дико выглядѣли среди этой дорогой обстановки.

Нас провели в столовую. Вышли хорошенькiя барышни и пожилой мужчина, по виду — большой коммерсант, и занялись нами. Кадет с тоской поглядывал на свои ноги, на свои руки и как-то не рѣшался сѣсть. Стѣсняла его особенно шашка; еще в передней он пытался отстегнуть ее и поставить в угол. Но она была привязана к поясу цѣлой системой шнурков и веревочек,

распутаться в которых было положительно внѣ сил человѣческих. Зато я сѣл скорѣе, может быть, даже, чѣм слѣдует; и, сѣвши, сейчас-же спрятал под стол руки с траурными ногтями.

Мужчина завел солидный разговор, а проворныя барышни быстро забѣгали между столом и буфетом, и скоро бѣлоснѣжная скатерть покрылась разными земными благостями. Накормили нас прекрасно: холодныя котлеты, золотистые пирожки с рисом, торт, горячій чай. Кадет, кромѣ того, был основательно распрошен насчет своих родителей, видов на будущее и матеріальнаго положенія. Родителей у него не было, видов на будущее — никаких, матеріальное положеніе — нищета. Ему дали немного бѣлья, кое-какого платья и пару ботинок.

Накормленные и напоенные, мы с кадетом покинули гостепріимных хозяев. Сдѣлали мы это в самый подходящій момент; на улицах снова била артиллерія и била очень и очень близко. Походило на то, что большевики как будто снова приближаются. На углу я простился с кадетом и побѣжал в штаб. Но в штабѣ все было спокойно, и самая стрѣльба скоро прекратилась. Наша небольшая компанія вся была в сборѣ. Я разговорился с офицером, который ночью, вмѣсто меня, караулил плѣнных. Это был прапорщик, когда-то служившій судебным слѣдователем в Кіевѣ. Звали его Никанор Никанорович Помогайлов.

Как и я, Помогайлов должен был пройти через длинную процедуру реабилитаціи. И до сих пор ему, как и мнѣ, не удалось еще получить очистительной бумажки. Словом, в нашей судьбѣ было нѣчто общее, а одинаковые взгляды на нѣкоторыя вещи нас сблизили еще больше.

Послѣ небольшого перерыва, пушки заголосили снова. Начали приводить новых плѣнных. Первыми оказались двое каких-то штатских, видимо, евреи, в препроводительной запискѣ было сказано, что они сигнализировали большевикам. Потом привели молодого рыжеватаго человѣка с женщиной — высокой, полной блондинкой. В первый раз мнѣ пришлось караулить женщину. Я чувствовал себя очень странно, когда, в качествѣ выводного, мнѣ пришлось ее провожать. Но жена рыжеватаго человѣка не долго оставалась среди плѣнных единственной представительницей слабаго пола. Около полудня с шумом заявившіеся конвойные привели, к нашему крайнему изумленію, двух дѣвушек — блондинку и брюнетку, онѣ обѣ были с непокрытыми головами, в одних лѣтних костюмах. Блондинка, рослая, растре-

панная, розовая, как піон, шла без ботинок, в одних только чулках. Она была в большом смятеніи и нѣсколько раз принималась плакать. Гдѣ и почему ее захватили — я теперь уже не помню. Ее почему-то называли латышкой, и на самом дѣлѣ она не была похожа на русскую. Насколько блондинка была встревожена, настолько брюнетка вполнѣ владѣла собой. На ногах у нея были новенькіе лакированные туфельки на высоких каблуках. Длинные, густые волосы были собраны на затылкѣ в большой узел. Она встала у шкафа, сложила на груди руки и глядѣла перед собой — гордо, безстрашно. Оказалось, что брюнетка — коммунистка и служила пулеметчицей в Интернаціональном полку; ее, кажется, так с пулеметом и взяли. Пощады ей, слѣдовательно, нечего было ждать, да она ея и не просила.

Между тѣм пушечная стрѣльба все усиливалась и приближалась; грохот стал непрерывным, стекла дрожали. Плѣнные начали переглядываться, да и мы тоже: не было сомнѣнія, что происходит что-то скверное.

Мы с Помогайловым рѣшили выйти и посмотрѣть, что дѣлается снаружи. Против штаба, на другой сторонѣ улицы стоял грузовик со снарядами, а около самаго подъѣзда нѣсколько верховых лошадей и легковых автомобилей. Один из шофферов оказался шурином Помогайлова и сообщил нам, что он получил приказ приготовить автомобили и ждать у подъѣзда. Поймав в коридорѣ Динамитова, я разсказал ему о положеніи дѣла. Он сейчас-же побѣжал к адъютанту и скоро вернулся. Оказалось, что большевики утром снова сдѣлали прорыв, и теперь бой шел на Крещатикѣ, а в нѣкоторых мѣстах еще даже ближе. Весь штаб дѣйствительно свернулся и каждую минуту был готов сѣсть и уѣхать.

Послѣ этих извѣстій плѣнные, под начальством гардемарина, были отправлены в тыл. А мы втроем — Динамитов, Помогайлов и я остались в распоряженіи штаба. Время тянулось медленно, томительно. Динамитов нѣсколько раз ходил к адъютанту за новостями; возвращаясь, он пожимал только плечами. Рѣшающій момент наступил. Большевики были опрокинуты и бѣжали. Стрѣльба стала удаляться. Мы вздохнули свободнѣе. С души спала огромная тяжесть.

Вскорѣ прибыл гардемарин. Он разсказал, что за мостом, по дорогѣ к штабу дивизіи, он видѣл много военных, ничего не дѣлавших и только спрашивавших, как идут дѣла в Кіевѣ. Когда

один ротмистр узнал, что гардемарин ведет плѣнных и что брюнетка — коммунистка и служила пулеметчицей, то, прежде чѣм гардемарин мог что-нибудь сдѣлать, ротмистр за волосы оттащил ее в сторону и выстрѣлом в голову уложил коммунистку. Потом какой-то черкес прицѣпился к еврею, на котором была кожанная куртка на мѣху. Черкес со слезами увѣрял, что она принадлежит его брату, убитому наканунѣ в Кіевѣ. Так как еврей сказал, что он «нашел» эту куртку, то гардемарин приказал ее отдать черкесу.

Наступившая ночь остановила дѣйствія с обѣих сторон. Мы с Помогайловым были назначены дозорными и вышли вмѣстѣ сдѣлать наш первый обход. Было около 9 часов вечера. Над всѣм городом висѣла густая тьма. Ярко освѣщен был только один штаб. Гдѣ-то за Подолом, очевидно, большевики пускали ракеты. Отойдя нѣсколько шагов от штаба, мы погрузились в абсолютную черноту. С одной стороны, мы сами ничего не видѣли, с другой — и нас нельзя было видѣть. Сдѣлав нѣсколько шагов, мы останавливались и прислушивались. Иногда слышались шаги, иногда разговоры. На наши оклики получался обыкновенно отвѣт: «Государственная Стража». Было непонятно, откуда она могла появиться. Мы подошли к улицѣ, круто спускавшейся к Крещатику, и прислушались. Звенѣли по камням разбиваемыя стекла, доносились крики, рѣдкіе выстрѣлы. Шел грабеж. Кто и гдѣ грабил — Бог его знает. Идя к Крещатику, мы остановились на минуту около того дома, гдѣ жил Помогайлов. На фонѣ противоположной стѣны, бѣлой днем, а теперь сѣро-мутной, что-то передвигалось. Мы окликнули; ни звука; потом сѣрое неопредѣленное пятно снизилось и пропало; потом опять показалось и, как будто, быстро побѣжало по направленію к Крещатику. Мы пошли туда. На Крещатикѣ можно было играть в жмурки с открытыми глазами. Когда мы поднимались наверх, Помогайловым овладѣло искушеніе зайти провѣдать своих. А когда он выразил предположеніе, что нас обоих могут накормить и напоить горячим чаем, бѣс искушенія вошел и в меня. И мы рѣшили зайти. Дом, снаружи казавшійся совсѣм безжизненным, внутри вмѣщал великое множество людей. Они наполняли двор, лѣстницы, корридоры и открытыя квартиры тревожно гудѣвшей толпой. Семья Помогайлова очень была рада нашему приходу. Сейчас-же поставили самовар и нанесли разных съѣдобностей. Пошли разговоры. С утра большевики так неожиданно и стремительно

продвинулись вперед, что жители считали штаб и весь персонал его взятым в плѣн или убитым. Наше чаепитіе, происходившее при свѣтѣ одинокаго стеариноваго огарка, было прервано появленіем массы перепуганных жильцов и бѣженцев: в ворота кто-то ломился и требовал открыть их. Не допив чаю, с винтовками мы бросились вниз, узнать, в чем дѣло. По дорогѣ чья-то услужливая рука дала нам фонарь. Спустившись, мы поставили фонарь на пол и открыв задвижку, отскочили в угол. Дверь открылась. Показалась статная фигура красавца-кубанца. На нем были мягкіе сапоги, бѣлая бурка и низенькая барашковая шапочка.

На поясѣ висѣл кинжал с ручкой из слоновой кости. Другого оружья при нем не было. Гость был совершенно спокоен и хладнокровен. Увидѣв двѣ фигуры в офицерских погонах, кубанец вѣжливо извинился и ушел. И это было все. У меня мелькнула мысль — не был-ли он тѣм сѣрым пятном, которое мы видѣли, спускаясь вниз.

Мы посидѣли еще с пол-часа, допили чай, успокоили испуганных квартирантов и пошли обратно. Охранять было некого, и я, взобравшись на стол, мирно заснул. Утро было тихое и спокойное; стрѣльбы не было. Большевиков, как говорили в штабѣ, гнали дальше. Дѣла у нас никакого не было.

Перед вечером привели маленькаго робкаго еврейчика в коричневом пальто. В сопроводительной запискѣ сообщалось, что арестованный чекист. Но тихій, покорный и скорѣе грустный, чѣм боязливый, он невольно внушал чувство довѣрія и симпатіи. По его словам, он стоял на улицѣ, когда показавшійся верхом офицер ударил его нагайкой и приказал арестовать. А на вопрос — почему, отвѣтил — «чекист».

Слѣдом за арестованным пришла его мать. Она со слезами увѣряла, что сын ея политикой не занимался, коммунистом, а тѣм болѣе чекистом, не был и быть не мог. «Он у меня дитя нѣжное, ласковое, крови видѣть не может. Весь дом, гдѣ мы живем, может это подтвердить», — защищала мать своего сына.

И, говоря, она утирала передником катившіяся по лицу слезы и с тихой, неотзывной мольбой глядѣла на нас. В ея голосѣ звенѣла тоска и тревога. Мы чувствовали, что она говорит правду.

Динамитов подумал минуту и, не донося в штаб об арестованном, сам от своего имени, написал записку Начальнику Госуд. Стражи, прося выяснить личность арестованнаго и немед-

ленно, в случаѣ невиновности, отпустить его. С запиской и арестованным я пошел на поиски Начальника Госуд. Стражи.

День был сѣрый, город казался вымершим; рѣдко кого из жителей можно было встрѣтить у ворот. Видимо, вѣра в изгнаніе большевиков ослабѣла. Я спустился на Крещатик. Закрытые магазины, пустота, жуть. От Крещатика до Софійскаго Собора я никого не встрѣтил. У телеграфной конторы, мимо которой мнѣ надо было пройти, всѣ провода были порваны и свисали книзу, как плакучая ива. Недалеко от конторы стоял грузовой автомобиль с группой офицеров на площадкѣ. Среди них нашлось нѣсколько знакомых. Оказалось, что тут недавно кончился бой, и они спѣшили догонять большевиков. Мой арестованный очень заинтересовал их, но я увѣрил, что это так себѣ, маленькіе пустяки и поспѣшил удалиться от этого опаснаго мѣста. Софійская площадь и прилегавшія улицы представляли печальный вид: разбитыя стѣны, зіяющія окна, кровь на мостовой. Сама колокольня Софійскаго собора носила слѣды артиллерійских попаданій.

Там, гдѣ должен был находиться Начальник Госуд. Стражи, я нашел только полицейскаго пристава. Он был один и торопливо ходил по громадной залѣ. Услышав мои шаги, пристав вздрогнул и остановился. «Вам что угодно?» спросил он. Я разсказал ему, в чем дѣло. Оказалось, что Госуд. Стража была еще не у дѣл, и все подчинялось военным властям. Поэтому он посовѣтовал сдать арестованнаго коменданту города, который уже вернулся и занял свое прежнее помѣщеніе.

Я вышел на улицу; мать еврейчика нас поджидала у входа. Я подозвал ее.

— Гдѣ вы живете?

— Совсѣм близко, третья улица направо.

— Ступайте вперед и показывайте дорогу.

Мать пошла впереди, а мы вдвоем слѣдом за ней. Пройдя нѣсколько улиц, она остановилась у небольшого дома.

— Вот здѣсь.

— Позовите дворника.

Она исчезла в воротах и через минуту вернулась с мужчиной саженнаго роста. Это и был дворник.

— Можете поручиться, что этот человѣк не чекист, — спросил я, указывая на моего еврейчика.

— Наш-то Абрамчик да чекист, — возгласил мужчина, — да он самый тихій человѣк на свѣтѣ.

— Так и берите его себѣ.

И вынув записку, я разорвал ее на маленькіе клочки.

Абрамчик скользнул в ворота, а мать проводила меня до угла. Она плакала и благодарила.

— Пусть Господь поможет вам в самую трудную минуту — сказала она на прощанье.

Я направился в штаб. Проходя мимо Комендантскаго Управленія, я увидѣл расклеенныя на стѣнѣ объявленія и подошел узнать, в чем дѣло. Оказалось, что Комендант города, ввиду событій прошлой ночи, объявлял грабителей внѣ закона и угрожал им разстрѣлом на мѣстѣ преступленія.

Я пришел в Штаб. Новаго ничего не было. Динамитов и Помогайлов сидѣли и дремали. Около восьми часов мы пошли с Помогайловым в дозор. Ночь была темная, как и вчера. Но жизни было больше: со всѣх сторон слышался звон стекла, доносились крики, визги, одиночные выстрѣлы. Особенно пронзительно визжали на Подолѣ. Мы стояли и прислушивались.

— Сегодня у нас в домѣ говорили, что город отдан на пять дней на разграбленіе. И когда я слышу эти звуки, я думаю, что, может быть, это и правда.

Без особых происшествій мы вернулись обратно.

На другой день утром я рѣшил навѣстить своих хозяев и узнать, что сталось с ними. Я отпросился до вечера и, захватив винтовку, зашагал к своему прежнему обиталищу. Спустившись на Крещатик, я его нашел буквально запруженным толпой, сновавшей во всѣ стороны: кіевляне и кіевлянки вышли посмотрѣть, что сдѣлалось с городом послѣ этих событій. Улицы от стрѣльбы пострадали мало; но много магазинов было разграблено вчистую. Особенно потерпѣли магазины по пріему вещей на комиссію; из них не уцѣлѣло ни одного. На углу Крещатика и Фундуклеевской хозяин большой гастрономической лавки повѣсил бумажку:

«Прошу не безпокоиться, уже до-чиста ограблено».

Дома я застал только женщин. Мужчины бѣжали в Дарницу. Бѣжали они в самый послѣдній момент под большевистскими пулями. Оставшимся пришлось пережить много непріятных минут, но этим дѣло и обошлось...

Под вечер я вернулся в Штаб. Дѣлать было нечего; я сѣл

у окна и глядѣл, как возвращаются бѣженцы. Возвращались они понемногу — одиночками и группами. По сравненію с тѣм громадным человѣческим потоком, который вылился из города нѣсколько дней тому назад, это были лишь отдѣльныя, робкія струйки. Проходившая дама помахала мнѣ рукой и послала воздушный поцѣлуй. Это была благодарность за освобожденіе города. Я махнул ей платком и с удовольствіем подумал, что Кіев дѣйствительно очищен от большевиков. От этой мысли стало тепло и радостно.

Выросла вѣра, что только-что минувшія событія всѣм послужат хорошим предостереженіем на будущее. И на своем окнѣ со своими думами я просидѣл до самаго вечера.

В. Корсак.

ДЕКАБРИСТ ЛОРЕР О А. О. РОССЕТИ.

Когда записки Лорера печатались в «Русском Архивѣ» (1873 г.), в них опущены были строки, посвященныя небезъизвѣстной А. О. Россети (в замужествѣ Смирновой). Смирнова приходилась племянницей Лореру; эти родственныя отношенія сказались в нѣсколько преувеличенной характеристикѣ Смирновой. Мы воспроизводим неизданную страницу из записок Лорера по экземпляру, принадлежащему г. Константинову в Парижѣ.

С. М.

— «Одаренная красотой тѣлесной и душевной, она умом своим имѣла сильное вліяне при дворѣ и в кругу великосвѣтских сильных міра сего! Всѣ наши знаменитые поэты пѣли ее в своих стихах. Пушкин, Жуковскій, Лермонтов, князь Вяземскій, Мятлев, Хомяков дарили ей свои посланія! В позднѣйшія времена она сдружилась с Гоголем и была с ним долгое время в перепискѣ; она олицетворяла в себѣ идеал тѣх женщин Франціи, которыя блестѣли в золотой вѣк ея, и названье La Récamier du Nord шло к ней как нельзя больше! Направляя к добру все свое вліяніе, она многим помогала во всю свою жизнь; так, однажды, извѣстясь, что Гоголь нуждается за границей даже в необходимом, она на балѣ смѣло подошла к Государю Николаю Павловичу и просто сказала: «Государь, наш народный поэт умирает в Римѣ в нищетѣ, помогите ему... он просит только 3000 рублей!». — «Скажите Алексѣю Федоровичу, чтоб завтра мнѣ об этом напомнил», — отвѣчал Государь. Смирнова пошла отыскивать Орлова, поймала его наконец и объявила ему волю Государя. «*Что это за Гоголь?*» — спросил ее Орлов. — «*Стыдитесь, граф, что вы Русскій и не знаете, кто такой Гоголь!*». — «Что за охота Вам хлопотать об этих голых поэтах», возразил Орлов; однако, на другой день было послано Гоголю 3000 рублей! Выпущенная из Екатерининскаго Института с первым шифром M-lle Rossetti взята была прямо ко двору фрейлиной к Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, а по кончинѣ ея перешла к Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ. В вихрѣ свѣтских удовольствій Александра Осиповна находила достаточно времени, чтоб обогащать свой ум разными новыми свѣдѣніями, которых в Институтѣ пріобрѣсть, конечно, не могла. — Она выучилась итальянскому, англійскому языку, а потом изучала греческій и еврейскій, владѣя в совершенствѣ французским, нѣмецким, а в особенности своим отечественным русским языком; она в часы досугов написала записки о своей юности и впечатлѣніях при дворѣ, а Хомяков, которому она их читала, говорил мнѣ, что считает их *перлом русской прозы*. К сожалѣнію, племянница моя сожгла их в минуты сознанія, что все на сем свѣтѣ суета сует...

Многіе из наших сочинителей и поэтов представляли на ея суд свои произведенія и пользовались ея совѣтами; так, однажды и Хомяков прислал ей какую-то политическую брошюру, прося ее передать при удобном случаѣ Императору Николаю. А. О. пригласила к себѣ Вяземскаго и занялась прочтеньем ея и результатом этого совѣщанія было рѣшеніе не подавать брошюры Государю, а Вяземскій сказал при этом случаѣ, что «*и Вы, и Хомяков непремѣнно будете сидѣть в крѣпости*». Не знаю, что это было, но, вѣрно, что-нибудь уж черезчур неперевариамое для тогдашняго времени».

П. Г. ВИНОГРАДОВ.

I. НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ П. Г. ВИНОГРАДОВА.

Мои студенческія воспоминанія были уже приготовлены к печати, когда пришла вѣсть о смерти Павла Гавриловича Виноградова. И я чувствую потребность вернуться к личности только что почившаго моего учителя и дополнить то, что уже было мною сказано въ моих воспоминаніях о моих *студенческих* впечатлѣніях от его преподавательской дѣятельности,*) другими воспоминаніями, относящимися к послѣдующим годам.

Прибыв в Москву в 1884 г., я застал П. Г. Виноградова на положеніи восходящаго научнаго свѣтила. Он уже имѣл магистерскую степень, полученную им за диссертацію о феодальных отношеніях у лангобардов. Это изслѣдованіе уже создало ему репутацію крупнаго ученаго, но главный его труд по соціальной исторіи средневѣковой Англіи, положившій начало его европейской извѣстности, еще не выходил из его лабораторіи, еще только подготовлялся постепенно в качествѣ будущей диссертаціи на степень доктора. Тогда Виноградов был, если не ошибаюсь, самым молодым преподавателем на историческом отдѣленіи нашего факультета. И он, можно сказать, рос на моих глазах и как ученый, и как профессор. Докторскій диспут его состоялся уже в самом концѣ 80-х годов. Это был подлинный праздник науки. Оппонировали Герье и Максим Ковалевскій. Герье, не занимавшійся спеціально соціальной исторіей феодальной эпохи, ограничился немногими мелкими замѣчаніями. Зато в лицѣ Ковалевскаго Виноградов имѣл достойнаго партнера для научнаго спора. И рѣдкій университетскій диспут производил такое сильное впечатлѣніе глубиной и содержательностью поднимаемых вопросов, той глубиной и содержательностью, которыя проистекали из равносильности споривших спе-

*) Эта глава воспоминаній А. А. Кизеветера будет напечатана в № 3 "Голос Минувшаго".

ціалистов. Помнится, одно из главных возраженій Ковалевскаго состояло в том, что, по его мнѣнію, Виноградов, при изслѣдованіи феодальнаго строя средневѣковой Англіи, слишком затушевал вліяніе, шедшее с континента через Нормандію. Виноградов не давал спуску оппоненту и в оживленном обмѣнѣ мнѣній оба ученые развернули такое богатство спеціальных познаній, такое, можно сказать, интимное знакомство с архивными хранилищами западной Европы, что внимательный и понимающій дѣло слушатель мог с истинным наслажденіем лакомиться столь изысканной научной бесѣдой.

С момента появленія этой книги и докторскаго диспута Виноградов прочно и нерушимо занял виднѣйшее мѣсто среди перворазрядных ученых, двигающих науку. И признаніе в его лицѣ крупной научной силы со стороны всѣх европейских авторитетов не заставило себя ждать.

Мы, закончившіе тогда университетскій курс студенты, радостно гордились тріумфом своего учителя, потому что между нами и им к тому времени уже были протянуты крѣпкія нити духовной близости. Основаніем к тому послужили привлекательныя стороны его личности. Были у него, конечно, свои слабости. Из них всего болѣе бросалась в глаза нѣкоторая заносчивость, нѣкоторая наклонность задать тон, поважничать. Но вот что любопытно: только что указанная черта обыкновенно всего болѣе мѣшает сближенію между людьми, а между тѣм около него всегда роились искренно преданные ему, дѣйствительно любившіе его ученики. Всѣ эти его ученики только посмѣивались добродушно над его «генеральством», не чувствуя от этого его свойства никаких уколов своему достоинству. Все дѣло было в том, что «важность» Павла Гавриловича чисто внѣшней коркой прилѣплена была к его личности и нисколько не связывалась с подлинным внутренним существом его. Большею частью она выражалась в таких, я бы сказал, наивно-курьезных формах, которыя у чуткаго человѣка могли вызвать только мимолетную улыбку, а не раздраженіе. И от этого нелѣпаго внѣшняго налета на его личности не оставалось и слѣда, когда он видѣл кругом себя людей, дѣйствительно преданных наукѣ и довѣрчиво ищущих сближенія с ним на почвѣ серьезных интересов научных или общественных. Тогда он с плѣнительной готовностью раскрывал перед вами свои духовныя богатства, всякія условности отбрасывались в сторону, и рѣчь его звучала участливо и от-

крыто, и громкій раскатистый смѣх выдавал цѣликом тайну его природнаго добродушія.

Вот почему ему и удавалось соединять вокруг себя людей при организаціи больших научных и общественных предпріятій, которыя он затѣвал, движимый своей настойчивостью и жившим в его натурѣ духом почина.

— Профессор всеобщей исторіи не может сидѣть у себя в углу — эти его слова я, как сейчас слышу: он произнес их в рѣчи, сказанной им на одном ужинѣ, который как то раз устроили в его честь его бывшіе ученики. И он дѣйствительно «в свой угол» не забивался.

Долгое время он прекрасно руководил московской «Коммиссіей по организаціи домашняго чтенія», — крупной всероссійской просвѣтительной организаціей на манер «university extention», о важной роли которой в исторіи русскаго просвѣщенія слѣдовало бы закрѣпить память в особом очеркѣ; он организовал крупное коллективное предпріятіе: составленіе научной хрестоматіи по исторіи средних вѣков в нѣскольких томах, в которой приняли участіе его многочисленные ученики; все расширяя свою общественную дѣятельность, он позднѣе стал во главѣ коммиссіи по народному образованію при московской городской думѣ. Нечего и говорить о том, что в дѣлах университетскаго самоуправленія он играл выдающуюся роль, являясь стойким сторонником университетской автономіи. На этой то почвѣ в період обширных студенческих волненій он вступил в рѣзкій конфликт с министерством, и это побудило его промѣнять каѳедру в родной Москвѣ на каѳедру в Оксфордѣ. Его дѣятельность за предѣлами Россіи всѣм хорошо извѣстна. Новыми и новыми крупными научными трудами он поднимал на высокій пьедестал авторитет русскаго имени в міровой наукѣ. Не заглохла и организаторская его энергія. Он принял на себя руководство той частью задуманнаго издательским фондом Карнеги коллективнаго труда о послѣдствіях войны, которая касается Россіи, и многіе находящіеся в эмиграціи русскіе ученые чрез него получили возможность принять участіе в этом трудѣ.

Не об отдыхѣ, а о дальнѣйших планах научной работы и общественной дѣятельности думал он в послѣднее время. Французская академія только что увѣнчала его заслуженными лаврами вмѣстѣ с знаменитым Павловым. И тотчас послѣ этого

торжества смерть неожиданно похитила его у нас. Ученый мір оплакивает эту тяжелую утрату. И с чувством глубокой скорби откликнутся на нее многочисленные ученики Павла Гавриловича, разсѣянные по всему лицу русской и не русской земли.

А. Кизеветтер.

II. П. Г. ВИНОГРАДОВ И РЕВОЛЮЦІЯ.

В 1902 году пріятель, молодой магистрант М. М. Хвостов, работавшій тогда в Лондонѣ над диссертаціей, передал мнѣ, что П. Г. Виноградов выразил желаніе познакомиться. Встрѣча состоялась за завтраком в маленьком ресторанѣ близ Британскаго Музея. Я увидѣл широкоплечаго, нѣсколько грузнаго, слегка сутулаго человѣка с подстриженной рыжей бородой. Лицо, на котором лежало выраженіе человѣка, точно знающаго себѣ цѣну и желающаго, чтобы и другіе знали ее, было типичное профессорское; но в то же время и в нем, и в фигурѣ, и толстой золотой цѣпи со многими брелоками было нѣчто, очень многое от родной Костромской губерніи. П. Гав. уже тогда был не только большой ученый с европейским именем, но и гражданин, умѣренный в своих взглядах, умѣвшій, однако, твердо и безстрашно отстаивать то, что считает правильным. В Костромской губерніи, говорят, были когда-то наиболѣе смѣлые медвѣжатники. Потомок их, очевидно, унаслѣдовал мужество, примѣнил его в борьбѣ с Топтыгиными иной категоріи, болѣе страшными. Во время нашей первой встрѣчи с П. Г. Виноградовым говорил по преимуществу М. М. Хвостов о своей научной работѣ. То был очень талантливый молодой человѣк, из котораго вышел потом профессор Казанскаго Университета, скончавшійся от голода во время коммунистическаго опыта. Тогда же повѣсился брат М. М. Хвостова, В. М. Хвостов, тоже профессор и сотрудник «Русских Вѣдомостей». Работа М. М. Хвостова, если не измѣняет память, о соціальном строѣ Египта при Птоломеях, очень интересовала П. Г. Виноградова, судя по отдѣльным замѣчаніям, которыя вставлял он.

Послѣ этой первой встрѣчи, мы не видались с Виноградовым пятнадцать лѣт. В Лондонѣ можно прожить всю жизнь, не встрѣчаясь никогда с человѣком из другого квартала, а П. Г. Виноградов жил даже не в Лондонѣ, а в Оксфордѣ. Слѣдующая встрѣча,

послѣ которой мы видались уже часто, произошла в апрѣлѣ 1917 года, послѣ революціи. Англійское общественное мнѣніе напоминало тогда буссоль в магнитную бурю. Точно так, как мечется стрѣлка по кругу, металось без оріентаціи англійское общественное мнѣніе. У нѣкоторых русских явилась тогда мысль дать правильную оріентацію англичанам в русских дѣлах. По иниціативѣ Я. О. Г. создался комитет, имѣвшій цѣлью доставлять правильныя свѣдѣнія о русской революціи. Предсѣдателем комитета был избрэн П. А. Кропоткин. Комитет рѣшил кооптировать также и П. Г. Виноградова. С этой цѣлью, списавшись с ним, я поѣхал вмѣстѣ с Я. О. Г. в Оксфорд. За пятнадцать лѣт Виноградов нисколько не измѣнился, только посѣдѣл немного. Часто мы стали встрѣчаться потом с П. Г. Виноградовым, потому что явилась связывавшая работа. Сперва это было участіе в обществѣ «Народоправство», возникшем в Лондонѣ послѣ большевистскаго захвата. Общество это издавало на англійском языкѣ журнал и устраивало доклады на русском и англійском языках. П. Г. Виноградов, не будучи членом «Народоправства», принимал участіе и в журналѣ и в докладах, для которых пріѣзжал спеціально в Лондон. В первом же нумерѣ журнала помѣщена статья П. Г. Виноградова «The Legal and Political Aspects of the League of Nations». В одном из первых засѣданій «Народоправства» П. Г. Виноградов прочитал свой доклад о вѣроятном будущем Россіи. Для него было ясно уже в началѣ 1918 года, что из коммунизма ничего не выйдет, и что Россія, когда она так или иначе избавится от большевиков, будет федеративной республикой. Затѣм наши встрѣчи с П. Г. Виноградовым происходили по поводу сборника «The Reconstruction of Russia», изданнаго в 1919 г. «Oxford University Press» под его редакціей. В этом сборникѣ у меня была статья об Украйнѣ.

В 1921 году в Америкѣ задуман был широкій план изданія ряда книг, представляющих собою экономическую и соціальную исторію великой войны. Редактором серіи книг, касающихся Россіи, назначен был П. Г. Виноградов, который и пригласил русских писателей и ученых, распредѣливши между ними темы. Так как мнѣ досталось тогда писать книгу о третьем элементѣ во время войны, то с 1922 г. мы часто начали встрѣчаться и переписываться с П. Г. Виноградовым. Воспитанные люди узнаются прежде всего по тому, что они отвѣчают на письма, говорят англичане. Один из руссофобов, подпи-

сывавшійся в англійских журналах русским псевдонимом Е. Ланин — (Диллон), перечисляя великіе грѣхи русской интеллигенціи, отмѣчает, между прочим, что она не считает надобным отвѣчать на письма. Это замѣчаніе, конечно, ни в коем случаѣ, не относилось к П. Г. Виноградову. Безконечно занятый всегда научными работами, лекціями и вообще литературной работой (он, напримѣр, вел русскій отдѣл в томах 30, 31, 32 «Британской энциклопедіи», — он всегда аккуратно, обстоятельно и собственноручно отвѣчал на письма. Так как русскій ученый страдал глазами, то его почерк становился все болѣе и болѣе неразборчивым; но прибывало ли письмо, когда П. Г. находился в Оксфордѣ, в Римѣ, или в Палермо, — он тотчас же отвѣчал, придерживаясь англійскаго правила, что на письма отвѣчают не позже, как через день. Перед тѣм, как П. Г. Виноградов уѣхал в послѣдній раз в Париж, я написал ему. Дѣло шло о научных трудах проф. А. Венгера в Мюнхенѣ. На письмо это я в первый раз не получил отвѣта. И вот, нѣсколько дней тому назад, секретарь П. Г. Виноградова переслал мнѣ отвѣт на мое письмо, найденный в бумагах покойнаго. Письмо было им написано, запечатано, но окружающіе забыли отправить. Почерк этого предсмертнаго письма едва можно было разобрать, но оно отличается обычной для П. Г. Виноградова точностью и обстоятельностью. Человѣк, сохранившій до конца жизни наружность костромича, был не только большой ученый, но еще европеец в лучшем смыслѣ слова.

В русской и иностранной печати не раз уже опредѣлялись научныя заслуги П. Г. Виноградова; оцѣнивалась его монументальная работа о виллэнах в Англіи, выяснялись замѣчательныя открытія его в этой области. («Книга «Виллэны в Англіи», по всей вѣроятности, самый замѣчательный труд, когда-либо написанный о крестьянах феодальнаго періода», — так отзывается «Британская энциклопедія» о работѣ П. Г. Виноградова). В этой замѣткѣ я хочу сказать нѣсколько слов о Виноградовѣ не как ученом, а как о русском патріотѣ. Мнѣ хочется сказать об этом, потому что немедленно послѣ большевистскаго переворота П. Г. Виноградов перемѣнил подданство и стал «сэр Полем Виноградовым». Я не знаю, какія причины заставили его сдѣлать это. Я хочу показать, что Виноградов до конца оставался *русским*, думавшим все время о Россіи и болѣвшим за нее. Я обращусь прежде всего к статьѣ Виноградова «Положеніе в Россіи», которой открывается сборник «The Reconstruction of Russia». Многое из того, о чем говорит

Виноградов, а именно — проект расчлененія Россіи, тогда только лишь еще намѣчалось.

П. Г. Виноградов анализирует вопрос о самоопредѣленіи національностей.

Чтобы правильно разрѣшить проблемы, созданныя войной, надо учесть не только этническія права, но еще и самосохраненіе и самосознаніе государств, как исторических организмов, — говорит Виноградов. В концѣ концов, ни раса, ни язык не являются единственными факторами государственнаго строительства. Защита от общаго врага, экономическія отношенія, культура и воспитательное значеніе общих институтов играли и играют роль в созданіи политических организмов. Было бы безуміем в высшей степени пренебречь всѣми этими факторами ради безграничнаго расоваго сепаратизма. П. Г. Виноградов ссылается на Чехо-Словакію. Будь національный принцип строго соблюден, надо было бы выдѣлить часть сѣверной территоріи с сплошным нѣмецким населеніем; но чехи не соглашались на такое разграниченіе, ссылаясь на географическія, экономическія и историческія причины. Этот примѣр, — говорит П. Г. Виноградов, — доказывает, что нельзя передѣлывать карту на основаніи одного только принципа самоопредѣленія. И это основное положеніе П. Г. Виноградов примѣняет потом к Россіи. Он стоит за федеративную республику, в которой окрайны получают самыя широкія права, но настаивает на необходимости считаться с историческими правами Россіи. П. Г. Виноградов, взывая к здравому смыслу государственных дѣятелей Европы, просит их помнить слѣдующее: «Нельзя подготовить Европѣ мирное будущее, если теперь наносят тяжелые удары великой націи, мучащейся в родах». Границы Россіи указаны тысячелѣтней исторіей ея: Балтійское море на Сѣверо-Западѣ, Бѣлое море на сѣверѣ, Черное море на югѣ, Великій океан на востокѣ и «національная концентрація поляков» на западѣ. Только отдѣленіе Финляндіи и Польши (т.е. губерній с сплошным польским населеніем) основано на исторических правах. И эти страны многим обязаны Россіи. Только соединившись с Россіей, Финляндія стала *страной*, а не полудикой окрайной Швеціи, — говорит П. Г. Виноградов. Даже в худшія времена Александра III національныя учрежденія финляндцев, хотя и урѣзывались в правах, но не уничтожались, указывает Виноградов. Связь с Россіей открывала финам широкую возможность состоять на государственной службѣ в имперіи и их странѣ—огромный рынок.

В то же время общее имперское бремя, падавшее на плечи Финляндіи, было ничтожно. Финляндія, конечно, имѣет право на самоопредѣленіе, но «Россія должна будет принять мѣры, чтобы финская граница, проходящая всего на разстояніи получаса от Петербурга, не превратилась в базу для предпріимчиваго непріятеля». Поляки могут, конечно, предъявить длинный счет Россіи, но все-таки, только благодаря экономическому союзу с имперіей, Конгрессовая Польша достигла своего промышленнаго развитія. Теперь, когда Польша отдѣлилась, обоим народам пора забыть боевую сѣкиру... Эстонцы и латыши, — говорит Виноградов, — трудолюбивыя и настойчивыя народности, которыя, однако, никогда не существовали, как самостоятельныя политическія единицы. Ни эстонцы, ни латыши, кромѣ того, не могут хвалиться созданіем сколько-нибудь высокой самостоятельной культуры. Они помнят много обид, причиненных угнетателями нѣмцами, но на русских, вообще говоря, эстонцы и латыши жаловаться не могут. Населеніе балтійскаго побережья должно помнить, —говорит Виноградов, — что Рига, Ревель и Либава являются «воротами имперіи». Демократическая Россія пойдет очень далеко навстрѣчу требованіям эстонцев и латышей, но о «дверях» она никогда не забудет и не может забыть. В особенности же несправедливым является отдѣленіе Бессарабіи. «Тут мы имѣем полное забвеніе прав и интересов Россіи, — говорит П. Г. Виноградов. — С точки зрѣнія международной справедливости поступок ничѣм не может быть оправдан. Румыны захватили русскую провинцію, населенную русскими и молдаванами... Мы не будем обсуждать здѣсь, справедливо ли поступают румыны, забывая тот факт, что само существованіе их государства обусловлено побѣдоносными войнами Россіи с Турціей. Мы скажем лишь, что русскіе энергично протестуют против захвата.» В концѣ своего обзора П. Г. Виноградов приходит к слѣдующему выводу: «Русскій народ по природѣ своей и наклонностям демократичен, толерантен и охотно прощает свои обиды. Освободившись от самодержавія и успокоившись послѣ революціи, он всей душой присоединится к международному движенію в пользу мира и справедливости.»*)

Статья эта была написана в концѣ 1918 года. Затѣм выяснилось, что союзники усиленно подсказывают окрайнам сепаратизм

*) «The Reconstruction of Russia». Essays edited by Sir Paul Vinogradoff. F. B. A. Oxford University Press. 1919. P. 25.

и всячески поощряют его. Авторитетами по русским дѣлам у Ллойд-Джорджа становился тогда каждый англичанин, умѣвшій со словарем в руках добраться до смысла замѣтки в русской газетѣ. Нас, русских, живших в Лондонѣ, тогда посѣщал профессор біологіи С-н, понимающій немного по русски. На другой день послѣ перваго визита ко мнѣ профессор прислал мнѣ любопытное письмо, в котором благодарит за историческія сообщенія о Россіи. Профессор просил разъяснить ему один пункт. Я говорил ему, про смутное время. И вот С-н справлялся: «То ли самое это, что Пугачевщина или нѣчто другое.» Этот самый профессор был величайшим авторитетом у Ллойд-Джорджа по всѣм вопросам русской исторіи, этнографіи и географіи. Профессору С-ну принадлежит проект расчлененія Россіи по «діагонали»: от Балтійскаго моря до Каспійскаго. Ллойд-Джорджу хватился одно время за этот проект. Все это было извѣстно П. Г. Виноградову больше, чѣм другому русскому в Англіи. Это обстоятельство вызвало у П. Г. Виноградова горькія замѣчанія в англійской печати: я имѣю в виду обширную, в нѣсколько печатных листов, статью «Россія», помѣщенную в тридцать втором томѣ «Британской энциклопедіи», вышедшем в 1922 году. «Союзники поощряли и защищали всѣ національности Россійской имперіи, стремившіяся к отдѣленію. Во Франціи высказывались взгляды, что Польша и Румынія являются оплотом Западной цивилизаціи против русскаго варварства и германскаго милитаризма. Великобританія горячо поддерживала сепаратистскія стремленія балтійских провинцій (Латвіи, Эстоніи и Литвы) и Кавказских новообразованій (Грузіи, Арменіи и Азербейджана). Тенденція к расчлененію Россіи не могла быть согласована с идеалами русских патріотов; но союзники нашли возможным одной рукой поддерживать бѣлых, а другой — разрушать их родину.»

«Дѣйствія союзников в эти печальныя времена не были прямодушны,—говорит П. Г. Виноградов в другом мѣстѣ.—В январѣ 1919 года четыре великія державы рѣшили, что участники гражданской войны должны встрѣтиться в Принкипо и обсудить там условія мира. Предложеніе это свидѣтельствовало о том изумительном сочетаніи непрактичнаго идеализма с малыми знаніями, которое составляло отличительную черту Версальскаго конгресса. Так как аркадскіе планы примиренія в Принкипо встрѣчены были холодно, то начала зарождаться мысль о признаніи пролетарских диктаторов. послѣ того, как предпріимчивый американ-

скій журналист Буллит, негласно командированный в Россію, дал благопріятный отзыв. И в то же самое время Британское Военное Министерство одобряло (countenanced) план похода на Петербург под предводительством ген. Юденича. Предпріятіе это начато было с недостаточными силами (только пятнадцать тысяч человѣк).То был род азартной игры, которую вела Англія. Но и самый азартный игрок обыкновенно не поддерживает другую сторону, — говорит П. Г. Виноградов. В данном случаѣ, верховный комиссар союзников генер. сэр Хюберт Гауф гораздо больше обращал вниманія на домоганія эстонцев, совершенно не желавших побѣды Юденича, чѣм на нужды русских. Наивысшим проявленіем этой странной формы интервенціи явился ультиматум полковника Марша (начальника штаба ген. Гауфа), предъявленный русским: создать в 45 минут Сѣверо-Западное правительство и признать независимость Эстоніи. Нечего удивляться, если поход на Петербург не удался.»

В ноябрѣ 1919 года Ллойд-Джордж пришел к заключенію, что «надо отказаться от интервенціи и оставить Россію на произвол судьбы.» П. Г. Виноградов указывает в «Британской Энциклопедіи», что и радикалы, и консерваторы, в сущности говоря, были довольны, что Россія погибает. Большевики, с самаго начала, пользовались симпатіями рабочей партіи. Такія же симпатіи большевикам выражала радикальная печать. «Эти симпатіи выражались в разной формѣ и степени, — говорит П. Г. Виноградов. — Одни из симпатизирующих указывали, что насилія большевиков, — если только эксцессы дѣйствительно существуют, а не выдуманы контр-революціонерами, — являются неизбѣжными при разрушеніи стараго капиталистическаго порядка и перехода к высшему соціалистическому строю. Другіе защитники объясняли, что всякая революція должна сопровождаться суровыми актами, так как сдѣлать переворот на розовой водѣ нельзя. Иные, оспаривая вообще справедливость сообщеній о красном террорѣ, оправдывали его на всякій случай ссылками на дѣйствія царскаго правительства. «Народ мстит за старыя обиды», — писали однѣ радикальныя газеты. Всѣ напирали на террор бѣлых и возставали против интервенціи в их пользу. В то же самое время многіе консерваторы, сохранившіе традиціи Дизраели, радовались расчлененію Россіи, — указывает П. Г. Виноградов.—Затѣм были «реалисты», утверждавшіе, что раз большевики сидят у власти, выгоднѣе всего сторговаться с ними».

П. Г. Виноградов писал, как русскій патріот, но не как «бѣлый». Он высоко цѣнит личность и патріотизм ген. Корнилова, но указывает, что этот доблестный воин совершенно не был государственным человѣком. Тѣ люди, которые окружали его, уже ни в коем случаѣ не могли содѣйствовать государственному воспитанію ген. Корнилова. «Почти непонятно, как он мог выбрать своим уполномоченным полоумнаго В. Львова, — говорит Виноградов. И то была не единственная ошибка. Главным совѣтником ген. Корнилова был Завойко, второстепенный чиновник стараго режима, хитрый и ловкій, но совершенно недальновидный и не пользовавшійся никаким авторитетом. Затѣм совѣтником ген. Корнилова был еще шумливый, полуобразованный демагог Аладин, превратившійся в націоналиста и выдававшій себя за носителя секретной миссіи от союзной дипломатіи.» П. Г. Виноградов в «Британской Энциклопедіи» с горечью указывает на непростительныя ошибки бѣлых во время гражданской войны, которыя возстановили против них населеніе. «Ни на восточном, ни на западном фронтѣ бѣлым не удалось возстановить того довѣрія, которое является залогом успѣха.» С негодованіем П. Г. Виноградов говорит про дѣйствія «Освага», на который затрачено было до 200 милліонов золотых рублей.

П. Г. Виноградов ненавидѣл большевиков всей душой, как патріот и как ученый. Как патріот, он видѣл в них разрушителей родины; как ученый, он усматривал в большевизмѣ новую инквизицію, установившую господство одной доктрины помощью террора. Отношеніе Виноградова к большевикам видно; напр., из статей «Ленин», «Троцкій» и «Зиновьев» в «Британской Энциклопедіи».

Теперь приведу один примѣр, показывающій, как ревниво защищал в послѣдніе годы П. Г. Виноградов Россію от всяких «обид», иногда совершенно мнимых. Передо мною письмо Пав. Гав. от 25 іюня 1922 г. относительно одной главы моей книги, написанной для серіи «Economic and social History of the World War». Дѣло идет об обстановкѣ, при которой жили крестьяне до войны. По мнѣнію, П. Г. , картины, набросанныя мною, «страдают односторонностью.» «У иностранца, который прочтет главу, —писал П. Г. Виноградов,—возникает вопрос: «как до сих пор могло просуществовать это общество?» Враги Россіи и русскаго народа возьмут, — предсказывал Виноградов, «цѣлыя страницы» из этой книги. «Отвѣтственность остается на авторѣ, — продол-

жает П. Гав., — и я, как редактор, мог только устранить или нѣсколько смягчить крайности.» Письмо это меня крайне смутило тогда. Конечно, я писал книгу очень быстро, и какая-нибудь неуклюжая фраза могла вырваться; но план и тезисы были тщательно выработаны и продуманы. Мнѣ всегда казалось, что я, как старый народник, склонен идеализировать деревню, в особенности ту, которую знаю хорошо с дѣтства, т. е. деревню украинскую. И вдруг оказывается, что у меня «вышел памфлет на всю крестьянскую Россію.» В чем дѣло? Я свидѣлся с Пав. Гав. и увидал «ужасныя» мѣста. То были не мои слова, а двѣ выдержки из отчетов земских врачей. В первой выдержкѣ говорится: «Нѣт в мірѣ такой культурной страны, гдѣ всѣ неблагопріятныя капитальныя условія, подрывающія физическія и духовныя силы населенія, соединились бы с такой силой, как в Россіи. Жилище, питаніе, условія труда, водоснабженіе, состояніе почвы, — все это является грубым нарушеніем элементарных правил санитаріи.» И иллюстрируя это основное положеніе, взятое из отчета земскаго врача, я привел выдержку из книги «Умирающая деревня» с описаніем избы зажиточнаго крестьянина Воронежской губерніи. В помѣщеніи с 229,2 куб. ар. воздуха — жили 22 человѣка, так что на каждаго приходилось 9,5 куб. ар., или в шесть раз меньше, чѣм полагается по гигіенѣ. «Больные, старые, хилые и малолѣтніе члены семьи отправляют свои нужды в избѣ, тут же стряпают, сушат одежду, обувь, сбрую и курят махорку... Рано утром, послѣ ночи, воздух во многих избах бывает так плох, так зловонен и переполнен всевозможными испареніями людей, животных, земляного пола и грязной одежды, что у вошедшаго с улицы непривычнаго человѣка захватывает дух, начинает кружиться голова и тѣснить в груди чуть не до обморока. Это и есть, по всей вѣроятности, тот сказочный дух, который вездѣ различишь и в котором, по народной поговоркѣ, хоть топор вѣшай». Таковы были «страшныя» мѣста, смутившія Павла Гавріиловича. Читатель, вѣроятно, вспомнит, что книга «Умирающая деревня», вышедшая в 1909 году, принадлежит А. И. Шингареву. На это обстоятельство я указал тогда Виноградову. Ненависть к большевикам и страстная любовь к Россіи, в соединеніи, вѣроятно, с болѣзненным, затаеным сознаніем «отступничества», все это, мнѣ кажется, затуманило на момент проницательность и прозорливость большого ученаго. Остался только патріот, ревниво относившійся к чести родины и, без всякаго

основанія, страшащійся, что враг воспользуется как-нибудь даже не моим мнѣніем, а выдержкой из книги Шингарева для подкрѣпленія утвержденія: «Развѣ не правы были большевики, и т. д.?»

Эти маленькія интимныя черты, мнѣ кажется, помогут дорисовать портрет первоклассного ученаго с заслуженным міровым именем.

Діонео.

В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ.

Приказ по 3 особой пѣхотной бригадѣ во Франціи.

Генерал-от-инфантеріи Палицын телеграммою от 17 марта, за № 79, увѣдомил меня, что Его Императорскому Величеству Государю Императору угодно было отказаться от Престола и передать манифестом свой престол Великому Князю Михаилу Александровичу. Великій Князь Михаил Александрович, призывая благословеніе Божіе, просит всѣх граждан Россіи пока подчиниться Временному Правительству, составленному и избранному Государственной Думой. Объявляя о сем, предписываю командирам полков и маршеваго батальона прочесть этот приказ во всѣх ротах и командах. Г. г. офицеры и славные мои молодцы-братцы! В эти дни больших событій и перемѣн в нашей далекой, родной Россіи, я призываю Вас к особенно дружной, крѣпкой и неустанной работѣ, на славу и пользу нашей родины. Вся Русская армія и вся внутренная Россія воодушевлены единою мыслью упрочить силу, порядок и дисциплину в рядах доблестных наших войск и довести войну до побѣдоноснаго конца.

Подлинный подписал: Командующій бригадой,
Генерал-маіор *Марушевскій*.

С подлинным вѣрно : Начальник Штаба,
Генеральнаго Штаба Полковник Князь *Мурузи*.

С копіей вѣрно: Подпоручик *Протопопов*.

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА ИМЕНИ И. С. ТУРГЕНЕВА В ПАРИЖѢ

(1875-1925).

21 ноября 1925 г., в большом амфитеатрѣ Ришелье, в Сорбоннѣ, под почетным предсѣдательством профессора русскаго языка и литературы в Парижском университетѣ г. Эмиля Оман (Haumant), состоялось торжественное засѣданіе по случаю 50-лѣтняго юбилея Русской Общественной Библіотеки имени И. С. Тургенева в Парижѣ. Основаніе этого національнаго центра, одного из главнѣйших русских книгохранилищ за границею, тѣсно связано, с одной стороны, с именем великаго писателя, с другой стороны, с исторіей русскаго высшаго женскаго образованія, наконец, с исторіей русской политической эмиграціи.

Зачатки русской библіотеки в Парижѣ существовали еще до 1875 г. Политическіе эмигранты, в то время еще немногочисленные, жили довольно тѣсной семьей, встрѣчаясь на собраніях «русской колоніи»; по существу, это были лишь собранія учащейся молодежи, заброшенной в Париж интеллигенціи и, в особенности, русской эмиграціи. Помимо этой колоніи существовала и другая — оффиціально-бюрократическая, аристократическая и, отчасти, просто обывательская «русская колонія» в Парижѣ, группировавшаяся вокруг посольства и русской церкви на rue Daru. Было еще два центра «русской колоніи»: на Монмартрѣ и в кварталах Сен-Поля. Здѣсь жило большое количество эмигрировавшаго из Россіи русскаго еврейства.

Одним из главных «объединителей» парижской колоніи был знаменитый революціонер Герман Александрович Лопатин. Еще в 1870-71 г.г. пріѣхав в Париж, он был поражен разрозненностью русской эмиграціи. Ему пришла в голову, по свидѣтельству П. Л. Лаврова, мысль, что «русской эмиграціи того времени не доставало лишь авторитетнаго руководителя, под вліяніем котораго исчезли бы жалкіе раздоры из за мелочей»... С цѣлью дать эмиграціи такого руководителя, Лопатин предпринял свою знаменитую попытку освобожденія Чернышевскаго из Сибири. Он

хотѣл привезти его в Париж, чтобы вокруг него, как руководящей силы, сорганизовалась русская эмиграція. Арестованный в Иркутскѣ, он бѣжал через три года, в 1874 г., снова в Париж. Здѣсь прожил он 6 лѣт (до ареста своего на русской границѣ в 1879 г.). Он не вошел ни в одну из политических групп, но содѣйствовал объединенію эмиграціи. Между прочим, получая газеты и журналы, он дѣлился ими с товарищами по эмиграціи.*) Передача журналов, поступавших в циркуляцію между эмигрантами, совершалась в одном из кафе Латинскаго квартала.

Между тѣм, случилось обстоятельство, которое ускорило созданіе русской библіотеки в Парижѣ. Сюда нахлынула масса учащейся молодежи, искавшей, преимущественно, медицинскаго образованія. Правительство, с неудовольствіем слѣдившее за Цюрихом, который в 1868-1873 г.г. был центром русской эмиграціи, опубликовало 21 мая 1873 г. извѣстное «сообщеніе», в котором требовало, чтобы русская учащаяся молодежь покинула (к 1 января 1874 г.) Цюрих. Оно угрожало непослушным запрещеніем в Россіи какой-либо дѣятельности общественнаго и учено-учебнаго характера.**) Часть русской учащейся молодежи отправилась в Женеву и в Берн, но большинство ея поѣхало в Париж, который надолго стал центром высшаго образованія русских женщин.***) Русскій посол, кн. Орлов, оказал даже содѣйствіе открытію (в 1874 г.) дверей парижскаго медицинскаго факультета для русских женщин. Нахлынувшая в Париж учащаяся молодежь остро нуждалась в русских книгах и журналах.

Тургенев, жившій тогда в Парижѣ, горячо любил молодежь. В 1862 г. он не счел для себя унизительным дать самыя подробныя объясненія (по поводу Базарова) русской учащейся молодежи в Гейдельбергѣ. Он был постоянным жертвователем в «Русскую Академическую Читальню» в Гейдельбергѣ.****) Он же поддерживал постоянно русскую библіотеку в Цюрихѣ; сообщая Лаврову о правительственных мѣрах 1873 г., писал: «Вслѣдствіе

*) Воспоминанія Лопатина. «Отчет Тург. Библ. за 1912 г., с. 60; Лавров Г. А. Лон.», Пгр. 1919, с. 41-42.

**) «Прав. Вѣстник», 1873 г., № 120, 21 мая.

***) Фигнер. «Запечатлѣнный труд», т. I, стр. 74. Лавров. «Народники-пропагандисты», СПБ. 1907, стр. 70-71.

****) Сватиков. «И. С. Тургенев и русская молодежь в Гейдельбергѣ 1861-1862», «Нов. Жизнь», 1912, № 12; его-же «50-лѣтіе Русс. Пироговской Библіотеки в Гейдельбергѣ», «Нов. Журн. для всѣх», 1912, № 12.

этих драконовских мѣр наша русская колонія в Цюрихѣ, вѣроятно, разлетится прахом, а с нею и библіотека, куда мнѣ теперь уже незачѣм посылать экземпляры моих сочиненій.»*) Через нѣсколько дней Тургенев привѣтствовал в письмѣ к Лаврову его «благородный и исполненный достоинства протест» против правительственнаго сообщенія.**) Он же по просьбѣ Лаврова наводил справки о возможности пріема цюрихских студенток в германскіе университеты. Естественно, что именно к Тургеневу обратились иниціаторы устройства русской библіотеки для учащейся молодежи в Парижѣ, с Г. А. Лопатиным во главѣ.

Повидимому, постановленіе о созданіи Русской Библіотеки в Парижѣ сдѣлано было на новогоднем собраніи эмигрантской колоніи (1 янв. 1875 г.). Предсѣдательствовал на этих собраніях Г. А. Лопатин. Наряду с Лопатиным, главным иниціатором учрежденія библіотеки, выступил очень энергично и, затѣм, много поработал для ея устройства другой эмигрант, полковник генеральнаго штаба, автор извѣстнаго романа «Отщепенцы» Николай Васильевич Соколов.***)

Первое обращеніе к Тургеневу касалось снабженія библіотеки книгами и журналами. Тургенев откликнулся на просьбу Лопатина и дал большое количество книг, главным образом, своих собственных произведеній. Эти книги, а также пожертвованія самих эмигрантов, послужили основным фондом библіотеки. Кое что из этих книг сохранилось до наших дней. Затѣм Тургенев, со свойственной ему аккуратностью, тотчас же написал издателю «Вѣстника Европы» М. М. Стасюлевичу (6-18 янв. 1875 г.): «имѣю к Вам слѣдующую просьбу: распорядитесь высылкою

---

*) Письма Тургенева к Лаврову, «Мин. Годы», 1908, стр. 22.

**) Лист. «Русс. цюрих. студенткам» Лаврова, Цюрих, 1873, стр. 4.

***) Соколов был заподозрѣн в неблагонадежности, в связи с участіем в радикальном журналѣ «Русском Словѣ», арестован послѣ Каракозовскаго покушенія, сидѣл с 18 апрѣля по іюнь 1866 г., был освобожден и снова взят в ноябрѣ. Роман его был арестован до суда. В 1867 г. петербургская судебная палата осудила книгу на уничтоженіе, а автора на 16 мѣс. тюремнаго заключенія. Освобожденный лишь в 1868 г., Соколов был сослан в Мезень, оттуда переведен в Астраханскую губернію. 12 ноября 1872 г., при содѣйствіи Сидоренки, он бѣжал за границу и поселился в Парижѣ, гдѣ и прожил до дня смерти (5 марта 1888 г.). Воспоминанія его напечатаны в «Свободѣ», 1889 г., № 1; ряд статей в «Общ. Дѣлѣ» (1877-1891). Его перу принадлежит анонимная брошюра «Die Soziale Revolution» Leipzig 1869.

другого экземпляра «Вѣстника Европы» по слѣдующему адресу: Monsieur Chabry, 100, rue Monge. Тут устраивается небольшая русская читальня — и я хочу им поднести «Вѣстник Европы» в дар.»*) В письмѣ от 31 янв. (12 февр.) того же года Тургенев уже пишет: «первая книжка «Вѣстника Европы» получена в здѣшней читальнѣ и всѣ славословят и благодарят Вас»...**)

Повидимому, русская библіотека открыла свои дѣйствія 15 (28) января 1875 г. Для созданія фонда на содержаніе библіотеки снова обратились к Тургеневу , и тот рѣшил устроить музыкально-литературное утро у себя в домѣ (50, rue de Douai).

Были напечатаны и разосланы пригласительные билеты. В них точно была указана цѣль — «собрать средства на основаніе библіотеки для учащихся (pour fonder un cercle de lecture au profit des étudiants russes â Paris). Тургенев лично разослал их всѣм мало мальски выдающимся русским людям в Парижѣ (в том числѣ Гл. Ив. Успенскому). Г. Н. Вырубову и многим другим Тургенев написал даже личныя пригласительныя письма.***)

«Утро» состоялось 15 (27) февр. 1875 г.. Тургенев читал свой разсказ «Ходатай», пѣла Полина Віардо-Гарсіа; читали литераторы: Г. И. Успенскій и поэт Курочкин; играли скрипач Галкин и піанистка Есипова. Антокольскій пожертвовал свою статуэтку. «Утро» прошло с большим успѣхом, в присутствіи посла кн. Орлова. Собрано было 2.000 франков. Сумму эту Тургенев вручил эмигранту Деникеру, временно замѣнявшему Лопатина.****) На эти деньги была нанята квартира (в 3-м этажѣ, д. № 4, по улицѣ Виктор Кузэн). Читальня открыта была от 10 ч. утра до 8 ч. вечера. Библіотекарь присутствовал ежедневно 4 часа. Предсѣдателем правленія и общих собраній был Г. А. Лопатин; что касается состава правленія, то вполнѣ естественно, что в него попали исключительно женщины, учившіяся в Парижѣ и составлявшія в 1874-75 г. г. большинство мѣстной учащейся русской молодежи. Секретарем была избрана Марія Григорьевна

*) «М. М. Стасюлевич и его современники в их перепискѣ», СПБ. 1912, т. III, стр. 48.

**) «Письма И. С. Тургенева к М. М. Стасюлевичу», «В. Евр.», 1911, № 10, стр. 169.

***) Ср.: Вѣтринскій «Г. Успенскій в 70-80 г. г.», «Р. Мысль», 1913, № 8; «Отчет Т. Б.» за 1913 г., стр. 32-33.

****) Жозеф Деникер, потомок одного из участников похода 1812 г., оставшагося в Россіи. Эмигрировал в концѣ 70 г. г., Впослѣдствіи был библіотекарем при Jardin des Plantes.

Ге (учившаяся пѣнію), казначеем студентка-медичка (впослѣдствіи врач) Надежда Кузьминишна Скворцова, библіотекарем Александра Павловна Емельянова, слушательница Сорбонны по философскому факультету. Одновременно был выработан и устав, который неоднократно мѣнялся. Собранія членов библіотеки происходили довольно часто под предсѣдательством Лопатина (до 1879 г.). Состав членов был очень разнообразный: среди них были (первые 2½ года до основанія Общества русских художников) художники И. Е. Рѣпин, Полѣнов, В. К. Маковскій, Дмитріев-Оренбургскій, затѣм политическіе эмигранты, но, преимущественно, учащаяся молодежь.*) С теченіем времени, под вліяніем продолжавшагося открытія в Россіи высших женских курсов**), приток женской учащейся молодежи в Парижѣ ослабѣл, и библіотека перешла полностью в руки эмигрантов. В 1880 г. участіе студенческой молодежи в дѣлах библіотеки было уже мало замѣтно. 17 октября 1881 г. экстренное собраніе читателей библіотеки создало первое «Общество Русской Библіотеки».

Тургенев продолжал снабжать библіотеку книгами. Так, 6 (18) января 1876 г. он писал Стасюлевичу:« все прибыло благополучно — и отдѣльные экземпляры «Русской Библіотеки» (которые уже розданы по принадлежности) и № 1 «В. Е.»***) «Раздача по принадлежности » включала в себя и передачу в Русскую Библіотеку. Наконец, 9 (21) февраля 1876 г. Тургенев написал: «Любезнѣйшій Михаил Матвѣевич, обращаюсь к столь извѣстному Вашему великодушію и дружелюбію. — Можете ли Вы высылать один экземпляр «Вѣстника Европы» здѣшней Русской библіотекѣ, в которой я принимаю дѣятельный интерес. Адрес ея: «Bibliothèque Russe», rue Victor Cousin, 4, Paris»****).

О первом періодѣ существованія библіотеки сохранились свѣдѣнія в очерках 80-х годов: Ис. Павловскаго*****) и М. О. Ашки-

*) Воспоминанія Емельяновой. «Отчет Тург. Библ.» за 1912 г. стр. 59.

**) В 1878 г. — С. Петербургск. Жен. Курсы (Бестужевскіе) в 1876 — Казанскіе; в 1878 — Кіевскіе; в 1879 г. — Одесскіе.

***) «В. Е.», 1911, № 10, стр. 179.

****) «М. М. Стасюлевич», т. III, стр. 74.

*****) Isaac Pavlovsky «Souvenirs sur Tourgueneff» Paris 1883. (2-e ed. — 1887.) Исаак Як. Павловскій (ум. 1925), студ. Мед.-Хир. Акад., основал в 1874 г. в Таганрогѣ кружок, распространявшій революціонныя изданія; по дѣлу 193-х, послѣ 4-лѣтняго заключенія, приговорен к 3 м. тюрьмы; сослан административно в Пинегу, откуда бѣжал в 1878 г. в Париж. В серединѣ 80-х г. г. подал прошеніе о помилованіи, стал корреспондентом «Нов. Времени».

нази, писавшаго под французским псевдонимом Мишеля Делин*).

По словам Павловскаго, «никто из русских, кромѣ Тургенева, не занимался библіотекой, а — между тѣм — как она была полезна!... В ней всегда было много читателей. С утра и до вечера можно было с увѣренностью найти в ней десяток человѣк. Но не только никто не хотѣл принять участія в ея поддержкѣ уплатою нѣскольких франков в мѣсяц по подпискѣ, но, по русской привычкѣ, «зачитывали» книги, газеты и журналы. Дошло до того, что в один прекрасный день всѣ новые журналы исчезли. Через двѣ недѣли их нашли у букиниста на набережной.»

«Благодаря этому безпорядку, каждые 3 мѣсяца, библіотека подвергалась риску продажи с публичнаго торга за долг домохозяину. Тогда созывалось экстренное собраніе читателей, которые послѣ долгих дебатов, постановляли: «Принимая во вниманіе отсутствіе в кассѣ средств, — обратиться к И. С. Тургеневу...»

«Подобно банкиру, Тургенев уплачивал всегда необходимую сумму. Он дѣлал это не по безхарактерности, но потому, что считал полезным существованіе библіотеки, куда, впрочем, сам он не ходил».**)

В началѣ 80 г. г. библіотека помѣщалась на rue Berthollet, № 7. Завѣдывали ею в то время эмигранты Н. П. Цакни,***) Аркадакскій, Черепахин, Чепурин. От послѣдняго исполненіе обязанностей библіотекаря перешло к пріѣхавшему в 1883 г. в Париж, молодому эмигранту Рубановичу, впослѣдствіи видному дѣятелю партіи с.-р., представителю ея в Международном Соціалистическом Бюро.****) Принявши на себя вѣдѣніе библіотекой, Рубанович повидался с И. С. Тургеневым. Послѣдній, через П. Л. Лав-

*) M. Delines «Chez nos amis russes» Ашкинази эмигрировал в Париж в 1879 г., в связи с процессом Ковальскаго. Ему принадлежит книга: Mikhail Achkinasi «Les victimes du Tzar», Paris, 1881; и статья «Тургенев и террористы», «Мин. Г.», 1908, № 8, стр. 40.

**) Pavlovsky p. 163-164.

***) Цакни бѣжал в 1878 г. из Мезени (морем на англійском суднѣ). Побѣг свой он описал в «Cosmopolitan», т. 2, («My escape from prison»). Выпустил по французски книгу о расколѣ. В 1883 г. он подал прошеніе о помилованіи, был возвращен в Россію, гдѣ сотрудничал в «Недѣлѣ», был редактором «Южнаго Обозрѣнія».

****) Илья Адольфович Рубанович, студент-математик Новороссійскаго университета был арестован в Одессѣ за народовольческую пропаганду среди рабочих и, как французскій гражданин, выслан заграницу. Сватиков: «Опальная профессура 80-х г. г.», «Голос Мин.», 1917 № 2.

рова, просил молодого библіотекаря пріѣхать к себѣ, любезно принял его, с интересом разспрашивал его о тогдашнем состояніи библіотеки. Во время этой бесѣды Тургенев вспоминал о концертѣ, устроенном им для сбора средств на основаніе библіотеки, и говорил, что предполагает вновь организовать что нибудь для ея поддержанія*). Это доброе пожеланіе великаго писателя не осуществилось, так как вскорѣ болѣзнь Тургенева обострилась, и он скончался.

Вслѣд за этим на общем собраніи членов библіотеки было постановлено присвоить библіотекѣ, столь много обязанной великому писателю, его имя. Постоянная забота Ивана Сергѣевича о библіотекѣ, состоявшей в исключительном обладаніи и вѣдѣніи эмигрантов, тѣм болѣе дѣлала ему чести, что и правительство, и добровольные соглядатаи зорко слѣдили за сношеніями Тургенева с представителями эмиграціи. Достаточно было П. Л. Лаврову принять приглашеніе Тургенева и придти на литературно-музыкальный вечер другого основаннаго в Парижѣ **) Тургеневым общества («Общества русских художников»), чтобы это вызвало протест части членов, вмѣшательство посла, кн. Орлова, измѣненіе устава общества и т. д. ***) Тѣм болѣе ненавистной должна была казаться реакціонерам и посольским сферам эмигрантская библіотека, хранившая и выдававшая для чтенія русскую зарубежную литературу.

Конечно, наслѣдник цесаревич Александр Александрович (впослѣдствіи Александр III), который, в бытность свою в Парижѣ, счел долгом посѣтить «Общество русских художников» ****) и не подумал выказать вниманіе «Русской Библіотекѣ в Парижѣ». Вряд ли он и знал об ея существованіи, а если и знал, то лишь как о «логовищѣ нигилистов и террористов». Понятно поэтому, что еще в 1913 г. один из посольских священников увѣрял даму, искавшую в Парижѣ русскую библіотеку, что такой не существует *****).

---

*) Воспоминанія Рубановича. «Отчет правленія Тург. Библ.» за 1913 г. стр. 30-31.

**) В 1877 г.

***) Было это в 1882 г. См. Лавров: «И. С. Тургенев и развитіе русс. общества», «Вѣстник Нар. Воли», № 2, Женева, 1884, стр. 138-140.

****) Тургенев был пожизненным секретарем «Общ. русск. художн.»

*****) «Отчет Тургеневской библіотеки» за 1913 г., стр. 17.

Всѣ годы своего существованія Тургеневская библіотека служила преимущественно русским обитателям Латинскаго квартала и лѣваго берега Сены. Исключеніем является період с 1918-1919 г. г., когда в Париж хлынула волна новой эмиграціи из Россіи. Россійское же посольство (до 1917 г.) разсматривало Общественную библіотеку имени Тургенева, как «революціонное учрежденіе», и один из представителей посольства характеризовал ее (в 1911 г.), как tout à fait illégale.

В началѣ 80-х годов Тургеневская библіотека была единственным видным центром русской лѣвобережной колоніи, так что, напр., послѣ ареста П. А. Кропоткина в декабрѣ 1882 г., Катков в «Московских Вѣдомостях», изображая движеніе среди революціонной эмиграціи, писал: «Нигилисты на улицѣ Бертолле зашевелились»...

Из бытовых подробностей Рубанович вспоминает, что в то время зачастую в библіотекѣ ночевали люди, не имѣвшіе другого пристанища.*) В том же духѣ освѣдомлял директора Департамента Полиціи в своей секретной запискѣ о революціонном движеніи Я. В. Стефанович (1882 г.). Он писал: «Нигдѣ эмиграція так не бѣдствует, как в Парижѣ. Перспектива большей возможности найти работу в таком огромном центрѣ гонит ее, главным образом, сюда. Многим, дѣйствительно, удается пристроиться то на заводах (Аркадакскій, Орлов, Преферанскій и др.), в типографіях, то в качествѣ чертежников (Айвазов, Таксис) или просто чернорабочих, разносчиков и т. д. Но не мало таких, которым незнаніе языка мѣшает найти хоть временную работу, или просто почему нибудь ее не удается им найти. Живут они кое как, на счет других, часто без квартиры, проводя ночи то у того, то у другого, а случается и на бульварах. Привилегированную часть эмиграціи составляют литераторы или корреспонденты газет (Лавров, Ткачев, Цакни, Павловскій, Ашкинази, Деникер, Бух и др.). Но собственно один Лавров всегда выказывает участіе в матеріальной поддержкѣ бѣдствующих... Вообще-же, можно сказать, что соціальные инстинкты парижской эмиграціи значительно ниже швейцарской. Там все таки есть эмигрантскія кассы (в Женевѣ и Бернѣ), как онѣ ни бѣдны, есть библіотека, о которой заботятся и содержат на общественный счет. Здѣсь, в Парижѣ, никакой кассы не существует, и нерѣдко за помощью

*) «Отч. Тург. библ.» за 1913 г., стр. 32.

кому-нибудь заболѣвшему обращаются в Женеву. Парижская библіотека находится в самом жалком видѣ и служит больше пристанищем бездомных, чѣм читальней. Живут здѣсь гораздо разрозненнѣе, чѣм в других пунктах, часто совершенно не знают друг друга».*)

Средства библіотеки были крайне скудны. Нѣкоторое оживленіе внесла в ея жизнь новая волна эмиграціи. Это были представители еврейской молодежи, принужденной покинуть родину вслѣдствіе погромов, затѣм введенной в Россіи процентной нормы при поступленіи в высшія учебныя заведенія. Вскорѣе сюда двинулись вновь в поисках высшаго образованія (в частности медицинскаго) русскія дѣвушки, так как в Россіи были уничтожены одни за другими высшіе женскіе курсы.**)

Из Бѣлостока пріѣхала энергичная группа, состоявшая из г-жи Вильбушевич (впослѣдствіи доктора Nageotte), Каплана, Загельмана. Эта студенческая группа взяла библіотеку из рук представителей стараго поколѣнія эмиграціи и перевела ее, сначала, на бульвар Пор Рояль, а потом, когда помѣщеніе оказалось слишком тѣсным, на rue de la Glacière, № 20.

В началѣ 80-х годов около библіотеки шла борьба между группою старых эмигрантов и студенческой молодежью. Был момент, когда библіотекарем и единственным человѣком, заботившимся о ней, оказался писатель Пр. В. Григорьев, участник Ткачевскаго «Набата». Он жил в помѣщеніи библіотеки и даже, по словам эмигранта Кервили, «в буквальном смыслѣ слова питался ею, так как в трудныя минуты своей жизни продавал библіотечныя книги». Чтобы предотвратить дальнѣйшее распыленіе библіотеки Аркадакскій, Аитов, Кервили и нѣкоторые другіе лица взяли на себя иниціативу по устраненію Григорьева от завѣдыванія библіотекой. Тот не сдавался, дѣло доходило до полицейскаго комиссара, который, конечно, не мог разрѣшить спор и предоставил им вѣдаться, как хотят, между собою. В концѣ концов Григорьев был удален, хотя в колоніи и раздавались голоса в его пользу и против новой группы. Книги были постепенно выкуплены у букинистов....***)

---

*) Стефанович. «Русск. революц. эмиграція». «Былое». № 16 (1921г.) стр. 83-82.

**) С 1881 г. прекратился пріем на Врачебные Курсы, и они закрылись в 1886 г., с 1886 г. на всѣ остальные.

***) Воспоминанія графа де-Кервили, «Отч. Тург. Библ.» за 1912 г., стр. 61-62.

У студентов библіотека была вновь отнята эмигрантской группой, в которой были: народоволец Бах, жившій под псевдонимом Бѣльскаго, Вронскій и Григорьев. Они в буквальном смыслѣ захватили библіотеку, так как в их распоряженіи оказались ключи. Они предъявили к студенческой группѣ ряд обвиненій, напримѣр, даже в продажѣ шкафов. Рубановичу пришлось давать по этому поводу свидѣтельскія показанія на общеколоніальном собраніи под предсѣдательством Лаврова, к которому обратились за разрѣшеніем спора обѣ группы. По словам Рубановича, студенты, дѣйствительно, продали старые шкафы на улицѣ Бертолле, но с полнаго согласія своих предшественников по завѣдыванію библіотекой и с условіем сдѣлать новые в новом помѣщеніи, что и было ими исполнено.*)

Всякаго рода споры о характерѣ библіотеки были прекращены послѣ «общаго библіотечнаго собранія», 3-го ноября 1888 г., утвердившаго новый «Устав Русской Общественной Библіотеки в Парижѣ.»**) По этому уставу жила библіотека до 23 апрѣля 1911 г., когда он был измѣнен. В ст. I-ой было установлено, что «цѣль Русской общественной библіотеки — дать проживающим в Парижѣ русским возможность поддерживать духовное общеніе с родиной и слѣдить по газетам и журналам за развитіем ея литературы, науки и жизни». Таким образом, в уставѣ не был подчеркнут ни эмигрантскій, ни студенческій ея характер.

Ст. 2-я устанавливала: «Как учрежденіе общественное, основанное коллективным усиліем многих лиц, Р. О. Библіотека не может ни в каком случаѣ перейти в собственность частнаго лица или в исключительное пользованіе отдѣльнаго кружка». Статья эта оградила библіотеку от захвата отдѣльной политической партіи. Для огражденія библіотеки от мѣняющагося и случайнаго состава колоніи было постановлено, что пользующіеся библіотекой дѣлятся на читателей и членов (ст. 4). Членами постановлено было считать всѣх лиц, «которыя, собравшись на экстренное собраніе 17 окт. 1881 г., были выбраны на нем взаимной баллотировкой» (ст. 6). Устав допустил, кромѣ русских, в число членов и «лиц других національностей, интересующихся

---

*) Воспоминанія Рубановича, «Отчет Тург. Библ.» за 1913 г., стр. 31.

**) Отпечатан в русской типографіи Сидорацкаго, 50, av. Mozart, в 1888 г., 6 стр.

русской литературой и жизнью». Ст. 8 объявила первыя 7 статей не подлежащими измѣненію «ни в каком случаѣ».

При дѣйствіи этого устава многолѣтним библіотекарем был г. Шульмейстер, скончавшійся в началѣ 900 г. от чахотки. По воспоминаніям Рубановича, многолѣтним казначеем в 80-90 г. г. был Д. А. Аитов, энергичными работниками — г. г. Ліон и Мейер. Библіотека просуществовала на ул. Глясьер с 1883 по 1900 г., когда переѣхала на старинную улицу Сен-Жак, в дом № 328.

Здѣсь, в квартирѣ рядом с бывшей квартирой П. Л. Лаврова, библіотека пробыла до декабря 1913 г., когда она перешла в послѣднее, занимаемое ею и в 1925 г. помѣщеніе (№ 9, rue du Val de Grâce). С 1900 по 1924 г., почти без перерыва, предсѣдателем правленія состоял доктор медицины Лев Исаевич Шейнис, трагически погибшій в 1924 г.

В XX вѣкѣ Библіотека дважды переживала затруднительный період: было это 1905-1906 и 1917-1918 г. г. Амнистія 1905 года вызвала значительный отлив эмигрантов в Россію, и это сильно отозвалось и на числѣ абонентов и на матеріальном положеніи Библіотеки. Она еще сводила концы с концами, благодаря исключительно безплатной работѣ членов правленія, старых эмигрантов, не покинувших Франціи и Парижа. Необходимо отмѣтить, что в 1908 и 1909 г. не созывалось общее собраніе, и в 1910 г. оно состоялось лишь 11 апрѣля. Новый состав правленія заключал в себѣ предсѣдателя Шейниса, а также весьма энергичных работников в лицѣ Н. А. Золотарева (казначея) и Еремина (секретаря).

Дѣятельность, развитая этим составом правленія в період 1910-1914 г. г., была чрезвычайно полезна по своим результатам для библіотеки, как в смыслѣ упорядоченія ея дѣятельности, так и в смыслѣ увеличенія книжных богатств.

Правленіем были выработаны в 1910 г. формы денежной отчетности, абонементных листков и прочія правила, примѣнявшіяся затѣм в теченіе 15 лѣт без измѣненій. Упорядоченіе денежной отчетности повліяло и на успѣшное поступленіе средств.

Общее собраніе членов 23 апрѣля 1911 г. утвердило новый «Устав Тургеневской Библіотеки в Парижѣ». В этом уставѣ еще болѣе подчеркнут характер ассоціаціи с опредѣленным составом членов, но, во избѣжаніе превращенія общества в застывшую группу, членскія права даны всѣм подписчикам, уплатившим не менѣе, как за 2 мѣсяца.

В 1922 г. произошло новое измѣненіе устава, продлившее срок дѣятельности правленія до 3-х лѣт, а срок пребыванія подписчиком, дающій право голоса, до 6 мѣсяцев.

Война 1914 г. оказала сильнѣйшее вліяніе на дѣятельность библіотеки. Пошли добровольцами в ряды французских войск и предсѣдатель Шейнис, продѣлавшій всю войну и затѣм в 1917-1919 г. г. бывшій в составѣ французской военной миссіи в Россіи, и наиболѣе дѣятельный член правленія Николай Алексѣевич Золотарев, погибшій смертью храбрых. Амнистія 1917 года, вызвавшая массовый отъѣзд эмигрантов на родину, нанесла тяжкій удар библіотекѣ. Возник даже вопрос о ея ликвидаціи, о передачѣ ея в Библіотеку Школы Восточных Языков (что противорѣчило бы уставу).

Энергическія дѣйствія старых эмигрантов, не покинувших Парижа, спасли снова ея существованіе. Были приглашены 2 библіотекарши, обязательный и платный труд которых замѣнил прежнее добровольное (безплатное) дежурство членов правленія.

Перед войной Академія Наук в Петроградѣ приняла Тургеневскую библіотеку под свое покровительство и обѣщала дать ей и высылать впредь всѣ свои изданія. К сожалѣнію, всѣ эти добрыя пожеланія высшаго научнаго учрежденія не осуществились из за россійских событій 1918 и послѣдующих годов.

До 1910 г. библіотека сравнительно мало тратила денег на покупку книг: покупалась преимущественно беллетристика, книги по исторіи, исторіи литературы, соціологіи. Отдѣлы «Rossica», иностранной беллетристики, русских писателей на иностраных языках, и, конечно, русской зарубежной, так наз., «нелегальной » литературы создались путем пожертвованій.

Количество книг измѣнялось слѣдующим образом: в началѣ 1900 г. г. в библіотекѣ было около 3.500 томов; в 1910 г. — 5350 т., не считая 4.000 т. журналов и 2.000 дублетов, а всего 11,500 томов.

В 1913 г., перед войной, в библіотекѣ было 11.850 томов, около 4.500 т. журналов и 1000 т. в дублетах, а всего около 17.350 т. т. В 1925 г. в библіотекѣ состояло: по беллетристикѣ 8.000 т. т.; по соціологіи и экономическим наукам — 3.000; по исторіи — 2.200; по исторіи литературы и публицистикѣ — 1.800; по естествознанію и математикѣ — 1.500; по философіи, педагогикѣ и богословію — 1.500; по искусству — 900; по географіи — 800; по юриспруденціи — 600; по иностранной беллетристикѣ —

2.600; по русской литературѣ на иностр. яз. — 300; Rossica — 900; брошюрный (бывшій «нелегальный») отдѣл — 3.000; дѣтских книг — 2.200; учебников — 800; справочных — 300; а всего 30.400 т.т. Сюда нужно прибавить 10.000 т. т. журналов и 10.000 архивных (дублетных) томов, а всего 50.000 томов.

Наконец, нѣсколько слов об абонентах. В началѣ 1880 г. г. их были немногіе десятки; в 1910-х г. г. сотни; в 1925 г. числилось около 2.000 абонентов, из них около 1.000 постоянно берущих книги. Волею судеб, как и в царскія времена, Русская Библіотека в Парижѣ остается неизмѣнно безпартійным, культурно-просвѣтительным, независимым *общественным* учрежденіем. Будет время — и оно недалеко! — когда Русская Библіотека в Парижѣ станет учрежденіем національным.

Сергѣй Сватиков.

ПО ПОВОДУ «Ъ».

(Статистическая справка).

Мы отнюдь не являемся безусловными противниками новой орѳографіи. Правда, реформа Академіи Наук нас во многом не удовлетворяет. Старое правописаніе нам ближе — оно эстетичнѣе, оно одно только передает нюансы нашего языка. Но писать теперь в Россіи все же будут, вѣроятно, по-новому.

Издавая свой журнал в эмиграціи, мы печатаем его по привычной нам орѳографіи, исключив лишь Ъ на концѣ слов. По техническому недоразумѣнію он выпал и в серединѣ слов в послѣдней книжкѣ. Спѣшим возстановить его законныя права. Но этих «прав», за исключеніем традиціи, нѣт у него для завершенія слов. Сколько лишних страниц отняла бы у нас эта ненужная традиція, если бы мы слѣдовали ей! Вот маленькій подсчет. Мы выпустили за время своего пребыванія за рубежом 15 книжек журнала. Если мы возьмем в среднем даже только 3 знака на строку, то на страницѣ будет около 141 знаков; в листѣ 2256. В книгѣ 45120. В 15 книгах 676800 знаков, т. е. мы дали бы болѣе 15 листов одного только Ъ. Не слишком ли это роскошно! Мы потеряли бы возможность дать читателю лишних 250 стр. текста и стоил бы нам этот самый Ъ, без пользы для читателей и для исторіи, по меньшей мѣрѣ 8.000 фр.

М.

ВОСПОМИНАНІЯ ГЕН. БОЛДЫРЕВА.

В. Г. Болдырев, бывш. проф. Академіи Генеральнаго Штаба, командовавшій 5 арміей перед захватом власти большевиками, позже активный дѣятель «Союза Возрожденія Россіи», член Временнаго Сибирскаго Правительства, так называемой Уфимской Директоріи — ея Верховный Главнокомандующій, нынѣ член «Сибирской Плановой Комиссіи» у большевиков, выпустил в Новониколаевскѣ, в изданіи Сибирскаго Краевого Госизд., свои воспоминанія за період 1917 — 1922 гг: «Директорія, Колчак, Интервенты». «Выпустил».... трудно сказать — добровольный или принудительный характер носит это изданіе, воспроизводящее в значительной степени дневник ген. Болдырева за указанные годы. Сам автор говорит слѣдующее по этому поводу: «по иниціативѣ редакціи «Сибирскіе Огни», вкратцѣ познакомившейся с моим матеріалом, мнѣ было предложено Сибкрайиздат. обработать их для подобной книги». «Я оставил записи дневника в неизмѣнном видѣ, за исключеніем редакціонных поправок... выпущено то, что носит исключительно личный характер или то, что не имѣет широкаго политическаго или общественнаго значенія». Редактор изданія Вегман в своем предисловіи дѣлает своеобразную оговорку. «При провѣркѣ же дневника, сданнаго в печать, с той точной копіей с подлинника, которая находится у пишущаго эти строки, оказалось, что мѣстами редакціонныя поправки автора придают сейчас совсѣм другой оттѣнок дѣйствительной записи. Мы сочли поэтому своей обязанностью в примѣчаніях возстановить точную запись тѣх отдѣльных мѣст, истинный смысл которых, по нашему мнѣнію, немного пострадал от руки самого автора.

Сожалѣем только о том, что лишены возможности провѣрить по подлиннику весь дневник; ибо в нашем распоряженіи имѣются только записи с 3 октября 1918 г. по 4 окт. 1919 г. включительно и часть записей, относящихся к 1920 — 21 годам».

Как надо понимать этот оригинальный контроль «редактора»? Почему подлинники оказались у Вегмана? Производит впечатлѣніе, что здѣсь не обошлось без содѣйствія Г. П. У. Вегман еще в № 5 — 6 «Сибирских Огней» стал опубликовывать отрывки из дневника Болдырева, в то время, как сам автор находился еще в Новониколаевской тюрьмѣ. Таким образом большевицкій

литератор и большевицкая охранка оказались в трогательном единеніи.*)

Сдѣланная оговорка необходима для правильной оцѣнки дневника Болдырева, ибо, если не в текстѣ дневника, то в сопровождающих его дополнительных воспоминаніях, особенно в введеніи (дневник начинается помѣткой 3 октября 1918 г.), чувствуется нѣкоторая приспособляемость автора, правда, приспособляемость весьма умѣренная — экивоки в сторону народнической и либеральной интеллигенціи и признаніе реализма и в сущности правоты новых представителей «революціонной Россіи».

«Произошло то, что, видимо, должно было произойти.

Произошла смѣна эпох и культур. Эта смѣна подготовлялась десятками предшествовавших лѣт и страданіями великой міровой войны...

Перемѣнились роли классов в государствѣ».

Ген. Болдырев, служащій нынѣ большевикам, не похож на генералов типа Слащова, перешедших к большевикам и раскаявшихся уже в бытность в эмиграціи. Послѣ переворота 18 ноября 1918 г., выдвинувшаго адм. Колчака, его судьба такова. Он переѣхал в Японію, гдѣ прожил, наблюдая происходившія событія, до 1920 г. 19 января этого года он переправился во Владивосток, когда хозяином положенія фактически там был еще ген. Розанов. Болдырев пережил здѣсь всѣ послѣдующіе перевороты, принимал то или иное активное участіе в смѣнявшихся правительствах Приморской области. Послѣ паденія послѣдняго Меркуловскаго правительства остался во Владивостокѣ и был арестован 5 ноября 1922 г..

Редактор изданія, как мы увидим ниже, не без основанія отмѣчает, что уже в бытность на Дальнем Востокѣ Болдыреву, нѣсколько неожиданно воспріявшему пресловутую идею «буферных государств», удалось нѣкоторыми поступками доказать, что он распростился с прошлым и оріентируется на совѣтскую власть. Таким образом «смѣна вѣх» началась задолго до 22 іюня 1923 г., когда Б. из тюрьмы обратился в В. Ц. И. К. с заявленіем, в котором, между прочим, говорил:

«Внимательный анализ пережитых пяти лѣт революціи привел меня к убѣжденію:

1) что за весь этот період только совѣтская власть оказалась способной к организаціонной работѣ и государственному строительству среди хаоса и анархіи, созданных разорительной

*) По существу добавленія Вегмана не имѣют большого значенія, и мы не будем ими пользоваться, дабы не нарушать желанія автора, исключившаго нѣкоторыя сильныя выраженія в дневникѣ. Гораздо интереснѣе дополнительные матеріалы, которые можно почерпнуть в обильных примѣчаніях Вегмана и которые, вѣроятно, получены также из болдыревскаго «архива» не без содѣйствія Г. П. У.

Европейской, а затѣм внутренней гражданской войнами, и в то же время оказалась властью твердой и устойчивой, опирающейся на рабоче-крестьянское большинство страны;

2) что всякая борьба против Совѣтской власти является безусловно вредной, ведущей лишь к новым испытаніям, дальнѣйшему экономическому разоренію, возможному вмѣшательству иностранцев и потерѣ всѣх революціонных достиженій трудового населенія;

3) что всякое вооруженное посягновеніе извнѣ на Совѣтскую власть, как единственную власть, представляющую современную Россію и выражающую интересы рабочих и крестьян, является посягновеніем на права и достояніе граждан Республики, почему защиту Сов. Россіи считаю своей обязанностью.

В связи с изложенным, не считая себя врагом Сов. Россіи и желая принять посильное участіе в новом ея строительствѣ, я ходатайствую в порядкѣ примѣненія амнистіи о прекращеніи моего дѣла и об освобожденіи меня из заключенія. Если бы представилось возможным, я был бы рад вновь посвятить себя моей прежней профессорской дѣятельности»

В. Ц. И. К. ходатайство В. Болдырева удовлетворил, — в порядкѣ амнистіи Болдырев был освобожден из заключенія, и дѣло о нем прекращено.

У нас нѣт никакого основанія сомнѣваться в искренности ген. Болдырева, постепенно как бы сжигавшаго свои корабли. Поэтому не приходится ждать стилизаціи дневника в духѣ, желательном для большевиков, и мы можем разсматривать этот дневник, как документ, как записи, сдѣланныя в соотвѣтствующій період или во всяком случаѣ передающія мнѣнія и факты в том видѣ, как они рисовались тогда автору. Недаром Вегман упрекает Б. в идеализаціи Директоріи — он «поет настоящій гимн Директоріи, перечисляя всѣ ея доблести и заслуги». И записки ген. Болдырева дают кое-какіе отвѣты на вопросы, которые возникают при чтеніи по большей части чрезмѣрно субъективных оцѣнок и выводов, исходящих от другой заинтересованной стороны и касающихся эпохи Директоріи и «Колчаковскаго» переворота.

I. До переворота 18 ноября.

Мы остановимся преимущественно на этих матеріалах, оставляя в сторонѣ общее введеніе, характеризующее нам время, которое предшествовало образованію Директоріи. Здѣсь в сущности новаго ничего нѣт. Интересно, пожалуй, отмѣтить одно — оцѣнку, которую дает Б. самарскому Комучу и Сибирскому Областному правительству в момент, когда Б., по порученію «Союза В. Р.»*), перешел за большевицкій кордон.

*) Он нѣсколько преувеличивает свою роль, когда говорит, что эта политическая организація и возникла до извѣстной степени по его инициативѣ.

С легкой руки нѣкоторых исторических повѣствователей и мемуаристов утверждается мнѣніе, что Самара — это центр демократіи, Сибирь — с самаго начала гнѣздо реакціи. Народ, не шедшій под знамена генералов, охотно примыкал к правительствам, руководимым с.-р. партіей. Записи ген. Болдырева, с самаго начала занявшаго отрицательную позицію по отношенію к Сибири и выполнявшаго московскія директивы, не подтверждают этого представленія. Опасливость тогдашняго Омска базировалась и на вполнѣ конкретных соображеніях государственных. С другой стороны, когда в Москвѣ вырабатывались различныя формы соглашенія и объединенія для созданія единаго національнаго противобольшевицкаго фронта, информація была бѣдна и не учитывался достаточно намѣчавшійся уже путь возрожденія Россіи «через Сибирь». Столкновеніе этих тенденцій — сибирской государственности и партійных самарских воспріятій, с самаго начала дѣлало Уфимское соглашеніе непрочным и ставило Директорію в тяжелое и противорѣчивое положеніе.

«Наибольшая внутренняя рознь чувствовалась, — пишет Б. — при видимом внѣшнем соглашеніи, между Самарой и Омском. Представители Омска имѣлись на Дальнем Востокѣ (Владивосток) и вели переговоры с союзными представителями за признаніе их правительства, как Всесибирскаго, которое должно было в будущем послужить основой для Всероссійскаго правительства. Таким образом, намѣчался путь возрожденія — через Сибирь к Россіи.....

Положеніе особенно обострялось нежеланіем Омскаго Правительства посылать свои войска для подкрѣпленія Волжскаго фронта. Это обстоятельство весьма болѣзненно учитывалось не только силами Народной арміи, но и чехо-словаками, на которых в это время лежала, пожалуй, главная часть борьбы и охрана внутренняго порядка.

По прибытіи моем в Самару один из виднѣйших вождей Народной арміи, полковник Каппель, от имени измученной непрерывными походами и боями арміи, почти ультимативно заявил мнѣ о необходимости немедленнаго общаго и политическаго объединенія. Об этом же заявляли и представители чехо-словаков.

Эгоизм Омскаго правительства оправдывался до извѣстной степени необходимостью окончанія подготовки нарождающейся Сибирской арміи.

Истинная причина была, конечно, гораздо глубже. При тѣх стремленіях, коими было заражено Сибирское правительство, всякая неудача Самары, в том числѣ и колебанія боевого престижа арміи «Учредилки», было, несомнѣнно весьма выгодно, особенно в связи с тѣми переговорами с союзными представителями, которые велись в это время П. В. Вологодским во Владивостокѣ».

И дальше:

«Отмѣченные успѣхи на Волжском фронтѣ в сущности

всецѣло должны быть отнесены за счет добровольческих отрядов полковника Каппеля и Махина, насчитывавших не болѣе 3000 бойцов и 3 — 4000 чехов, дравшихся на этом фронтѣ. Собственно, Народная армія, состоявшая из мобилизованных солдат и офицеров, представляла боевой матеріал весьма невысокаго качества и являлась скорѣе обузой, требовавшей значительных средств на ея содержаніе. Из 50 — 60000 мобилизованных вооруженных бойцов насчитывалось не болѣе 30000 человѣк, да и то глубоко зараженных тѣм общим отвращеніем ко всяким жертвам государственнаго порядка, которое тогда рѣзко проявлялось со стороны городского и деревенскаго обывателя».

Так или иначе на Уфимском совѣщаніи произошло формальное «соглашеніе верхов» — как говорит Болдырев. Это формальное соглашеніе в сущности нарушал московскій договор, который устранял всякій «контроль» над образовываемой властью, как бы «туманно» он не был выражен, со стороны Учредительнаго Собранія стараго созыва. На путь компромисса встал, как разсказывает автор — Союз Возрожденія, иначе надо было «счесть попытку объединенія недостижимой и предоставить событія их естественному ходу». Оформить это рѣшеніе, т. е. признаніе стараго Учредительнаго Собранія, собравшагося в «законном составѣ» к «опредѣленному сроку», и декларировать его на Уфимском Совѣщаніи выпало на долю именно В. Г. Болдырева. Фикція всегда вредна и, пожалуй, дѣйствительно лучше было предоставить событія их естественному ходу. Болдырев посылает Н. И. Астрову упрек (надо помнить, что «дневник» Болдырева еще не фигурирует) за то, что послѣдній, «увлеченный настроеніями юга России, отрекся от Директоріи, забыв, что когда то давал согласіе на свою кандидатуру». Может быть, тактически Н. И. Астров сдѣлал ошибку — это зависит от реальной оцѣнки тѣх или иных тактических методов в политической борьбѣ, но Астров не давал согласія на вступленіе в Директорію при тѣх условіях, в которых она создалась. Эти условія в корень противорѣчили рѣшеніям Союза Возрожденія и соглашенію послѣдняго с Національным Центром*).

Таким образом не сама по себѣ идея диктатора и во всяком случаѣ не она только подтачивала фундамент демократической всероссійской власти: «считают — записывает Болдырев 9 октября — что Директорія недолговѣчна, через 2-3 мѣсяца ее смѣнит Учредительное Собраніе, которому никто не вѣрит».

Событія не заставили себя ждать.

Теперь уже будем слѣдовать записям дневника. В этих за-

---

*) Надо имѣть в виду и то, что фактически при отсутствіи Н. И. Астрова и Н. В. Чайковскаго, котораго замѣнил В. М. Зензинов, представляющій как бы центр с.-р. партіи, в сущности состав Директоріи получился иной, чѣм он намѣчался в Москвѣ. Равновѣсіе не было соблюдено.

писях, за время, когда Болдырев был Верховным Главнокомандующим, заслуживают быть прежде всего отмѣченными разрушающія обычное представленіе указанія на то, что задолго до «колчаковскаго» переворота чешскія войска перестали быть главной боевой силой на фронтѣ. На это указывал еще адм. Колчак в своих судебных показаніях.

«Направленіе к Уфѣ почти открыто» — записывает Б. 16 октября — первая чешская дивизія оставила фронт и преспокойно застопорила своими эшелонами желѣзную дорогу». «На самарском фронтѣ плохо. Чехи деморализованы, наши тоже» (16 окт.). ...«У чехов неладно. Со всего фронта они отведены в тыл для приведенія в порядок. Фронт держится исключительно русскими войсками» (2 ноября). «С чехами, по мнѣнію Нокса, плохо. Они считают, что воевать за Россію довольно, пора ѣхать в свободную Чехію. Возникает вопрос об удержаніи их, хотя бы в ближайшем тылу» (4 нояб.). «Вечером говорил с Сыровым. Он безпокоится за фронт. Чехи, видимо, серьезно рѣшили не воевать. Особенно разложилась их первая дивизія на Уфимском фронтѣ. Сыровой не отрицает возможности катастрофы. Надо полностью смѣнять чехов, а пока еще нечѣм» (7 ноябр.). «Развал, начавшійся в чешских войсках, грозил значительно понизить их значеніе в Сибири и в глазах иностранцев. Гайда все это несомнѣнно учитывал. Он пытается начать формированіе русско-чешских полков, настойчиво требует присылки на его фронт полностью всего средне-сибирскаго корпуса, чтобы за счет русских войск усилить свой престиж и сохранить свое вліяніе в Сибири и среди иностранцев» (12 ноября).

«Всѣ эти заявленія Гайды — добавляет автор — показывали на стремленіе его вырваться из общей системы управленія и дѣйствовать в своих личных интересах.

Его предпріимчивость пошла так далеко, что он нашел возможным подкрѣпить свои требованія ультимативной формой, назначив 48 часов на выступленіе требуемых частей и такой же срок на устраненіе от должности начальника штаба Сибирской арміи г.-м. Бѣлова, котораго он считал главным виновником задержки с высылкой подкрѣпленій. При неисполненіи — грозил двинуть войска на Омск и «сдѣлать такой порядок, что долго будут помнить».

Ненормальность положенія главнокомандующаго осложнялась не только сепаратным дѣйствіем союзников, но и «искусственно создаваемой» зависимостью от чехов в смыслѣ боевого снабженія. «У чехов все есть» — замѣчает автор, и дает яркую характеристику положенія русских солдат.

«Посѣтил 2-й батальон 8-го кадроваго полка. Картина потрясающая: люди босы, оборваны, спят на голых нарах, нѣкоторые даже без горячей пищи, так как без сапог не могут пойти к кухням, а подвезти или поднести не на чем. Вот оно

бумажное благополучіе, которым так щеголяет штаб Сибирской арміи.

Солдаты сами по себѣ отличные, хорошо обучены, и если не бунтуют, то это положительно чудо.

Половина из тѣх, которых я видѣл в казармѣ, построились босыми, в одних исподних брюках, а на лицах ни тѣни злобы. Вечером тѣ, которым удалось обуться, маршировали на площади; я слышал из вагона лихія пѣсни сибирских стрѣлков» (17 окт.).

«Широко снабжаемые союзниками, во главѣ с Франціей, они, (чехи) как и другіе иноземные отряды, вмѣстѣ с тѣм широко пользовались и мѣстными средствами. Населеніе страдало от поборов и насилій...»

«Был с докладом тов. мин. снабж. Молодых, жалуется на своеволіе чехов. Министерством заказаны 2000 полушубков по 80 руб., чехи (из чужих средств) дают по 110 руб., вообще распоряжаются во всю» (17 окт.)

А именно на почвѣ этого «снабженія» в значительной степени выростали пагубные нравы атаманских отрядов. Не безынтересна их характеристика под пером главнокомандующаго.

«Наиболѣе дисциплинированными оказались части атаманов. Они учли общую расхлябанность, отсутствіе организаціонной заботливости и давно уже перешагнули черту, отдѣляющую свое от чужого, дозволенное от запрещеннаго. Утратив вѣру в органы снабженія, они просто и рѣшительно перешли к способу реквизиціи. Почти каждый день получались телеграммы о накладываемых этой вольницей контрибуціях. Они были сыты, хорошо одѣты и не скучали.

Система подчиненія была чрезвычайно проста: на небѣ — Бог, на землѣ — атаман. И если отряд атамана Красильникова, развращенный пагубной обстановкой Омска, носил всѣ признаки нравственнаго уродства и анархичности, то в частях другого атамана, Анненкова, представляющагося человѣком исключительной энергіи и воли, было своеобразное идейное служеніе странѣ.

Суровая дисциплина отряда основывалась, с одной стороны, на характерѣ вождя, с другой — на интернаціональном, так сказать, составѣ его.

Там был батальон китайцев и афганцев, и сербы. Это укрѣпляло положеніе атамана: в случаѣ необходимости, китайцы без особаго смущенія разстрѣливают русских, афганцы — китайцев, и наоборот» (21 окт.).

Из приведенных отмѣток легко усмотрѣть сколь сложна была даже военная обстановка в Сибири — и до переворота 18 ноября. Политическая и общественная обстановка была еще сложнѣе. Мы возьмем из записей Болдырева только то новое, что онѣ вносят в объясненіе или поясненіе событій.

Извѣстно, какую бурю вызвала, помѣченная Уфой 22 октября, прокламація Ц.К. с.-р. которая гласила: «в предвидѣніи

возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контр-революціи, всѣ силы партіи в настояшее время должны быть мобилизованы, обучены военному дѣлу и вооружены с тѣм, чтобы в любой момент быть готовым выдержать удары контр-революціонных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевицкаго фронта». По поводу этой прокламаціи Болдырев под 7 ноября записывает: «В правительствѣ я рѣзко выступил по поводу прокламаціи Ц. К. эс-эров. Они, видимо, ничему не научились и начинают снова свою разлагающую работу. Пригрозил арестом Цека... Прокламація произвела переполох. Ставила под ударом Директорію и страшно озлобила военных. Нокс через консула в Екатеринбургѣ сообщил Чехосовѣту, что в Англіи за такую проповѣдь разстрѣляли бы авторов, и что, если Чернов будет продолжать дальше, он напишет, чтобы сюда не давали ни копѣйки («По правдѣ сказать — добавляет Б., — от этого мы мало пострадаем: все равно ничего не дают»)... Это (прокламація) был формальный документ отвѣтственнаго органа партіи, открывавшій ея замыслы о созданіи новаго правительства, для проведенія которых тайно мобилизуется и создается военная сила... Ц. К. с.-р. выдал себя с головой. Это отшатнуло и колеблющихся. Военные, не забывшіе еще развала старой арміи, поголовно кипѣли негодованіем. Удерживать равновѣсіе между борющимися крыльями стало труднѣе».

Дневник Болдырева дает немало иллюстрацій для характеристики той раскаленной атмосферы, в какую попал призыв с.-р. партіи, той «болѣзни страхом переворота», которой больны всѣ. «Начинаю тяготиться этой болтовней и взаимобоязнью» — записывает он 21 октября. И «правые» и «лѣвые» не ночуют дома под вліяніем слухов о «переворотах в чисто мексиканском стилѣ».

23 окт. «Пріѣзжал Нокс. Он торопит с соглашеніем между нами и Сибирским Правительством. Предложил мнѣ 5 пунктов, как условіе его помощи по организаціи арміи.*)

---

*) Первые два пункта гласили:

1) Новая Русская Армія должна быть настоящей Арміей под полным офицерским контролем. Она должна быть без комитетов и комиссаров. Ни офицеры, ни солдаты не должны вмѣшиваться в политику.

2) Должна быть одна Русская Армія. Русское Правительство должно требовать от союзных представителей соглашенія, что вся военная мощь будет дана только русскому правительству, но не разным русским военным начальникам, как, напримѣр, Семенову и Калмыкову.

«Большое разочарованіе для союзников, которые стараются помочь Россіи возстановить ея силу, — заканчивает Нокс свое заявленіе — что русскіе вожди так долго не могут сговориться относительно состава Временнаго Правительства.

Мы имѣем право требовать, чтобы всѣ личные и партійные интересы были устранены и сильное правительство сформировано, которое бы не препятствовало в созданіи арміи для спасенія Россіи».

По словам бывшаго у меня вслѣд за Ноксом ген. Степанова, рѣшено, главным образом, поддерживать русскаго генерала, которому довѣряют союзники. Этому генералу будет дана и финансовая и людская помощь. Степанов дал понять, кто этот генерал. Это было первым серьезным искушеніем. Я отнесся к нему спокойно...

Нокс не сдѣлал визита Авксентьеву... Избѣгает непосредственных сношеній с Директоріей в цѣлом. Я твердо высказал ему мою точку зрѣнія, что руководство движеніем в Сибири принадлежит не тому или иному генералу, а Правительству Директоріи. Но Нокс упрямо ведет свою линію. Он не допускает общих точек соприкосновенія между генералом и соціалистами».

24 окт. «Засѣданіе Правительства началось довольно бурно по вопросу о самороспускѣ Думы,*) я был опредѣленно против этого новаго осложненія. Вологодскій сначала угрожал было ультиматумом, т. е., если мы Думу соберем даже для самороспуска, то *они* разгонят ее своим указом, уже будто бы заготовленным Совѣтом министров.

Однако, ультиматум был очень рѣзко встрѣчен с нашей стороны, и Вологодскій уступил. Для общаго успокоенія рѣшили перейти к кандидатурам в Совѣт министров Директоріи. Разногласія лишь около имени Михайлова и Роговскаго.**) Перваго сибиряки выдвинули, как и предполагалось, на пост министра внутренних дѣл».

26 окт. ...«В 7 час. я был приглашен на засѣданіе Административнаго Совѣта. Прибыли и остальные члены Временнаго Всероссійскаго Правительства. Авксентьев состязался с Сибирскими министрами по вопросу об открытіи Областной Думы.

Я остался на своей старой позиціи — роспуска ея одним актом, одновременно с упраздненіем Сибирскаго Правительства, но предлагал сибирякам подумать, отвергая предложеніе Авксентьева о созывѣ Думы для самороспуска, особенно в виду выявившейся симпатіи чехов к этому «политическому трупу», как называли Думу ея враги.

Через час Совѣт министров вынес резолюцію о невозможности открытія Думы, «считая этот вопрос внутренним вопросом Сибирскаго Правительства»...

27 окт. «На обычный утренній доклад Розанов прибыл с Колчаком. Говорили о создавшемся положеніи. Они оба опредѣленно настроены, повидимому, не без участія «священнаго сою-

*) Сибиряки соглашались на упраздненіе стараго Сибирскаго правительства и созданіе новаго Совѣта министров при условіи роспуска Областной Сибирской Думы, в значительной степени руководившейся с.-р.

**) Член с.-р. партіи, котораго также ультимативно Директорія проводила в начальники государственной охраны.

за»*) в пользу постепеннаго сокращенія Директоріи до одного лица. Указывали на значительное вліяніе «священнаго союза». Однако, мнѣ быстро удалось вернуть их к дѣйствительности и доказать, что уход лѣваго крыла Директоріи теперь будет весьма болѣзненным и вызовет осложненіе с чехами, что, в связи с ростом большевизма и в странѣ и на фронтѣ, может погубить дѣло возрожденія Россіи.

В 1 час засѣданіе правительства. Авксентьев заготовил было свое рѣшеніе относительно Думы. **) Я высказался против.

Виноградова все время вызывали — уполномоченный чехо-войск Рихтер и члены упомянутаго выше «священнаго союза».

Тяжелое настроеніе усилилось заявленіем Вологодскаго, что вопрос о кандидатурѣ Михайлова на пост министра внутренних дѣл под давленіем мѣстной «общественности» считается безусловным.

Авксентьев заявил о выходѣ из Правительства, послѣ горячей рѣчи его поддержал в этом рѣшеніи Зензинов. О невозможности оставаться в Правительствѣ высказался и Виноградов.

Смущенный Вологодскій заявил, что ему остается, видимо, одно — отказаться от миссіи составленія Совѣта министров.

Авксентьев, со свойственной ему экспансивностью, рѣшил итти в солдаты, в армію, которая не занимается политикой.

Таким образом, — распад Вр. Всероссійскаго Правительства и распад безславный.

Авксентьев просил полномочій заготовить обращеніе к народу.

Я молчал.

По окончаніи засѣданія Виноградов заявил мнѣ, что, в случаѣ выхода всѣх четырех членов из Дерикторіи, он совѣтует мнѣ сохранить власть, в связи с сохраненіем верховнаго главнокомандованія.»

28 окт. «И сегодняшній день не дал никаких результатов. Опять раскол на кандидатурѣ Михайлова. Авксентьев совершенно изнервничался. Сильно сдал и Вологодскій. Михайлов согласен отстраниться, если чехи дадут подписку, что они были давленіем на его волю и волю Административнаго совѣта. Авксентьев почувствовал, что это ведет к закрѣпленію в общественном сознаніи убѣжденія, что ради него и Зензинова чехи вмѣшиваются в наши внутреннія дѣла.

Настроеніе отвратительное, вся работа стоит...

В общественных и военных кругах все больше и больше крѣпнет мысль о диктатурѣ. Я имѣю намеки с разных сторон. Теперь эта идея, вѣроятно, будет связана с Колчаком».

---

*) Так назывался среди членов Директоріи Омскій національный блок.

**) О самороспускѣ.

29 окт. «Вечером вмѣстѣ с Колчаком опять явились ко мнѣ Жардецкій,*) Лопухин и представитель рабочих Атаманской станицы. Идут ва-банк, намекая на упраздненіе Директоріи и сохраненіе одного Верховнаго главнокомандованія, которое они считают единственным пріемлемым рѣшеніем Уфимскаго Государственнаго совѣщанія.

Имя Зензинова и Авксентьева для них ненавистно. Они заподазривают их в сношеніи со своим Центральным Комитетом.

«Знаете ли вы, что Чернов ведет переговоры о перемиріи с большевиками?»...—яростно задает вопрос неистовый Жардецкій.

Я замѣтил ему, что до меня слухов и сплетен доходит гораздо больше, чѣм он думает,— что Чернову мы знаем цѣну, но одни слухи ничего не доказывают».

18 ноября группой офицеров отряда Красильникова были арестованы находящіеся в Омскѣ члены Директоріи, послѣ чего Совѣт Министров, «в виду тяжелаго положенія страны», передал власть адм. Колчаку (как извѣстно была выдвинута и кандидатура Болдырева). Болдырев был в это время на фронтѣ. Колчак пытался войти в связь с Болдыревым, желая сохранить за ним пост Верховнаго Главнокомандующаго. Но Болдырев отклонил всѣ эти попытки. Перед ним стоял вопрос: что дѣлать?

«Надо было ѣхать в Челябинск — записывает Б. — Без предварительнаго переговора с чехами (Сыровой и Нац. Совѣт) я в тѣх условіях не мог принять крайних мѣр, т. е. объявить себя единственной законной властью и бунтовщиками Колчака и Омскій Совѣт министров. Для меня было совершенно ясно содѣйствіе Колчаку со стороны англичан (Нокс, Родзянко, Уорд) и благожелательное сочувствіе французов. Осуществленная Омском идея военной диктатуры пользовалась сочувствіем большинства офицеров, буржуазіи и даже части сильно поправѣвших демократических групп...

В сложившихся условіях возстановленіе прав пострадавших Авксентьева и Зензинова силой не было бы популярным, оно невольно связывало бы меня и с Черновской группой, к которой я сам лично относился отрицательно.

...Для похода на Омск надо было снять войска с фронта и тѣм самым ослабить важнѣйшее уфимское направленіе или взять таковыя из Челябинска, но там были войска из состава Сибирской арміи с начальниками, тѣсно связанными в Омскѣ... В 9 час. веч. ко мнѣ прибыл особоуполномоченный Директоріи в Уфѣ — Знаменскій. Он... не только был в оппозиціи совершившемуся, но и приступил к немедленной, правда, пока словесной, борьбѣ. Он просил меня пріѣхать на засѣданіе Совѣта и высказать свое рѣшеніе. Я не дал окончательнаго отвѣта — меня тревожили возможныя осложненія на фронтѣ, тѣм болѣе, что предварительный разговор мой на эту тему с ген. Войцехов-

*) Омскій кадет.

ским убѣдил меня, что большая часть офицерства встрѣтила вѣсть о диктатурѣ сочувственно...»

19 ноября. «...Національный Чехо-Совѣт и Сыровой рѣзко против переворота, при этом Сыровой добавил, что и Жанен и Стефанек (военный министр Чехо-Словакіи), с которыми он говорил по аппарату (с Владивостоком, гдѣ они оба находились), запретили чехам вмѣшиваться в наши внутреннія дѣла и указали на необходимость прочно держать фронт. Исходя из этих соображеній и имѣя двух верховных главнокомандующих — меня и Колчака — Сыровой отдал приказ — ничьих распоряженій, кромѣ его, не исполнять.

Создавалось нелѣпое положеніе. Колчак фактически не мог управлять фронтом: начальники, получившіе его приказы, не могли исполнять их, имѣя в виду приказ непосредственнаго начальника, генерала Сырового...

Выяснилось к тому времени и настроеніе моей ставки. Там сочувствовали перевороту... Бесѣда с чехами ставила меня, по крайней мѣрѣ, в первое время в изолированное положеніе. В связи с указаніем, полученным Сыровым от Жанена и Стефанека, я мог встрѣтить с их стороны затрудненія с переброской войск к Омску. В моем положеніи надо было имѣть всѣ 100 шансов на успѣх, иначе это была бы лишняя, осложняющая положеніе авантюра».

II. В Японіи.

Ген. Болдырев на эту «авантюру» не пошел. Через Владивосток он направился в Японію. Попутно во Владивостокѣ он бесѣдует с различными представителями союзных держав и записывает: «чувствую, всѣх интригует, зачѣм я здѣсь и каковы мои планы». В этих записях всюду выступает двойственность позиціи автора дневника: он как бы присматривается и ждет чего то. У него невольно сквозит сочувствіе всѣм тѣм, кто в оппозиціи к Колчаку, и недовольство закрѣпленіем власти новаго омскаго диктатора наряду с отмѣткой «неисправимаго хаоса»: «всѣ только мѣшают друг другу».

«Я первый раз видѣл забайкальскаго атамана. В отношеніи меня... он всегда был вполнѣ лойялен. И сейчас исключительной корректностью он как бы подчеркивает свое неодобреніе случившемуся в Омскѣ и свою рѣзкую оппозицію Колчаку... В нем много такта» (Чита. 4 дек.)

«Заѣзжал чешскій представитель Гирса, сообщил, что Стефанек ѣдет для переговоров в Омск. Чувствуется, что на чехов нажали. Они возвращаются на фронт. Видимо, путь на родину указан им через Москву и Варшаву» (12 дек.)

«Вчера был Ходоров, бывшій комиссар 5 арміи... Совѣтовал непремѣнно ѣхать в Париж на съѣзд премьеров. Он и демократія, будто бы, очень волновались, не соглашусь ли я вдруг работать с Омским Правительством» (14 дек.)

«Колчака ничинают поддерживать, шлют войска, снаряженіе. Видимо, жмут непокорнаго Семенова. Одним словом, «дѣлают» твердую власть. Газеты тоже изрядно трудятся. Нокс опять завѣрял Гуковскаго, что он не сочувствует перевороту и вновь настаивал, чтобы я предложил свои услуги теперь уже Жанену. Наивные люди!». (16 дек.).

«Днем был начальник японской миссіи Мацудайра и вице-консул Ватанаде... Собесѣдники мои откровенно выразили сожалѣніе, что я не взял единоличной власти, что в Японіи, гдѣ цѣнят мой боевой опыт и политическій авторитет, это было бы встрѣчено с большим удовлетвореніем... Говорили о ликвидаціи атаманскаго вопроса, который, видимо, не так просто распутать. Колчак крайне погорячился и поступил безтактно в отношеніи Семенова» (20 дек.).

Надо имѣть в виду, что Колчак был большим противником Японіи. Он «категорически против прибытія японцев на наш фронт» — записывает еще раньше Б. «Он считает это гибелью родины». (5 нояб.). Ген. Болдырев, как оказывается, не прочь был оріентироваться на Японію. Поэтому поѣздка его именно в Японію, «рѣдкое радушіе и вниманіе», которыя проявились в отношеніи его со стороны различных отвѣтственных лиц, отнюдь не случайна. Он сам в заключеніе своей книги намекает о каких-то «особых условіях», в силу которых он послѣ паденія Директоріи отправился в Японію. Производит впечатлѣніе, что Болдырев выжидает, он не пустится в «авантюру» и ждет подходящих условій, чтобы выступить конкурентом власти Колчака. Есть в этом отношеніи позднѣйшая знаменательная запись 10 января: «Монкевиц намекнул мнѣ, что здѣсь получен запрос из Парижа: раздѣляется ли здѣсь (французской военной агентурой) мнѣніе, что наладить дѣла в Сибири мог бы только ген. Болдырев. Лестно, но поздновато вспомнили».

Выпишем послѣдовательно нѣкоторыя записи Болдырева за время пребыванія его в Японіи. В них ярко сказывается противорѣчивость, в которую впадает Болдырев, а иногда его психологически понятная пристрастность.

«В Сибири новая смѣна командованія: Колчак — Верховный Главнокомандующій, Жанен — главнокомандующій всѣм фронтомъ, Нокс — командующій тылом и японскій генерал Отани — главнокомандующій на Дальнем Востокѣ.

Таким образом, спасают Россію и ведут русскія войска (других на фронтѣ нѣт) против русских же войск иностранные полководцы. В этом мы, дѣйствительно, в корнѣ разошлись с Колчаком.*) (26 янв.).

*) Раньше сам Б., узнав об измѣненіи характера миссіи ген. Жанена, записал: «как то вывернется из этого положенія Колчак». Из напечатанных в «Monde Slave» воспоминаній ген. Жанена с очевидностью явствует, что оппозиція в этом отношеніи Колчака послужила главной причиной враждебности к нему Жанена.

«...Может быть, было бы лучше, если-б я убѣдился, что в Сибири что то налаживается, но этого нѣт, гдѣ то в глубинѣ сознанія все ярче и ярче зрѣет убѣжденіе в неизбѣжности назрѣвающей катастрофы. В эту бурную эпоху политическая программа Омска, не выходящая за предѣлы стараго «Положеніи о полевом управленіи войск», едва ли найдет широкое сочувствіе. Взбудораженныя народныя массы не остановятся на полдорогѣ. Нужен сильный внѣшній эффект, способный поразить воображеніе, увлечь, но его нѣт. То «содѣйствіе», которое до сих пор оказывают иностранцы, производит как раз обратное впечатлѣніе. Оно суммирует мелкое раздраженіе населенія и постепенно толкает его мысль к необходимости національнаго объединенія, к поискам подлинной Россіи, которая защищала бы его против обид со стороны пришедших чужеземцев....

... Союзникам от реальной помощи, видимо, придется отказаться. Чехи ушли за Омск и предпочитают встрѣчать Пасху дома. Таким образом, Сибирскія войска, бьющіяся с красными, остаются изолированными, утратив за послѣдніе дни таких союзников, как Оренбургскіе и Уральскіе казаки.

Назначеніем генералов Жанена и Нокса правительство Колчака естественно разсчитывало показать всѣм, что подчиненіе этих иностранных генералов, поступивших как бы к нему на службу, является до нѣкоторой степени этапом к признанію. Естественно, что оба эти генерала без своих войск, ради собственнаго престижа, будут добиваться от своих правительств большаго вниманія к Омскому правительству. Кое-чего они дѣйствительно добились — и английское правительство и Клемансо прислали Колчаку любезныя телеграммы, но и только».

«Я убѣждаюсь все больше и больше, что возрожденія и объединенія Россіи прежде всего и больше всего не хотят союзники. Собирать и укрѣплять раздробленнаго на части 180 милліоннаго колоса, бывшаго в теченіе стольких вѣков пугалом Европы, силами и средствами той же Европы — шальная мысль, которая могла родиться только в сознаніи оглушенной революціей русской интеллигенціи... Все складывается на пользу укрѣпленія большевизма. Отсутствіе объединяющаго лозунга, отсутствіе даже внѣшняго символа объединенія — флага, не сплачивает, а еще болѣе дробит и ослабляет борющіяся против него силы. В этих условіях и надежда на самих себя представляется надеждой слабой.

На эти темы долго бесѣдовал вчера с В. Г. — крупным служащим из Харбина, — горячим сторонником Хорвата. Он тоже настойчиво совѣтует мнѣ не покидать Японіи и ждать здѣсь дальнѣйшаго хода событий». (8 фев.).

«Пріѣзжал Исомэ, извинялся за опозданіе, задержало частное совѣщаніе, на котором они рѣшали вопрос о признаніи правительства Колчака. В Омскѣ крутой перелом в отношеніи

Японіи. По словам Исомэ, Колчак, изверившись в других союзниках, начал искать сближенія с японцами.

Таким образом, Колчак прозрѣл и теперь, видимо, не считает уже это сближеніе «гибелью родины». (22 фев.).

Токіо 18 марта. «Был в японском генеральном штабѣ...

... Я развил основныя мысли моей записки и, между прочим, опредѣленно поставил единственный серьезно интересовавшій меня вопрос:

«Согласится ли японское правительство двинуть свои войска к Уралу?»

Фокуда послѣ долгаго размышленія отвѣтил, что в этом смыслѣ они уже сдѣлали представленіе мирной конференціи в Парижѣ, конечно, при условіи снабженія их деньгами и матерьяльной частью, но они плохо вѣрят в согласіе союзников, особенно в связи с обостреніем отношеній к американцам.

Попутно из разговора я вынес вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе и о том тяжелом положеніи, в которое попала сейчас Японія. Она одна активно вела борьбу с большевиками, несла потери, в которых правительство должно было отчитываться и перед парламентом и перед начавшей насѣдать на них печатью. Японія сознавала усиливающійся рост озлобленія со стороны русскаго населенія трех дальневосточных областей, в которых хозяйничали ея войска. И вмѣстѣ с тѣм все яснѣе и яснѣе убѣждалась в невозможности занять среди союзников то положеніе, которое ей хотѣлось, хотя бы даже в Дальневосточном вопросѣ.»

К этой записи Болдырев сдѣлал такое добавленіе.

«... Приведенный разговор имѣл для меня огромное значеніе. Он еще болѣе выяснил поставленныя интервенціей задачи и, в частности, роль Японіи.

Становилось очевидным, что под давленіем Англіи и Франціи, опредѣленно поддерживающих Колчака, у котораго имѣлся еще достаточный запас золота для расплаты за военное снабженіе, при опредѣленном противодѣйствіи Америки, как бы отказывающейся от активной роли в Западной Сибири и сохраняющей полностью свое вліяніе на Дальнем Востокѣ, Японія не могла, если бы и хотѣла, вести самостоятельную политику в Сибири и принуждена была, в связи с наростающими экономическими осложненіями внутри, идти в ногу с союзниками...

... Я считал интервенцію тяжелой, но неизбѣжной в сложившихся условіях необходимостью. Из тѣх наблюденій, которыя мнѣ удалось сдѣлать на Волгѣ, Уралѣ и в Сибири, я полагал, что большинство населенія, измученнаго войной и начавшейся разрухой, примирится с временным чужеземным вмѣшательством, ради достиженія порядка и прекращенія начавшейся гражданской войны. Примѣр чехов был достаточно показателен в этом отношеніи....

С моей точки зрѣнія — я несу за нея всю тяжесть моральной отвѣтственности — надо было рѣшать безповоротно: если союз-

ники дадут необходимую внѣшнюю силу, ни англійских инвалидов, ни анамитов, не приспособленных к условіям Сибири, а настоящую, прочную, однородную, боевую силу, надо использовать ее самым рѣшительным образом, если же нѣт — надо считать дальнѣйшую интервенцію безсмысленной, ослабляющей и без того потрясенную Россію, углубляющей пожар гражданской распри. Тогда надо, наоборот, желать скорѣйшаго ухода иноземной силы с русской территоріи, рѣшать внутренній спор возможно безболѣзненнѣе своими русскими силами и быть насторожѣ уже по отношенію самих союзников...

Вмѣстѣ с тѣм, учитывая наличіе нѣкотораго вниманія со стороны союзников к Омску и продолжая оставаться на старой точкѣ зрѣнія безнадежности принятаго Колчаком и его правительством курса, я сдѣлал попытку предупредить и намекнуть ему на необходимость болѣе тѣснаго сотрудничества с Японіей и на своевременность опредѣленных внутренних реформ в смыслѣ большаго сближенія с широкими народными массами, и привлеченія их к непосредственному участію в устройствѣ их собственной судьбы.*)

---

*) Письмо Болдырева сопровождало записку «Краткія соображенія по вопросу о борьбѣ с большевизмом в Россіи», которая была разослана всѣм сибирским представителям союзных держав. С ней знакомит не сам Болдырев, а редактор изданія его дневника.

«Нужны — говорит Б. — союзническія силы, готовыя в крайнем случаѣ и для нанесенія рѣшительнаго удара вооруженным силам большевиков. Силы эти могли бы быть организованы: а) для дѣйствія совмѣстно с добровольческой арміей ген. Деникина с юга Россіи и б) со стороны Сибири с сибирскими войсками. При трудности подвоза войск союзников... для Сибири организація такой арміи, казалось, могла бы быть выполнена силами Японіи...

«Силами Японіи немедленно приступить к организации и переброскѣ в Сибирь 150-200 тысячной арміи, из коих 100 тысяч на Уральскій фронт, остальныя — для охраны порядка внутри Сибири и на желѣзной дорогѣ».

«Предложить остальным союзникам оказать немедленную денежную помощь Японіи и снабдить ее необходимыми матеріальными и техническими средствами».

«Взаимным соглашеніем Японіи и Омскаго правительства избрать из русских военачальников лицо, объединяющее руководство боевыми дѣйствіями русской и японской армій с двумя начальниками штабов, русским и японским, и с представительством от других союзников».

«Впредь до окончательнаго сосредоточенія японской арміи на Уральском фронтѣ и установленія прочнаго порядка в тылу, временно воздержаться от широких активных дѣйствій силами русской арміи и использовать это время на ея окончательную организацію, снабженіе и обученіе».

«Ближайшая очередная задача — овладѣніе линіей рѣки Волги».

«Заявить Омскому правительству, что, в случаѣ явнаго использованія его полномочія в интересах каких либо одних партій или классов в ущерб интересам всего народа, союзныя войска выводятся к границам Монголіи и Манчжуріи, и правительство предоставляется своим собственным силам».

Мы видим, как поворот Японіи в сторону признанія адм. Колчака заставляет Болдырева нѣсколько, если не видоизмѣнить, то смягчить свой политическій курс в отношеніи к Омскому правительству. Но он продолжает считать себя как бы хранителем чистоты демократических идей — письма к Колчаку это скорѣе пробный шар. — С нѣкоторой наивностью он записывает, напр., 15 сентября:

«Письмо Н. В. Чайковскаго — сентенціи потерявшаго вѣру в свои идеалы теоретика. Страх за то, что произошло с Россіей, страх умереть с сознаніем вины, хотя бы и косвенной, за переживаемыя страной бѣдствія, заставляют его бросаться на первую приманку, увлекаться миражем».

Эти сужденія, дѣйствительно, наивны, если припомнить, что ген. Болдырев в полном смыслѣ слова homo novus в общественных вопросах. Он сам говорит о себѣ, что только с 1918 г. «пришлось весьма близко столкнуться с новыми для меня политическими вопросами, вплотную прикоснуться к явленіям жизни, которыя проходили малозамѣтными в условіях прежней обстановки». Но сами по себѣ полученныя Болдыревым письма Н. В. Чайковскаго и Е. К. Брешко-Брешковской интересные историческіе документы, и мы их воспроизводим цѣликом.

Письмо Чайковскаго.

Париж, 14-VII-19.

Глубокоуважаемый Василій Георгіевич!

Ваше письмо из Токіо от 26 марта дошло до нас только в іюнѣ. И так как вы пишите, что в апрѣлѣ собираетесь ѣхать на юг Россіи, то я и не знал, куда отвѣчать. Сейчас есть оказія через Японію и Сибирь, и я пользуюсь ею, вмѣстѣ с Екатер. Конст., которая только что вернулась сюда из Америки, чтобы попытаться отвѣтить вам. Скажу коротко и прямо — мнѣ было больно читать ваше письмо, между строками котораго чувствуется острая боль из за вынужденной бездѣятельности. Дорогой Василій Георгіевич, мы всѣ, и я в том числѣ, испытали тѣ «этическія» переживанія, о которых вы говорили по поводу Омских событій. Но вѣдь жизнь сильнѣе наших переживаній. А она говорит ясно и очевидно, что при настоящих условіях гражданской войны возможна только одна форма власти: только власть военнаго командованія рядом с *болѣе или менѣе* обособленным и самостоятельным гражданским управленіем, состоящим из людей, пользующихся довѣріем населенія и обслуживающим военную власть всѣми тыловыми и военными функціями так, чтобы сама военная власть могла всецѣло посвящать себя операціонным задачам и не вмѣшиваться в гражданское управленіе или, во всяком случаѣ, не позволять своим подчиненным дѣлать это. В этом состоит

мудрость и такт главнокомандующаго, которому не может не принадлежать *вся власть*. Только при этом условіи достигаются два основных требованія — престиж силы, успѣвающей в войнѣ, и *довѣріе населенія*. Первой у Директоріи не было, и она не устояла. У южной Добровольческой арміи генерала Деникина не было второй, и она уже нѣсколько раз страдала от отсутствія довѣрія и потому и возрожденія большевизма в тылу. А в результатѣ и в Сибири, и у нас на сѣверѣ, а, вѣроятно, в будущем и на югѣ — получается одно и то же. Значит, в этом есть логика жизни. А если это так, ей нужно идти навстрѣчу, стремясь к своей главной задачѣ — прямой и открытой борьбѣ с большевизмом. Вот почему я вам прямо говорю — идите и боритесь, хотя бы и в рядах той же сибирской арміи, которая доказала свою народность, боеспособность, несмотря на страшный недостаток способных и опытных командиров. Примѣр единства устремленій и воли к борьбѣ с врагом — есть самый высокій этическій мотив, перед которым умолкают всѣ групповые, партійные и товарищескіе императивы. Теперь, когда каждый день дорог, когда всякая живая и искренне-преданная сила драгоцѣнна, теперь и я говорю: «Всѣ руки на борт!» и «Слушай команду»! — кто бы мы ни были, лишь бы во главѣ стоял вождь, способный довести нас до нашей общей цѣли. В прошлом же будем разбираться по окончаніи борьбы. С военной точки зрѣнія это для вас, конечно, — азбука, и не мнѣ вас учить. Но то же самое вѣрно и с политической точки зрѣнія. Нас все пугали «реакціей», грядущей в лицѣ военных диктаторов. А теперь оказывается, что настоящая то реакція грядет совсѣм с другой стороны: Россія, экономическая Россія, попадает в руки нѣмецких техников, нѣмецких коммерсантов и дѣльцов, призванных большевиками en masse для возстановленія ими же причиненной разрухи, но при удержаніи в своих руках политической власти. Для нѣмцев упразднены всѣ комитеты и совѣты, отмѣнены всѣ декреты, им дана почти безконтрольная власть в экономической сферѣ. Населеніе же, измученное и голодное, мирится с этим и даже встрѣчает с восторгом, черная сотня аплодирует. Получается трогательное единодушіе большевизма, нѣметчины, реакціи и рабства, подобное правленію нѣмецких управляющих при крѣпостном правѣ. Вот гдѣ глубокая реакція и могила нашей свободы. Против нея всѣ наличныя силы должны быть пущены в дѣло. Каждый день продленія власти большевиков кует для нас годы нашего рабства под нѣмецкой пятой.

Так вот, глубокоуважаемый Василій Георгіевич, если в такую минуту есть какой нибудь выбор, то только между большевизмом и единственной реальной силой, которая провозглашает демократическое государство и учредительное собраніе, кто бы ни стоял во главѣ ея. Но третьяго выбора нѣт, сидѣть у моря и ждать погоды нельзя, никто из нас не имѣет права. Если в прошлом мы не сумѣли отстоять свою излюбленную коллективную власть, то в ближайшем будущем нам грозит опасность утерять

самыя элементарныя права и свободы. И этого исторія нам не простит.

Если получите это письмо и захотите писать, то напишите на Русское Посольство в Парижѣ или Лондон, гдѣ бы я ни был — дойдет.

Письмо Брешко-Брешковской

Дорогой и многоуважаемый Василій Георгіевич! Никогда я вас не забывала и не забуду. Всегда желала и желаю видѣть вас в средѣ ближайших мнѣ людей. А потому, когда сегодня прочла ваше письмо (от марта) Николаю Васильевичу, обрадовалась случаю написать вам, дорогой соотечественник и сотрудник. Мы с вами наработали и пережили достаточно вмѣстѣ, чтобы знать друг друга и вѣрить друг другу, и о прошлом судим одинаково. Но с тѣх пор прошло полгода, если не больше, и положеніе вещей стало нѣсколько иным.

Военачальники наших армій приняли на себя обязательства перед народом и перед союзниками вести войну с большевиками ради созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, и лишь на этом условіи получат матеріальную помощь от союзников. Земства и коопераціи освобожденных мѣст выразили готовность признать Омское правительство с Колчаком во главѣ. Отзывы об этом генералѣ получаются исключительно одобрительные. И в то же время высказывают необходимость дать ему сотрудников, могущих поддержать и укрѣпить направленіе вполнѣ демократическаго курса. Просят на помощь честных и умных людей, пользующихся общим довѣріем, имена и дѣятельность которых привлекут на свою сторону лучшія общественныя силы.

И мы, ваши друзья, дорогой Василій Георгіевич, вполнѣ понимая, что один человѣк, хотя бы самых лучших намѣреній, не может успѣшно работать (да еще при столь небывалых, трудных условіях), не имѣя рядом с собою умных и добросовѣстных сотрудников, — горячо желали бы видѣть вас в средѣ тѣх, кто борется там, на мѣстѣ, за счастье и свободу родины нашей.

Ваше присутствіе там, ваше участіе в общих усиліях, послужило бы ярким примѣром великодушія и самоотверженнаго служенія интересам нашего пострадавшаго народа. И если вы, испытанный борец за свободу и правду, выразите согласіе на совмѣстную работу с Николаем Васильевичем Чайковским и со мною — мы будем очень тому рады и будем сообща принимать мѣры помощи нашей русской арміи, борющейся против иноземных и измѣннических сил большевиков...

Получал Болдырев и другія письма из Парижа. Пока шла переписка, назрѣвали новыя событія, выводившія ген. Болдырева из состоянія нащупыванія тѣх или иных возможностей.

«Получил крайне интересное письмо из Владивостока — за-

писывает он 4 октября 1919 г. «К одному из писем была приложена «Грамота председателя сибирской областной Думы и резолюція, принятая первым иркутским очередным губернским земским собраніем от 7 іюля». Грамота призывала населеніе Сибири к немедленному созданію народнаго представителства...

«Представители этого теченія*) развивали довольно большую энергію, почти не считались уже с существовавшим еще Омским Правительством и выдвигали, впредь до созыва Земскаго собора, временную власть в видѣ пятичленной Директоріи. При чем опять указывалось на крайнюю необходимость моего немедленнаго пріѣзда во Владивосток.

Положеніе мое становилось похожим на положеніе Колчака в отношеніи Директоріи 1918-го года. Но я не хотѣл повторять его ошибки, тѣм болѣе, что и обстановка была безконечно сложнѣе. За год были растрачены всѣ тѣ моральные и матеріальные рессурсы, которые имѣлись осенью 1918 года. Сибирь была охвачена возстаніями, тыл для Омска становился опаснѣе фронта. Золотой запас был значительно израсходован. Кромѣ того, одним из активнѣйших членов среди призывавших меня группировок был впавшій в немилость, недавно еще близкій сподвижник Колчака, генерал Гайда, сотрудничество с которым по многим причинам было для меня непріемлемым.

Осторожность нужна была сугубая. Во всей этой исторіи большой привкус авантюры. От поѣздки я, конечно, воздержался,

19 ноября. «Во Владивостокѣ нелѣпое выступленіе Гайды с частью чехов, рабочих и будто бы с.-эров. Выпущена программная прокламація. Движеніе явно нежизненное: кто же пойдет за этим новым «диктатором» из чехов. Он был пригоден, как средство, — и только».

У ген. Болдырева, очевидно, какой-то свой план.

22 ноября. «Рубикон перейден. Был у Крупенскаго, передал ему телеграмму предсѣдателю Совѣта министров и по другим адресам о том, что я считаю патріотическим долгом свой немедленный пріѣзд в Сибирь» с цѣлью «изложить свои соображенія Правительству и общественным организаціям»... «Заходил Хагино ... Завѣряет, что сочувствіе японских руководящих кругов будет на моей сторонѣ».

24 ноября. «Головин (Н. Н.) одобряет мою вчерашнюю телеграмму , но считает крайне ничтожным шанс на реальныя послѣдствія. Он еще не может покончить с Омской эпохой и не представляет новаго нарождающагося этапа в судьбах Дальняго Востока. Мои устремленія только в этом направленіи. Омск — уже перевернутая страница исторіи; ему не хватает только эпилога».

«Эпилог» не заставил себя ждать. И Болдырев в сущности пропустил уже момент для реализаціи своего плана. «Заказал

*) Т. е. сибирскіе с.-р.

билет до Марселя — записывает Б. 23 декабря. — Иркутск будто бы без боя передан большевикам. «Политическій центр» оказался просто передаточной инстанціей». «В Сибири — Колчак отрѣзан. Союзники и, главным образом, чехи, видимо, покидают его. Жалкій и тяжелый конец» (10 января)

С паденіем Колчака Болдырев не считает себя уже в правѣ «уклониться» от нарождающагося новаго періода борьбы за цѣлость Россіи и оставляет мысль о поѣздкѣ в Западную Европу. Он сочувственно отмѣчает в «Advertiser» статью Зумото «Проблема Россіи». «Развивается идея возстановленія единой Россіи через союз оздоровленных областей и скорѣйшую ликвидацію гражданской войны. В частности для Сибири — областное демократическое правительство, дружеское сотрудничество с союзниками — Японіей и Америкой. Идея, которую развивал и я при первой встрѣчѣ моей с автором этой статьи».

III. Во Владивостокѣ.

19 января 1920 г. ген. Болдырев высаживается во Владивостокѣ. Обстановка, с которой он встрѣтился здѣсь, — заставляет его занять вновь выжидательную позицію.

«Ликвидація возстанія Гайды — пишет он — и полный достоинства отвѣт союзникам за их попытку вмѣшательства в наши дѣла и угрозу разоруженія русских войск, несомнѣнно подняли — было престиж Розанова даже в кругах, относившихся к нему крайне сдержанно.

Но начавшаяся война на два фронта — с наростаніем семеновскаго вліянія — с одной стороны, и с усиливающимся нажимом лѣвых группировок, захвативших в сферу своего вліянія не только партизан, но и нѣкоторыя части — с другой, — дѣлала положеніе Розанова весьма тяжелым».

И уже 31 января произошел во Владивостокѣ переворот. Ген. Болдырев «мирно» сидит у себя дома — является представитель «земства» Павловскій и сообщает: «все уже кончено, переворот совершен». Переворот — записывает Б. — «был безкровным, об этом заботилась международная полиція, руководимая американцами. Они сопровождали входившіе в город войска и партизан, и все время поддерживали порядок.»

1 февраля.

«Сегодня почти весь город на улицѣ. Много красных флагов, повсюду красные банты.

Медвѣдев прав, что нечего бояться краснаго флага, когда одна власть замѣняет другую революціонным порядком. Тѣм не менѣе смутная тревога налицо: скрывавшійся доселѣ большевизм открыто вышел на улицу, с ним трудно бороться всякой умѣренной власти, какой представляется многим, выдвинутое событіями, земство.

И все же то, что произошло, было необходимо. Если невозможно открытое существованіе совѣтской власти в краѣ, пока интервенты находятся на нашей территоріи, то с другой стороны, не мог продолжаться дальше и режим, возглавляемый Розановым. Таким образом, земство, в силу исключительных обстоятельств, обязано временно принять на себя власть, с цѣлью сохранить Дальній Восток от оккупаціи и предотвратить неизбѣжность анархіи, гибельной для населенія края»...

2 февраля.

«Молодые дѣятели, организовавшіе военно-революціонный штаб, желают всецѣло сохранить власть в своих руках. Они правы, как люди, вынесшіе на своих плечах всю тяжесть активной борьбы, приведшей к безкровной побѣдѣ над Розановым, но устремленіе их не демократическая власть земства, они — щупальцы Совѣтов»...

«Буферное» «демократическое» правительство под предсѣдательством с-р. Медвѣдева, при участіи во власти коммунистов, создавшееся как бы на почвѣ общей защиты русских государственных интересов против Японіи, вызывает до нѣкоторой степени симпатію ген. Болдырева: «Вообще надо очень подумать, в каком видѣ можно было бы помочь русскому дѣлу и тому національному порыву, который охватил теперь (это несомнѣнная заслуга интервентов)*) всѣх, в ком бьется русское сердце».

Ген. Болдырев при новом «буферном» правительствѣ принял участіе в работах Военнаго Совѣта. Члены этого Совѣта «лѣвые с.-р.» и коммунисты, все же с опаской относящіеся к генералу, прибывшему из Японіи, — прощупывают прежде всего его настроенія.

«... Брагин спросил меня:

«Какое у вас отношеніе к совѣтской власти?»

Я отвѣтил, что этот вопрос, как имѣющій для меня второстепенное значеніе в создавшейся обстановкѣ, занимает меня мало, что я разсматриваю совѣтскую Россію, как одну из сторон в гражданской войнѣ, в войнѣ, дальнѣйшее продолженіе которой я считаю безсмыслицей и преступленіем. Для меня важно во-первых, окончаніе объединенія Россіи, — под каким это флагом произойдет, пока безразлично, — во-вторых, важно сохраненіе ея исконных владѣній от посягательства друзей и недругов. Эти два положенія одинаково дороги для меня и ради них я буду работать во всѣх условіях, которыя являются реальными для даннаго времени». (13 фев.).

Но жизнь требует от Болдырева болѣе опредѣленнаго отвѣта. «Через британскую военную миссію (запись 2 марта) полу-

*) Припомним не только предшествующія точки зрѣнія ген. Болдырева, но и его реальные планы, базировавшіеся на интервенціи со стороны Японіи. Слишком крутой как будто бы поворот.

чил телеграмму генерала Войцеховскаго из Читы, в которой он сообщает, что привел в Забайкалье 30 тысяч испытанных бойцов, которые охотно поддержат всякую демократическую власть, но непримиримы в отношеніи большевизма, и спрашивает мое отношеніе к таковому.

Признаться, эта телеграмма, одновременно адресованная генералу Хорвату и всѣм иностранным миссіям во Владивостокѣ, озадачила меня. Вмѣстѣ с лестным для меня вниманіем, она требовала и открытаго выраженія моего отношенія к большевизму».

Какой же отвѣт дает Болдырев? Этим всѣ интересуются и прежде всего коммунисты Лазо и Никифоров. 4 марта они спеціально заходят на квартиру к Болдыреву и ушли совершенно удовлетворенные. Отвѣт Войцеховскому гласил:

«Как гражданин-солдат нахожу при создавшихся условіях продолженіе гражданской войны гибельным для Родины. Задача момента — объединеніе всего населенія Дальняго Востока для защиты исконных владѣній Россіи. Долг патріотов найти безболѣзненные способы к объединенію Забайкалья с Приморской области и скорѣйшее возсоединеніе с остальной Россіей».

Все это были лишь слова.

Скорѣйшее «объединеніе» означало фактически захват власти коммунистами.

«... Правительство — записывает сам Б. 11 марта — почти с первых же дней своего появленія у власти постепенно стало поглощаться истинным хозяином положенія Дальбюро Ц. К. Р. К. П., которое весьма скоро сдѣлалось фактическим распорядителем и вооруженной силой края.

Дѣйствительно, в области военной все большее и большее вліяніе пріобрѣтали существовавшія, правда, нелегально, военно-революціонныя организаціи, подготовившія переворот 31 января.

Несомнѣнно, с их согласія и по их директивам вел свои операціи Тряпицын у Николаевска, операціи,*) приведшія к весьма серьезным осложненіям с японцами. Директивами же этих организацій руководствовались и партизаны, начавшіе весьма активную дѣятельность, как в Амурской области, так и в Харбинском районѣ и на Сучанѣ».

Хорошо освѣдомленные японцы отлично понимали, откуда идет руководство военной жизнью областей...

В апрѣлѣ произошло выступленіе японцев, не приведшее в сущности к каким либо измѣненіям. Но интересно, как оцѣнивает Б. эту попытку:

«Было ли апрѣльское выступленіе японцев связано с опредѣленными корыстными-захватными цѣлями? Полагаю, что нѣт. Для этого у них не было ни достаточных сил, ни достаточно

---

*) Очень важное заявленіе. Припомним, что большевицкая власть в переговорах с Японіей всегда категорически это отрицала.

благопріятных условій обстановки. Я остаюсь при прежнем мнѣніи, что Японія сознательно шла на установленіе демократическаго буфера, при котором разсчитывала добиться болѣе благопріятных условій для закрѣпленія своего вліянія на Дальнем Востокѣ, не усложняя международной обстановки и не будоража своего общественнаго мнѣнія, и без того достаточно напряженнаго, благодаря начавшемуся экономическому застою, безработицѣ и дороговизнѣ.

Выступленіе, поскольку оно не было дѣлом японскаго командованія, преслѣдовало исключительную цѣль — ликвидацію или по крайней мѣрѣ, достаточный разгром нарождающагося, на русском Дальнем Востокѣ большевизма».

7-го апрѣля Болдырев получил предложеніе занять пост командующаго сухопутными и морскими вооруженными силами.

«Я обусловил свое согласіе единодушным одобреніем моей кандидатуры всѣми политическими группировками, до коммунистов включительно. Это было дано».

Но Владивостокскій «буфер» расцѣнивался большевиками только, как первый этап. Возникала так называемая «Дальневосточная Республика» , которая должна была сыграть роль Центральнаго Правительства: упразднить правительство и Народное Собраніе Приморья. Для коммунистов и это был только тактическій этап. Государственные люди Владивостока, загипнотизированные призраком реакціи, повидимому, не понимали создавшейся коньюнктуры.

Между тѣм антибольшевицкія силы были в наличіи и послѣ разгрома Семенова, в Забайкальѣ. Это — остатки каппелевской арміи, которыя оттѣснялись силами «демократической» Д. В. Р. к границам Китая. Приморское правительство не знало, на что ему рѣшиться. Болдырев приводит необычайно показательное донесеніе начальника военных сообщеній со ст. Пограничной.

«... я вывел заключеніе, что для них (китайскаго командованія) совершенно непонятно, как русскіе люди могут так спокойно и безразлично относиться к судьбѣ своих соотечественников, если они, граждане другой націи, приняли самое теплое участіе в русских бѣженцах, женщинах и дѣтях и перевозят их на свою территорію.

Я являюсь здѣсь очевидцем того позора, которому подвергаются здѣсь лучшіе люди Россіи. Сегодня на станцію Пограничная прибыл людской эшелон и, видя невозможность слѣдовать дальше по желѣзной дорогѣ, принужден был совершать свой дальнѣйшій путь пѣшком... разоруженные воины, под вооруженным конвоем китайских войск, направились к своей русской границѣ»....

Между тѣм бѣженскіе или полубѣженскіе эшелоны «ползли неорганизованно, заполняя полосу желѣзной дороги». В виду этого Болдырев приказал «Смотрѣть на продвигавшихся в Приморье каппелевцев, как на совершившійся факт и принять мѣры

к упорядоченному расквартированію, разверсткѣ больных и раненых по госпиталям и другим лечебным заведеніям». Это вызвало бурю у лѣвых русских «демократов». Болдыреву пришлось отказаться от поста главы военно-морского вѣдомства.

«Уход мой — добавляет он — был неизбѣжен и помимо исторіи с каппелевской арміей. С каждым днем становилось все яснѣе и яснѣе, что, как совѣт управляющих, так и вообще правительство Медвѣдева почти силой удерживали от заявленія о сложеніи власти и передачѣ таковой Читѣ?...

Это было в концѣ декабря 1920 г.

Новый «Coup d'état» перед сдачей власти окончательно большевикам, как извѣстно, выдвинул правительство Меркуловых. Мы не будем слѣдить за ролью Болдырева в період этого этапа. Она была неопредѣленной, как неопредѣленна была и роль большинства «буферных» демократов того времени. Показательный примѣр являет голосованіе 4 апрѣля в Народном Собраніи резолюціи по поводу генуэзской конференціи, о которой разсказывает Б.

«Послѣ горячих преній, большинством 45 голосов, было постановлено: «довести до свѣдѣнія конференціи в Генуѣ:

1) что совѣтское правительство не может быть представителем Россіи и русскаго народа, ибо это правительство — есть правительство одной политической партіи, возникшее не путем свободнаго волеизъявленія народа русскаго, а путем захвата, и поддерживающее свое существованіе при помощи террора и насилія;

2) что договоры, обязательства и соглашенія, заключенные большевистским правительством от имени Россіи, не могут быть обязательными для русскаго народа и будущаго законнаго Всероссійскаго правительства, избраннаго всѣм русским народом через свободное выраженіе им своей воли, и

3) что возстановленіе экономических сил Россіи, и, слѣдовательно, мірового экономическаго равновѣсія невозможны при существованіи правительства Совѣтов, отсутствія в Россіи демократическаго правопорядка, при котором представляется единственная возможность культурнаго общенія стран и народов на основах международной солидарности и справедливости».

Демократическій союз воздержался от голосованія, «не желая подталкивать торгующіяся в Генуѣ стороны на большія требованія к Россіи». В дѣйствительности исчезла «непримиримость» к большевизму.

Можно не удивляться, тому что

«26 октября вошли в город предводимые главнокомандующим Уборевичем части 5-й Красной арміи, привѣтствуемыя населеніем. Войска вошли в стройном порядкѣ, за ними чувствовалась, покончившая, наконец, с губительной гражданской распрей, новая Россія».

Болдырев не желал эмигрировать.

«Меня занимало другое — заключает автор дневника — обстановка, создающаяся на западѣ Европы, допускающая возможность всяких осложненій, включительно до вооруженных выступленій *извнѣ* против Россіи, подсказывала мнѣ, что в могущей возникнуть борьбѣ мое мѣсто только здѣсь, среди своего народа».

Фантастическая концепція! Не ясно ли, что ею ген. Болдырев как бы подводил только моральный фундамент под свою новую тактику. В концѣ концов Верховный Главнокомандующій Директоріи оказался у большевиков. Он, к сожалѣнію, не послѣдовал за «сентенціями потерявшаго вѣру в свои идеалы теоретика». А правда, в нашем представленіи, была только здѣсь.

С. М.

СРЕДИ КНИГЪ.

«Monde Slave» о Россіи.

В 1917 г. в Парижѣ возник по иниціативѣ проф. Denis журнал «Monde Slave», посвященный исторіи и современности славянскаго міра.

В 1918 г. он прекратил свое существованіе и вновь возобновился в концѣ 1924 г. под редакціей проф. Eisenmann, Fournol Legras, Gauvin и Moysset.

Важность такого органа ясна сама по себѣ, тѣм болѣе, что наряду с другими славянскими странами журнал естественно отводит много мѣста Россіи — и ея прошлому и ея настоящему. Среди матеріалов, которые дает «Monde Slave», немало найдется такого, что интересно для нас, русских, и приходится только пожалѣть, что наша зарубежная печать так мало знакомит своих читателей с этим изданіем. Напр., задолго до выхода воспоминаній проф. Масарика, здѣсь печатались нѣкоторыя главы этих воспоминаній, посвященныя Россіи; здѣсь печатаются воспоминанія генерала Жанена о Сибири при адм. Колчакѣ. Нѣкоторыя статьи выясняют нам точки зрѣнія французских ученых на совѣтскую Россію, и русскому политическому и общественному дѣятелю не может не быть интересным ознакомленіе со статьями о восточных границах Польши, о Бессарабіи и др. Неизданные еще матеріалы о Кропоткинѣ, Толстом одинаково интересны и читателям русским и читателям французским. Подчас даже кажется, что часть помѣщаемаго матеріала скорѣе может представлять интерес только для русскаго историка литературы — таковы, напр., письма Жуковскаго, письма Тургенева к Ральстону, опубликованныя М. Л. Гофманом.

Послѣднее открывает, как мнѣ кажется, один из существенных недостатков журнала с точки зрѣнія осуществленія поставленных им задач. Надо признать, что европейское общество плохо знает не только современную Россію, которую и мы, вѣроятно, не можем достаточно осознать, но и прошлую Россію, т. е. ея культуру, то безконечно цѣнное, что дает ей право на первенство в славянском мірѣ (это признает и редакція в своем предисловіи), и познаніе чего необходимо для опредѣленія той особой русской души, о которой по старой традиціи склонны говорить нѣкоторые редакторы и сотрудники французскаго славянскаго органа. И я думаю, что журнал достиг бы больших успѣхов, если бы болѣе

систематично знакомил своих читателей с этой русской культурой в ея прошлом, чѣм это дѣлается теперь. Значительную пользу принесло бы привлеченіе к участію в журналѣ бóльшаго числа компетентных русских сотрудников, что возможно при наличіи ученых и писательских сил эмиграціи. Пора отказаться от застарѣлой привычки относиться с излишней мягкостью к трудам о Россіи, написанным иностранцами. В этих трудах мы охотно прощаем ошибки, недопустимыя в серьезных работах. А между тѣм, что сказали бы мы, что сказала бы французская критика о работѣ русскаго ученаго на тему о французской революціи, гдѣ встрѣчались бы ошибки, свидѣтельствующія подчас об элементарном незнаніи, может быть, в силу незнакомства с французским языком, Вряд ли можно писать о французской революціи, не зная французскаго языка! Правда, русскій писатель имѣет то преимущество, что всѣ основныя работы переведены, что русская исторіографія французской революціи сама по себѣ представляет научную самоцѣнность. Этого преимущества нѣт у изслѣдователей западно-европейских по отношенію к Россіи, и, пожалуй, слѣдовало бы взять за правило не писать в *научных* журналах претендующія на научность статьи о Россіи без знанія русскаго языка. К сожалѣнію, статьи в «Monde Slave» не всегда свободны от подобнаго упрека.

Остановимся на декабрьской книгѣ «Monde Slave», гдѣ отчетливо проявились и достоинства и недостатки этого журнала. Мы с большим удовлетвореніем держали в руках эту книгу, ибо три четверти ея посвящены юбилею наших декабристов. Книга открывается статьей одного из редакторов журнала о декабрьском возстаніи. Автор, к сожалѣнію, не ограничился нѣкоторыми сопоставленіями и размышленіями, которыя сдѣлал, напр., проф. Олар в своей рѣчи на засѣданіи Академическаго Союза в Сорбоннѣ, посвященном памяти декабристов, и которыя, конечно, представляют большой интерес, раз они дѣлаются не русским историком. Moysset дает изложеніе событій. И это изложеніе по меньшей мѣрѣ изобилует неточностями. Что получается, напримѣр, из исторіи Сѣвернаго Общества, когда она излагается так: — Муравьев был замѣнен Рылѣевым, сыном начальника полиціи (?), который совершенно измѣнил конституціонную цѣль Общества: новые пришельцы считали необходимым начать революцію и начать ее с уничтоженія главы государства и его семьи. Таким «sadisme sanguinaire» отличались, между причим, Батенков (!), Завалишин (!). Им не представилось случая выполнить свое намѣреніе. Для автора Пестель: «сын начальника почты» (?), прототип заговорщиков, которые встрѣчались во всѣх военных заговорах эпохи. 14 Декабря Moysset изображает совершенно в духѣ французской оффиціозной печати 1826 г., инспирированной русским правительством и той оффиціальной литографіи, которую мы в свое время воспроизвели в видѣ иллюстраціи к статьѣ Богучарскаго в нашем изданіи «Отечественная война и русское обще-

ство». Николай I появился на площади перед тысячной толпой, доминируя над ней своей высокой фигурой и очаровывая ее огнем своих синих глаз; прочел свой манифест с обнаженной головой и, цѣлуя окружающих, предложил толпѣ разойтись. Повидимому, она послушалась увѣщанія, ибо царь остался уже лицом к лицу со своей арміей, раздѣленной на два враждебных лагеря. Французскій читатель, возможно, и не ощутит всей невязки в изложеніи автора, когда прочтет сообщеніе о 3000 свидѣтелей, вызванных при разборѣ дѣла в слѣдственную комиссію.

За статьей Moysset идет статья П. Н. Милюкова, в значительной степени совпадающая с тѣм, что напечатано у нас*). (Один lapsus имѣется в этой статьѣ, и его необходимо исправить: абсолютно нѣт данных для утвержденія, что декабристы в своих преобразовательных проектах откладывали освобожденіе крестьян на 10, 20 и болѣе лѣт).

Проф. Legras, — человѣк, знающій русскій язык, бывавшій в Россіи и писавшій о ней, на основаніи мемуаров декабристов, напоминающих ему мысли и характеры офицеров, с которыми он встрѣчался в період пребыванія своего в царской Ставкѣ, возвращается к своей излюбленной темѣ, как мы это увидим ниже, и доказывает, весьма неубѣдительно, по нашему мнѣнію, что декабристы, как настоящіе русскіе, без размышленія бросились в неизвѣстность. Единственное исключеніе представляет Пестель — иностранец, нѣмец, по происхожденію, человѣк, созданный по образцу лучших характеров *Западной* Европы. Этот иностранец до конца был выдержан; русскіе декабристы, за исключеніем, может быть, Муравьева-Апостола, прошли через разныя стадіи моральнаго паденія. Не слишком ли смѣлое сужденіе? И имѣется ли для него достаточный историческій авторитет у автора статьи?

Он и не подозрѣвает, что в 1922 г. были опубликованы в «Былом» два письма Пестеля из крѣпости ген. Левашову. Пестель писал: «Я не только отвѣчал на всѣ вопросы вполнѣ точно и правдиво, но, кромѣ того, высказал все, что только мог вспомнить... Это было единственное средство, которым я мог доказать, как горячо и глубоко я сожалѣю о том, что принадлежал к тайному обществу. Повѣрьте, генерал, что это раскаяніе заставляет меня испытывать непрестанныя страданія и мученія, хотя я счастлив тѣм, что, по крайней мѣрѣ, не принимал участія ни в каких дѣйствіях». Очевидно иностранца Пестеля нельзя противопоставлять русским. Мы не можем здѣсь касаться причины этого «временнаго упадка духа» Пестеля, говорить о его душевной драмѣ в період слѣдствія. Именно русскіе — Лунин и Пущин были наиболѣе стойки. Волконскій, Якушкин

*) Раньше наш историк напечатал в «Monde Slave» юбилейную статью о Петрѣ — она была перепечатана по русски у нас в № 10 «На Чужой Сторонѣ».

и многіе, многіе другіе, наряду с Пестелем, были крайне осторожны в своих показаніях.

В том же № «Monde Slave» — помѣщена статья Миркина-Гецевича о политических идеях декабристов и о французском вліяніи на них. Автор мог в ней опереться на непререкаемый авторитет почти исчерпывающаго изслѣдованія В. И. Семевскаго. Н. П. Вакар опубликовал любопытныя донесенія о декабрьском дѣлѣ французскаго посланника в Петербургѣ Laferronais (донесенія Laferronais при Александрѣ I были опубликованы вел. кн. Николаем Михайловичем; к сожалѣнію, новыя донесенія в «Monde Slave» опубликованы лишь частично и с купюрами), А.М. Ремизов — письма семьи Пестеля. Проф. Legras дал замѣтку о «Декабристах» Мережковскаго и кн. Волконскаго, не считаясь с замѣчаніями, высказанными по этому поводу русской критикой. Наконец, в журналѣ помѣщена довольно полная библіографія о декабристах за послѣдніе 20 лѣт. Она возбуждает нѣкоторыя недоумѣнія. Для кого она предназначена? В ней имѣются существенные пропуски: напримѣр, нѣт работы Павлова-Сильванскаго «Пестель перед Верховным Судом» — одна из основных работ; нѣт книги Маслова о Рылѣевѣ, Бороздина «Письма и показанія декабристов» и мн. др. Как на наиболѣе важную и извѣстную работу, указывается на статью Покровскаго «Декабристы» в журналѣ «Молодая гвардія», но нѣт указанія на «Исторію Россіи» того же автора. Приходится пожалѣть, что редакція «Monde Slave» не попросила кого нибудь из русских историков хотя бы пересмотрѣть этот библіографическій обзор.

Замѣчанія наши по поводу сужденій проф. Legras об *иностранцѣ* Пестелѣ и *русских* декабристах подводят нас к другому недостатку, проявляющемуся в «Monde Slave». Это немного кичливое отношеніе западника к московиту.

В № I журнала (ноябрь 1924) была напечатана статья H. Moysset «Le problème russe» в которой автор, вспоминая Дидро, говорил о том, что европейскіе наслѣдники мыслей Дидро призваны... нести просвѣщеніе и опыт в Союз соціалистических совѣтских республик. А Legras в примыкающей статьѣ «Premier contact avec Moscou», мечтал уже о том, что, когда возобновятся сношенія со старой союзной страной, может быть, французам удастся внушить довѣріе хозяевам Россіи и склонить их к политикѣ, болѣе соотвѣтствующей человѣческой природѣ. Пустая мечта в отношеніи большевиков, поскольку рѣчь идет о гуманных принципах и мѣрах, присущих всякой культурѣ! Лучшая борьба с насиліем — это осудить его без экивоков и от него отгородиться. «Monde Slave» склонен говорить о высокой миссіи культурнаго западничества в отношеніи московских властелинов (по отношенію к нашей культурѣ, к нашей старой, настоящей культурѣ эта опека не нужна и запоздала), но вовсе не склонен строго осудить московское насиліе. «Monde Slave» желает быть, очевидно, «объективным», оцѣнивая событія, происходящія в Россіи. Эта

объективность означает обычно замалчиваніе слишком острых вопросов и боязнь всего того, что по представленію западно-европейских лѣвых является отзвуком «контр-революціи».

Marcel Maus, редактор соціологическаго журнала, помѣщая в № 2 (1925) «Monde Slave» главы из своей работы «Socialisme et bolchevisme», которую редакція рекомендует, как образец безпристрастія, утверждает, что иностранцу, как бы по природѣ, свойственна объективность историка. Может быть, но только в том случаѣ, если иностранец владѣет предметом, о котором пишет. Maus, очевидно, не знает русскаго языка, не знает русских работ по исторіи революціи, большевизма и гражданской войны. Только в этом случаѣ можно понять утвержденіе автора, что его работа, написанная в концѣ 1923 г., не требует пересмотра, ибо за исключеніем матеріалов, опубликованных проф. Масариком и ген. Жаненом, не появилось ничего значительнаго. Для оцѣнки большевизма автор считает себя достаточно освѣдомленным, ибо сами вожди большевизма «по большей части прекрасные журналисты и писатели», с чрезвычайной откровенностью признаются в своих ошибках и сами себѣ говорят горькую правду. Повидимому, и эту большевицкую прессу автор знает только по выдержкам, опубликовываемым в «Bulletin de la Presse» министерством иностранных дѣл. Допустим, что эти бюллетени составляются прекрасно, но всетаки как будто этого мало для соціологических выводов. Нѣкоторыя замѣчанія редактора «Année Sociologique», послѣдователя Дюргейма, интересны: напримѣр, указанія на вліяніе Ж. Сореля на Ленина. Но его историческія экскурсіи в исторію революціи далеко не безошибочны и предвзяты. Он увѣрен, что по мнѣнію всѣх мыслящих в Россіи и эмиграціи людей коммунистическая власть единственная, которую признает большинство населенія, что это — единственная власть, способная возстановить страну, что самые чистые патріоты предпочитают ждать эволюціи большевицкой власти, чѣм рисковать бѣлой контр-революціей. Вы чувствуете, что редактор соціологическаго журнала, не усваивая себѣ ни хода русской революціи, ни хода гражданской войны, повторяет здѣсь чьи то чужія мысли и слова, быть может, недостаточно их осознав даже. Он с легкостью утверждает, что адм. Колчак изгнал всѣх министров, с которыми он прежде сотрудничал, и не стѣснялся в разстрѣлах и в спускѣ под лед всѣх (?!) заподозрѣнных в принадлежности к партіи прежних своих сотрудников.*) Генерал Деникин для него лишь «придворный генерал» — реакціонер по сердцу и уму. Надо думать, что автор сдѣлал бы нѣсколько другую оцѣнку, если бы мог прочесть «Очерки по исторіи русской смуты» А. И. Деникина. Невѣрные факты всегда дѣлают сомнительным и

*) В очерках полк. Пишона об адм. Колчакѣ, напечатанных в том же «Monde Slave» автор мог бы найти матеріалы, которые заставили бы его быть менѣе категоричным в своих сужденіях.

самые выводы — и вывод пока такой: большевизм необходимый фазис русской революціи.

Приходится признать, что почти всѣ статьи «Monde Slave», затрагивающія гражданскую войну, носят такой же характер. Пытающіеся быть объективными иностранцы, без знанія языка не имѣющіе возможности разобраться прежде всего в фактах, повторяют трафаретныя сужденія того заинтересованнаго лагеря русской демократіи, у котораго отсутствует в оцѣнкѣ гражданской войны, поскольку она связана с так называемым бѣлым движеніем, самая элементарная справедливость. От этого гипноза в научных изданіях слѣдовало бы освободиться.

Впрочем, эти иностранцы не всегда являются незаинтересованной стороной. Примѣром могут служить воспоминанія (№2, 1924 и № 3, 1925 г.) ген. Жанена, командовавшаго в Сибири чехо-словацкой арміей и отрядом союзников. Проф. Legras, работавшій с Жаненом, характеризует эти воспоминанія, написанныя в формѣ дневника, как нѣчто весьма объективное. Мнѣ вспоминается, что послѣ гибели адм. Колчака (я был тогда в Россіи) во французской печати были даже опредѣленныя выступленія против ген. Жанена и, в сущности, его дневник является своего рода самооправданіем путем нападок и порицанія других. Такіе документы рѣдко бывают объективны. Очень мѣтко уже сказал ген. Нокс (тоже один из сибирских дѣятелей того времени) в лондонском «The Slavonic Review» (март): в сибирском пораженіи надо обвинять всѣх, за исключеніем самого ген. Жанена. В статьѣ, вызванной обвиненіями ген. Жанена Англіи в том, что англичане дали власть в руки Колчака и низвергли Николая II, ген. Нокс по поводу Сибири замѣчает: много факторов привели к трагическому концу в Сибири. Среди этих факторов было и то, естественно замалчиваемое французским генералом, что ген. Жанен неспособен был дисциплинировать союзническія силы, находившіяся в его распоряженіи. Между тѣм ген. Жанен весьма высокаго мнѣнія о своей роли. Он обращается даже к авторитетному историческому свидѣтельству, ссылаясь на Барклая де Толли, котрый спас Россію от Наполеона и тѣм не менѣе встрѣчал у современников враждебное отношеніе; таков русскій народ, ибо для него всякій иностранец — «нежеланный гость», каковы бы ни были его заслуги. Гордостью и ксенофобіей они замѣняют истинный патріотизм. Ген. Жанен оказал Россіи гораздо больше услуг, чѣм многіе ея граждане. Но, конечно, исторія его не оцѣнила. То, что разсказывает ген. Жанен в своем дневникѣ в дѣйствительности, однако, лишь подтверждает вывод, сдѣланный англійским генералом (напр., разсказ о чешском ген. Гайдѣ). По крайней мѣрѣ в Сибири двойственная роль ген. Жанена была пагубна. Можно не сомнѣваться, что автор воспоминаній будет весьма враждебен к адм. Колчаку — вѣдь на его совѣсти до нѣкоторой степени лежит его гибель. Французскому генералу не нравится рѣзкость, горячность, прямолинейность

и искренность сибирскаго «диктатора», котораго он называет, ссылаясь на отзыв проф. Масарика, «самозванцем» (в скобках он ставит «avanturier»)*). Ген. Жанен возмущается многократными указаніями Колчака на то, что он предпочел бы отвод чешских и союзнических войск, вмѣшивающихся во внутреннія дѣла, и полученіе от союзников только снабженія (это вѣдь неблагодарность и ксенофобія!) Недовольство союзниками он упрощенно склонен разсматривать только под углом зрѣнія «германофильства», сказавшагося в окруженіи ген. Деникина и адм. Колчака. Для нас всѣ эти признанія**) ген. Жанена очень цѣнны, ибо в рядах противников «бѣлаго» движенія слишком часто склонны отрицать національную позицію вождей бѣлаго движенія и все сводить к чужеземной интервенціи. Эта интервенція имѣла много, слишком много отрицательных сторон. Сознаніе этого, мнѣ кажется, и содѣйствует враждебному отношенію многих представителей западно-европейскаго общественнаго мнѣнія к тому недавнему прошлому, в котором союзникам приходилось играть не всегда достаточно опредѣленную роль. Характерная черта. Русская печать не скрывает недостатков этого прошлаго. Немало дѣятелей именно «бѣлаго» движенія дали характеристику всѣх его отрицательных сторон. Немало уже напечатано о дѣйствіях союзников — напечатаны и документы. И нигдѣ мы не встрѣчаем откликов на эту тему. Однако, замалчиваніе плохое средство реабилитаціи и объективнаго познанія историческаго прошлаго.

У ген. Жанена и проф. Legras имѣется своеобразная черта. Когда рѣчь идет о гражданской войнѣ в Россіи, они довольно рѣзки в своих сужденіях, и тон их смягчается при воспоминаніи о дореволюціонном прошлом. Не забывать старой хлѣб-соли хорошо. И мы готовы всецѣло привѣтствовать выступленія проф. Legras по поводу достаточно тенденціознаго романа Касселя и Извольской «Les rois aveugles» (M. Sl. № 7). Но, казалось бы, справедливым надо быть всегда и во всем. Не знаю, напечатал ли бы демократическій орган на своих страницах воспоминанія

*) Ген. Жанен вообще очень рѣзок в характеристиках. Гришин-Алмазов для него только «une canaille à tout faire» (сравните этот отзыв с характеристикой, данной М. В. Брайкевичем в № 5 «На Чужой сторонѣ»). Полк. Уорд, член англійской рабочей партіи, поддерживавшій Колчака, человѣк «sans lumière ni intelligence».

**) В воспоминаніях ген. Жанена имѣются, между прочим, двѣ записи, заслуживающія быть отмѣченными. Читатель помнит, что в воспоминаніях проф. Масарика (№ 1 «Гол. Мин.») есть, противорѣчивыя, правда, указанія на причины отказа чехов итти с ген. Алексѣевым в гражданской войнѣ; он мотивировался принципіальным невмѣшательством. Ген. Жанен утверждает, что тогда, по словам проф. Масарика, причиной было нежеланіе содѣйствовать царской реставраціи, причем, по мнѣнію самого ген. Жанена, Масарик приписывал Алексѣеву мысли, которых у того не было. Ген. Жанен утверждает также, что союзныя посольства не одобряли попыток, которыя хотѣли сдѣлать представители военных миссій в Могилевѣ для спасенія царя и его семьи.

реакціонера «по сердцу и уму», «придворнаго» ген. Деникина, но воспоминанія ген. Батюшина о Распутинѣ он печатает. Так становится подчас лишь видимостью «демократическая» позиція, которую хочет занимать «безпристрастный» иностранец.

Редакторы «Monde Slave» не всегда разбираются в сложной россійской обстановкѣ.*) А когда они разбираются, не всегда можно с ними согласиться, ибо они подходят к Россіи со слишком специфической точки зрѣнія своей политики, своих интересов, идущих вразрѣз с нашим пониманіем національных интересов Россіи и нашим пониманіем демократіи. Послушаем разсужденія одного из редакторов «Monde Slave», Aug. Gauvain, по поводу Бессарабіи (№ 8). Журнал помѣстил по поводу бессарабскаго вопроса очень цѣнную статью г. А. Мандельштама, освѣщающую вопрос с румынской и русской точек зрѣнія; Aug. Gauvain освѣщает его и с французской стороны. Чувство и международное право — доказывает автор — лежат в различных плоскостях. Русскіе «революціонеры» (понимай большевики) измѣнили союзникам. Не вина Франціи, что русскія національныя силы не были у власти. По международному праву страна должна нести послѣдствія, вытекающія из дѣйствій власти, которую она установила у себя. Союзники Николая II имѣли *право* в отношеніи Россіи послѣ Брест-Литовскаго мира преслѣдовать только свои интересы. Если бы совѣтская революція оказалась преходящей, если бы послѣ нѣскольких мѣсяцев царь или его наслѣдник возстановили свою власть и содѣйствовали окончательной побѣдѣ, Брест-Литовская измѣна могла бы разсматриваться, как печальное событіе, как один из военных эпизодов, за которые цари не должны нести послѣдствія международныя. В дѣйствительности союзники долгое время надѣялись (?!), что это так и будет. Даже послѣ Версальскаго договора Франція поддерживала національные интересы Россіи и неразумно оказывала помощь претенден-

*) Объективизм приводит иногда к курьезу. Так в № 7 напечатана статья Георгія Маклакова: Православіе и «Живая Церковь». Статья интересная, но отнюдь не объективная. Между тѣм автор, сын бывшаго министра внутренних дѣл и преподаватель одного из французских лицеев, весьма категорично заявляет, что вся русская публицистика (и «красная» и «бѣлая») чрезвычайно тенденціозна. Очевидно, он себя ставит в положеніе безпристрастнаго «иностранца», и доказывает, что лучшіе соборы в Россіи превращены в залы собранія клубов и кинематографов. Мнѣ не приходилось еще защищать большевиков, но здѣсь, кажется, придется — ибо такого преувеличенія еще не допускала крайне тенденціозная русская эмиграціонная публицистика. Я не знаю политических и общественных взглядов г. Маклакова — сыновья не всегда слѣдуют по стопам своих отцов. В области религіозной он, повидимому, ортодоксальный православный, поэтому для него современная «Живая Церковь» и многовѣковое русское сектантство явленія одного порядка, к которым можно отнестись только отрицательно. Едва ли кто с этим согласится, за исключеніем старых писателей-миссіонерскаго типа, стоявших на стражѣ оффиціальной Церкви.

там на русскую власть, — гнѣздам анархіи, расхищенія и безпорядков. Франція сдѣлала для Россіи гораздо больше, чѣм должна была. Послѣ стольких жертв Франція признала независимость Балтійских государств и присоединеніе Бессарабіи к Румыніи. С Россіей поступили так, как нѣкогда, послѣ «Ста дней», в 1815 г. поступили союзники с Франціей. Развѣ в исторіи существуют двѣ правды? Развѣ русскій народ менѣе виноват, чѣм был народ французскій в 1815 г.? Всѣ друзья мира — заключает автор — должны признать происшедшее.

Приведенная историческая справка свидѣтельствует лишь о том, что в международном правѣ царило всегда насиліе. Но должно ли оно господствовать с точки зрѣнія демократіи и теперь?

И всетаки союзники любят Россію. За что? Очень любопытна для отвѣта на этот вопрос статья, напечатанная в том же восьмом номерѣ «Monde Slave». Русская писательница (?) г-жа Горбова по просьбѣ редакціи отвѣчает на вопрос, почему Россія привлекает к себѣ французов. Дополненія с французской точки зрѣнія дѣлает проф. Legras. Привлекает иностранцев именно особая русская душа, готовая к порывам благородства, самоотверженія и отреченія. Русскій народ во время крестовых походов совершал бы чудеса. Много пороков в этой «душѣ» — лѣнь, пьянство, болтовня. Но широкое радушіе и хлѣбосольство*) так отличают Россію от Зап. Европы. Проф. Legras согласен, что именно это привлекает культурнаго западника к народу, не вышедшему еще из дѣтскаго возраста. Обѣ статьи по своей аргументаціи столь наивны, оперируют такими «соціологическими» факторами, как напр., положеніе французских гувернанток, дѣлающихся «другом дома» в аристократических салонах, что серьезно к ним подойти нельзя. Если бы эти этюды были напечатаны лѣт сто назад, они пожалуй, вошли бы в историческія хрестоматіи. Наши предки, и даже болѣе ранніе — XVI — XVII в. в., любили прибѣгать к таким сравненіям и сопоставленіям. Но в XX вѣкѣ, в свѣтѣ научной мысли, нѣсколько уже архаична подобная обрисовка національных черт. Во всяком случаѣ ей не должно быть мѣста в научном журналѣ. Что получилось бы от попытки обрисовать «французскую душу» при посредствѣ таких методов — наши старыя географическія и этнографическія книги отличительной чертой французской націи считали крайнее легкомысліе во всѣх областях жизни....

---

*) Легенды в этой области держатся крѣпко во французской литературѣ. Напр.,инж. Мош, выпустившій сравнительно недавно с предисловіем де Монзи книгу «La Russie des Soviets», очень по существу наивную и слабую, несмотря на всѣ свои ученыя картограммы, разсказывал, что всѣ русскіе avaient table ouverte! Каждая хозяйка приготовляла обѣд с массой закусок, алкоголя... на 15 случайных гостей. Хорошо и богато жили русскіе! Благословенная страна! Это мелочь. Но и анекдотическая развѣсистая клюква Дюма, в сущности, также лишь мелочь.

Мы отнюдь не исчерпали всего содержанія «Monde Slave» в отношеніи Россіи. Скорѣе мы остановились только на тѣх статьях и тѣх точках зрѣнія, которыя способны вызвать возраженія.*) Мы придаем миссіи «Monde Slave» большое значеніе, ибо хорошее знакомство Западной Европы с Россіей является задачей первостепенной. И хотѣлось бы, чтобы журнал подошел к этому дѣлу во всеоружіи научнаго знанія и возможнаго в исторіи объективизма. «Monde Slave» журнал, который представляет большой интерес для русскаго читателя. Можно не быть узким славянолюбом, цѣнить единство европейской культуры, к ней стремиться и в то же время живо интересоваться особыми психологическими чертами, опредѣляемыми бытом и исторіей славянскаго міра. Мы усиленно рекомендуем нашим читателям ознакомленіе с этим журналом.

С. Мельгунов.

В ИСКАНІИ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХ ПУТЕЙ.

В прежнее время, в кругах то сторонников, то противников соціализма, неоднократно раздавались голоса о «кризисѣ соціализма». О кризисѣ говорилось по поводу то программы, то «конечной цѣли», то доктрины, то практической политики соціалистов. Но в катастрофических событіях нашей эпохи судьба соціализма могла бы быть воспѣта в «пѣснѣ пѣсней» кризисов.

В войнѣ, в стихіи большевизма, или «коммунизма», в послѣвоенной политикѣ соціалистов сказались три больных момента их оффиціальной теоріи и реальной практики: экивок в отношеніи демократіи, экивок в отношеніи международной солидарности и патріотизма, пустое мѣсто вмѣсто конкретной программы, воплощаемой в жизнь. Отсюда, с одной стороны, поведеніе «образцовой» нѣмецкой соціал-демократической партіи во время войны, а с другой стороны Циммервальд и Кинталь. Отсюда, кровавая вакханалія «диктатуры пролетаріата» у одних и симбіоз с ними у других. Отсюда одновременно дьявольская пародія коммунизма у одних, растерянность и схоластика у других, словесная демаго-

*) Очень интересны, напр., очерки полковника Пишона «Le vrai visage de la Russie Soviétique», написанныя и с большим знаніем, и с большой продуманностью. Его статья «Le coup d'Etat de l'amiral Kolchak», (см. № 12, 1925), написанная совсѣм в иных тонах, чѣм воспоминанія ген. Жанена, интересна по матеріалам, которые в ней заключаются. Скоро должна выйти книга полк. Пишона, и мы вернемся к его очеркам. Отмѣтим еще статью проф. Handelsman'a о взаимоотношеніи Польши и Совѣтской Россіи. («La visite de M. Tchicerin à Varsovie», № 12).

гія у третьих. Отсюда идейная неустойчивость у масс, воспитанных на неустойчивых и часто противорѣчивых принципах, склонных к увлеченію то демагогіею, то оппортунизмом. Корень зла — в ошибках доктрины, недостаточности и безсиліи критеріумов, потом в дефектах примѣненія.

Новая книга Викт. Чернова «Конструктивный соціализм». Том I. Прага 1925 г., посвящена вопросу о недугах современнаго соціализма и об его оздоровленіи. Положительная программа строительства лишь отчасти и скорѣе мимоходом затронута в вышедшем 1-ом томѣ работы Викт. Чернова, посвященном главным образом критикѣ и ретроспективному обзору перепитій соціализма в пережитую эпоху. Надо полагать, слѣдующій том книги будет заключать в себѣ отвѣт на вопросы, относящіеся к положительной задачѣ соціалистическаго строительства, или к собственно конструктивному соціализму. Тѣм не менѣе нѣкоторыя вѣхи «строенія» уже заложены в вышедшем томѣ, и по ним можно уже судить о системѣ автора, особенно если руководиться прежними его работами. В нашем распоряженіи имѣются таким образом данныя для опредѣленной оцѣнки.

Книга Викт. Чернова, несомнѣнно интересная, обладает достоинствами и недостатками, присущими вообще работам этого писателя. Единство направляющей мысли, отсутствіе догматизма, стремленіе к болѣе широким обобщеніям, мѣткость в характеристиках, особливо в изловленіи ошибок и противорѣчій в критикуемых догмах, живость и отроуміе изложенія — вот достоинства книги, сохраняющія свое значеніе, несмотря на манерность в повтореніи мыслей и нѣкоторых риторических оборотов. Наиболѣе цѣнною частью книги должны быть признаны главы, посвященныя критикѣ, так называемаго, «научнаго соціализма» и в особенности теоріи и практики большевистскаго «коммунизма». Недостатками книги являются недостаточно глубокій анализ проблем, власть идеологических пережитков народничества и марксизма, идеализація в основѣ «трудящихся», равно как и историческаго хода вещей, словесное часто лишь рѣшеніе трудностей и механическій эклектизм идей, выдаваемый сплошь и рядом за «синтез» их. Автор то и дѣло скользит лишь по поверхности вопросов, не проникая в самую глубь, маскирует трудности легкими постулатами и новыми подразумѣваемыми гипотезами, причем словесный эфект заступает иногда мѣсто серьезнаго обсужденія.

Викт. Чернов проходит почти совершенно мимо величайшаго кризиса нашего времени, кризиса *демократіи*, так тѣсно связаннаго с кризисом соціализма. Кризис демократіи проявился прежде всего в безсиліи и неспособности демократіи милитаристских и всего болѣе абсолютистских стран, правительства которых разожгли міровой пожар, не только предупредить войну, но и воздержаться от участія и споспѣшествованія преступным правительствам в их кровавом покушеніи против человѣчества. Подобно са-

мому правовѣрному марксисту, Викт. Чернов видит виновника войны в «капитализмѣ» и в «буржуазіи»: «Капитализм совершил геростратовскій подвиг: он зажег міровой военный пожар, он истощил в безплодной растратѣ сил и средств всѣ ресурсы воевавших стран, он расшатал всѣ общественные устои, всюду дал перевѣс центробѣжным силам над центростремительными, разрушительным над творческими. Он в этом, быть может, предсмертном усиліи, подобно утопающему, ухватился цѣпко за своего предполагаемаго замѣстителя и потащил его с собою на дно. Да, своею болѣзнью он съумѣл заразить и пролетаріат.» (стр. 18-19, ср. стр. 98 и 112). Стало быть, Гогенцоллерны и Габсбурги думали об интересах буржуазіи, а не своих династій и своих милитаристских клик; а буржуазія, как класс, не предвидя всѣх ужасных послѣдствій войны, возложила на монархію миссію—войну сію зажечь!... За кулисами дѣйствительной исторіи подвизается, таким образом, особо мистическая астральная исторія, как у провиденціалистов добраго стараго времени... Что значительная часть демократіи не видѣла демократической проблемы войны, а значительная часть соціалистов видѣла единственный выход в позиціи Циммервальда — приведшей впослѣдствіи, в одном из своих теченіи, послѣ ряда зигзагов, к Брест - Литовску, — это свидѣтельствовало о болѣзни и демократіи, и соціализма.

Потом русская демократія оказалась безсильна в борьбѣ с безчестною демагогіею и кровавым насиліем большевизма, а часть русских соціалистов - революціонеров («лѣвых») и соціал-демократов (не-большевиков) перешла на сторону преступной олигархіи. С одной стороны — слабость, безволіе и непониманіе, с другой стороны — сродство с насильниками над демократіею и творцами контрафакціи коммунизма.

Потом, когда кровавый угар большевизма стал проникать и в атмосферу взбаломученной Европы, обнаружилась вся слабость идеи демократіи и в массах, и в правящих слоях, и среди передовой интеллигенціи, и в соціалистических кругах. Призрак разложенія стал носиться над Европою и всѣм культурным міром. Тогда против красной реакціи стали подыматься силы черной реакціи, монархизма и фашизма. Европа выбита из состоянія равновѣсія, она теряет идеал мирнаго органическаго развитія на основѣ демократической гражданственности, пароксизмы слѣдуют за пароксизмами, и эта устойчивая неустойчивость чревата длительными непреходящими потрясеніями.

Игнорированіе Викт. Черновым проблемы демократіи, в связи ея с соціализмом, вытекает из пониманія им соціализма, как идеала *экономическаго* устройства, *экономическаго* (классоваго) освобожденія, а не идеала интегральнаго освобожденія человѣчества от *всѣх* форм гнета и эксплуатаціи. Соціализм, строимый на базѣ исключительно классовой борьбы, чужд пониманія исторических перспектив; он теряет обще-человѣческій пафос, он легко впадает в демагогію, он может вырождаться. Культурному

міру грозит нынѣ участь древней Греціи, которая выродилась и погибла, послѣ четырех вѣков «классовой» борьбы, без органическаго идеала, когда бѣдные вырѣзывали или изгоняли богатых и дѣлили между собою их имущество, экспропріированные богачи организовывались и истребляли новых владѣльцев, чтобы «грабить награбленное», и т. д. без конца.

Викт. Чернов отдает себѣ отчет — теперь еще больше, чѣм прежде — в недостаточности односторонняго марксистскаго пониманія соціализма. Но он, во первых, исправляет марксизм народническими «поправками и дополненіями», как он, впрочем, исправляет народничество марксистскими «дополненіями и поправками». А, во вторых, он часто ищет «синтеза» послѣдовательных направленій по методу «тріады». Всецѣло избавиться от унаслѣдованных пережитков он не может.

Так, послѣ Перваго Интернаціонала, «дѣтища переходнаго времени от соціализма утопическаго, к соціализму научному», послѣ II-го Интернаціонала, «ударившагося в утрированный объективизм... в ущерб энергіи дѣйственно-творческой, в одно и то же время созидательной и революціонной», — для Викт. Чернова, «настоящій, а не бутафорскій третій интернаціонал должен и будет имѣть своей подкладкою зрѣлую форму конструктивнаго соціализма». Для Викт. Чернова, миссія эта принадлежит «Интернаціоналу, возрожденному в Гамбургѣ»! (стр. 48) Мы знаем всю идейную бѣдность этого Гамбургскаго Интернаціонала, мы знаем, в частности, какія резолюціи этот Интернаціонал — на котором участвовали нѣкоторые русскіе соціалисты, враги большевизма — принимал в отношеніи этого же большевизма... Будет ли новый Интернаціонал — интернаціоналом новых экивоков?

Таким же образом, послѣ утопическаго соціализма, «явившагося міру, как нѣкое новое откровеніе, вѣщая человѣчеству устами духовидцев, фантастов и поэтов»; послѣ научнаго соціализма, который «говорил с человѣчеством устами благоразумных, уравновѣшенных, иногда даже педантически скучных, и все же весьма поучительных школьных людей», — соціализм нынѣ, согласно Викт. Чернову, «подымается до новой, высшей ступени, становясь прикладной наукою и созидающим искусством, которыя требуют и новых носителей». Это — конструктивный соціализм, «высшій синтез утопическаго и научнаго соціализма» (стр. 17 и 49, ср. стр. 69).

Но прежде всего, кто осуществляет, кто будет осуществлять этот «высшій синтез» — не гамбургскій-ли Интернаціонал? И, далѣе, так как этот «высшій синтез» должен быть синтезом плюсов, а не минусов, конечно, предшествовавших фаз соціализма, то как установить инвентарь этих плюсов? Не слѣдует забывать, что и «научный соціализм» Маркса и Энгельса был амальгамой, тоже своего рода синтезом — *и* плюсов, *и* в особенности минусов — предыдущих ученій до-марксистскаго, или «утопическаго» соціализма, цементированным нѣкоторыми новыми ингредіентами

чистаго марксизма, не всегда улучшавшими и облагораживавшими систему. Вѣдь, оставляя в сторонѣ вліянія внѣ-соціалистических культур — философской, исторической, экономической, — слѣдует имѣть в виду, что система Маркса черпала из всѣх «утопических» источников соціализма, даже наиболѣе критикуемых им, наиболѣе им клеймимых. Сен-симонизм, фурьеризм, овенизм, коммунизм Бабефа-Буонаротти-Бланки, Луи-Блан и Колэнс, Вейтлин, Дезами и «иммедіатисты» (максималисты) 40-ых годов, Пеккер и Видаль, Прудон и нѣмецкіе «истинные соціалисты» питали систему Маркса. Вот почему «марксизм» Маркса одновременно эволюціонен и революціонен, реалистичен и мистичен, проповѣдует демократію и диктатуру, полон оппортунизма и максимализма. Вот почему он в своем эклектизмѣ часто темен и противорѣчив, и вот почему к нему могли аппелировать и ортодоксы, и ревизіонисты, и большевики... Мы приходим к синтезу синтезов. И, наконец, дѣйствительно ли синтез «утопическаго» и «научнаго» соціализма в состояніи разрѣшить «вѣчные вопросы», выдвигаемые в обстановкѣ современной дѣйствительности? Развѣ исторія стояла неподвижно со времени до-марксистскаго и марксистскаго соціализма? Развѣ не выдвинуты новые вопросы, не стали извѣстны новые факты, и мысль не обогатилась новыми идеями и новыми заданіями? Теперь дѣло — скорѣе не в синтезѣ, а в новой постройкѣ соціализма.

Соціализм должен считаться с цѣлым рядом антагонизмов, вовсе не укладывающихся в рамки классовой борьбы: антагонизмов не-экономических, антагонизмов экономических, но не классовых, антагонизмов внутри-классовых и, в частности, внутренних антагонизмов пролетаріата — как присущих «капиталистическому строю», так и возможных и могущих даже обостряться в обществѣ «не-капиталистическом». Древность знала классовую борьбу и пролетарскую борьбу; но исторія античной цивилизаціи закончилась не торжеством высшаго соціальнаго идеала, а упадком и вырожденіем...

Согласно Викт. Чернову, конструктивный соціализм приведет к «организованному синтезу... трех максимализмов — государственнаго, синдикальнаго и кооперативнаго» (стр. 30, ср.стр. 297 и 310). Он посвящает цѣлую главу (XIУ-ую) гильдейскому соціализму, в котором производственныя организаціи, или «гильдіи», поднимаются на высшую ступень равноправія с государством, и не скрывает своих симпатій к этой новой соціалистической системѣ, которую он предлагает только дополнить третьим равноправным членом — кооперативными объединеніями (стр. 355 и слѣд.). Одно из основных начал трудовой «соціализаціи земли» он видит в «общинно-товарищеской организаціи самих трудовых пользователей-земледѣльцев» (стр. 346). Говоря о требованіи *рабочевольцев* касательно низведенія всѣх заработных плат до уровня платы чернорабочаго, «словно высшее благо есть уравненіе в нищетѣ», он видит разрѣшеніе проблемы «в подъ-

емѣ на высшую ступень оплат низших видов труда» (стр. 103). Наконец, говоря о «гипер-имперіализмѣ», он констатирует существованіе «націй, выколачивающих из других націй и государств прибавочную стоимость» и «цѣлых стран-данниц, перенапрягающих свою производственную мускулатуру в трудѣ на других» (стр. 42).

Но как избѣгнуть того, чтобы соціализм (хотя бы гильдейскій) мог быть компрометирован новыми антагонизмами, способными парализовать производительность труда или вносить в него безпорядок и анархію? Как сохранить трудовую дисциплину на соціалистическом заводѣ, если напримѣр, гильдія возстает против высшаго коллектива и, наконец, против государства? В наше время синдикаты чиновников возставали против іерархіи демократическаго государства; рабочіе и служащіе *рабочих кооперативов* вступали в стачку против потребительнаго коллектива, предъявляя иногда невыпонимыя требованія; рабочіе «*рабочаго* стекляннаго завода» в Альби подымали знамя возстанія против рабочих синдикатов и кооперативов, создавших завод, как своего рода соціалистическій опыт... Кто будет посредником и регулятором в возможной войнѣ всѣх против всѣх» в соціализированном мірѣ? Если организація может исключить возмущающагося против нея члена, то что станется с этим членом? Если Государство, *сильное* и *суверенное* демократическое Государство, может, в качествѣ «супер-арбитра» (стр. 358), проявить свою функцію власти по отношенію к организаціи, то можно ли тогда говорить о «равновѣсіи» и равноправіи членов троицы?

Далѣе, как разрѣшить проблему примиренія эгалитаризма оплаты с производительностью труда в мастерской? Как разрѣшить антагонизм не только между физическим и умственным трудом, но и между различными квалификаціями труда, в смыслѣ не только технической подготовки, но и различія индивидуальных сил и способностей? Как примирить эгалитарную справедливость с требованіем подъема производительности труда, которое может повести и к поштучной платѣ, и к преміям, и к санкціям, одним словом к приведенію в дѣйствіе пружины заинтересованности, согласно формулѣ Сен-Симона: à chacun selon ses capacités, à chaque capacité selon ses oeuvres? Викт. Чернов говорит, что «вряд ли правильно будет спорить с Варгою (венгерским коммунистом) «принципіально» о допустимости или недопустимости этих и подобных мѣр» (премій и карательных мѣр в зависимости от качества работы); что «чѣм большее мѣсто в системѣ экономической политики занимают эти мѣры, тѣм ненормальнѣе общее положеніе» (стр. 178). Но это не есть рѣшеніе вопроса. *Уже в наше время этот вопрос перестал быть академическим*. Правда, Викт. Чернов поясняет: «основным условіем переустройства является подготовленность самого рабочаго класса». Но это предполагает, во-первых, долгій процесс *воспитанія*. Это, во-вторых, заключает в себѣ *гипотезу*, что воспитаніем результат будет достигнут.

Да, соціализм предполагает школу воспитанія, он не может обходиться без гипотез. Но он должен брать и людей со всѣми их несовершенствами и недостатками. И, в противоположность геніальному утописту Фурье, он должен создать максимум совершенства с несовершенными людьми. Он не может не оперировать помощью *опытов* в рамках демократической государственности.

Гипотезою также является система «общинно-товарищеской организаціи» в институтѣ соціализаціи земли. Но реальная политика не может довольствоваться при рѣшеніи опредѣленной проблемы только гипотезами.

Что же касается антагонизма между государствами-эксплуататорами и государствами или націями эксплуатируемыми, то Викт. Чернов теперь только его открыл, и именно в капитализмѣ, освобождаясь от цѣпей марксистскаго мышленія («прибавочная стоимость!»). В дѣйствительности, он существует с тѣх пор, как существует исторія... И в новое время, уже почти сто лѣт тому назад, соціалист Пьер Леру говорил о «націях-кастах» и « націях паріях». Но для нас имѣет особое значеніе антагонизм между пролетаріатами разных стран: рабочіе ограничивают иммиграцію иностранных рабочих, агитируют в пользу ограниченія прав иммигрантов или огораживаются китайскою стѣною против притока ищущих спасенія или куска хлѣба пролетаріев... Нѣкогда, Бабеф и Кабэ закрывали соціалистическое государство для пришельцев извнѣ. Нынѣ многіе соціалисты признают необходимыми и цѣлесообразными стѣсненія доступа в страну иностранным рабочим. Вот новый пролетарскій «имперіализм» — в Америкѣ, в Австраліи в Южной Африкѣ и нынѣ в Европѣ, — который задает трудную задачу «международной солидарности пролетаріата» и «классовой борьбѣ». И когда Тьер, в срединѣ прошлаго вѣка, ехидно задавал соціалистам, «отрицателям собственности», вопрос о том, будут ли они отрицать собственность на территоріи своей страны, если, напримѣр, эскимосы или жители других Богом обиженных стран возымѣют претензію занять территоріи болѣе счастливых стран, как Франція или Италія, то он не подозрѣвал, какой отвѣт будет дан на сходный вопрос рабочими и нѣкоторыми соціалистами нашей эпохи...

Соціализм — *идеал*, осуществленіе котораго, как вообще всякаго идеала, в смыслѣ непосредственнаго приближенія к «конечной цѣли», достижимо лишь в процессѣ морально-соціальнаго воспитанія масс. Перспективы воплощенія в жизнь этого идеала могут мыслиться в рядѣ *гипотез* и *возможностей*. Провѣрка этих гипотез и реализація этих возможностей входит в содержаніе *реальной политики* соціализма. Но гипотезы должны быть чужды оптимизма, искажающаго діагноз и прогноз дѣйствительности, путем идеализаціи стихійнаго историческаго процесса, как равно идеализаціи провиденціальных классов и групп — будь это пролетаріат, или крестьянство, или «трудящіяся массы». Возможности провѣряются и устанавливаются

путем *соціальных опытов*. И в проведеніи соціалистической политики величайшее значеніе имѣет проблема учета *всѣх* соціальных антагонизмов, присущих нашему обществу, классовых и не-классовых, экономических и не-экономических, в особенности же внутренних антагонизмов пролетаріата и «трудящихся масс». Игнорированіе реальности и идеала ведет к *демагогіи*, этому величайшему врагу соціалистическаго прогресса — который нынѣ присущ не одному большевизму, — или же к *безсилію* в борьбѣ с демагогіею. При этом признаніе верховенства *политической демократіи* — не только как средства, но и как одной из цѣлей соціализма — должно быть соединено с признаніем начала *дисциплины* в *промышленной демократіи*.

В этих только условіях создается неразрывная связь между велѣніями науки и велѣніями идеала, между дѣйственностью и моралью.

Ю. Делевскій.

В. О. КЛЮЧЕВСКІЙ В ЕГО ПЕРВЫЕ МОСКОВСКІЕ ГОДЫ.

Изданныя недавно Румянцевским музеем письма Ключевскаго к его школьному товарищу П. П. Гвоздеву («Труды россійской публичн. библ. им. Ленина и госуд. Румянц. музея». Вып. V. М. 1924.) дают нам один из тѣх документов, читая которые слышишь живую, незабываемую рѣчь, видишь характерные жесты... Само по себѣ, это уже много, но в этих письмах разбросано много важных черт не только к портрету Ключевскаго, но и к выясненію происхожденія нѣкоторых его общественных настроеній зрѣлаго возраста, даже исторических взглядов.

18 писем относятся к началу научной жизни Ключевскаго — к 1861-1870 г. г. Из них 12 написаны в два первые года студенчества, шесть — уже послѣ окончанія университета. Писаны они в Москвѣ, но выросли и произошли из русскаго провинціальнаго захолустья, из ученическаго кружка пензенских семинаристов, спаянных на всю жизнь закадычной дружбой. Ключевскій на всю жизнь сохранил интимную близость со своим кружком, со старым семинарским бытом, оставившим неизгладимыя черты на всей его личности. Стиль его писем к Гвоздеву, их тяжеловѣсный юмор с лирическими отступленіями — это стиль переписки с друзьями того времени; они напоминают письма его земляка — Бѣлинскаго из Москвы к его друзьям в Чембары.

К своей семинарской наукѣ Ключевскій, в своем экзаменаціонном сочиненіи, отнесся рѣзко и сурово, закончив его так:

«вѣчная память тебѣ, патріархальная, незабвенная школа! Ты больше поучала, чѣм учила». Но он тѣм не менѣе гордится своей школой перед плохо держащими экзамен пензенскими гимназистами, и в концѣ письма, которое, он знал, будет перечитываться много раз, пишет: «А вѣдь сознайся, что много, очень много прекрасных, мелодических звуков в этой жизни, обхватившей нашу первую дорогую молодость; хотя и много в этой жизни терній и волчцев, но в ней есть одно благо, одно рѣдкое, утѣшительное явленіе — это товарищество, задушевность между учащимися, и я жалѣю что упустил это из виду, когда писал «Мое воспитаніе», чтобы хотя этим немножко смягчить суровость картины». И не раз молодой первокурсник Ключевскій послѣ «пятичасового коптѣнія» над каким-нибудь Геродотом, завалившись на диван и потушив свѣчу, «выводил в потемках на сцену свое былое: Пензу с семинаріей, товарищами, знакомыми, научными спорами, знакомками в 16-18 лѣт и т. д.». Застѣнчивый и скрытный Ключевскій трудно сходился с людьми, но нуждался в дружбѣ — вот отчего так мила ему эта старая школьная семья школьная дружба, которая складывается сама собою только раз в жизни.

Университетскія письма Ключевскаго к Гвоздеву рисуют нам студента, который, захлебываясь, пьет ученую влагу университета. Он посѣщает аккуратно лекціи и вездѣ находит интересное. Стоит только прочесть его бѣглые отзывы о нѣкоторых профессорах, напр., о неловком и заикающемся Ешевском. «Чѣм дальше, тѣм шире раскрывается душа, ничего новаго, все общее и болѣе-менѣе читанное или слышанное, но любо становится на душѣ, и чувствуешь, как эти читанныя и слышанныя мысли с новой силой, с новым обаяніем тѣснятся не в голову одну, а во всю душу, во все существо». Побывал Ключевскій контрабандой и на лекціи Соловьева (он не читал на первых курсах). «Я слушал его раз и заслушался... За живое задѣвает его здоровая критическая мысль, подчас не чуждая самой трезвой поэзіи». Ключевскій поступил в университет с явно сложившейся склонностью к русской исторіи, но на первых курсах еще нѣт спеціализаціи и он работает упорно и разнообразно. «Чорт знает, чѣм я не занимаюсь. И политич. экономію почитываю, и санскритскій язык долблю, и по англійски кое-что поучиваю, и чешскій и болгарскій язык поворачиваю и чорт знает, что еще. Вообще же элемент сравнительной филологіи и философія, т. ск., языкознанія принял на 2-ом году свирѣпые размѣры. Он льется с кафедры греческаго, и с кафедры славянских нарѣчій из уст Бодянскаго, и с кафедры русской словесности от Буслаева, и каждая душонка наша бредит корнями и суффиксами. Окунуться в этот мір микроскопических инфузорій, называемых корнями и приставками — значит увидѣть много интереснаго». Занимаясь, под руководством Буслаева, пѣснями древней Эдды и, может быть, под вліяніем статьи того-же Буслаева «о русских

народных книгах и лубочных изданіях» Ключевскій, по контрасту, обращается в письмѣ к другу к грустной русской пѣснѣ в своего рода «элегіи на тему о русской жизни». «Будни, безотрадные будни спутали русскую жизнь испокон вѣка; оттого он, этот русскій человѣк... и вышел таким матеріалистом, с таким прозаическим взглядом на жизнь. Он потерт жизнью, потерт друзьями и недругами и дорого купил свою опытность, практичность; он нуждой разочаровался в жизни и враг теоріи, которую зовет он нѣмчурой, любя свой вѣковѣчный «авось» и «как-нибудь», лишь бы раздѣлаться с дѣлом. Жизнь научила его жить «себѣ-на-умѣ» и смотрѣть на все с высоты палатей». В этих строках как будто слышатся уже отдаленные намеки на дивныя страницы описанія сѣверной русской природы и характеристики великоросса въ I томѣ «Курса русской исторіи».

Немудрено, что при страстных и упорных занятіях Ключевскій уставал. «Отдыхать, собственно с намѣреніем отдыхать, я не люблю, как и работать с намѣреніем работать, пишет он: да я и плохо различаю между этими понятіями: иногда считаю бездѣйствіем, что другіе называют важным занятіем и наоборот». Но часто на него находит хандра, временная апатія ко всему. «Отчего иногда не хочется итти в библіотеку? Отчего руки опускаются иногда пред каким-нибудь сокровищем науки, которое подает библіотекарь? Отчего безсмысленно смотришь на строки, не понимая, не чувствуя, даже без надежды понять и почувствовать?... Скучно иногда до смерти, даже совѣстно» восклицает в письмѣ к своему другу студент перваго курса Ключевскій. Застѣнчивый и самолюбивый по натурѣ, Ключевскій никогда не мог забыть о своем демократическом происхожденіи и, вслѣдствіе застѣнчивости и недостатка внѣшняго воспитанія, попадая в непривычные для него круги общества, чувствовал себя порою смущенно. Надо помнить, что это было время, когда только пало крѣпостное право, и как бы ни была велика волна общественнаго движенія, дореформенныя настроенія, дѣленіе на бѣлую и черную кость, несомнѣнно пробивались всюду и особенно больно задѣвали поповича Ключевскаго, заставляя его настораживаться, проглатывать обиды, уходить в себя и много думать. «А счеты с прошлым годом я свел давно... Я теперь, кромѣ педагогических занятій, почитываю да подумываю», а далѣе фразы, объясняющія все: «Часто вижусь с мировыми посредниками и слушаю о крестьянских дѣлах. Недавно видѣл рязанскаго губернатора и сидѣл за одним с ним столом: он проѣздом останавливался здѣсь и обѣдал у князя: sic humilis tollitur ad coela!» Возможно, что тоска эта глубокаго происхожденія и таилась, может быть, в натурѣ Ключевскаго, в раздвоенности личности. Мы встрѣчаем эту черту и у молодого Ключевскаго и знаем ее и у зрѣлаго профессора, достигшаго всеобщей славы. Между прочим, она сказывалась в Ключевском в нѣкоторой вуалировкѣ своих политических и общественных симпатій, что

впослѣдствіи дѣлало возможным діаметрально противоположным политическим группам тянуть его каждая в свою сторону. Можно, конечно, указать, что Ключевскій не был политическим дѣятелем и не стремился им быть, но в эпоху, в которой жил и работал Ключевскій, это было трудно, почти невозможно. Острый на язык, глубоконаблюдательный, сам Ключевскій далеко не был молчальником и не спроста, не ради только апплодисментов, конечно, бросал он иногда свои мѣткія словца — он сам про себя говорил: «я охотник до краснаго словца, для котораго не пожалѣю и отца». Возможно, что невыявленія своего опредѣленнаго лица было у Ключевскаго в результатѣ внутренняго боренія двух сторон — одной, стремящейся к чистой истинѣ, идущей прямым путем научнаго изслѣдованія и требующей иногда открытаго исповѣданія, и другой, житейской, опасливой, идущей извилистыми путями, как русскій проселок.

Мы знаем в Ключевском профессора-ученаго, смѣло вскрывающаго историческія цѣлины своим плугом и человѣка с неуловимой оцѣнкой современности, хитраго великоросса, себѣ-на-умѣ, привыкшаго не соваться в воду, не попытавши броду и смотрѣть на все с высоты полатей. Происхожденіе, воспитаніе Ключевскаго, нѣкоторые природные недостатки, в родѣ заиканія, несомнѣнно, нѣсколько мѣшали ему занять то мѣсто в исторіи русской культуры, на которое дали ему право его громадный ум и несравненный талант...

В юношеской перепискѣ Ключевскаго с Гвоздевым мы имѣем очень цѣнный матеріал к моменту выработки молодым студентом Ключевским своих взглядов. Мы здѣсь видим в душѣ пытливаго семинариста преломленіе различных теченій религіозной, философской и политической мысли, господствующих в то время в Россіи. У Ключевскаго, прошедшаго школу семинарскаго богословія, не было атеистических наклонностей и он иронически относится к «quasi-просвѣщенным прогрессистам, махнувшим рукой на всякое богословствованіе». Но в университетѣ на него пахнуло духом свободнаго изслѣдованія. Он с увлеченіем слушает лекціи проф. Сергіевскаго с его свободной постановкой вопроса «прямо перед лицо современной мысли». «Я даже нерѣдко, говорит Ключевскій, послѣ его чтенія дѣлался дѣтски религіозен, не взирая на 20 лѣт». Уже в первом письмѣ к П. П. Гвоздеву, Ключевскій, комментируя лекціи Сергіевскаго, утверждает, что «религія — не ученіе, а жизнь, совокупность дѣйствительных жизненных отношеній человѣка к личности Бога, к живому существу». Но углубившись далѣе в религіозные вопросы, поставленные современной наукой, познакомившись с Фейербахом, он пишет: «Развѣ утѣшеніе в том, что многіе еще вѣрят в православіе?» Ключевскій поколеблен, негодует на семинарскую схоластику теологов, «которые только ругаются и знать не хотят, что дѣлается подлѣ». Ключевскій хватается за спасительную силу исторіи: ««вызвать пред историческій трибу-

нал всѣх этих святых отцов, спросить у них, что они сдѣлали не для себя, не для многих, а для массы, которая так довѣрчиво и так благоговѣйно отдалась их водительству... не возвели ли они самаго Христа на высоту, которой он, может, сам не желал. Словом, провѣрить весь историческій ход христіанства, провѣрить безпристрастно, — и все равно, к чему не повела бы эта провѣрка, хоть бы даже к отрицанію христіанства — тогда мы поступили бы добросовѣстно, слѣд., либерально в настоящем значеніи слова». «На все наброшен скептическій платок, признается Ключевскій, а бараном быть не хочется; не хочется итти на помочах услужливых отцов», и Ключевскій занимает характерную позицію, отдаваясь всемірно-историческому значенію христіанства, «человѣчности, так много исцѣлившей ран в мірѣ». «Пока еще ничего не рѣшено в вопросѣ, можно поклониться пред этим вѣчным, никогда не умирающим значеніем христіанства. Ты можешь дивиться, пишет он Гвоздеву, как это я, такой консерватор прежде, такой богомольный, дошел до такой либеральности в дѣлѣ религіи. Подумаешь так и ошибешься. Я не дошел, а нашел эту л и б е р а л ь н о с т ь, если тебѣ хочется употребить это слово, ненавистное для меня в смыслѣ слѣпой ломки, в каком его большею частью принимают. Я прежде дорожил своими вѣрованіями, вынесенными из дѣтства, но потом, как и всѣ, как и ты, может быть, увидѣл в них так много фальшиваго, что и истинное сдѣлалось сомнительным. Я не хочу дѣлать ломку, сломя голову; мнѣ жалко разстаться с стариной... мнѣ, как и всякому, не хочется терпѣть глазоотводов и фокусничества, чего очень много в наших вѣрованіях, благодаря неутомимой фантазіи наших отцов капуцинов. Так не называй меня либералом, а просто человѣком, как и всякій, ищущим истины», и, в заключеніе — пожеланіе семинаріи «лучшаго, что можно пожелать — свободы мысли».

Я нарочно привел эти длинныя выдержки. Онѣ характерны для Ключевскаго вообще, в частности для его отношеній к злободневным вопросам современности. Прежде всего сказывается здѣсь одна черта, присущая В. О. Ключевскому, очевидно, с юных лѣт — крайняя *индивидуальность, самостоятельность в сужденіях*, иногда переходящая, быть может, даже в самолюбивое упрямство, гордое сознаніем свободы собственной мысли. И слово либерализм употреблено здѣсь с характерными для Ключевскаго оговорками: его либерализм внутренняго значенія, индивидуальный, не связанный программами или заранѣе намѣченными соглашеніями. Теперь может быть понятным почему, в силу каких психологических соображеній Ключевскій не мог быть отнесен ни к какой партіи. Человѣк с т а к и м критическим складом ума рѣдко является политическим дѣятелем.

Стремленіе итти своим путем сказывается у молодого Ключевскаго в его отношеніи к философским системам, господствующим в то время. Как извѣстно, это было безудержное царство

матеріализма в самых крайних его формах. Но вот в Московском университетѣ на кафедрѣ философіи появляется Юркевич, самоотверженный критик матеріализма и пропагандист идеализма. Ключевскій посѣщает его лекціи по исторіи философіи и подробно реферирует их друзьям. Связь идеализма с Гегелем пугает Ключевскаго, главным образом, вслѣдствіе гегелевской философіи исторіи. Знаменитой формулѣ: «все существующее дѣйствительно и разумно» Ключевскій посвящает много мѣста, критикует ее и даже сомнѣвается, чтобы сам Юркевич стоял за этот принцип Гегеля. Изложеніе того и другого теченія у Ключевскаго безпристрастно, он не встает на одну какую либо точку зрѣнія всецѣло. Но при изложеніи ученій о государствѣ, о государственных формах Ключевскій опредѣленно не сочувствует историческому фатализму гегеліанцев. «При таком воззрѣніи, пишет он, со всѣм нужно мириться, все оправдывать и ни против чего не дѣйствовать. Соловьев оправдывает же и даже защищает московскую централизацію с ея безпардонным деспотизмом и самодурством». Вопреки точкѣ зрѣнія тогдашних государственников, Ключевскій выдвигает другую, соціальную. «Преобразованіе хорошо то, которое сообразно с современными нуждами общества. Если эти нужды идут наперекор исторіи, — не стоит останавливаться перед этим. Отчего не разорвать связи с прошедшим, когда это нужно. Государство вовсе поэтому не форма, сообразная и необходимая по идеѣ человѣка, а сдѣлка лиц между собою. Условія измѣнились, — отчего не измѣнить и этой формы, когда нужно»...

Но Ключевскому приходилось переживать моменты, в которые трудно было ограничиться теоретическими разсужденіями, а нужно было так или иначе выявить себя, дѣйствовать самому. Это было во время студенческих безпорядков осенью 1861 г., когда, послѣ закрытія петербургскаго университета, волненія перекатились в Москву. Ключевскій подробно и остроумно описывает хорошо всѣм извѣстную картину студенческих безпорядков со сходками, чтеніями прокламацій в тонѣ aux armes citoyens!, с освистываніем инспектора и т. д. Против «крикунов» и «ажитаторов» выступили в совѣтѣ С. М. Соловьев и Б. Н. Чичерин, и Ключевскій раздѣляет их точку зрѣнія и по памяти воспроизводит рѣчь Буслаева, обращенную к студентам, в которой проводится мысль, что в университетѣ не может быть никакой другой связи между профессорами и студентами, кромѣ научной. «Явились партіи», пишет Ключевскій, «явились демагоги» в этом дѣлѣ, и «я отвернулся от него».

Таким образом, во время своих студенческих лѣт Ключевскій тщательно сторонился толпы, уходя под крыло «никогда не падающей, вѣчно пребывающей науки», но в письмах по окончаніи университета его консервативныя тенденціи болѣе отчетливы.

В интимном письмѣ к другу он обнаруживает подоплеку своей тактики. «Не подходи к конурѣ, когда там злая собака

лежит; в этом храбрости не много, это лишь мальчишки дѣлают. Таковы правила, которых держится теперь твой покорный слуга. Эта змѣиная мудрость, соединенная с голубиной кротостью, теперь очень по душѣ мнѣ, ибо дает возможность оставаться спокойным среди либеральной эрекціи».

Но проходит нѣсколько недѣль и Московскій университет переживает тяжелые дни. «Сол., Чич., Дмитр., Кап., Рач, и Баб., пишет Ключевскій, подают в отставку, — вслѣдствіе гадостей, сдѣланных им большинством совѣта и... и... одобренія этих гадостей министром.

Во главѣ этого гадкаго большинства стоят ректор, Леонтьев, Юркевич и Любимов: это самые крупные подлецы». Ключевскій упоминает о «нѣкоторых порядочных людях *еще не уходящих*, но исчезающих в массѣ» и досадливо говорит о Буслаевѣ, который «оказывается *вертихвостом* и наивным, как всегда», но своего друга все же просит «не разглашать всего этого тѣм, которые останутся к нему равнодушны и перетолкуют вкривь».

Повидимому, Ключевскій сам сознавал недостатки своей натуры и однажды, когда в своем университетском товарищѣ, Мар. Ст. Дриновѣ (болгарин, политич. дѣятель, впослѣдствіи проф. Харьковск. универ.) увидѣл черты, каких самому не хватало, он отмѣтил это откровенно в письмѣ к другу: «Отличный малый! Черный, чумазый, энтузіаст, — не любит фраз... А таких прямых голов, извѣстно тебѣ, я очень люблю, потому что сам чувствую в своей натурѣ большой недостаток этой прямоты душевной и безцеремонности, как то-же тебѣ извѣстно»...

Н. Кнорринг.

ТЕРРОР И ЦЕРКОВЬ.

Исторіографія французской революціи, всегда привлекавшая вниманіе русскаго общества, теперь для русскаго читателя — очевидца, участника, свидѣтеля и жертвы русскаго большевизма, — пріобрѣтает особенное значеніе. В свою очередь событія и факты русской революціи накладывают извѣстную печать и на западную исторіографію французской революціи.

Это незримое присутствіе русскаго большевизма в новѣйших изслѣдованіях, посвященных французской революціи особенно ощутимо для русскаго читателя, который *невольно* сравнивает двѣ эпохи.

Западная исторіографія французской революціи пріобрѣтает теперь для нас русских особыя качества в смыслѣ провѣрки нѣкоторых общих предпосылок массовой психо-

логіи, в качествѣ нѣкоторой дополнительн[illegible] оцѣнки, выводимой из практики русскаго большевизма.

Преслѣдованіе церкви и гоненія на религію в совѣтской Россіи — явленіе в достаточной мѣрѣ уже осознанное всѣми русскими, независимо от их политических или нравственно-философских воззрѣній. Вся не большевицкая мыслящая Россія с негодованіем воспринимает совѣтское насиліе над религіей, как таковой. И потому для русскаго читателя пріобрѣтает особый интерес новый труд проф. А. Олара «Христіанство и французская революція», вышедшій в интересном собраніи «Христіанство» — под редакціей П. Кушу*). Маститый историк французской революціи, не раз уже касавшійся положенія церкви в годы французской революціи, написавшій не мало страниц на эту тему, автор извѣстной монографіи «Культ Разума и культ Верховнаго Существа», — ставит в своей новой работѣ вопрос во всей его исторической полнотѣ. Новая книга Олара не содержит, в отличіе от «Теоріи насилія», ссылок на практику или теорію «русских революціонеров». Вот почему тѣ «русскіе» выводы, которые напрашиваются при чтеніи этой французской книги мы нѣсколько отодвинем, изложив сперва, хотя бы в общих чертах, основныя положенія французскаго историка.

Олар начинает с того, что христіанство, вообще, находилось во Франціи к началу революціи в состояніи упадка. По мнѣнію Олара — французскій народ был просто равнодушен к религіи. Что же касается образованных классов, то здѣсь дѣло обстояло еще хуже, и антихристіанскія настроенія он считает господствовавшими. Олар отрицает обычное утвержденіе, что просвѣтительная философія восемнадцатаго вѣка содѣйствовала упадку религіознаго чувства французскаго общества. Наоборот — не философы создали это невѣріе, а это невѣріе способствовало тому, что философы писали против религіи, конечно, искренно и с радостію, — но они были бы менѣе смѣлы, если бы не имѣли этой аплодирующей, сочувствующей галлереи. Правда, эти философы весьма умѣрены в своих религіозных воззрѣніях; они лишь настойчиво требуют терпимости. Изучая наказы третьяго сословія, Олар не нашел в них, за нѣкоторыми незначительными исключеніями, никаких требованій широкой церковной реформы, никаких теорій, приближающихся к современной конструкціи «свѣтскаго государства»; за исключеніем одного наказа Нима, составленнаго под явным вліяніем протестантов, почти нѣт никаких пожеланій, связанных с понятіем вѣротерпимости, свободы совѣсти.

Духовенство сыграло в революціи, как извѣстно, исключительную роль. Именно представители духовенства самым фактом своего присоединенія к революціи придали ей національный ха-

*) A. Aulard. Le Christianisme et la Révolution Française. Paris 1925.

рактер. Генеральные Штаты превратились в Національное Собраніе только тогда, когда, вслѣд за тремя священниками, к третьему сословію присоединилась часть духовенства, отбросив высшее духовенство к дворянству, к контр-революціи. Поэтому и в сознаніи французскаго народа священник первое время не только не отожествлялся с контр-революціонным аристократом, а, наоборот, духовенство являлось одной из движущих сил революціи. Олар показывает, как в первый год революціи связь между церковью и государством не только не ослабѣла, но достигла небывалой при старом режимѣ крѣпости.

В первое время революція и церковь идут вмѣстѣ. Католики братаются с протестантами. Вопрос о присягѣ раскалывает французское духовенство; революція становится рѣшительнѣе и требовательнѣе; Талейран в Учредительном Собраніи уже не довольствуется провозглашеніем терпимости, — он требует свободы совѣсти. В Парижѣ происходят столкновенія; свобода культа нарушена, не присягнувшіе священники-написты подвергаются оскорбленіям и насиліям со стороны толпы, Лафаетту уже приходится защищать не присягнувших священников штыками національной гвардіи. И когда собрался Конвент, когда республика смѣнила опрокинутую монархію — «нравственный авторитет и престиж католической религіи уже испытал множество ударов и неудач», подготовляя в недалеком будущем открытое гоненіе против церкви и невѣдомую еще в новой исторіи государственную попытку полной «дехристіанизаціи».

«Из всѣх событій, — пишет Олар, — которыя привели к состоянію умов, из котораго вышла попытка дехристіанизаціи, — возстаніе в Вандеѣ, благодаря своей клерикальной формѣ, было наиболѣе значительным, наиболѣе вліятельным». Олар утверждает: «*без Вандеи не было бы культа Разума*»; именно вслѣд за возстаніем послѣдовали террористическіе законы против священников. И, характеризуя постановленія 20 и 30 вандемьера, опредѣлявшія условія суроваго террора против священников, Олар называет их «страшным законом», по которому «все католическое духовенство, как присягнувшее, так и не присягнувшее, попадало в положеніе легальнаго подозрѣнія». Прежнее раздѣленіе священников, присягнувших революціи и не присягнувших — отпадает; революціонная Франція полагает, что религія — «препятствует національной оборонѣ», и мы вступаем в період яростной государственной и террористической дехристіанизаціи, которая в провинціи начинается раньше, чѣм в Парижѣ, и которая приводит к постановленію Парижской Коммуны 3 фримера о немедленном закрытіи всѣх церквей и всѣх вѣроисповѣданій и об арестѣ, в качествѣ подозрительнаго, всякаго, кто станет добиваться их открытія.

Излагая исторію культа Разума, Олар прежде всего подчеркивает, что культ этот отнюдь не был атеистичен, а тѣм болѣе матеріалистичен; культ Разума в основѣ своей был связан с

радостным философским деизмом. «Культ Разума был одновременно культом родины».

Культ Разума, по мнѣнію Олара, был религіей патріотизма, культом отечества, которому угрожали со всѣх сторон враги. Комитет общественнаго спасенія отнюдь не руководил дехристіанизаціей; вѣря в необходимость и желательность уничтоженія религіи в будущем, вожди революціи хотѣли быть реальными политиками и не желали эксцессами на религіозной почвѣ «слишком скандализировать Европу». Робеспьер же, как извѣстно, считал дехристіанизацію и атеизм дѣлом аристократов и иностранных агентов. Олар подчеркивает, что если в своих прежних трудах, он полагал причину неуспѣха дехристіанизаціи в сопротивленіи народа, в крестьянской преданности католицизму, то теперь,—пишет он, «быть может, потому, что, я видѣл больше документов, я поражен малым количеством и незначительностью крестьянских волненій, возникших из за дехристіанизаціи... я особенно поражен индиферентностью крестьянина». Наряду с безразличіем народа к судьбам католицизма успѣх дехристіанизаціи объясняется, по мнѣнію Олара, патріотизмом. Олар идет дальше и считает, что если бы не неблагопріятно сложившіяся обстоятельства, измѣнившія ход революціи, то, быть может, дехристіанизація привела бы к полному уничтоженію культа во Франціи...

Культ Верховнаго Существа, по мнѣнію Олара, не обозначал скрытаго возврата к католицизму, и в нем главную роль играл, как и в культѣ Разума, элемент патріотическаго экстаза, національнаго пафоса.

Олар описывает дальнѣйшія судьбы церкви, антиклерикализм Директоріи, отдѣленіе церкви от государства, послѣдующее установленіе свободы культа и заканчивает свое изложеніе конкордатом Наполеона. Наполеон, по мнѣнію французскаго историка, возстанавливает, по политическим соображеніям, престиж, права и вліяніе Рима во Франціи.

Олар оговаривается, что в его задачу совершенно не входила философская оцѣнка религіозной исторіи французской революціи. Всюду, на каждой страницѣ, мы встрѣчаемся только с безпристрастным повѣствователем, излагающим факты, указывающим причины и слѣдствія.

Достаточно сравнить новую книгу Олара с трудами Эдгара Кинэ, чтобы оцѣнить объективность метода перваго. Гуманнѣйшій Эдгар Кинэ, который положил конец героической легендѣ террора, который окончательно развѣнчал палачей французской революціи, который всю свою эрудицію и всю свою страсть потратил на то, чтобы заклеймить террор, который развѣнчал Робеспьера, призывая къ тому, чтобы в исторіи революціи во имя высшей нравственной оцѣнки различали жертву и притѣснителя, — тот же самый Эдгар Кинэ совершенно иначе освѣщает борьбу революціи с церковью. Кинэ, как это правильно отмѣтил

Олар, «философствует» в этом вопросѣ, а не повѣствует. Кинэ утверждает, что вся ошибка французских революціонеров заключалась в том, что революціонеры стремились эмансипировать священников в то время. «как слѣдовало эмансипировать вѣрующаго».*) Террористы были безнравственны, говорит Кинэ, они боялись народа и, боясь народа, они не смѣли преслѣдовать вѣру, преслѣдуя лишь священников. И не даром Кинэ, в одном мѣстѣ своего сочиненія вспоминает, что еще в 1793 году Жозеф де Мэстр предсказывал грядущій расцвѣт католицизма, поняв, по мнѣнію Кинэ, что террор, посягнув на священников, сохранил религію. Кинэ открыто выражает свои симпатіи тѣм жирондистам, которые хотѣли «запретить» религію, осуждая Робеспьера, боявшагося дехристіанизаціи, преслѣдовавшаго гебертистов, и, по неосторожным словам Кинэ, «гильотина берет правовѣріе под свое высокое покровительство». Поэтому Кинэ с такой симпатіей отмѣчает прошедшій совершенно незамѣченным проект Бодо о замѣнѣ католицизма протестантской религіей, и потому, для него революція, «ударяя по тѣлам, не трогала душ»...

Теперь с помощью тѣх психических предпосылок революціонной дехристіанизаціи, которую намѣтил в своей работѣ Олар, постараемся подойти не к фактам, не к конкретным явленіям совѣтскаго насилія и глумленія над церковью, а лишь к тѣм также психологическим предпосылкам, наличіе или отсутствіе которых, по сравненію с изучаемой Оларом эпохой, породило, опредѣлило совѣтскій «антирелигіозный фронт». В предисловіи к недавно вышедшей «Черной Книгѣ» пр. Струве подчеркивает, что совѣтская антирелигіозная практика «не есть то, что можно было бы назвать церковно-религіозной политикой в современном смыслѣ этого слова», по той причинѣ, что «когда новѣйшее правовое государство вело ту или иную политику в отношеніи религіи и церкви, оно ставило себѣ точно отграниченныя, чисто государственныя и правовыя цѣли, никакой ни положительной, ни отрицательной задачей в смыслѣ поддержанія или разрушенія какихъ либо вѣрованій не задаваясь».**) По мнѣнію Струве «совѣтская борьба против религіи и церкви не есть политика, и с политическими критеріями и мѣрками нельзя подходить к этому явленію». По его мнѣнію, совѣтская борьба с церковью есть, проводимый при помощи грубаго полицейскаго насилія, воинствующій атеизм.

Если сравнивать отдѣльные эпизоды французскаго террора с обильным матеріалом насилія, приведенным в цѣлом рядѣ книг, брошюр и газет, собранным в книгѣ С. П. Мельгунова или в вышеуказанной «Черной Книгѣ», — то поверхностный метод фактическаго параллелизма не даст нам, собственно говоря, никаких результатов. Убійства, ограбленія, глумленія, кощун-

---

*) Edgar Quinet. «La Révolution», 13-e edit. Hachette, I стр. 256.

**) «Черная Книга», Париж 1925. стр. 7.

ства, насиліе над самыми интимными склонностями и настроеніями человѣческаго духа, — все это имѣлось и в дни французскаго террора и в современной совѣтской Россіи. Но когда мы обратимся к психологіи антирелигіозной борьбы двух революцій, к психическим предпосылкам культа Разума или комсомольских процессій, то мы не только увидим их различіе, — но новая книга Олара поможет нам лишній раз обосновать рѣшительное, непримиримое и безусловное осужденіе совѣтскаго насилія.

Прежде всего антирелигіозная борьба в совѣтской Россіи, — (и здѣсь по нашему мнѣнію, П. Струве ошибается) — вовсе не столь «идеологична», вовсе не результат доктрины «воинствующаго безбожія», а скорѣе и чаще слѣдствіе самаго грубаго политическаго утилитаризма. Французская революція довела свой антиклерикализм до того, что в извѣстный період дехристіанизировала Францію, т. е. путем террора упразднила всѣ культы, но создала свой собственный оффиціальный государственный культ. Совѣтская власть не рѣшилась на такую крайнюю мѣру. Болѣе того, свою борьбу с религіей большевики сначала вели в навыках самой пошлой политической провокаціи, создав, так наз., «Живую Церковь», и пользуясь наличіем нравственно не крѣпких и жадных к правительственным подачкам людей. Если же мы выключим провокаціонную попытку созданія благонамѣренной и благонадежной «своей» Живой Церкви, то во всем огромном матеріалѣ безстыднаго и вопіющаго насилія большевиков над всѣми религіями, исповѣдуемыми на территоріи совѣтской Россіи, мы не найдем единой идеологической основы. Психическія предпосылки французской дехристіанизаціи, по мнѣнію Олара, сосредоточивались главным образом на двух пунктах: безразличіе народа и національный патріотизм.

В совѣтской Россіи картина представляется совершенно иной. Народ в массѣ отнюдь не равнодушен к религіи. Народ нигдѣ и никогда не принимает участія в совѣтской антирелигіозной борьбѣ на сторонѣ правительства. Большевикам ни разу не удалось привести хотя бы один примѣр того, чтобы населеніе — городское или сельское — само закрыло бы какую нибудь церковь, воспретило бы церковную службу, учинило бы какія либо насилія над представителями культа. Картина совершенно обратная. В церковь, переполненную молящимися, врываются представители власти, встрѣчают энергичный отпор со стороны молящихся, и только путем физическаго насилія при ропотѣ, — а иногда при открытом сопротивленіи мѣстнаго населенія — большевики одерживают свои побѣды на «антирелигіозном фронтѣ». Вот основная психологическая разница антирелигіозной борьбы двух революцій.

Второй фактор — патріотизм — еще нагляднѣе, еще элементарнѣе. По мнѣнію Олара патріотизм содѣйствовал дехристіанизаціи. Самое понятіе патріотизма вообще не примѣнимо к идеологическим планам совѣтскаго правительства. «Без Вандеи

не было бы культа Разума», неоднократно повторяет Олар. Но если произвести историческую натяжку и попытаться в бѣлом движенiи найти какiе либо слѣды сходства с Вандеей, то все-таки и здѣсь в русской обстановкѣ нѣт того патрiотическаго фактора, который выдвигает Олар. Русское духовенство, прежде всего, не связывало себя с вооруженной антибольшевистской борьбой в такой мѣрѣ, как священники Вандеи, шедшiе вмѣстѣ с солдатами и часто являвшiеся скорѣе воинами, чѣм священнослужителями. Ничего подобнаго в Россiи не было. Таким образом, и второй фактор, указанный Оларом, непримѣним к русской обстановкѣ.

Соцiально-психическiя предпосылки совѣтской антирелигiозной борьбы, совершенно отличны от указанных Оларом исторических факторов французской революцiонной дехристiанизацiи. И потому новый труд выдающагося французскаго историка приводит русскаго читателя, — при самом общем параллельном анализѣ соцiально-психических предпосылок антирелигiозной борьбы двух революцiй, — к безоговорочному и непримиримому осужденiю совѣтскаго насилiя.

Б. Миркин-Гецевич.

Мы не во всем согласны с Б. С. Миркиным-Гецевичем. У него, как и у самого главы современных историков французской революцiи, проф. Олара, всегда проявляется чрезмѣрное стремленiе, если не идеализировать, то исторически оправдать монтаньярскiй перiод французской революцiи; сказывается как бы боязнь путем напрашивающагося часто сопоставленiя с большевизмом дискредитировать великое прошлое. Эта «идеализацiя» свойственна в наши дни всей исторiографiи французской революцiи, во всяком случаѣ ея демократическому руслу. Нам приходилось уже говорить по этому поводу, в связи как раз с той брошюрой проф. Олара, о которой вскользь упоминает Миркин-Гецевич («Теорiя насилiя и французская революцiя» № 7 Н. Ч. Ст.), и у нас скоро будет повод спецiально остановиться на этой темѣ, в связи с недавно появившимися работами (напр., книга G. Martin «Carrier et sa mission à Nantes»). Мы увидим, что метод «аналитическiй», часто болѣе опасный, чѣм грубый параллелизм двух эпох, приводит нерѣдко к реабилитацiи насилiя в прошлом. Здѣсь скорѣе большевизм может найти себѣ оправданiе, чѣм в общности «соцiально-психических» предпосылок, опредѣляющих поступки людей XVIII в. и людей XX в.

Сто лѣт человѣческой мысли, сто лѣт культуры и прогресса что-нибудь да значат! К Нечаеву времени «Бѣсов» Достоевскаго мы все же отнесемся по иному, чѣм к «нечаевщинѣ» нашей эпохи.

С. М.

ПОЛУЧЕНЫ ДЛЯ ОТЗЫВА:

П. Н. Милюков. — Національный вопрос. Изд. «Свободная Россія». Прага.

Як. Цвибак. — Старый Париж. Изд. Поволоцкаго. Париж.

С. Р. Минцлов. — Дебри жизни. Дневник. «Сибирское Книгоизд.». Берлин.

Иван Лукаш. — Граф Каліостро. «Изд. писателей». Берлин.

С. Р. Минцлов. Прошлое. Изд. «Зарницы» Софія.

Двѣ жены Толстая и Достоевская. Комментарій Ю. И. Айхенвальда. Изд. «Арзамас.. Берлин.

Л- Н. Толстой. — Неизданныя пьесы и разсказы. Под редакціей С. П. Мельгунова, Т. И. Полнера и Д. М. Хирьякова. Изд. Т-ва «Н. П. Карбасников». Париж.

Переписка Плеханова и Аксельрода. Т. II. Изд. Плехановой. Москва.

«Славянская Книга». Мѣсячник библіографіи под ред. Ф. С. Мансвѣтова. Прага.

«Современныя Записки». Кн. 26. Париж.

«Вѣстник Крестьянской Россіи» № № 5-6. Прага.

«Соціалистическій Вѣстник» № 23-24. Берлин.

«Знамя Борьбы» № 14-15. Берлин.

Бюллетень Педагогическаго Бюро. № 9 Прага.

Перезвоны № 7-8.

«Monde Slave» № № 10, 11, 12. Изд. Felix Alcan. Paris.

Szymon Askenazy. — Uwagi. Warszawa.

Nicolas Gogol. — Les aventures de Tchitchikov ou les ames mortes». Traduit par Henri Mangault. Bossard. Paris.

A. Rezanov. — Le Travail secret des Agents Bolchevistes. Préface de Th. Aubert. Ed. Bossard. Paris.

В книгѣ VII «Печать и Революція» В. Полонскій напечатал письма Бакунина в 1849-1850 г. из Кенигштейна, сопроводив их предисловіем, которое начинается так: «Настоящія письма, любезно предоставленныя нам (?!) д-ром Максом Неттлау, извѣстным автором монументальной біографіи Бакунина, были им опубликованы за границей въ одном мало распространенном изданіи». Чтобы не вводить читателей в заблужденіе напомним, что Неттлау опубликовал эти письма полтора года назад в № 7 «На Чужой Сторонѣ». Отсюда они попали теперь на страницы совѣтскаго журнала в нашем переводѣ за подписью уже Полонскаго. Мы предпочитали бы видѣть откровенную ссылку на наш журнал, дѣйствительно, малораспространенный в Россіи, и нам остается лишь высказать пожеланіе о скорѣйшем уничтоженіи тѣх рогаток, которыя препятствуют ознакомленію с нашим органом читателей, живущих не за рубежом. К сожалѣнію, такое пожеланіе лежит в сферѣ утопій до тѣх пор, пока существует большевицкая власть.

Société Anonyme Imprimerie de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.